

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 19, № 2, 2026

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некителов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 19, no. 2, 2026

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Кожевников С.А. Пространственная политика России в XXI веке: проблемы эффективности государственного управления в условиях нарастающих угроз национальной безопасности 9

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Балацкий Е.В. Глобальный рынок знаний: особенности, эволюция 36

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Мерзляков А.А., Богданов В.С. Оценка эффективности реализации национальных проектов в России: результаты экспертного опроса 56

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Ускова Т.В., Чеплинские И.Р., Румянцев Н.М. Продуктовые ниши химического комплекса региона: потенциал, барьеры и макроэкономические эффекты 74

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Малкина М.Ю., Семенов А.В., Капитанова О.В., Рогачев Д.Ю. Прогнозирование и управление развитием обрабатывающей промышленности региона на основе эконометрического моделирования и цифрового интерфейса 96

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Волков А.Д. Границы благосостояния населения арктических регионов и муниципалитетов европейской части Российской Арктики 121
- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Международная миграция в северных регионах России: пространственные закономерности и роль в обеспечении трудовыми ресурсами 139
- Козлова О.А., Бедрина Е.Б., Неклюдова Н.П. Интеграция трудовых мигрантов: оценка по данным социологического опроса 161

Колесник Е.А. Цифровые платформы на российском рынке труда: парадоксы и противоречия трансформации.....	177
Недоспасова О.П., Нехода Е.В., Геворгян О.И., Демидова Д.К. Новые формы занятости в России: от правовой неопределённости к системному регулированию	199
Половинко В.С., Диннер И.В. Трансформация трудовых ценностей старшеклассников: сравнительный анализ 2018–2024 гг.	215

МИРОВОЙ ОПЫТ

Ишуков А.А., Фролова Е.Д., Ларионова В.А., Абдурахманова З.А. Концептуальные рамки развития регионального интеграционного экономического блока на примере ЕАЭС.....	230
Тигранян В.И., Папян З.К., Манукян Л.А. Динамика структурной трансформации реального сектора экономики Республики Армении в контексте смены промышленных парадигм	244

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	262
Правила приёма статей	273
Информация о подписке	274

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Kozhevnikov S.A. Russia's Spatial Policy in the 21st Century:
Problems of Effective Public Administration in the Face of Growing Threats
to National Security..... 9

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Balatsky E.V. The Global Knowledge Market: Features, Evolution 36

PUBLIC ADMINISTRATION

- Merzlyakov A.A., Bogdanov V.S. Evaluating the Effectiveness of National Project
Implementation in Russia: Findings from an Expert Survey 56

BRANCH-WISE ECONOMICS

- Uskova T.V., Cheplinskite I.R., Rumyantsev N.M. Product Niches of the Region's Chemical
Complex: Potential, Barriers, and Macroeconomic Effects 74

REGIONAL ECONOMICS

- Malkina M.Yu., Semenov A.V., Kapitanova O.V., Rogachev D.Yu. Forecasting
and Managing the Development of Regional Manufacturing Based
on Econometric Modeling and Digital Interface 96

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- Volkov A.D. The Boundaries of Population Welfare in the Arctic Regions
and Municipalities of the European Part of the Russian Arctic 121
- Fauzer V.V., Smirnov A.V., Fauzer G.N. International Migration in Russia's Northern
Regions: Spatial Patterns and the Role in Provision of Human Resources..... 139
- Kozlova O.A., Bedrina E.B., Neklyudova N.P. Integration of Labor Migrants:
Assessment Based on Sociological Survey Data 161

Kolesnik E.A. Digital Platforms in the Russian Labor Market: Paradoxes and Contradictions of Transformation	177
Nedospasova O.P., Nekhoda E.V., Gevorgyan O.I., Demidova D.K. New Forms of Employment in Russia: From Legal Uncertainty to Systemic Regulation	199
Polovinko V.S., Dinner I.V. Transformation of Labor Values Among High School Students: A Comparative Analysis for 2018–2024	215

GLOBAL EXPERIENCE

Ishukov A.A., Frolova E.D., Larionova V.A., Abdurahmanova Z.A. Conceptual Framework for the Development of a Regional Integration Economic Block (EAEU Case)	230
Tigranyan V.I., Papian Z.K., Manukyan L.A. Dynamics of the Structural Transformation of the Real Economy of the Republic of Armenia in the Context of Shifting Industrial Paradigms	244

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	262
Manuscript Submission Guidelines	273
Subscription Information	274

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Кожевников С.А.

Пространственная политика России в XXI веке: проблемы эффективности государственного управления в условиях нарастающих угроз национальной безопасности

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

Аннотация. В условиях обострения геополитического противостояния и нарастания динамизма внешней среды обеспечение национальной безопасности России в значительной степени зависит от эффективности использования внутренних факторов развития, к которым относится значительный, однако в настоящее время недостаточно рационально используемый пространственный потенциал. В статье с опорой на данные официальной статистики, собственных мониторинговых исследований, результатов общероссийских и региональных социологических опросов, анализа итогов практической реализации стратегических документов в этой сфере, а также мнения ведущих экспертов представлена оценка эффективности государственного управления пространственным развитием России. Показано, что рыночные реформы 90-х гг. XX века,

---

Для цитирования: Ильин В.А., Кожевников С.А. (2026). Пространственная политика России в XXI веке: проблемы эффективности государственного управления в условиях нарастающих угроз национальной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 9–35. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.1

For citation: Ilyin V.A., Kozhevnikov S.A. (2026). Russia's spatial policy in the 21st century: Problems of effective public administration in the face of growing threats to national security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 9–35. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.1

а также развитие страны в следующие десятилетия в рамках либеральной модели привели к локационному сжатию освоенного социально-экономического пространства, депопуляции и деградации потенциала малых/средних городов, сельских территорий, снижению качества жизни на периферийных территориях, что является серьезным риском национальной безопасности. Приведенные в работе объективные факты и субъективные оценки жителей указывают на острую необходимость повышения эффективности стратегического государственного управления пространственным развитием. В первую очередь это касается отказа от подхода к пониманию пространства страны как «бремени», необходимости повышения ответственности органов власти всех уровней за достижение целевых показателей государственных стратегий и программ развития. В работе обоснованы ключевые направления совершенствования федеральной и региональной государственной политики и показано, что для их эффективной реализации на практике нужна «национализация» правящих элит, ориентиром деятельности которых должна стать реализация суверенного курса развития в условиях обострения экономической, военной и социокультурной конфронтации, что позволит обеспечить консолидацию власти и общества перед лицом стоящих вызовов. Прирост авторского капитала состоит в расширении подходов к оценке пространственного развития страны в условиях возрастающей роли территориальных сообществ в данных процессах и обосновании стратегических приоритетов трансформации государственной пространственной политики России в контексте обострения современных вызовов.

Ключевые слова: геополитическая турбулентность, пространственное развитие, локационное сжатие пространства, либеральная модель, правящие элиты, национальная безопасность.

Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа.

Бердяев Н.А. (1990). Судьба России. М.: Философское общество СССР. 240 с.

Специфика современного этапа мирового развития заключается в обострении кризиса в глобальной системе капитализма (неоколониализма), вылившегося в открытое противостояние стран и их блоков по линии «Запад — Не-Запад»¹.

Горячей фазой такого противостояния стали события на Украине², военное столкновение США и Израиля против Ирана (июнь 2025 г., февраль — апрель 2026 г.), а также целый ряд других военных региональных конфликтов (2024—2026 гг.: Венесуэла, Куба, страны Латинской Америки).

«... триггером к постепенному разрушению современной системы неоколониализма послужили события 2022 года, когда США развязали прокси-войну с Россией на территории Украины.

Возникшее противостояние инициировало создание геополитических альянсов стран, а также разграничило зоны влияния таких центров силы, как США, Китай, Россия, Иран. Эти процессы нарушили исходную неоколониальную модель и запустили формирование модели многополярного мира»³.

¹ Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 33–54. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.2

К Западу автор относит коалицию следующих стран: США, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Япония, страны Евросоюза. К Не-Западу — Россию, Китай, Иран, Турцию, Саудовскую Аравию, Индию и др.

² Коровин В. Загнать англосаксонского дьявола на его камень // Завтра. № 14. 28.03.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/zagnat_anglosaksonskogo_d_yavola_na_ego_kamen_?ysclid=mnzkhkckbe3501299

³ Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 55.

При этом следует понимать, что, несмотря на их региональный характер, в настоящее время речь идет о *глобальных тектонических изменениях*: это не только и не столько геополитический, сколько уже глобальный *цивилизационный конфликт о том, как будет устроен новый мировой порядок*⁴. И, по мнению экспертов, для России нынешняя СВО в данном противостоянии всего лишь эпизод (следующей потенциальной точкой геополитической напряженности может стать Арктика)⁵.

Такие тектонические изменения в мировом миропорядке имеют объективную основу и связаны с формированием в последние три десятилетия новых мировых центров силы. Так, в 1992 году доля стран «Большой семерки» в мировом

«Нынешняя политическая турбулентность продолжает оформляться на десятилетие вперед противостоянием России и Запада на всех уровнях: от геополитического до духовного и нравственного. И нынешняя СВО является всего лишь эпизодом этого масштабного конфликта цивилизаций. Это надо понимать»⁷.

«Многие аналитики сейчас выдвигают предположение, что третья мировая война уже началась и мы находимся в ее первой стадии... Это война однополярности и многополярности за новую архитектуру мира, за распределение в мире суверенных центров принятия решений – либо только на Западе, либо среди набирающих силу государств-цивилизаций»⁸.

ВВП по паритету покупательной способности составляла 45,7%, а БРИКС (даже без учета его расширения)⁹ – 16,5%; в 2022 году «семерка» – уже 30,3%, БРИКС – 31,5%. По оценкам, к 2028 году ситуация еще больше поменяется в сторону БРИКС: на долю данного блока будет приходиться 36,6% мирового объема ВВП, а «семерки» – 27,8%¹⁰.

По мнению экспертов¹¹, в ходе такого противостояния формируется новый *многополярный мир*. При этом Россия как исторически сложившееся Государство-Цивилизация (какой она была и в период Российской империи, и в СССР) наряду с Китаем и Индией может и должна претендовать на *роль организующего центра одной из таких формирующихся макрзон*, т. е. пространственных комплексов производства и обмена с населением не менее 250–300 млн чел.¹²

«Многополярный мир создается сам по себе, по факту. Мы можем ускорить этот процесс, можем, или кто-то может попытаться его затормозить... Но его создание неизбежно. Оно происходит само по себе, и происходит оно в связи с ростом потенциала многих стран, в том числе и не в последнюю очередь с ростом потенциала Китайской Народной Республики. Индия растет в Азии, Индонезия растет и многие другие государства, в Латинской Америке – Бразилия, Россия встает на ноги и крепнет»¹³.

⁴ Потуремский В. Сейчас идет цивилизационный конфликт, который решит, как будет устроен новый мир. 04.04.2025. URL: <https://kazanfirst.ru/interviews/585064?ysclid=m92d04qzo327985344>

⁵ За что и какой будет война в Арктике. URL: <https://mosregdata.ru/article/arctic-war-what-will-it-be-like>

⁶ Большая семерка: США, Великобритания, Германия, Италия, Канада, Франция, Япония.

⁷ Кухмиров П. Международная турбулентность: СВО лишь эпизод большого конфликта цивилизаций. URL: <https://sevastopol.su/news/mezhdunarodnaya-turbulentnost-svo-lish-epizod-bolshogo-konflikta-civilizaciy>

⁸ Дугин А. Геополитика третьей мировой войны // РИА Новости. 26.03.2026. URL: <https://ria.ru/20260326/geopolitika-2082902877.html>

⁹ Состав БРИКС: 2009 г. – Бразилия, Россия, Индия, Китай; 2011 г. – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР; 2024 г. – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия; с 2025 г. – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия, Индонезия.

¹⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431>

¹¹ О контурах долгосрочного прогноза... и что это значит для Арктики // ЦМАКП. Март 2025 г.; Дугин А. Государство-Цивилизация // Изборский клуб. 31.02.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/22879>

¹² Фурсов А., Титов И. На переломе эпох о спецоперации, Евросоюзе и влиянии англосаксов // Завтра. 28.04.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/na_perelome_epoh_fursov

¹³ Интервью В. Путина медиакорпорации Китая. 16.10.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72508>

Однако для этого она должна быть сильным и развивающимся экономическим и социокультурным центром для дружественных стран. Эта задача была стратегически значимой на протяжении всей истории развития современной России. Так, еще в своей первой предвыборной статье «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.) Президент РФ В.В. Путин обратил внимание на необходимость реализации курса на формирование в России сильного государства, способного обеспечивать безопасность и отстаивать национальные интересы на международной арене. Для этого, по его мнению, важны консолидация власти и всех слоев российского общества, достижение гражданского согласия и единства, формирование эффективной отечественной экономики.

«Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее. Крепкое государство для россиянина не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен»¹⁴.

Реализация данных стратегических приоритетов по-прежнему является весьма важной с учетом специфики современного исторического этапа мирового развития, момента «великого перелома», заключающегося в его *остром, краеугольном и судьбоносном для нашей страны характере*, который ведущие эксперты, на наш взгляд, справедливо сравнивают с состоянием мирового общества перед началом Первой и Второй мировых войн. Это время обострения идеологического противостояния в мире, «размывания» норм международного права, формирования блоков противоборствующих стран, отстаивающих свои интересы силовым путем.

«Мы исходим из того, что существуют глубокие параллели между наступающей эпохой и 30-ми – 40-ми годами XX века. Наблюдая такие параллели, иногда приходишь к мысли, что мировая система как будто обречена на повторы, вязнет в навязчивых «вечных возвращениях»¹⁵.

«Мы живем в военное время – военное вдвойне... Одновременно с горячей, то параллельно ей, то переплетаясь с ней, развивается набирающая силу иная форма – организационная война... Именно эта сфера постепенно становится основным театром действий...»¹⁶

Важно отметить, что для современной России острота современного момента имеет еще одно важное измерение: это не просто переход от однополярного к многополярному миру со всеми вытекающими отсюда последствиями, а это борьба за суверенитет, который страна по большому счету утратила в 1991 году вместе с распадом СССР как финальной точкой, символизирующей победу Запада в «холодной войне» и установление однополярного мира.

«Прежде всего следует признать, и я уже об этом говорил ранее, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. И для российского народа это стало настоящей драмой»¹⁷.

«... после крушения СССР в 1991 году страна попала в прямую, хотя и не полную, зависимость от США, став по существу неокOLONIALНЫМ государством и не имея возможности полноценно реализовывать свою линию развития»¹⁸.

¹⁴ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html

¹⁵ Аверьянов В. Новые 30-е и угроза транснацизма // Изборский клуб. 31.01.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/25367>

¹⁶ Фурсов А. Психоисторическая война // Изборский клуб. 02.01.2014. URL: <https://izborsk-club.ru/2439>

¹⁷ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 25.04.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/22931?ysclid=mnskt67a8n212761081>

¹⁸ Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неокOLONIALНЫХ моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 52.

При этом, чтобы занять в новом формирующемся в мире образе будущего достойное место, необходимо обеспечить *внутреннюю устойчивость государства*, поскольку в «полукOLONIALном» состоянии наша страна существовать просто не сможет. Такая устойчивость напрямую определяется не только военной мощью, но и наличием эффективной экономики, технологическим суверенитетом страны, высоким уровнем и качеством жизни населения.

В условиях внешнего геополитического противостояния устойчивость России как самой большой по площади территории страны в мире в значительной степени зависит также от эффективного использования других внутренних факторов развития, к которым относится огромный *пространственный потенциал*, используемый однако недостаточно эффективно в контексте национальной безопасности и формирования развитого внутреннего рынка.

В нашем понимании и с опорой на мнения ведущих отечественных экспертов пространственный потенциал страны следует трактовать широко и *включать в него не только характеристики степени хозяйственной, поселенческой освоенности и обжитости территории, но и население с его историческим опытом, традициями и другими цивилизационными и социокультурными чертами*¹⁹. Так, А.С. Панарин, являющийся одним из ведущих в России специалистов и критиков глобализма, общества потребления, рассматривал пространственный потенциал страны как *«синтез геополитического положения, цивилизационной идентичности и человеческого капитала»*²⁰. Схожей позиции придерживался В.Л. Цымбурский, отмечая, что геополитический и пространственный потенциал России определяется *«не только*

контролем над огромными территориями, но и уникальным сочетанием цивилизационной идентичности, исторического опыта освоения «трудных пространств», социокультурной специфики». Таким образом, население с его историческим опытом, традициями и ценностной пассионарностью рассматривается как ключевой компонент пространственного потенциала страны²¹.

Об этом же свидетельствует и история: нарастание могущества нашей страны как Государства-Цивилизации (во времена Петра I, Екатерины II, Александра II и т. п.) всегда шло параллельно с расширением ее освоенного пространства, ростом численности населения и формированием устойчивых территориальных сообществ²². Так, в период своего бурного роста в 1860–1910 гг. Российская империя занимала первое место в Европе по темпам прироста населения (число жителей увеличилось с 74 до 165,7 млн чел.; особенно быстро росло городское население, *рис. 1*).

Однако позитивный вектор развития «сломили» Первая мировая война, Революция 1917 года и Гражданская война, в результате которых страна понесла не только миллионные людские потери, но и утратила свои западные окраины, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, западную часть Белоруссии, Польшу, Бессарабию, население которых в 1914 году насчитывало 35,9 млн человек.

В период СССР население в целом вновь росло довольно быстро (численность населения РСФСР в 1926–1990 гг. выросла с 92,7 до 147 млн чел.), однако рыночные реформы переломили этот вектор развития. В результате смертность населения РФ в 1990-х гг. в 1,5 раза стала превышать рождаемость, а естественный прирост населения впервые со времен Великой Отечественной войны сменился убылью.

¹⁹ Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2018). Территориальная фрагментация единого правового пространства России // Федерализм. № 1. С. 173–190; Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России (2011) / ответственный редактор Л.В. Никифоров. Москва: Институт экономики РАН. 385 с.

²⁰ Панарин А.С. (1995). Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). Москва: Институт философии РАН. 262 с.

²¹ Цымбурский В.Л. (2007). Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. Москва: РОССПЭН. 544 с.

²² Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке (2020) / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 365 с.

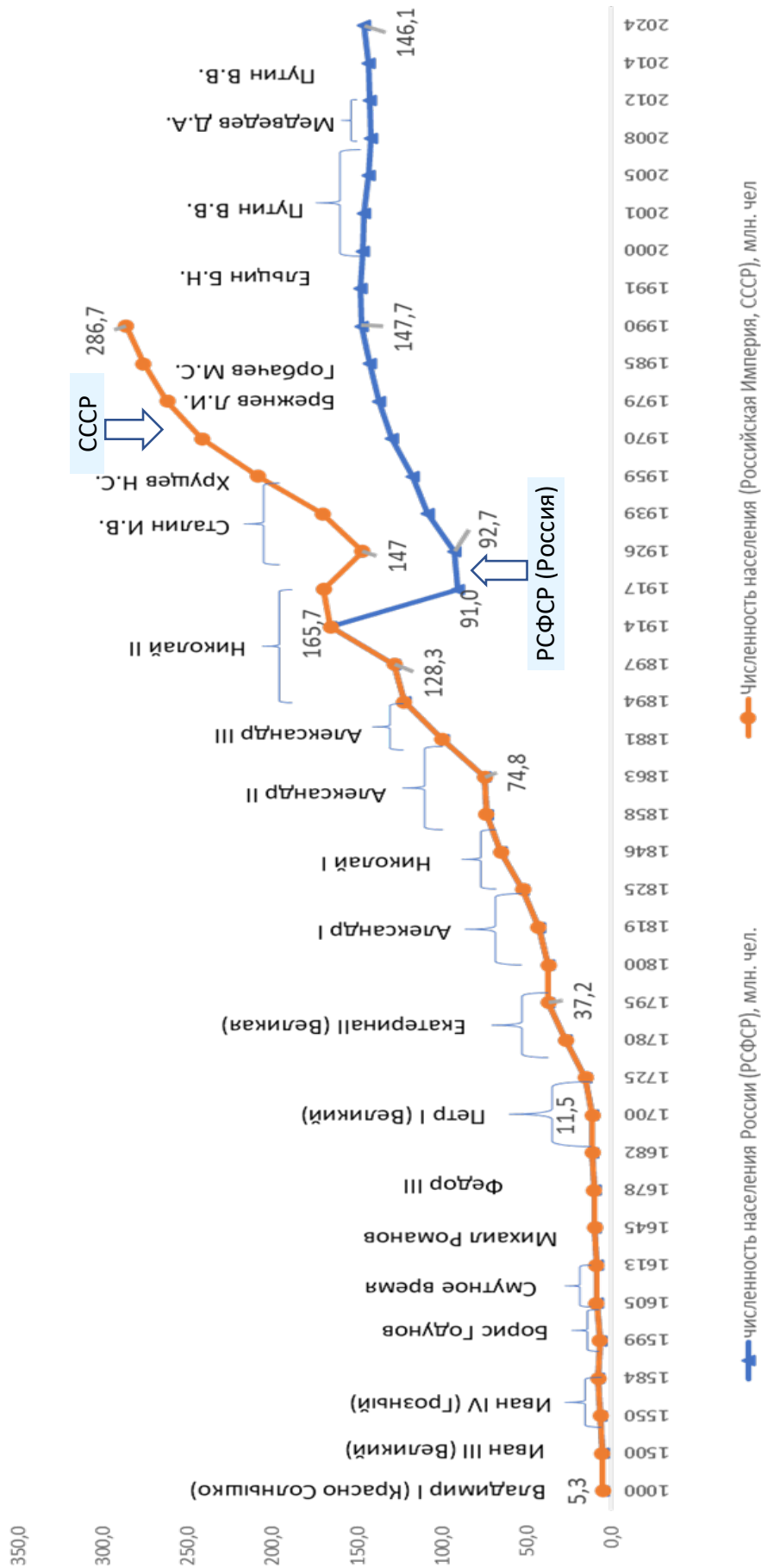

Рис. 1. Динамика численности населения страны на различных исторических этапах развития

Составлено по: Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/72>; данные Росстата.

В период плановой экономики освоение огромных пространств обеспечивалось комплексностью и масштабностью государственных программ и проектов. Однако распад СССР стал переломным моментом, который запустил негативные экономические и демографические процессы в стране.

«Концентрация экономической деятельности в ограниченном числе городских агломераций означает сжатие пространства человеческой деятельности; при таком подходе территория Российской Федерации действительно становится бременем, а не фактором развития»²³.

«Пространственное „сжатие” России – не естественный процесс, а результат политики, игнорировавшей пространственный фактор как самостоятельную категорию управления»²⁴.

«Постсоветские трансформации в сочетании с трендами депопуляции вывели на авансцену проблему „сжатия” освоенного пространства. Либеральная модель не предложила инструментов купирования этого процесса»²⁵.

Подход к пространственному развитию России изменился и стал *«точечным»* – ориентированным на развитие ограниченного числа центров экономического роста, слабо интегрированных между собой и с периферией пространства страны, что не удалось преодолеть в полной мере и к настоящему времени²⁶ (вкладка 1).

При этом следует отметить, что большинство принимаемых в данный период документов не содержало количественных целевых показателей развития, что не только затрудняет проведение объективной оценки эффективности их реализации, но и свидетельствует о *формальном подходе к стратегированию без закрепления ответственности участников за*

выполнение поставленных задач. Например, в Генеральной схеме расселения на территории Российской Федерации (одобрена Правительством РФ, протокол от 15.12.1994 № 31) была обозначена лишь задача по стабилизации численности населения Дальнего Востока без целевого значения. Вместе с тем на практике в 1994–2024 гг. население Дальневосточного федерального округа сократилось с 8,1 до 5,9 млн чел.

В Указе Президента от 03.06.1996 № 803 «Об основных положениях региональной политики в РФ» (документ утратил силу на основании Указа Президента РФ от 16.01.2017 № 13) в числе ориентиров было обозначено снижение межрегионального разрыва по показателю ВРП на душу населения. Однако по факту данный разрыв в 1995–2017 гг. между 10 регионами-лидерами и 10 регионами-аутсайдерами увеличился с 4,9 до 12,3 раза.

Амбициозные целевые показатели инновационного социально-экономического развития России, обозначенные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р), ввиду мирового финансового экономического кризиса, санкций, а также отсутствия действенных механизмов практической реализации обозначенных приоритетов в целом оказались недостижимыми. Так, ожидалось ежегодные темпы прироста валового внутреннего продукта (ВВП) на уровне около 6–7%, в результате чего в течение 2008–2020 гг. ВВП должен был увеличиться в 2,25 раза. Однако в реальности за указанный период в сопоставимом виде экономика выросла лишь на 15,1%. Это в значительной степени было обусловлено слабой инвестиционной активностью: реальный прирост инвестиций в основной капитал за данный период составил всего 19,5% (табл. 1).

²³ Крюков В.А., Клисторин В.И., Коломак Е.А., Мельникова Л.В. О ключевых проблемах пространственного развития Российской Федерации и роли и месте научно-экспертного сообщества в разработке подходов по их преодолению. URL: https://www.sbras.ru/files/news/docs/2023_12_08_kryukovva_o_klyuchevyh_problemah_prostranstvennogo_razvitiya_rf.pdf

²⁴ Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2018). Территориальная фрагментация единого правового пространства России // *Федерализм*. № 1. С. 173–190.

²⁵ Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2024). Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094

²⁶ Ильин В.А., Кожевников С.А. (2022). Пространственная и социокультурная трансформация России: взгляд из региона // *Муниципалитет: экономика и управление*. № 4. С. 16–29.

Основные вехи в государственной политике пространственного развития современной России

Документ / Решение	Год	Концептуальные приоритеты регулирования	Негативные последствия для пространственного развития России
1. Программа «шоковой терапии» (Указ Президента РСФСР 6 ноября 1991 г. № 172 «Об организации работы Правительства РСФСР в условиях экономической реформы»; Указ Президента РСФСР от 3 декабря 1991 г. № 297 «О мерах по либерализации цен» и др.), в т. ч. отказ от отраслевого территориального планирования	1991 г.	Ликвидация Госплана и системы отраслевого размещения производительных сил, радикальная либерализация цен, приватизация, открытие рынков без учета региональной специфики.	В условиях незавершенности реформ либерализация внешней торговли и инвестиций, разрушение механизмов пространственного прогнозирования сформировали узкую региональную специализацию и усилили мобильность капитала, что способствовало росту дифференциации регионов и концентрации ресурсов в ограниченном числе центров экономического роста, деиндустриализации моногородов и периферии, ускорению миграционного оттока из северных и восточных регионов.
2. Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (одобрена Правительством РФ, протокол от 15.12.1994 № 31)	1994 г.	Переход от политики проживания к политике пребывания некоренного населения на Севере; на Крайнем Севере целесообразно максимально ограничить рост городов. Сдерживание депопуляции села, освоение Дальнего Востока.	Практическая реализация либеральной социально-экономической политики в северных регионах, базирующейся на снижении роли государства, разрушении многих компенсаторных механизмов, привела к значительным темпам депопуляции регионов Севера.
3. Указ Президента 03.06.1996 № 803 «Об основных положениях региональной политики в РФ» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 16.01.2017 № 13)	1996 г.	Декларация принципов «выравнивания» регионального развития без практических механизмов его реализации.	Документ носил рамочный и довольно декларативный характер и не содержал действенных инструментов пространственного регулирования, что привело к нарастанию центр-периферийной поляризации социально-экономического пространства страны, усиленно диспропорций в инвестиционной привлекательности регионов.
4. Реформа местного самоуправления (Федеральный закон № 154-ФЗ от 28.08.1995 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Указ Президента РФ № 1370 от 15.10.1999 «Об утверждении Основ государственной политики в области развития местного самоуправления» и др.)	1995–2003 гг.	Децентрализация полномочий при сохранении финансовой зависимости муниципалитетов.	Муниципальная реформа сформировала у муниципалитетов значительные полномочия без достаточного ресурсного обеспечения, что привело к ослаблению локальных центров развития, деградации инфраструктуры малых городов и сел, росту «внутренней периферии» даже в центральных регионах.

Окончание вкладки 1

Документ / Решение	Год	Концептуальные приоритеты регулирования	Негативные последствия для пространственного развития России
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р)	2008 г.	Акцент был сделан на стимулирование «центров роста» и привлечение частного бизнеса в их форсированное развитие.	Ставка на «регионы-локомотивы» усилила концентрацию инвестиций и населения в крупных городских агломерациях, увеличила межрегиональное неравенство и привела к сжатию освоенного социально-экономического пространства страны, депопуляции периферии.
6. Вступление России в ВТО (ФЗ № 126-ФЗ от 21.07.2012 «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации»)	2012 г.	Открытие рынков без протекционистской защиты отечественных производителей.	Либерализация торговли ударила по регионам с обрабатывающей промышленностью, привела к обострению проблемы деиндустриализации периферийных регионов, росту импортозависимости и узависимости региональных экономик.
7. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»	2017 г.	Сбалансированное социально-экономическое развитие всех регионов страны, а также создание условий для повышения качества жизни граждан, независимо от места их проживания.	На практике произошло привлечение частных инвесторов, поощрение миграции, развитие инфраструктуры преимущественно в экономически сильных регионах. Это привело к усилению «столичного перекоса», росту внутренних миграционных потоков и социально-экономическому «опустыниванию» периферии.
8. Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р)	2019 г.	Фокус на поддержку развития 42 крупнейших (с населением свыше 1 млн чел.) и крупных (свыше 0,5 млн чел.) городских агломераций. В более поздних редакциях документа — дополнительно к ним поддержана 23 городских агломераций («второго эшелона») с населением менее 500 тыс. чел.	Форсированный центростремительный вектор пространственного развития России и ее регионов, что ускорило отток населения из малых городов и сельской местности, усилило демографическую нагрузку на трудоспособное население в большинстве субъектов и обострило внутрирегиональные контрасты.
9. Стратегия пространственного развития РФ до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р)	2024 г.	Формирование сбалансированной системы расселения и организации экономики РФ за счет развития опорных населенных пунктов.	В числе потенциальных рисков — деградация потенциала опорных населенных пунктов ввиду недостаточного внимания к модернизации их экономики.

Таблица 1. Целевые и фактические значения социально-экономического развития России в 2008–2020 гг. согласно Концепции-2020

Показатель	Базовый период (2007 г.)	Плановое значение по периодам (2008–2020 гг.) и нарастающим итогом	Фактическое значение (2008–2020 гг.)
1. Численность населения, млн чел.	142,1	2008–2010 гг. – 141,8; 2011–2015 гг. – 142,2; 2016–2020 гг. – 143,4	147,4 (2020 г.)
2. Среднегодовой темп прироста ВВП, %	8,1	2008–2010 гг. – 6,8%; 2011–2015 гг. – 6,4%; 2016–2020 гг. – 6,3%. Всего планируемый рост за период – 2,25 раза	прирост на 15,1% за весь период
3. Среднегодовой темп прироста реальных располагаемых доходов населения, %	10,1	2008–2010 гг. – 10%; 2011–2015 гг. – 7%; 2016–2020 гг. – 6,7%. Всего планируемый рост за период – 2,29 раза	прирост на 12% за весь период
4. Среднегодовой темп прироста инвестиций, %	21,1	2008–2010 гг. – 14–14,8%; 2011–2015 гг. – 10,3%; 2016–2020 гг. – 10%. Всего планируемый рост за период – 3,9 раза	прирост на 19,5% за весь период
5. Среднегодовой темп прироста розничного товарооборота, %	16,1	2008–2010 гг. – 12,8%; 2011–2015 гг. – 7,5%; 2016–2020 гг. – 6,4%. Всего планируемый рост за период – 2,8 раза	прирост на 22,9% за весь период
Источник: расчеты авторов по данным Росстата.			

При этом Концепция-2020 неоднократно и справедливо критиковалась ведущими экспертами (С.Ю. Глазьевым, М.Г. Делягиным и др.) за слабую проработку: документ был разработан в период экономического подъема 2006–2008 гг. и не учитывал возможность системных кризисов, что сделало его нереализуемым уже на старте; прогнозы строились на основе эконометрической экстраполяции сложившихся тенденций, а не моделирования качественного перехода на инновационную траекторию; были недооценены возможности прорывного роста за счет освоения новых технологий, наблюдалось фундаментальное несоответствие между декларируемыми целями документа и реальной бюджетной политикой.

В 2019 году в государственной политике пространственного развития с принятием Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р) начался новый этап. Если в первых редакциях документа фокус был сделан на поддержку развития лишь 42 крупнейших (с населением свыше

1 млн чел.) и крупных (свыше 0,5 млн чел.) городских агломераций, то в более поздних редакциях дополнительно к ним были выделены 23 городских агломерации с населением менее 500 тыс. чел. («второго эшелона»).

«Громкорекламно заявленная ... «новая политика роста» в своей макроэкономической части тождественна реставрации обанкротившихся методов 1990-х, гарантирующей снижение темпов экономического роста, стагнацию инвестиционной и инновационной активности, продолжение тенденций народнохозяйственной деградации»²⁷.

«Чего стоила убогая Стратегия-2020, авторы которой не смогли даже проработать механизмы достижения произвольно собранных, не согласованных и не обоснованных целей! Ее разработчики спаслись от критики, расширив документ до почти тысячи страниц, что сделало его нечитаемым. Разработанная ... Стратегия-2020 стала символом интеллектуального банкротства либералов»²⁸.

²⁷ Глазьев С.Ю. (2012). Эволюция новой экономической системы. «Стратегия 2020» – антимодернизационный документ // Российский экономический журнал. № 2. С. 3–9.

²⁸ Делягин М. Мауизм как высшая стадия либерализма // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/6476>

Для отстающих в развитии регионов страны разрабатывались и реализовывались индивидуальные программы развития (ИПР). Таким образом, был создан определенный механизм преодоления негативных процессов форсированного «стягивания» ресурсов в города-миллионники. Однако данные ИПР характеризовались недостаточной результативностью. В частности, на их реализацию за 2020–2024 гг. было направлено 49,4 млрд руб. из федерального бюджета и 1,7 млрд руб. – из региональных бюджетов. Однако, по оценкам Счетной палаты РФ, *36,4% от общего объема расходов федерального бюджета не привели к запланированным результатам, по 37 из 120 мероприятий (30,8%) ИПР плановые показатели достигнуты не были*²⁹.

Вместе с тем, несмотря на определенные сложности, целевые значения по двум из трех показателей в рамках инерционного сценария Стратегии пространственного развития России до 2025 года в целом были достигнуты (табл. 2).

Одной из ключевых причин низкой результативности стратегических документов федерального, макрорегионального и регионального уровней, по мнению экспертов, является слабая

реализация на практике основных положений федерального закона о стратегическом планировании³⁰. К числу главных проблем относят слабую взаимоувязку разрабатываемых документов по целям, задачам и показателям; низкую вовлеченность субъектов экономической деятельности в стратегическое планирование, которое в результате этого носит формальный характер без реальной ответственности за реализацию поставленных целей.

«Сегодня, несмотря на более чем 60 тысяч принятых документов стратегического планирования, они не оказывают заметного влияния на экономическое развитие, поскольку не содержат никаких мер ответственности за их выполнение...»³¹.

«...закон так до конца и не имплементирован в практику государственного управления. Не удалось сформировать единую эффективно действующую систему стратегического планирования, реализацию заложенных в законе принципов стратегического планирования, что существенно ограничивает способность государства ставить и достигать национальные цели развития»³².

Таблица 2. Показатели реализации Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года

Целевой показатель	Сценарий на 2025 г.		Факт (2023 г.)
	инерционный	целевой	
Среднегодовые темпы роста ВРП субъектов РФ, в которых располагаются перспективные крупные центры экономического роста РФ, % в 2017–2025 гг.	102,6	103,7	102,8
Отношение среднедушевого ВРП субъектов РФ, относящихся к приоритетным геостратегическим территориям (кроме Арктической зоны), к среднероссийскому значению, %	66	70	67
Транспортная мобильность населения по видам транспорта (всего), тыс. пасс.-км на человека в год	9,4	9,7	8,0
Составлено по: Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konceptiya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf?spm=a2ty_o01.29997172.0.0.737b55fblq3N9v&file=konceptiya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf			

²⁹ Отчет Счетной палаты РФ «Аудит реализации индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, направленных на создание эффективной экономики в 2020–2024 годах». URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/954/r8bgr7kakm1pjxkogf26xftkv1ljllf2/Otchet_IPR.pdf

³⁰ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

³¹ Глазьев С. Кризисная воронка. URL: <https://glazev.ru/krizisnaja-voronka/>

³² Ленчук Е.Б. (2021). Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России // Экономическое возрождение России. № 3 (69). С. 25–30. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-3-69-25-30

Все это не позволяет успешно согласовать интересы регионов и частного бизнеса для эффективной реализации стратегии развития макрорегионов.

«Стратегические документы – это хорошо. Они дают некоторое представление о направлениях развития... Но от представления до практической реализации – дистанция огромного размера. Предыдущая стратегия была просто конгломератом локальных представлений и предложений от регионов. Общесибирская направленность там плохо просматривается»³³.

В частности, академик В.В. Крюков, характеризуя проблемы с практической реализацией Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года, отмечает, что данный документ по факту был «конгломератом» локальных представлений и предложений от регионов, слабо увязанных с решением стратегических задач развития Сибири как обширного социально-экономического пространства, имеющего важное народнохозяйственное и геостратегическое значение в контексте обеспечения национальной безопасности страны.

Вместе с тем следует отметить, что с утверждением новой Стратегии пространственного развития РФ до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р) появились новые институты и механизмы государственного регулирования пространственного развития в области размещения производительных сил, расселения, повышения инфраструктурной связности территорий,

что, учитывая внутренние и внешние вызовы, является, несомненно, позитивным шагом.

Одним из ключевых механизмов реализации пространственной политики до 2036 года является Единый перечень опорных населенных пунктов (ОНП), более половины состава которого – малые города, поселки городского типа, села. В случае эффективной практической реализации программ развития данных ОНП, на наш взгляд, могут быть созданы объективные предпосылки для преодоления негативных тенденций в пространственном развитии страны.

Однако следует признать, что, несмотря на все предпринимаемые на федеральном уровне меры (часть из которых, на наш взгляд, действительно являются верными), к настоящему времени практическая реализация реформ не смогла преодолеть негативные тенденции *депопуляции* и *форсированной периферизации освоенного социально-экономического пространства России* на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном).

Так, в постсоветский период население увеличивалось лишь в регионах Центрального федерального округа (с 37,9 до 40,2 млн чел., на 6,1%, табл. 3), Южного федерального округа (в значительной мере за счет присоединения Крыма и Севастополя: с 13,3 до 16,6 млн чел., на 25,5%) и Северо-Кавказского федерального округа (с 7,3 до 10,2 млн чел., на 40,4%; за счет традиционно высокой рождаемости). В свою очередь с 1989 года Дальний Восток потерял 25,5% своего населения (сокращение с 8,0 до 5,9 млн чел.), Сибирь – почти 12% (с 21,1 до 18,6 млн чел.), Приволжский федеральный округ – 10% (с 31,8 до 28,6 млн чел.).

³³ Академик Валерий Крюков – о том, какой должна быть новая стратегия развития Сибири. URL: https://rg.ru/2023/01/11/v-sibir-po-dobroj-vole.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.ieie.su%2F

Таблица 3. Численность населения в РФ по федеральным округам в 1989–2023 гг., млн чел.

Территория / Год	1989	2002	2012	2014	2023	2012 к 1989, %	2014 к 1989, %	2023 к 1989, %
РФ (1989 г. – РСФСР)	147,0	145,3	143,4	146,5**	146,3***	97,5	99,7	99,5
ЦФО	37,9	38,0	38,8	39,3	40,2	102,2	103,5	106,1
СЗФО	15,2	14,0	13,7	13,8	13,9	89,9	90,7	90,9
ЮФО	13,3	13,9	13,9	16,3**	16,6***	104,9	123,2	125,5
СКФО	7,3	8,9	9,5	9,7	10,2	131,0	132,9	140,4
ПФО	31,8	31,2	29,8	29,7	28,6	93,7	93,5	90,0
УФО	12,5	12,4	12,2	12,3	12,3	97,1	97,8	97,9
СФО (в границах 1989 г.)*	21,1	20,1	19,3	19,3	18,6	91,5	91,6	88,1
ДФО (в границах 1989 г.)*	8,0	6,7	6,3	6,2	5,9	78,7	78,2	74,5

* До 2018 г. Республика Бурятия и Забайкальский край были в составе СФО, с 2018 г. – в составе ДФО.
** С учетом Республики Крым и г. Севастополя.
*** Без учета Луганской, Донецкой народных республик, Херсонской, Запорожской областей.
Для справки: на данных территориях, по оценочным данным, до начала специальной военной операции проживало порядка 6,16 млн чел. Источник: Что известно о регионах, присоединяющихся к России // РБК. 03.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/10/2022/632d6cd89a79476454bb5d08>
Составлено по: данные Росстата.

При этом негативные тенденции коснулись и значительной части городов (прежде всего малых и средних) в большинстве федеральных округов страны. К числу значительно депопулирующих (т. е. с убылью населения в 1989–2024 гг. более 15%) в настоящее время относятся 75,6% городов Дальневосточного, 64% – Сибирского, 62,8% – Северо-Западного федерального округов³⁴.

В результате эти негативные процессы привели к дальнейшему *разрушению опорного каркаса расселения, «оголению» огромных пространств*, что является угрозой национальной безопасности. Об этом особенно ярко свидетельствуют данные по Северо-Западному

федеральному округу. Так, в 1989–2023 гг. практически в 90% муниципалитетов макрорегиона (168 из 188 ед.) отмечалась негативная динамика численности населения. При этом почти в половине депопулирующих территорий за данный период снижение составило от 25 до 50% (*вкладка 2*).

В свою очередь прирост населения наблюдался лишь в 10,6% муниципальных образований, к которым относятся, прежде всего, муниципалитеты Ленинградской области, приближенные к г. Санкт-Петербургу, что выступает одним из проявлений агломерационных процессов, а также ряд территорий Калининградской области.

³⁴ Расчеты по: Изменение численности населения городов с 1989 по 2024 год. URL: https://mojgorod.ru/cities/popc2024_1989_4.html

Группировка муниципальных образований СЗФО по динамике численности населения в 1989–2023 гг.

Численность населения, % к уровню 1989 г.*	Количество муниципальных образований в группе, ед. (% от общего числа по СЗФО)	Регион и число муниципальных образований
20,0–49,9	44 ед. (23,4%)	Архангельская область (11), Республика Карелия (8), Республика Коми (7), Псковская область (7), Мурманская область (6), Новгородская область (4), Калининградская область (1)
50,0–74,9	94 ед. (50%)	Вологодская область (21), Псковская область (16), Новгородская область (16), Республика Коми (10), Архангельская область (10), Республика Карелия (7), Мурманская область (6), Ленинградская область (5), Калининградская область (2), Ненецкий авт. округ (1)
75,0–99,9	30 ед. (15,9%)	Вологодская область (6), Ленинградская область (6), Калининградская область (5), Республика Карелия (3), Республика Коми (3), Архангельская область (3), Псковская область (2), Ненецкий авт. округ (1), Новгородская область (1)
Итого: снижение численности в 168 из 188 муниципальных образований (89,4% от общего числа)		
100,0–124,9	12 ед. (6,5%)	Калининградская область (5), Ленинградская область (4), Вологодская область (1), Псковская область (1), Новгородская область (1)
125,0–149,9	3 ед. (1,6%)	Калининградская область (2), Ленинградская область (1)
150,0–174,9	1 ед. (0,5%)	Калининградская область (1)
175,0–199,9	1 ед. (0,5%)	Ленинградская область (1)
в 2 раза и более	3 ед. (1,6%)	Калининградская область (2), Ленинградская область (1)
Итого: увеличение численности в 20 из 188 муниципальных образований (10,6% от общего числа)		

* В таблице представлена группировка муниципальных образований по динамике численности населения в 1989–2023 гг. Например, в группу «20,0–49,9» попали 44 муниципальных образования СЗФО, численность населения которых в 2023 г. составляла от 20 до 49,9% к уровню 1989 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Наряду с депопуляцией другой ключевой проблемой пространственного развития России является *сохраняющаяся, а по ряду социально-экономических показателей даже усиливающаяся межрегиональная дифференциация*. Так, в постсоветский период отношение среднедушевого валового регионального продукта (ВРП) 10 субъектов-лидеров к ВРП 10 субъектов-аутсайдеров выросло с 4,9 до 12,8 раза (при этом существенный рост дифференциации отмечался в 2000–2010 гг.); по инвестициям в основной капитал на душу населения межрегиональные различия выросли с 6,7 до 17,9 раза (табл. 4).

Несколько лучше ситуация складывается по социальным показателям за счет проведения государством «перераспределительной» политики. Так, дифференциация 10 регионов-лидеров и 10 регионов-аутсайдеров по среднедушевым доходам населения снизилась с 5,0 до 3,4 раза. С 2000 года отмечается снижение дифференци-

ации регионов по доходам консолидированного бюджета на душу населения (с 13,1 до 5,9 раза).

При этом различия между регионом-лидером по уровню подушевого ВРП и регионом-аутсайдером существенно выше: в 2024 г. – **69,6 раза** (Ненецкий авт. округ / Республика Ингушетия).

Для справки:

Различия в максимальном и минимальном значениях подушевого ВРП:

- Индия – 10 раз (28 штатов, 8 союзных территорий),
- Бразилия – 5,7 раза (26 штатов, 1 федеральный округ),
- КНР – 4,5 раза (34 единицы провинциального уровня),
- США – 2,2 и 5,3 раза (без учета и с учетом округа Колумбия / DC; 50 штатов)³⁵.

Таблица 4. Дифференциация субъектов РФ по ключевым социально-экономическим показателям

1. ВРП на душу населения, тыс. руб.					
	1995 г.*	2000 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Среднее по РФ	9566,3**	39,5	263,8	830,8	1276,5
Среднее среди 10 регионов-лидеров (группа 1)	16980,7	81,2	1026,7	3442,5	5397,7
Среднее среди 10 регионов-аутсайдеров (группа 2)	3437,8	12,2	88,1	254,9	419,1
Группа 1 / Группа 2, раз	4,9	6,6	11,7	13,5	12,8
2. Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.					
	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Среднее по РФ	1,7	7,9	64,1	157,3	273,2
Среднее среди 10 регионов-лидеров (группа 1)	6,46	44,5	311,1	788,3	1376,1
Среднее среди 10 регионов-аутсайдеров (группа 2)	0,96	1,7	22,7	51,0	80,1
Группа 1 / Группа 2, раз	6,7	26,3	13,7	15,4	17,9
3. Среднедушевые денежные доходы населения, тыс. руб. в месяц					
	1995 г.*	2000 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Среднее по РФ	0,5	2,3	19,0	40,3	64,0
Среднее среди 10 регионов-лидеров (группа 1)	1,0	4,8	34,5	74,6	121,6
Среднее среди 10 регионов-аутсайдеров (группа 2)	0,2	1,0	10,5	22,4	35,6
Группа 1 / Группа 2, раз	5,0	4,8	3,3	3,3	3,4
4. Доходы консолидированного бюджета на душу населения, тыс. руб.					
	1992 г.*	2000 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Среднее по РФ	16,8	7,3	45,8	120,3	168,5
Среднее среди 10 регионов-лидеров (группа 1)	42,7	31,8	151,0	449,4	497,1
Среднее среди 10 регионов-аутсайдеров (группа 2)	8,8	2,4	26,0	68,5	84,2
Группа 1 / Группа 2, раз	4,8	13,1	5,8	6,6	5,9

* При расчете был выбран период, за который в статистике представлены открытые и полные данные по всем регионам страны.
 ** Стоимостные значения показателей представлены в текущих ценах.
 Источник: расчеты авторов.

³⁵ Бахтизин А.Р. (2024). Урбанизация и вопросы пространственного развития // Научные труды Вольного экономического общества России. С. 69–88.

Все это является следствием проводимой в течение последних десятилетий политики *рыночной организации пространства*, фокус в которой был сделан на поддержку *ограниченного числа «регионов-локомотивов», крупнейших агломераций*, что привело к сжатию освоенного социально-экономического пространства России. При этом огромное пространство зачастую стало рассматриваться в качестве *«бремени»* для экономического роста и устойчивого развития страны.

Особенно острыми масштабы дифференциации видятся на внутрорегиональном уровне. В частности, периферизация проявляется здесь не только в депопуляции, но и в *разрушении социально-экономического базиса территорий, удаленных от крупных городов*, что ведет к росту неоднородности социально-экономического

пространства региона. Так, если в 2000 году в городских агломерациях Вологодской области проживало 68% от численности населения региона, то в 2024 году — уже 74%. Аналогичные процессы концентрации характерны для производства продукции сельского хозяйства (рост с 55,6 до 58,5%), инвестиций в основной капитал (с 77,6 до 88,4%, табл. 5).

На фоне этого происходит затухание социально-экономической активности на периферии, рост дифференциации по линии «город — село», снижение уровня и качества жизни населения. Например, разрыв между городом и селом по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2000–2024 гг. увеличился с 1,5 до 1,8 года; в уровне располагаемых ресурсов домохозяйств — с 9,5 до 13,4 тыс. руб. на одного члена домохозяйства.

Таблица 5. Доля городских агломераций и иных территорий в ключевых показателях социально-экономического развития Вологодской области в 2000 и 2024 гг., %

Показатель	Территория	2000 г.	2024 г.	2024 к 2000, п. п.
1. Численность постоянного населения	Городские агломерации, в т. ч.	67,5**	74,2	+6,7
	<i>Вологодская агломерация*</i>	35,6	39,9	+4,3
	<i>Череповецкая агломерация*</i>	31,9	34,3	+2,4
	Остальные муниципалитеты региона	32,5	25,8	-6,7
2. Объем производства промышленной продукции	Городские агломерации, в т. ч.	94,6	94,7	+0,1
	<i>Вологодская агломерация</i>	10,5	17,8	+7,3
	<i>Череповецкая агломерация</i>	84,1	76,9	-7,2
	Остальные муниципалитеты региона	5,4	5,3	-0,1
3. Объем производства продукции сельского хозяйства	Городские агломерации, в т. ч.	55,6	58,5	+12,9
	<i>Вологодская агломерация</i>	33,9	48,9	+15
	<i>Череповецкая агломерация</i>	21,7	19,6	-2,1
	Остальные муниципалитеты региона	44,4	31,5	-12,9
4. Инвестиции в основной капитал	Городские агломерации, в т. ч.	77,6	88,4	+10,8
	<i>Вологодская агломерация</i>	26,9	29,5	+2,6
	<i>Череповецкая агломерация</i>	50,7	58,9	+8,2
	Остальные муниципалитеты региона	22,4	11,6	-10,8
5. Ввод в действие жилых домов	Городские агломерации, в т. ч.	72,7	80,6	+7,9
	<i>Вологодская агломерация</i>	45,9	50,9	+5,0
	<i>Череповецкая агломерация</i>	26,8	29,7	+2,9
	Остальные муниципалитеты региона	27,3	19,4	-7,9

* В состав Вологодской агломерации входят 4 муниципалитета, граничащих с городом-ядром: г. Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский муниципальные округа; в состав Череповецкой агломерации — 4 муниципалитета: г. Череповец, Кадуйский, Череповецкий, Шекснинский муниципальные округа; остальные территории — 20 муниципальных округов региона.

** Представленные в таблице цифры показывают, какой вклад вносит каждая группа территорий в общий показатель в целом по региону.

Составлено по: Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2000–2024 гг. (2025): информационно-аналитический бюллетень. Вып. 12 / под общ. ред. Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилова. Вологда: ВолНЦ РАН. 96 с.

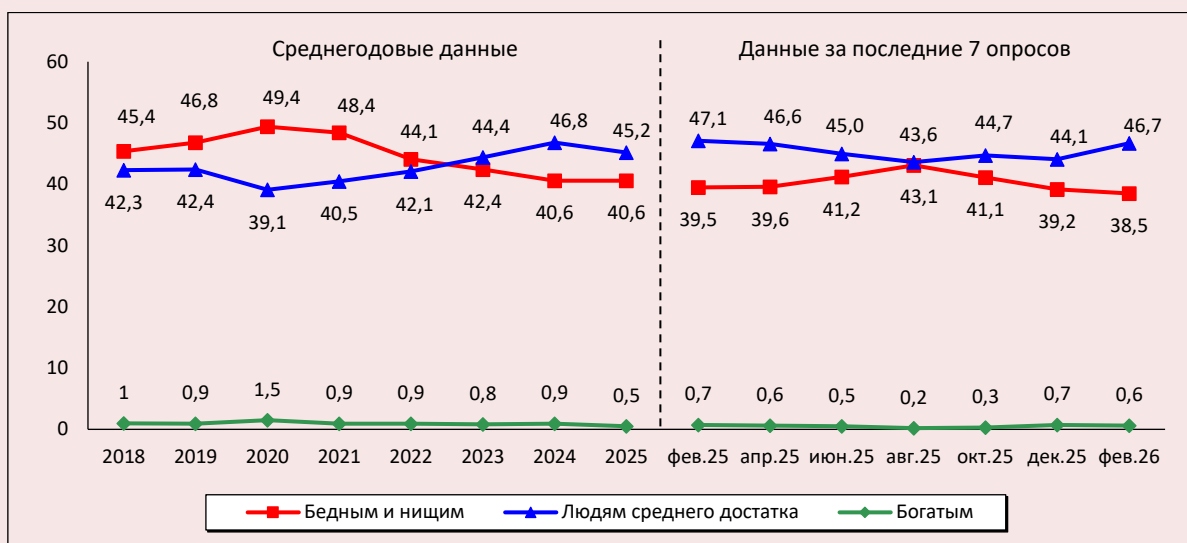
При этом после четырех лет СВО у российского общества накопилась «определенная усталость от геополитики и появился колоссальный запрос на нормализацию быта»³⁶. Вновь остро поднимается значимость решения ключевых социальных и экономических проблем. Как отмечается в исследованиях ВЦИОМ и ВолНЦ РАН, население вновь начинают волновать повседневные проблемы «жизненного мира человека»³⁷: уровень жизни, работа, место проживания, семья, цены в магазинах.

В частности, несмотря на определенное снижение с 2018 года негативных оценок, по-прежнему около 41% жителей Вологодской области идентифицируют себя как «бедных» и «нищих», что актуализирует задачу повышения эффективности госуправления в части повышения благосостояния всех социально-демографических групп населения страны и региона (рис. 2).

Другой ключевой проблемой для большинства жителей выступает *неуверенность в завтрашнем дне*: в 2025 году такую позицию занимали 54,1% ответивших, что на 4,1 п. п. выше уровня 2018 года (табл. 6). При этом наиболее актуальной данная проблема является для слабозащищенных групп населения: наименее материально обеспеченных категорий (57,2%), жителей сельских районов (55,7%), а также людей со средним образованием (57,3%). Всё это отражает глубинную неопределенность, дефицит доверия к институтам и отсутствие долгосрочной предсказуемости, что не компенсируется социально-экономическими улучшениями на территории проживания (по 9 из 10 показателям с 2018 года наблюдается рост положительных оценок).

Несмотря на определенное улучшение ситуации, самыми острыми для жителей по-прежнему являются жилищная проблема (в 2025 году на это указали 23,2% ответивших, что на 9,4 п. п.

Рис. 2. Динамика социальной самоидентификации населения*, % от числа опрошенных

* Распределение ответов на вопрос: «К какой категории Вы себя относите?».
 Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

³⁶ Обухов С.П., Михальчук А.М., Богачев А.М., Стрелков Д.А., Хамадиева Т.В., Червонцев А.В. Итоги 2025 года от В.В. Путина. Экспресс-анализ послания российскому обществу и зарубежным оппонентам / Центр исследований политической культуры России. 19.12.2025 // Официальный сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/politindx/239901.html?y sclid=mlhmrkgapk916136109>

³⁷ Гендиректор ВЦИОМа назвал темы, которые больше всего волнуют россиян // News.ru. 19.03.2026. URL: <https://news.ru/society/gendirektor-vciom-nazval-temy-kotorye-bolshe-vsego-volnuyut-rossiyan>

Таблица 6. С какими из перечисленных проблем Вы лично столкнулись в прошедшем году?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год								Изменение (+/-), 2025 к	
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025*	2018	2022
	Отсутствие уверенности в завтрашнем дне	50,0	45,9	56,7	53,9	55,8	53,8	51,1	54,1	+4,1
Невозможность улучшить жилищные условия из-за высокой стоимости жилья	32,6	31,1	29,0	27,6	25,9	23,9	22,4	23,2	-9,4	-3
Отсутствие средств на платное лечение	29,1	32,5	32,7	29,7	27,5	25,3	22,5	21,3	-7,8	-6
Сокращение времени для отдыха в связи с необходимостью работать дополнительно	23,5	24,5	21,5	18,9	17,5	16,9	16,1	16,9	-6,6	-1
Невозможность приобрести туристическую путевку по причине дороговизны	21,2	25,6	19,1	17,0	16,9	14,3	13,3	15,9	-5,3	-1
Необходимость поиска дополнительной работы в связи с низким доходом	24,7	23,9	22,4	19,3	17,7	15,7	15,1	13,9	-10,8	-4

*Ранжировано по данным на 2025 г.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

ниже уровня 2018 года) и отсутствие средств на платное лечение (21,3%, снижение на 7,8 п. п.), комплексная оценка которых формирует целостное восприятие населением условий проживания и миграционные установки.

Качество жизни на территории в значительной степени зависит от эффективности проводимой государственной политики, успешной реализации на местах стратегических проектов федерального и регионального уровней.

В то же время результаты исследования, проведенного Вологодским научным центром РАН в мае – июне 2025 года³⁸ относительно обеспеченности жителей области объектами инфраструктуры, качества предоставляемых услуг, свидетельствуют о том, что *наиболее низкие оценки на всех территориях региона* (г. Вологда, г. Череповец, муниципальные округа) *получает*

реализация национальных проектов в сферах здравоохранения, образования, демографии и дорог, т. е. именно в сферах, где жители видят наиболее острые проблемы, снижающие качество их жизни³⁹ (табл. 7).

В июле 2020 г. Указом Президента В.В. Путина были закреплены национальные цели развития России до 2030 года, которые предполагают создание условий для всестороннего развития человека. Для достижения данных целей были разработаны и в 2020–2024 гг. реализовывались 14 национальных проектов, направленных на развитие человеческого капитала страны, обеспечение экономического роста и формирование комфортной среды для жизни.

³⁸ Представлены результаты опроса жителей Вологодской области 2025 года в разрезе крупных городов (Вологда, Череповец) и ряда муниципальных округов (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский). Выборка квотная по полу, возрасту, территории и включает в себя 1500 человек в возрасте старше 18 лет. Ошибка выборки по опросу не превышает 3% при доверительном интервале 4–5%.

³⁹ Более высокие оценки нацпроектов, посвященных экспорту и производительности труда, на наш взгляд, могут быть связаны со слабой осведомленностью жителей о реальных итогах реализации на фоне их опосредованного влияния на жизнь населения.

Таблица 7. Как Вы оцениваете результаты реализации в 2020–2024 гг. следующих национальных проектов? (средний балл по пятибалльной шкале: 1 – самая низкая, 5 – самая высокая оценка)

Национальный проект	Вологда	Череповец	Муниципальные округа*	Область в целом
Цифровая экономика Российской Федерации	3,3	3,5	4,1	3,7
Международная кооперация и экспорт	3,3	4,0	4,1	3,9
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	3,3	4,0	4,1	3,9
Производительность труда	3,2	3,7	4,0	3,7
Наука и университеты	3,2	3,7	4,0	3,7
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	3,3	3,3	4,0	3,6
Культура	3,1	3,5	3,7	3,5
Экология	3,1	3,0	3,7	3,3
Туризм и индустрия гостеприимства	3,1	3,5	3,7	3,5
Безопасные качественные дороги	3,0	3,1	3,6	3,3
Демография	3,1	3,2	3,5	3,3
Образование	3,0	3,4	3,6	3,4
Здравоохранение	3,2	3,1	3,4	3,3

* Отсортировано по убыванию оценок жителей муниципальных округов.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Другой негативной тенденций, которая была раскрыта в последней статье от главного редактора⁴⁰, является *довольно устойчивый разрыв между оценками жителей относительно общей ситуации в стране (преобладание пессимистических оценок) и личной жизни* (осторожный

оптимизм). Так, 26,2% опрошенных ожидают, что 2026 год будет удачным для страны, тогда как для себя и своей семьи – уже 39,6% (выше на 13,3 п. п., табл. 8). Иными словами, имеет место определенная поляризация – разрыв между «страной» и «собой».

Таблица 8. Как Вы считаете, каким будет наступивший год?*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	Изменение (+/-), 2026 к	
										2025	2023
Для России											
Очень удачным, в целом хорошим	35,9	35,7	36,6	31,4	29,0	24,9	25,7	27,6	26,2	-1	+1
Скорее трудным, плохим, очень тяжелым	38,8	36,8	37,4	42,5	44,2	49,2	47,7	46,2	46,2	0	-3
Для области											
Очень удачным, в целом хорошим	32,6	33,6	35,4	28,0	28,9	25,7	28,2	27,5	28,6	+1	+3
Скорее трудным, плохим, очень тяжелым	40,1	39,3	39,1	45,7	46,1	49,0	46,3	46,6	43,8	-3	-5
Для Вас (Вашей семьи)											
Очень удачным, в целом хорошим	39,4	38,1	39,7	34,0	34,7	31,8	35,2	38,0	39,6	+2	+8
Скорее трудным, плохим, очень тяжелым	35,1	35,5	35,8	41,2	40,2	41,6	39,1	37,1	34,5	-3	-7

* Вопросы задавались в феврале 2026 года.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

⁴⁰ Ильин В.А., Морев М.В. (2026). Эффективность стратегического государственного управления: состояние российского общества по итогам четырех лет проведения СВО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 19–56. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.6

В такой ситуации следует обратить внимание на то, что фаза адаптации российского общества в определенной степени завершена: *она перешло от шока 2022–2023 гг. к «новой нормальности» с восстановлением личных ожиданий*, и дальнейшая динамика будет зависеть от способности власти конвертировать стабильность личных ожиданий в позитивные оценки регионального и федерального уровней. Ключевой риск – углубление разрыва между «жизнью здесь и сейчас» и «перспективами страны».

Неблагоприятная среда и неудовлетворенность объективными условиями проживания на территории является одним из факторов, которые определяют миграционные установки населения. По данным проведенного ВЦИОМ в начале 2026 года исследования, почти 19% жителей России планируют уехать из своего населенного пункта⁴¹.

Результаты наших опросов дают схожие результаты. Так, в ближайшие 3–5 лет 14% жителей области планируют переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт; при этом высока доля затруднившихся с ответом (в целом по области сомневающихся около 23%, табл. 9), что также свидетельствует о неустойчивости их миграционных установок, чувствительности их к изменениям в экономике, социальной политике и качестве жизни.

Более устоявшиеся миграционные установки характерны для жителей крупных городов, население которых планирует переехать за пределы региона, а из муниципальных округов – в другой населенный пункт области (более крупный).

О преобладании такого вектора миграции свидетельствуют и данные официальной статистики. При этом если в 2010 году для городов области был характерен миграционный прирост населения (коэффициент составлял 3,7 промилле), то в дальнейшем он сменился убылью (в 2023 году –0,5 промилле); на селе темпы миграционной убыли за аналогичный период сократились с 9,5 до 1,3 промилле по причине изменения структуры населения в сторону более возрастных категорий, характеризующихся низкой миграционной активностью⁴².

Это свидетельствует о воспроизводстве центростремительных тенденций миграции населения, что в перспективе выступает риском для воспроизводства уже не только сельской периферии, но и крупных городов региона.

При этом наибольший миграционный потенциал отмечается у молодежи до 30 лет (20,1% опрошенных планируют уехать, 28,1% – затруднились с ответом, т. е. в целом почти половина), жителей с высшим образованием (17,9% планируют отъезд и 24,2% затруднились с ответом, т. е. не исключают вариант переезда)

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Планируете ли Вы переехать в ближайшие 3–5 лет на постоянное место жительства в другой населенный пункт?», % от числа опрошенных

Ответ	Вологда	Череповец	Муниципальные округа*	Область в целом
Нет	51,7	63,4	70,6	63,4
Да, в том числе:	17,4	13,8	12,1	14,1
в другой городской населенный пункт Вологодской области	3,3	1,5	4,8	3,5
за пределы Вологодской области	8,6	5,8	3,2	5,4
в другой сельский населенный пункт Вологодской области	1,9	3,5	3,1	2,9
за пределы страны	3,6	3,0	1,0	2,3
Затрудняюсь ответить	30,9	22,8	17,3	22,5

* Отсортировано по убыванию оценок жителей муниципальных округов.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

⁴¹ Здесь будет город-сад?! // ВЦИОМ. 18.02.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdes-budet-gorod-sad>

⁴² Городские и муниципальные округа (районы) Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2025. 275 с.

и высокодоходных групп населения (16,3 и 24,7% соответственно), что ведет к снижению человеческого потенциала региона (табл. 10).

Вышеотмеченное актуализирует задачу кардинального пересмотра приоритетов государственной политики, поиска внутренних источников развития локальных территорий, в т. ч. на основе повышения финансово-экономической самостоятельности института местного самоуправления.

И начинать необходимо с поиска *идеи*, которая бы объединяла российское общество (население, власть, бизнес). При этом, согласно исследованиям ВолНЦ РАН, в российском обществе ценностный консенсус формируется вокруг «государственнических» и патриотических идей, а не либерально-индивидуалистических или прозападных ориентиров. Так, ответ о том, что ключевой идеей, которая может объеди-

нить российское общество, в настоящее время является «единение народов России в целях ее возрождения как великой державы», дала почти половина ответивших (48,2%), что на 26 п. п. выше, чем в 2002 году. При этом наблюдается межпоколенческая преемственность: рост поддержки данной идеи фиксируется во всех возрастных группах, включая молодежь до 30 лет.

Однако для ее практической реализации нужна «национализация» правящих элит, ориентиром деятельности которых должна стать реализация суверенной государственной политики в рамках нового общественного договора в условиях экономической, военной и социокультурной конфронтации со странами коллективного Запада. Это, как свидетельствует исторический опыт России, позволит обеспечить внутреннюю консолидацию власти и общества перед лицом стоящих вызовов.

Таблица 10. Социально-демографический портрет респондентов, ответивших на вопрос «Планируете ли Вы переехать в ближайшие 3–5 лет на постоянное место жительства в другой населенный пункт?», %

Показатель	Да, за пределы Вологодской области	Да, в другой городской населенный пункт Вологодской области	Да, в другой сельский населенный пункт Вологодской области	Да, за пределы страны	Нет	Затрудняюсь ответить
Пол						
Мужской	6,8	3,3	3,6	2,4	61,0	23,0
Женский	4,3	3,7	2,3	2,2	65,3	22,2
Возраст						
до 30 лет	9,5	4,8	1,0	4,8	51,9	28,1
30–55 лет	5,5	4,5	3,3	2,6	56,1	28,0
старше 55 лет	3,8	1,9	3,1	1,0	76,3	14,0
Образование						
Среднее и н/среднее	5,1	4,1	3,5	1,0	67,1	19,1
Среднее специальное	3,1	3,6	2,7	1,6	64,7	24,2
Высшее и н/высшее	8,5	2,6	2,4	4,4	58,0	24,2
Доходные группы						
20% наименее обеспеченных	5,5	4,4	4,1	1,8	53,1	31,0
60% среднеобеспеченных	3,9	3,8	3,3	1,8	69,9	17,2
20% наиболее обеспеченных	8,5	3,0	1,8	3,0	59,0	24,7
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.						

В то же время либеральные реформы 1990-х годов и построенный в результате «капитализм для своих», а также высокие масштабы коррупции во всех эшелонах власти в настоящее время являются ключевым ограничением для трансформации системы управления и эффективной реализации суверенной государственной политики.

«По своим масштабам и глубине воздействия на жизнь российского общества особое влияние оказывает **оппортунистическое поведение российской бюрократии. Отдельные ее представители игнорируют задачи реформ либо проводят их с ориентацией на свои групповые интересы. Это проявляется в расхищении государственного бюджета, коррупции**»⁴³.

«Элита на сегодняшний день не имеет патриотического чувства по отношению к России, именно материальные ценности выходят на передний план. Поэтому о «национализации элиты» говорить еще рано»⁴⁴.

О масштабе проблемы красноречиво свидетельствуют следующие факты. Так, в 2025 году зарегистрировано свыше 43 тысяч коррупционных преступлений (более трети совершены в крупном и особо крупном размере и в составе организованных групп); увеличивается число таких дел по отношению к чиновникам силовых структур, ВПК, судебной системы. По данным Генпрокуратуры, в 2025 году в казну вернули недвижимости и иного имущества совокупной стоимостью 1,6 трлн рублей⁴⁵ (для справки: это почти 0,8% от ВВП страны и 28% от общего

объема дефицита федерального бюджета за 2025 год).

При этом, как отмечается в последнем докладе «Минченко консалтинг»⁴⁶, недружественное окружение и риски военного столкновения с НАТО в настоящее время делают в первую очередь именно *инерционный сценарий* во внутренней политике наиболее понятным для элиты, а в качестве ключевого параметра на первый план выходит устойчивость бюрократической системы. Всё это может законсервировать происходящие в элитах трансформации и является риском для реализации национально ориентированной политики.

«Негативная внешняя конъюнктура остается серьезным ограничителем для внутривнутриполитической динамики в России. Недружественное окружение и риски военного столкновения с НАТО делают инерционный сценарий во внутренней политике наиболее понятным для элиты, а в качестве ключевого параметра на первый план выходит устойчивость системы».

«Ключевые изменения элитной структуры связаны с частичной ротацией внутри юридически-силового блока, которая еще не закончена, а также с масштабными чистками региональной и федеральной бюрократии...»⁴⁷

Решение указанной задачи предполагает необходимость формирования у элит патриотической идентичности, приоритета национальных интересов над личными или транснациональными, превращения их в реальных носителей национальной идеи.

⁴³ Власов Ф. (2019). Издержки оппортунистического поведения социальных групп // Общество и экономика. № 6. С. 42.

⁴⁴ Власова О. (2020). Почему в России нет настоящей национальной элиты? // Культура. № 8. 27.08.2020. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/opinions/329841-pochemu-v-rossii-net-nastoyashchey-natsionalnoy-elity/>

⁴⁵ Доклад Генерального прокурора РФ А. Гуцана в Совете Федерации (15.04.2026). URL: <https://epp.genproc.gov.ru/gprf/mass-media/news/main/e8463315/>

⁴⁶ Полютбюро 2.0. Осажденная крепость // Минченко консалтинг. Ноябрь 2025 г. 29 с.

⁴⁷ Там же.

Важная роль в данных процессах принадлежит патриотической социализации, приоритету при продвижении по госслужбе («социальный лифт») лицам, демонстрирующим приверженность национальным интересам⁴⁸.

«...решить проблему национализации элит организационно-юридическими инструментами принуждения невозможно. Необходимо системное, стратегически хорошо просчитанное решение проблемы, т. е. решение, которое формировало бы условия, которые гарантированно защищали бы общество, государство, власть и элиты от политико-ценностной размытости»⁴⁹.

Следует отметить, что с 1 марта 2024 года по инициативе Президента РФ В.В. Путина стартовала федеральная кадровая программа «Время героев», которая, на наш взгляд, играет важную роль в данном процессе. Программа направлена на подготовку высококвалифицированных руководителей из числа участников СВО для работы в органах государственной и муниципальной власти, госкомпаниях⁵⁰. За два потока обучение прошли 168 человек⁵¹, более 80 участников получили назначения⁵². В декабре 2024 года В.В. Путин поручил расширить «Время героев» на регионы⁵³.

Видится целесообразным данный проект масштабировать на другие сферы общественной жизни, т. е. на системной основе «выращивать» новую элиту, которая не только словом, но и делом готова реализовывать суверенный путь развития страны в условиях современных геополитических трансформаций.

Наряду с этим необходима кардинальная смена экономической модели развития страны. В числе ключевых стратегических приоритетов новой модели развития должны находиться

рост производительности труда, развитие внутреннего рынка и производство продукции с высокой добавленной стоимостью. Именно на необходимость решения данных стратегических задач, обеспечение устойчивого экономического роста обращал внимание В.В. Путин на совещании с Правительством и Центробанком РФ по экономическим вопросам, которое прошло 15 апреля 2026 года.

«Считаю нужным постоянно нацеливать нашу работу на подготовку конкретных мер для стимулирования роста, на выработку адекватных решений для преодоления в целом ожидаемых тенденций, которые и проявляются в последнее время.

И конечно, как уже было сказано, жду предложений по дополнительным мерам, направленным на возобновление роста отечественной экономики, на поддержку деловых инициатив, на улучшение структуры занятости в пользу отраслей с более эффективными рабочими местами, где формируется высокая добавленная стоимость»⁵⁴.

Схожую позицию высказали и ведущие эксперты страны (С. Глазьев, Р. Нигматуллин, О. Дмитриева, К. Бабкин, О. Сухарев), выступая на прошедшем в начале апреля 2026 года X Московском экономическом форуме (МЭФ-2026). Не скрывая масштаб существующих проблем в экономике страны, они обозначили предложения по пересмотру денежно-кредитной и налоговой политики, поскольку высокая ключевая ставка подорвала экономический рост, а повышение налогов (включая НДС) и давление на малый бизнес разогнали инфляцию. По их мнению, необходимо перенести фискальную нагрузку с производства на потребление. Кроме того, стране нужны новая индустриализация, поддержка производствен-

⁴⁸ Расторгуев С.В. (2019). «Национализация российской элиты» как политический проект // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 4. С. 6–12. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-12

⁴⁹ Охотский Е.В., Григорян Д.К. (2020). Национализация элит: объективная необходимость, политико-правовая обоснованность, перспективы // Коммуникология. Т. 8. № 3. С. 109–124.

⁵⁰ Время героев. URL: <https://xn--b1aachba0csne6n.xn--p1ai/>

⁵¹ Время героев: итоги года. URL: https://www.ranepa.ru/news/vremya-geroev-itogi-goda/?utm_source=chat.qwen.ai&utm_medium=referral&utm_campaign=chat.qwen.ai&utm_referrer=chat.qwen.ai

⁵² Настоящая элита: итоги двух лет реализации программы «Время Героев». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2026/03/01/22570351.shtml>

⁵³ Резерв народного главкомандования. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7563609>

⁵⁴ Выступление В. Путина на совещании по экономическим вопросам 15 апреля 2026 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79558>

ного бизнеса и разумный протекционизм. Для этого целесообразным видится развитие института целевого кредитования инвестиций под 2–4%, что в настоящее время активно применяется в Китае и на Западе, чтобы обеспечить переход экономики к новому технологическому укладу⁵⁵. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость обеспечения сбалансированного пространственного развития страны.

Константин Бабкин, президент Ассоциации «Росспецмаш»:

«Собираемся в необычной ситуации. Нужно развивать города, села, строить дороги, работать и инвестировать. При этом видим охлаждение экономики. Заводы переходят на трехдневный график, крестьяне отказываются сеять – апатия во многих отраслях экономики и сферах человеческой деятельности»⁵⁶.

Сергей Глазьев, госсекретарь Союзного государства России и Беларуси:

«... те сферы экономики, которые задействованы на государственный или внешний спрос, продолжают активно расти... Отрасли же, зависящие от кредита, вынуждены сокращать производство, потому что процентные ставки не позволяют окупить кредиты»⁵⁷.

Роберт Нигматулин, академик РАН:

«Налоги надо брать не с производства, а со сверхдоходов. Страна идет к двузначному падению экономики. Мы опаздываем, коллеги, а мир не ждет»⁵⁸.

Подводя определенные итоги, необходимо отметить, что проблема пространственного развития для больших по площади стран мира является определяющей в контексте обеспечения национальной безопасности. При этом либеральный подход к регулированию данных процессов, который активно применялся в России в последние десятилетия, привел к обострению негативных тенденций, в первую очередь к деградации потенциала периферий-

ных территорий, локационному сжатию освоенного социально-экономического пространства страны.

Однако следует отметить, что в настоящее время произошел определенный, на наш взгляд, позитивный поворот в государственной политике. В частности, при реализации Стратегии пространственного развития России до 2030 года и на прогнозный период до 2036 года, государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» и ряда других инструментов государственного регулирования наряду с развитием городских агломераций значительные усилия и бюджетные средства предполагается направить на модернизацию экономики и инфраструктуры малых/средних городов, сельских населенных пунктов. Именно это позволит создать прочный хозяйственный фундамент для модернизации их хозяйства и комфортную среду проживания для населения данных территорий.

В этом контексте перспективным инструментом государственной политики, на наш взгляд, может стать также реализация комплекса следующих мероприятий, позволяющих раскрыть потенциал глубинных территорий и создать условия для развития внутреннего рынка страны:

а) формирование иерархически-полицентричной организации социально-экономического пространства регионов России на основе обеспечения соразвития городских агломераций различного масштаба и других опорных населенных пунктов;

б) модернизация традиционных и формирование отраслей новой экономики малых/средних городов как опорных населенных пунктов; стратегически важным видится, с одной стороны, налаживание их тесной производственной кооперации с агломерациями при реализации крупных народнохозяйственных проектов, а с другой – обеспечение развития их как организационно-хозяйственных, производственных и культурно-просветительных центров для сельской местности;

⁵⁵ Материалы X Московского экономического форума (МЭФ-2026). URL: <https://me-forum.ru/media/smi/>

⁵⁶ На МЭФ-2026 призвали срочно начать ремонт российской экономики. URL: <https://www.kp.ru/daily/27773/5235443/>

⁵⁷ Охлаждать экономику больше нельзя. На МЭФ-2026 призвали окончательно порвать с либеральными догмами в пользу развития. URL: https://tsargrad.tv/news/ohlazhdad-jekonomiku-bolshe-nelzja-na-mjef-2026-prizvali-okonchatelno-porvat-s-liberalnymi-dogmami-v-polzu-razvitija_1639284?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.14db55fb809kyX

⁵⁸ На МЭФ-2026 призвали срочно начать ремонт российской экономики. URL: <https://www.kp.ru/daily/27773/5235443/>

в) возрождение, в т. ч. на инновационной основе, социально-экономических связей по линии «город – село»⁵⁹.

Однако главным условием для их эффективной реализации на практике является верность национальных элит суверенному курсу развития, поскольку после 2022 года Россия вступила в новый этап, требующий консолидации всех сил и повышения эффективности государственного управления, прежде всего с точки зрения обеспечения национальной безопасности на фоне стоящих перед страной угроз. Эти обстоя-

тельства актуализируют организацию системы мониторинга происходящих пространственных трансформаций и развития территориальных сообществ на всех иерархических уровнях (федеральном, региональном, муниципальном).

Практическая реализация данных приоритетов будет способствовать повышению эффективности стратегического государственного управления, что позволит президенту продолжить реализацию курса национального развития, ориентируясь «на интересы страны на столетия вперед...»⁶⁰.

Литература

- Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 33–54. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.2
- Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 46–65. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.2
- Бахтизин А.Р. (2024). Урбанизация и вопросы пространственного развития // Научные труды Вольного экономического общества России. С. 69–88.
- Бердяев Н.А. (1990). Судьба России. Москва: Философское общество СССР. 240 с.
- Власов Ф. (2019). Издержки оппортунистического поведения социальных групп // Общество и экономика. № 6. С. 35–44.
- Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке (2020) / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 365 с.
- Глазьев С.Ю. (2012). Эволюция новой экономической системы. «Стратегия 2020» – антимодернизационный документ // Российский экономический журнал. № 2. С. 3–9.
- Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития (2023) / Пузанов А.С. (научная редакция), Попов Р.А., Полиди Т.Д., Гершович А.Я. Москва: Фонд «Институт экономики города». 192 с.
- Дружинин А.Г., Колосов В.А. (2025). Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи // Проблемы прогнозирования. № 4 (211). С. 47–57. DOI: 10.47711/0868-6351-211-47-57
- Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2024). Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения // Общественные науки и современность. № 4. С. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094
- Ильин В.А., Кожевников С.А. (2022). Пространственная и социокультурная трансформация России: взгляд из региона // Муниципалитет: экономика и управление. № 4. С. 16–29.

⁵⁹ Дружинин А.Г., Колосов В.А. (2025). Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи // Проблемы прогнозирования. № 4 (211). С. 47–57. DOI: 10.47711/0868-6351-211-47-57; Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития (2023) / Пузанов А.С., канд. геогр. наук (научная редакция), Попов Р.А., канд. геогр. наук, Полиди Т.Д., канд. экон. наук, Гершович А.Я. Москва: Фонд «Институт экономики города». 192 с.; Черныш М.Ф., Маркин В.В., Баймурзина Г.Р. [и др.] (2021). Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: монография / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. 598 с.

⁶⁰ Выступление В. Путина на Пленарном заседании VI Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» 27 марта 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/76554>

- Ильин В.А., Морев М.В. (2026). Эффективность стратегического государственного управления: состояние российского общества по итогам четырех лет проведения СВО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 19–56. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.6
- Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2018). Территориальная фрагментация единого правового пространства России // Федерализм. № 1. С. 173–190.
- Ленчук Е.Б. (2021). Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России // Экономическое возрождение России. № 3 (69). С. 25–30. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-3-69-25-30
- Охотский Е.В., Григорян Д.К. (2020). Национализация элит: объективная необходимость, политико-правовая обоснованность, перспективы // Коммуникология. Т. 8. № 3. С. 109–124.
- Панарин А.С. (1995). Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). Москва: Институт философии РАН. 262 с
- Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России (2011) / отв. ред. Л.В. Никифоров. Москва: Институт экономики РАН. 385 с.
- Расторгуев С.В. (2019). «Национализация российской элиты» как политический проект // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 4. С. 6–12. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-12
- Цымбурский В.Л. (2007). Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. Москва: РОССПЭН. 544 с.
- Черныш М.Ф., Маркин В.В., Баймурзина Г.Р. [и др.] (2021). Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: монография / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. 598 с.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий центром, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Ilyin V.A., Kozhevnikov S.A.

Russia's Spatial Policy in the 21st Century: Problems of Effective Public Administration in the Face of Growing Threats to National Security

Abstract. In the context of escalating geopolitical confrontation and increasing dynamism of the external environment, ensuring Russia's national security largely depends on the effective use of internal development factors, which include a significant, but currently insufficiently utilized spatial potential. This article, based on official statistics, our own monitoring studies, the results of all-Russian and regional sociological surveys, an analysis of the results of the practical implementation of strategic documents in this area, as well as the opinions of leading experts, presents an assessment of the effectiveness of public management of spatial development in Russia. It is shown that the market reforms of the 1990s, as well as the country's development in the following decades within the framework of the liberal model, led to the locational compression of developed socio-economic space, depopulation and degradation of the potential of small / medium-sized cities, rural areas, a decrease in the quality of life in peripheral territories, which poses a serious risk to national security. The objective facts presented in the work and subjective assessments of residents indicate an urgent need to improve the effectiveness of strategic public

management of spatial development. This primarily concerns abandoning the approach of understanding the country's space as a "burden" and the need to increase the accountability of government bodies at all levels for achieving the targets of state strategies and development programs. The paper substantiates key areas for improving federal and regional public policy and demonstrates that their effective implementation requires the "nationalization" of the ruling elites. Their activities should be guided by the pursuit of a sovereign development course amidst intensifying economic, military, and sociocultural confrontation, thereby ensuring the consolidation of power and society in the face of emerging challenges. The author's contribution lies in expanding approaches to assessing the country's spatial development in the context of the growing role of territorial communities in these processes and substantiating strategic priorities for transforming Russia's state spatial policy in the context of intensifying contemporary challenges.

Key words: geopolitical turbulence, spatial development, locational compression of space, liberal model, ruling elites, national security.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of center, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.2

УДК 330, ББК 65.01

© Балацкий Е.В.

Глобальный рынок знаний: особенности, эволюция

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е.М. Примакова РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: EVBalatsky@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. Начало XXI века ознаменовалось возникновением новых феноменов, среди которых беспрецедентное усиление формализации и регламентации научной деятельности. Для объяснения этого явления в статье вводятся несколько полезных понятий: знание как некий упорядоченный набор оригинальных идей, моделей и теорий, их обоснований и доказательств, статистических и исторических иллюстраций; рынок знаний как процесс сопряжения сегментов предложения (производства) знаний и спроса (потребностей) на них, а также актов их купли-продажи по определённой цене. Для углубления понимания эволюции глобального рынка знаний предложена его трёхсекторная модель, состоящая из ядра знаний (основного, научного знания), периферии (вспомогательных или вторичных знаний) и псевдо- или антизнаний (устаревших, отвергнутых и ошибочных знаний). Предложенная структурная модель рынка знаний позволяет более предметно рассмотреть три глобальных тренда и финальных феномена: первый (Большая Рокировка) состоит в ускоренном накоплении знаний вплоть до перехода от их дефицита на рынке к избытку; второй (Большая Инверсия) предполагает удорожание производства знаний с одновременным падением их отдачи, когда предельные издержки производства знания становятся больше их предельной полезности; третий (Большая Эрозия) означает увеличение доли анти- и псевдознаний в совокупном объёме знаний. Это соответствует развитию таких кризисных явлений, как затоваривание, убыточность и массовый брак. Именно такое кризисное состояние рынка привело к эволюционному переходу от модели «рыцаря науки» (модели служения), когда исследователи прошлого были готовы к большим жертвам во имя науки, к модели «бюрократа и имитатора» (бизнес-модели), когда современные исследователи преимущественно

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2026). Глобальный рынок знаний: особенности, эволюция // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 36–55. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.2

For citation: Balatsky E.V. (2026). The global knowledge market: Features, evolution. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 36–55. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.2

но приспособляются к бюрократическим требованиям своих организаций и умело имитируют научную деятельность. Преодоление возникшего кризиса возможно за счёт «разгрузки» рынка посредством «списания» устаревших и нерелевантных когнитивных продуктов, что сопряжено с переходом от аддитивной парадигмы познания к субстративной.

Ключевые слова: знание, рынок знаний, научная деятельность, эволюция, модель служения, бизнес-модель, глобальный кризис.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда по теме «Новая парадигма российской науки: изменение конкурентных условий и рыночная ориентация научного знания», проект № 25-78-10068.

Введение: становление шаблонной науки

Начало XXI века ознаменовалось возникновением новых феноменов, влияние которых сегодня становится всё более ощутимым. При этом ключевые мегатренды последних десятилетий обладают внутренней логикой и тесной взаимосвязью, что не всегда очевидно для внешнего наблюдателя. В частности, научная сфера претерпела повсеместную трансформацию в сторону усиления формализации и регламентации на фоне уменьшения её содержательной продуктивности. Фактически мы являемся свидетелями становления отформатированной науки, когда все научные продукты по форме и содержанию откалиброваны по определённому шаблону, отклонение от которого либо недопустимо, либо нежелательно. Параллельно с этим произошло катастрофическое падение спроса на исследования, инновации и фундаментальные открытия в силу их низкой прикладной отдачи, а адекватная оценка компетенций научных кадров усложнилась и всё больше тяготеет к формальным тестам. Подобная ситуация провоцирует затяжной организационный кризис во всех звеньях научной системы: университетах, лабораториях и институтах. Несмотря на осознание необходимости глобальной реформы научно-образовательного комплекса, предпринимаемые усилия пока остаются безрезультатными. Во многом это связано с отсутствием системного понимания происходящих изменений с единых методологических позиций. Цель исследования — предложить системный взгляд и заложить единую аналитическую основу для понимания природы возникшего кризиса на рынке знания вообще и в научной сфере в частности.

Ядром нового взгляда выступает понятие рынка знаний, ибо его структура и эволюция в последние полвека позволяют понять суть тех проблем, с которыми сталкивается человечество. Одновременно с этим понимание особенностей современного рынка знаний позволяет наметить те реформы, которые необходимы для преодоления нынешних проблем, чем и обусловлен предлагаемый подход. Новизна авторского подхода состоит в аналитическом сопряжении элементов рынка знаний со сложившимися мегатрендами в области науки, экономики и политики.

Рынок знаний: понятие и структура

Чтобы понять проблемы, которые в настоящее время стоят перед университетским и исследовательским секторами, целесообразно обратиться к рынку знаний, его структуре и динамике. Для этого определим само понятие рынка знаний.

Рынок знаний в расширенной и вполне справедливой трактовке включает сегменты добычи, создания, распространения и использования знаний, функционирующие как единое целое; на всех этапах и во всех сегментах происходит оплата знаний (Антонец, 2018). Как правило, к рынку знаний относят и все отношения между его участниками по поводу создания, обмена и использования знаний (Салихов, Салихова, 2015). В упрощенной и более удобной трактовке можно говорить о сегментах предложения (производства) знаний и спроса (потребностях) на них, а также актах их купли-продажи по определённой цене.

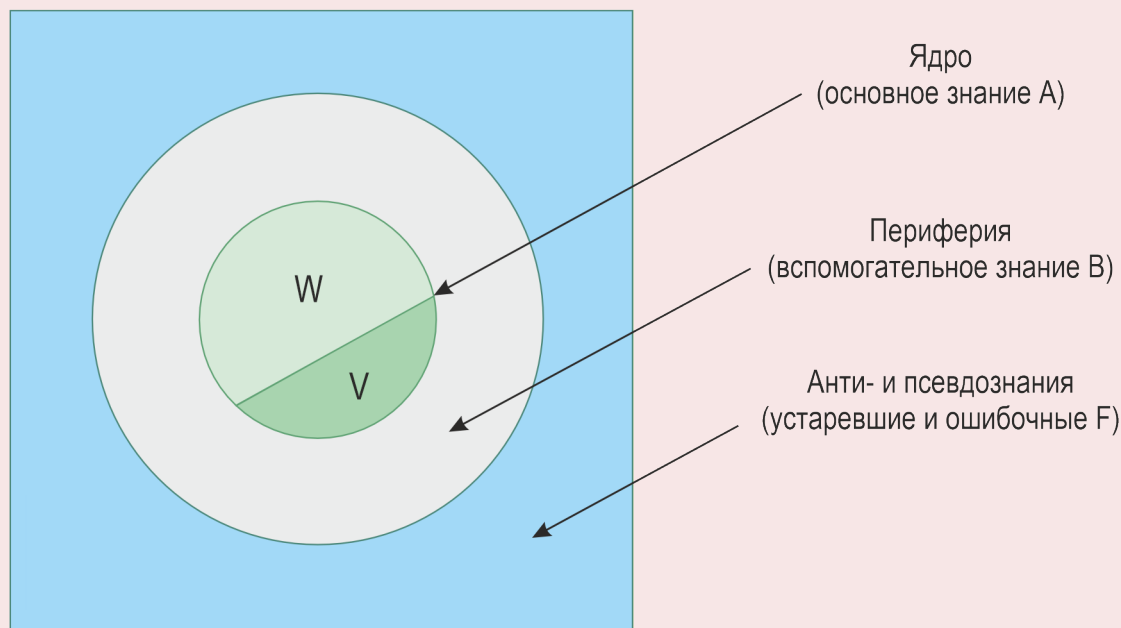
Если попытаться уточнить понятие рынка знаний, то следует иметь в виду следующее. Во-первых, рынок знаний отнюдь не эквива-

лентен рынку информации. В связи с этим под знанием здесь и далее будет пониматься некий упорядоченный набор оригинальных идей, моделей и теорий, их обоснований и доказательств, а также иллюстрирующих их статистических данных и исторических примеров. Подчеркнём, что речь идёт о всех видах знаний – естественных, технических, социальных и гуманитарных. Таким образом, знание – это не абстрактные биты информации, а вполне конкретные когнитивные конструкции, имеющие основательную логическую и эмпирическую основу. Например, новости сами по себе не относятся к рынку знаний, однако публикации в СМИ, разъясняющие (упорядочивающие и связывающие между собой) те или иные явления, становятся их полноправным элементом. Во-вторых, предложение знаний на соответствующем рынке – это совокупность когнитивных продуктов, удовлетворяющих приведённому выше критерию знания. Соответственно, спрос на знания представляет собой совокупность явных запросов со стороны разных экономических агентов на специальные и общие знания.

Оговоримся, что здесь и далее речь будет идти о глобальном рынке знаний, т. е. о планетарном явлении. Тем не менее это не отрицает возможности рассмотрения его отдельных региональных и отраслевых сегментов.

Совершенно очевидно, что рынок знаний является принципиально неоднородным. Однако для наших целей вполне достаточно будет трёхсекторной модели рынка знаний (рис. 1), в которой имеется ядро знаний (основное знание – А) в виде научных фактов и продуктов (статьи, отчёты, патенты, монографии и т. п.), периферия (вспомогательное или вторичное знание – В) в форме публицистики, популярных изданий, отчасти художественной литературы и статей в СМИ, а также псевдо- или антизнания (F) в тех же формах, как и предыдущие сегменты. Под псевдо- или антизнанием понимается устаревшее или ошибочное знание, по форме не отличающееся от обычного знания. Это, как правило, альтернативные трактовки событий и явлений, обоснования и доказательства которых либо неверные, либо сфальсифицированные. Форма антизнаний весьма разнообразна – от тенденциозных

Рис. 1. Структура рынка знаний

Источник: составлено автором.

статей в СМИ до фальшивых экспертных заключений, статистических данных, официальных правительственных заявлений и документов (Кирдина-Чэндлер, 2017). При этом псевдо- или антизнания могут появляться в результате как преднамеренного обмана, так и непреднамеренной ошибки. Тем самым источник искажений может быть разным, однако результат один и тот же.

Следует подчеркнуть, что антизнания формируются часто на основе фейков, а рынок последних в предыдущее десятилетие стал самостоятельным явлением. Сегодня уже принято говорить о фейк-индустрии как о реально существующем секторе экономики (Степанова, Манохина, 2019). Вместе с тем не следует путать антизнание с рассогласованием между элементами рынка знаний, которое вытекает из-за расхождения спроса и предложения вследствие когнитивных искажений ожиданий участников рынка (Антонец, 2018). Например, выявлено, что в Новосибирской области приоритеты студентов в востребованности направлений подготовки не меняются, в результате чего потребности предприятий в работниках не совпадают со структурой предложения на рынке труда (Анофриков и др., 2018). Данный факт даёт простейший пример несбалансированности работы сегментов распространения и использования знаний. Одновременно с этим подобные расхождения сами по себе могут пополнять сегмент антизнания и одновременно продуцироваться им.

Сказанное выше подразумевает вполне резонный вопрос: насколько правомерно сегмент псевдо- и антизнаний рассматривать в качестве полноправного элемента рынка знаний?

На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос должен быть положительным, ибо анти- и псевдознание (отрицательное знание) является непосредственным продолжением ядра и периферии знания (положительного знания). Фактически знание и антизнание срастаются в единый когнитивный массив, в котором одно не существует без другого, чем и обусловлено их совместное рассмотрение. Более того, на определённых этапах времени отдельные элементы ядра могут перемещаться в разряд антизнания и наоборот. В дальнейшем подобная структура рынка знания будет выступать в качестве его

важной особенности, предопределяющей некоторые когнитивные и экономические мегатренды.

Несмотря на свою простоту и очевидность, понятие рынка труда нуждается в некоторых комментариях. Например, знание не приравнивается к «поглощённой» информации, ибо знание может быть невостребованным и никем не воспринятым, но знанием от этого оно не перестаёт быть; фактически это означает, что на данное знание нет спроса. Знание также не сводится только к научному знанию, ибо сегодня имеет место огромный массив бытового знания (например, видеоролики о том, как и из чего делать ремонт, что-то строить, делать физические упражнения и т. п.; в этих роликах, как правило, даётся объяснение, почему и зачем делать именно так, а не иначе). Не является знанием и отдельный факт (даже научный), не встроенный в уже имеющиеся представления о мире; в науке такое встречается крайне редко. Аналогичным образом научный результат в виде установленного факта и раскрытия его значения для изучаемых явлений выступает знанием. Особо следует отметить, что отрасль науки и научная сфера базируются на рынке научного знания, но не сводятся к нему, ибо предполагают институциональное, материальное и кадровое обеспечение, что выходит за рамки понятия рынка знания.

Несмотря на кажущуюся тривиальность трёхсекторной модели рынка знаний, она служит очень удобной отправной точкой для дальнейшего рассмотрения долгосрочных глобальных трендов в сфере науки и экономики.

Дополнительные особенности рынка знания

Трёхсекторная модель рынка знаний может быть дополнительно уточнена путём структурирования ядра знаний на два элемента: активное (прикладное) знание (V) и пассивное (фундаментальное) знание (W) — две составляющие ядра). *Активное знание* представляет собой крайне небольшую часть всего научного знания, используемого в экономике, тогда как *пассивное знание* — это всё остальное знание, которое необходимо для воспроизводства научного знания. Главное свойство пассивного знания состоит в его постоянном накоплении, причём гораздо быстрее, чем активной части. Это вполне естественно, так как именно

из пассивного знания формируется активное, а пассивная часть никуда не исчезает и лишь всё больше и больше накапливается. Например, если какая-то математическая модель из экономической теории начинает использоваться в практике государственного регулирования, то сама эта модель сохраняется и в «архиве» рынка знаний.

Последнее свойство пассивного знания фиксирует тот факт, что оно разрастается быстрее активного знания, но само свойство накапливаться характерно для всего знания. Если A – объём основного (научного) знания (ядра), V – объём активного (используемого на практике) знания, а W – объём пассивного (используемого для самообеспечения) знания, то с течением времени (t) доля пассивного знания ($k = W / M$) должна возрастать на фоне того, что общий объём ядра также должен возрастать: $dk / dt > 0$; $dA / dt > 0$; $A = V + W$. Здесь уместна следующая аналогия: W и V выполняют роль *постоянных* и *переменных* издержек производства. Следовательно, если прирост активного (прикладного) знания на каких-то этапах нуллифицируется, то пассивное знание всё равно должно продолжать не только существовать, но и возрастать. Например, если астрофизика в течение некоего времени не даёт прикладных результатов, исследования в её области всё равно должны продолжаться (в противном случае начнётся деградация всего научного направления). Итогом такого хода событий становится постепенное увеличение доли k , что равносильно уменьшению действенности знания как такового.

Другое свойство знания связано с тем, что оно по своей природе относится к разряду информационных кумулятивных процессов, а выражающие его показатели относятся к переменным запаса, а не потока (Тарануха, 2023). В этом смысле знание похоже на капитал, который стремится к неограниченному накоплению. Действительно, знание в письменной форме, которое присуще современной цивилизации, редко полностью уничтожается, в связи с чем оно так или иначе сохраняется и пополняет общий фонд знания человечества. Например, философские трактаты Платона и Аристотеля, научные труды И. Ньютона и Г. Лейбница, романы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского по-прежнему находятся в активе накопленного ин-

теллектуального багажа современных людей. В отличие от знаний обычные товары, ресурсы и услуги как бы «ликвидируются» в процессе потребления; даже товары длительного потребления (здания, сооружения и т. п.) имеют свой жизненный цикл, по истечении которого они разрушаются или полностью обновляются (перестраиваются). Возникающие процессы девальвации и устаревания знаний не отменяют общего тренда к их накоплению. Итогом такой особенности знаний становится непомерное разрастание рынка знаний с уменьшением способности общества к активному освоению приобретённых когнитивных достижений. Проявление описанного свойства состоит в увеличении значения рынка знаний для современной экономики и формирования так называемого общества знаний (Коклан и др., 2010).

Третье свойство рынка знаний состоит в том, что для значительной его части производитель и потребитель совпадают. Например, научные статьи и монографии не являются конечным продуктом в привычном смысле слова, а выступают в качестве своеобразного полуфабриката, который впоследствии изучается и «перерабатывается» самими исследователями. Для того чтобы научное знание было потреблено представителями рыночной экономики, оно должно пройти дополнительную, и, как правило, весьма значительную доработку. Такое свойство затрудняет получение рынком знаний сигналов со стороны участников реальной экономики, что приводит к «производству» большого массива сомнительного знания, которое не может быть востребовано рынком и превращается в «вещь в себе», т. е. в некую невостребованную самооценку. В связи с этим формируются научные фантомы, которые ждут решения времени о своём окончательном статусе – живы они или мертвы.

Таким образом, природа знаний такова, что провоцирует бесконечное разрастание их объёма с ускоренным накоплением их пассивной части.

Первый мегатренд и Большая Рокировка на рынке знания

Первый мегатренд, характерный для рынка знаний, состоит в ускоренном накоплении знаний вплоть до качественной рокировки состояния рынка – от дефицита к избытку. Поясним этот тезис более подробно.

Любой рынок в определённый момент времени характеризуется взаимным состоянием спроса (D) и предложения (S). Если спрос больше предложения ($D > S$), то имеет место дефицит; в противном случае ($S > D$) наблюдается избыток; иногда существует рыночное равновесие ($S = D$). Дихотомия состояния рынка имеет огромное функциональное значение. Для иллюстрации этого положения напомним, что экономика СССР и всех других социалистических стран была построена по принципу дефицита, когда спрос на большинстве рынков товаров и услуг был больше предложения за счёт поддержания цен ниже их равновесных значений для обеспечения их доступности; в странах Запада, наоборот, всегда наблюдалось затоваривание рынков из-за превышения предложения над спросом по причине установления цен выше равновесных. Тем самым разница между социализмом и капитализмом состояла не только и не столько в разной форме собственности на средства производства, как это утверждала теория К. Маркса, а в разном состоянии рынков. Именно различное состояние рынков при капитализме и социализме стало основой введённого Я. Корнаи понятия «экономики дефицита» (Корнаи, 1990), которое стало методологической основой исследований специфических феноменов, характерных для разных экономических систем (Коряковцев, 2023). Апофеозом таких исследований можно считать теоретическую модель синдрома дефицита М. Вейцмана, в которой рассматривались такие его проявления, как очереди и запасы (Вейцман, 1990).

Сказанное подводит к пониманию того, насколько разными оказываются экономические системы с разными состояниями рынков. Что касается рынка знаний, то его состояние в XX веке радикально изменилось, что и предопределяет одну из существенных особенностей нынешнего общества. Причиной такой рокировки стала долгосрочная тенденция к накоплению знаний, получившая в литературе название экспоненциальной модели или правила Д. Прайса: в исторической ретроспективе действует эмпирическая закономерность, согласно которой численность научных сотрудников и число научных публикаций удваивается примерно каждые 10–15 лет (Price, 1963). Примечательно, что сам Прайс полагал, что на определённом этапе

рассматриваемый рост стабилизируется и из экспоненциального превращается в логистический (Price, 1963). Более поздние исследования показали существенное разнообразие моделей научного роста и отсутствие единых закономерностей (Fernández-Cano et al., 2004). Однако перепроверка правила Прайса продолжается. Например, самые свежие эконометрические расчёты на данных о количестве статей из четырёх баз данных: Dimensions (1670–2018 гг.), Microsoft Academic (1805–2018 гг.), Web of Science (1905–2018 гг.) и Scopus (1866–2018 гг.) — показывают, что среднегодовой темп роста научной продукции составляет 4,02%, а время удвоения её общего объёма — 16,8 года (Wognmann et al., 2021). Таким образом, экспоненциальный рост научных знаний сохраняется.

Продолжая данную линию исследований, рассмотрим ещё один частный, но вполне показательный пример рынка экономических журналов России, которых в системе РИНЦ на платформе «eLIBRARY.RU» на 11.04.2019 было зарегистрировано 1281 (Balatsky, Ekimova, 2019, p. 127), тогда как на 16.12.2025 их было уже 1859. Тем самым примерно за 6,5 года число рассматриваемых журналов возросло почти в полтора раза. Несложные расчёты показывают, что среднегодовой темп роста числа российских экономических журналов составляет 5,98%, а удвоение их числа относительно 2019 года произойдет через 12 лет, т. е. к 2031 году. Это ещё одно доказательство продолжающегося действия экспоненциального правила Дерека Прайса. Разумеется, одни сегменты рынка знаний растут быстрее «нормативной» величины, другие — немного медленнее, однако суть проблемы от этого не меняется.

Именно действие правила Прайса, имманентное для информационной сферы, привело к перенакоплению продукции на рынке знаний. Проведённый автором в 2025 году опрос российских экспертов¹ показал, что среди опро-

¹ Опрос охватил нерепрезентативную случайную выборку в 40 человек из нескольких профессиональных групп исследователей с учёными степенями кандидата и доктора наук по научным направлениям: физика (4 чел.), математика (4), инженерные науки (10), экономика (15), социология (4), политология (3); региональная представленность исследований: Москва (28 чел.), Санкт-Петербург (6), Екатеринбург (3), Ростов-на-Дону (3). Возраст экспертов оказался в максимально широком интервале: 46–93 лет. Время и место опроса — 2025 год, Москва.

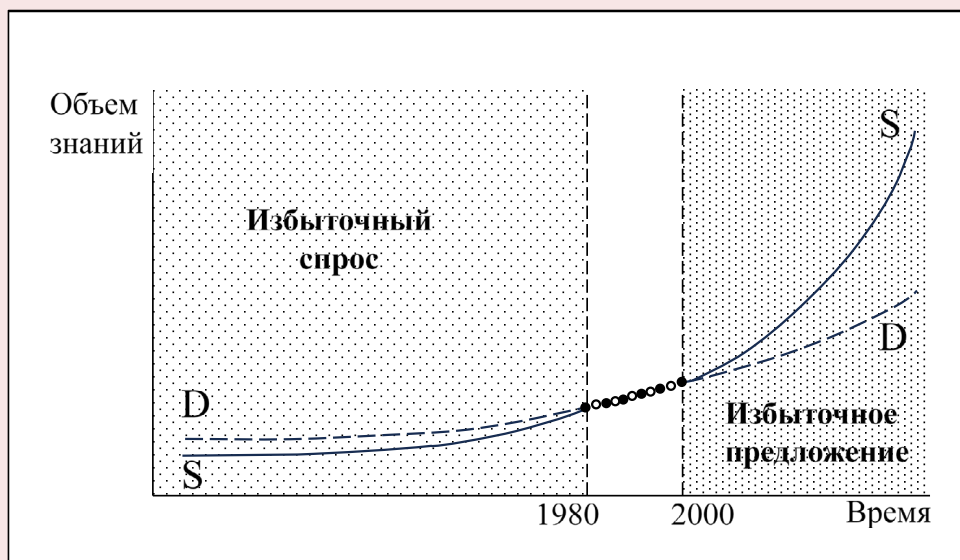
шенных имеется практически полный консенсус относительно не только самого факта возникновения избытка знаний, но и периода времени, когда произошла рокировка состояния рынка — это отрезок 1980–2000 гг. Эксперты полагают, что в течение последних 20 лет XX столетия имевший место дефицит знаний окончательно сменился их избытком (рис. 2). В последующие годы и особенно в XXI веке возникший избыток стремительно нарастал. Здесь и далее явление перехода дефицита знаний в их избыток для удобства будем называть *Большой Рокировкой*. Предлагаемое название подчеркивает цивилизационное значение рассматриваемого явления, ибо данное событие дало старт качественно новой фазе экономического роста и развития мировой системы.

Следует сказать, что сама идея о периодическом возникновении своеобразных *теоретических пузырей*, когда спрос на научные знания оказывается меньше их предложения, высказы-

валась давно (Балацкий, 2009). Однако в предыдущие века такие явления имели локальный и временный характер, тогда как сейчас Большая Рокировка стала глобальной и постоянно действующей. В её основе лежат информационные технологии, которые привели к невероятной в сравнении с предыдущими периодами времени доступности знаний.

Помимо научного ядра рынок знаний включает периферийное знание, которое также неизмеримо возросло за последние десятилетия. Так, по имеющимся оценкам, современный человек за месяц получает и обрабатывает столько же информации, сколько человек XVII века за всю жизнь, а общее количество данных на планете удваивается каждые два года, т. е. в 5–8 раз быстрее научных знаний. Кроме того, по оценкам компании International Data Corporation (IDC), доля полезной информации составляет всего лишь 35% от всей её массы². Тем самым сегмент анти- и псевдознаний также ускоренно расширяется.

Рис. 2. Большая Рокировка на рынке знаний

Источник: составлено автором.

² См.: Постолатий В. Эксперт: Объем информации в мире будет удваиваться каждые два года // Российская газета. 13.05.2013. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/infa-site.html>

Приведённые цифры говорят сами за себя — сегодня ни один человек уже не способен охватить накопленное знание даже в узкой области. Например, имеющиеся на сегодняшний день 1859 российских экономических журналов находятся за пределами любых физических возможностей человека — невозможно не только отслеживать их контент, но и само их число лежит за пределами разумных цифр. К этой массе добавляются иностранные периодические издания и монографии, количество которых ещё больше впечатляет. Никакие поисковые системы не могут решить содержательные проблемы, ибо конструктивное знание неравномерно распределено по всей имеющейся массе научной литературы и обнаружить его стало крайне сложно.

Принципиальную невозможность охвата современного знания можно наиболее показательнее проиллюстрировать на примере такого относительно нового литературного жанра, как научный бестселлер, к которому относятся книги, раскрывающие большие научные проблемы с системных позиций на основе оригинальных авторских идей с их солидным эмпирическим подтверждением и историческими иллюстрациями. Так, в России систематически переводятся на русский язык и издаются наиболее заметные зарубежные научные бестселлеры. Однако опыт показывает, что эта кампания не ведёт к широкому ознакомлению научной общественности с предоставляемыми знаниями — абсолютное большинство отечественных исследователей проходит мимо издаваемых книг. Наиболее ярким примером тому служит нашумевшая книга Тома Пикетти «Капитал в XXI веке» (Пикетти, 2016), которая вызвала мощнейший резонанс в мировом сообществе. Достаточно напомнить, что через год после выхода книги на французском языке журнал «Real-World Economics Review» посвятил специальный выпуск обсуждению её тезисов. В развернувшейся полемике принял участие и один из самых авторитетных в мире экономических журналов — «Journal of Political Economy». Причем развернувшаяся дискуссия приняла подлинно международный характер, охватив представителей почти всех стран мира. Однако на этом фоне в России наблюдалось почти полное интеллектуальное затишье: несколько простых переводных работ,

самые простые обзоры зарубежных публицистов и пара расширенных рецензий исчерпывают поднятую Пикетти тематику (Балацкий, 2017; Лапин и др., 2020). Проведённый автором опрос российских экономистов и политологов на предмет их знакомства со знаменитым бестселлером Пикетти показал, что абсолютное большинство респондентов было в курсе существования данной книги, однако никто из них полностью её не прочитал³. В качестве оправдания все опрошенные отмечали колоссальный объём издания и его перегруженность цифровым материалом. Таким образом, даже самые значительные научные события в современном мире часто проходят мимо широкой научной общественности.

Предваряя аргументы о том, что подобная «глухота» научного сообщества не является критичной для самой науки, приведём ещё один пример, связанный с выходом в свет трёх научных бестселлеров Дарона Аджемоглу, Джеймса Робинсона и Саймона Джонсона (Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021; Аджемоглу, Джонсон, 2024). С этими книгами ситуация в России ненамного лучше, чем с монографией Пикетти: число специалистов, внимательно ознакомившихся со всеми тремя работами, исчисляется буквально несколькими экономистами. И такое положение дел трудно оправдать, ибо указанные три автора за цикл своих работ в 2024 году получили Нобелевскую премию по экономике. Более того, их три монографии подверглись тщательному анализу для определения используемых ими методов достижения популярности в научной и широкой общественности (Мальцев, Шаститко, 2025). Тем не менее, ограниченность времени и сил ставят непреодолимый барьер в ознакомлении с новыми знаниями. Число даже самых значительных научных бестселлеров в мире таково, что современный исследователь может их освоить лишь выборочно, что снижает его общий мировоззренческий кругозор.

³ На протяжении 2021–2025 гг. автором был проведен опрос 100 российских экономистов (80 чел.) и политологов (20 чел.) на предмет знакомства со знаменитым бестселлером Пикетти; региональная представленность исследований: Москва (91 чел.), Санкт-Петербург (3), Екатеринбург (3), Ростов-на-Дону (3). Возраст экспертов находится в широком интервале: 32–87 лет. Место опроса — Москва.

Рассмотренная Большая Рокировка стала событием, запустившим целый ряд новых явлений, среди которых кратко отметим только три.

Во-первых, возникли принципиальные сложности в потреблении знаний: охватить все необходимые знания невозможно из-за физической нехватки у людей времени и сил; получение даже самых необходимых и важных сведений требует чрезмерно много времени. Иными словами, новые реалии породили повышенные требования к когнитивным способностям и навыкам современным людям, которые не могут быть реализованы из-за биологических и физиологических ограничений человеческого организма. В масштабах планеты население просто физически не может эффективно «потребить» накопленное знание.

Во-вторых, возникли принципиальные сложности в трансфере знаний на другие рынки: трудно понять, куда деть имеющиеся знания; большой объём общего и узкоспециализированного знания вообще не может быть востребован рынком. Можно сказать, что в экономике не появился сегмент экономики, емкость которого была бы достаточна для потребления всего разнообразия современных знаний.

В-третьих, возникли новые требования к традиционным видам деятельности (исследованиям, преподаванию и т. п.), которые отрицают старые и хорошо зарекомендовавшие себя институты (лекции, диссертации, статьи, университеты, институты, библиотеки и т. п.). Новые цифровые реалии привели к девальвации старых организационных форм работы со знаниями, а также связанных с ними профессий и видов деятельности.

Таким образом, феномен Большой Рокировки породил новые и весьма масштабные вызовы, на которые общество пока не находит ответа.

Второй мегатренд и Большая Инверсия на рынке знаний

Второй мегатренд, характерный для рынка знаний, состоит в постепенном удорожании их производства с одновременным падением их предельной полезности вплоть до качественного изменения стоимостного баланса, когда предельные издержки производства знания

становятся больше их предельной полезности. Поясним этот тезис более подробно.

В соответствии с элементарной экономической логикой производство знания оправдано до тех пор, пока выполняется неравенство: $dC/dA < dU/dA$, где A — объём научных знаний; C — издержки на производство знания; U — полезность знаний. Тем самым предельная полезность производимого знания должна перекрывать предельные издержки на его производство. Однако на протяжении последних по крайней мере ста лет имела место тенденция, когда рост уровня благосостояния населения приводил к росту стоимости труда исследователей и уменьшению отдачи от научных разработок. Тем самым незаметно состоялся ещё один знаковый переход на рынке знаний — от условия полной окупаемости знаний ($dC/dA < dU/dA$) к нарушению этого условия ($dC/dA > dU/dA$). Для удобства здесь и далее будем называть этот переход *Большой Инверсией* на рынке знаний, породившей стоимостной дисбаланс в сфере его производства.

В основе Большой Инверсии лежит несколько «внутренних» эволюционных трендов, слившихся в указанное явление.

1. *Укрупнение и удорожание научных лабораторий.* Речь идёт о том, что вплоть до XX века наука оставалась областью креативных единиц — самостоятельных исследователей. Например, в XVII и XVIII вв., на которые пришлась деятельность Исаака Ньютона, можно было проводить передовые исследования по преломлению света на основе домашней лаборатории: Ньютон спокойно закупал в местных лавках все необходимые элементы для научного оборудования и сам его конструировал в домашней обстановке; он сам изготовил и инновационный для того времени зеркальный телескоп (Вавилов, 1989). Даже в середине XIX века лаборатории крупных учёных были похожи на фаустовскую: в 1859 году в лаборатории Германа Гельмгольца была небольшая комната для профессора без отдельного помещения для его ассистента, а в самой лаборатории работало всего 4 человека; собственная лаборатория Ивана Сеченова в Санкт-Петербургском университете располагалась в нижнем этаже надворного флигеля и состояла из двух комнат (Антонец, 2018). И даже ещё в начале XX века американский

физик-экспериментатор Роберт Вуд мог у себя на даче создавать передовые спектроскопы и дифракционные решётки, а в коровнике собрать и разместить ртутный телескоп (Сибрук, 1985). Однако начиная с середины XX века наука становится чрезвычайно дорогим делом, а научные исследования требуют огромных денег. С этого момента предельные издержки на производство научных знаний начинают стремительно расти, завершаясь Большой Инверсией.

2. *Рост уровня благосостояния и цены научных кадров.* Если предыдущий фактор затрагивает материальную основу науки в виде производственной инфраструктуры (помещений и оборудования), то данный аспект проблемы касается стоимости рабочей силы для производства научных знаний. Этот процесс носит цивилизационный характер и напрямую сопряжен с двумя взаимосвязанными процессами: во-первых, все ресурсы планеты освоены социумом и стали его частью, во-вторых, социум, постоянно потребляя планетарные ресурсы, приводит к их исчерпанию, дефициту и росту их стоимости. Эти два тезиса следует пояснить.

Социум по своей природе представляет некую антиэнтропийную систему, способную к выживанию в самых сложных условиях за счёт своей способности постоянно изыскивать новые ресурсы для решения возникающих проблем (Джемаль, 2022, с. 55). В современном глобальном мире общество стало абсолютно вездесущим – даже такие явления, как море, пляж, необитаемые острова, горы, пустыни, нефть и т. п. превратились в явления социальные и получили свою стоимостную оценку (Джемаль, 2022, с. 58). Ничейных, дармовых и дешёвых ресурсов уже нет, они все учтены и оценены. Однако в процессе удорожания всех природных ресурсов происходит удорожание человеческой жизни. В сложных сообществах, в которых мы все живём сейчас, расходы домохозяйства очень высоки, ибо включают в себя жильё, машины, коммунальные услуги, налоги, здравоохранение, образование и т. п. Прямым итогом этого процесса является «удорожание» детей, которых приходится растить, развлекать, следить за их здоровьем, давать им образование и пр., как правило, на протяжении более двух десятилетий, в течение которых они не приносят семье никакой экономической выгоды.

В простых обществах расходы на содержание домохозяйства были невелики, ибо состояли из еды, элементарного жилья, базовой одежды и ещё нескольких простых благ, а дети с раннего возраста участвовали в семейном хозяйстве, что в Северной Америке XVIII века было эквивалентно дополнительному чистому доходу семьи в 100 фунтов (Galbraith, 2024). Удорожание ресурсов планеты, которое окончательно завершилось в 1970-х годах, когда выросли цены на энергоносители, продукты питания, процентные ставки и плата за обучение, вывело детей из экономического кругооборота, сделало их «нерентабельными» и привело к тотальному демографическому спаду (Galbraith, 2024). Следствием таких процессов стало то, что исследователь аналогичным образом превратился в крайне затратный ресурс, который помимо всего прочего требует больших издержек на подготовку и текущее содержание. Окупить такие траты становится крайне проблематично в условиях параллельного падения отдачи от научного труда.

Простейшим объяснением низких затрат на исследования до XIX века включительно служит тот факт, что до этого времени большинство научных открытий делалось исследователями-любителями из среды врачей и священников, которые были достаточно образованными, чтобы заниматься сложной аналитической работой, и достаточно зажиточными, чтобы ежечасно не беспокоиться о выживании. Открытия этих людей доставались обществу в буквальном смысле бесплатно, т. к. они делались в свободное от основной работы время. В XX веке условия поддержания этой модели были исчерпаны.

3. *Падение отдачи от научных исследований.* Логика познания мира предполагает разные этапы на этом пути. Например, И.Р. Шафаревич рассматривал два этапа развития Западного мира – ранний, связанный с созданием науки посредством открытия законов природы (духовное постижение мира), и поздний, в рамках которого происходило создание техники за счёт использования уже известных законов природы (практические приложения духовных достижений) (Шафаревич, 2003, с. 421). Второй этап связан с генерированием двух типов инноваций – прорывных, создающих новые рынки с

высокой прибыльностью, и поддерживающих, обеспечивающих функционирование и расширение уже существующих рынков (Поскочинова, Петров, 2024). Тогда правомерно говорить о последовательных потоках открытий, прорывных и поддерживающих инноваций, общая закономерность в которых такова, что более глобальные научные результаты становятся более редкими, а более скромные – более частыми. Есть основания считать, что период открытий к середине XX века завершился, по крайней мере поток значимых открытий и их масштабность в более позднее время явно сократились. Сегодня наблюдается нечто подобное в отношении прорывных инноваций. Например, термоядерное оружие, АЭС, космическая индустрия, компьютерные технологии, генетика и кибернетика, появившиеся во второй половине XX века, по своему значению и масштабам не имеют аналогов в XXI веке. Тем самым рыночная отдача от исследований и разработок имеет тенденцию к уменьшению.

Можно попытаться привести простейший частный, но очень наглядный пример для иллюстрации произошедшей Большой Инверсии. В настоящее время в России издан на русском языке учебник Дарона Аджемоглу⁴ по теории экономического роста (Аджемоглу, 2018a; Аджемоглу, 2018b). Данный опус состоит из двух толстых томов увеличенного, если не сказать гигантского, формата: первый включает 928 страниц, второй – 736. Все эти 1664 страниц испещрены бесконечными формулами и графиками и требуют поистине титанической работы по освоению изложенного в них материала. Однако можно смело утверждать, что человек, изучивший предлагаемую теорию экономического роста, не получит релевантного знания об этом процессе и, скорее всего, не сможет воспользоваться полученными знаниями для понимания окружающего мира и уже тем более для зарабатывания денег. Поясним сказанное.

Для сравнения: столетие назад достаточно было изучить гораздо меньше материала и претендовать на место в составе интеллектуальной элиты, оказывая заметное влияние на «боль-

⁴ На русский язык фамилия автора транскрибируется по-разному: иногда – Аджемоглу, иногда – Асемоглу; во избежание разночтений здесь и далее мы используем первый вариант.

шую политику». Примером такого человека служит Дж. М. Кейнс, который не злоупотреблял математическими выкладками, но на основе своей достаточно компактной теории сформировал идеологический вектор в государственном регулировании и стал богатейшим человеком своего времени. Что касается учебника Д. Аджемоглу, то всё его содержание внутренне противоречиво. Во-первых, изложенные в нём теории были сгенерированы в основном представителями белой расы, демонстрировавшей до недавнего времени чудеса экономического и технологического развития, тогда как теперь, невзирая на наличие столь разнообразного аналитического материала в данной области, белая раса просто постепенно исчезает с планеты из-за демографической депопуляции. Во-вторых, аналогичная логика применима и к доминированию Запада, который создал современную технологическую цивилизацию, а теперь на наших глазах уступает свои позиции Азии. В-третьих, экономический подъём Китая за последние 40 лет никак не объясняется набором представленных в книге Аджемоглу теорий. Всё это говорит о некоем принципиальном изъяне во всех теориях экономического роста и их сомнительной релевантности. На качественном уровне можно сделать вывод о том, что предельная полезность подобного знания явно не перекроет предельных издержек на их получение.

Итак, на одной стороне весов имеющихся теорий экономического роста оказывается незначительная (если не нулевая) предельная полезность полученного знания, а на другой – несоизмеренная с ней сумма предельных издержек. Разумеется, такая ситуация является не уникальной для современной науки, а скорее типичной: накопление даже очень больших и изощренных знаний не даёт человеку гарантий устойчивой работы и достойного заработка, а также основы для принесения общественной пользы.

Третий мегатренд и Большая Эрозия на рынке знаний

Третий мегатренд, характерный для рынка знаний, состоит в постепенном увеличении доли анти- и псевдознаний в их совокупном объёме. Как и в предыдущих случаях, поясним этот тезис более подробно на примерах.

В соответствии с введёнными ранее понятиями часть объёма научных знаний (A) со временем переходит в разряд анти- или псевдознаний (F), следовательно, доля $z = F/A \rightarrow 1$ (или $dz/dA > 0$, или $dz/dt > 0$). Как это ни парадоксально, разные науки дают нам множество примеров подобного хода событий.

Первый пример связан с историей Древнего Рима и смертью Публия Корнелия Сципиона Эмилиана (Сципиона-младшего), в отношении которого сначала высказывались недоказанные подозрения в убийстве, а потом возобладала версия внезапной и необъяснимой кончины. В наше время Т.А. Бобровникова осуществила историческое расследование этого факта, в результате чего был не только доказан факт убийства Сципиона, но и раскрыты его участники и исполнители (задушил его Гай Папирий Карбон, а дала снотворное Сципиону и открыла дверь убийце его жена — Семпрония, сестра знаменитых братьев Гракхов), а также причины сокрытия правды (нежелание друзей и родственников убитого предавать публичной огласке супружескую жизнь великого человека из знатного рода) (Бобровникова, 2001). Таким образом, через 2 тыс. лет тезис о внезапной и необъяснимой смерти Сципиона-младшего был опровергнут и перешёл из знания в антизнание. Примечательно, что в русскоязычной Википедии до сих пор фигурируют альтернативные, во многом нелепые и уже опровергнутые версии смерти Сципиона Африканского⁵, а в англоязычной энциклопедии подаётся устаревшее мнение, что современные историки склоняются к смерти по естественным причинам⁶.

В качестве контраргумента против приведённого примера можно указать, что новое знание является *уточняющим*, а не *принципиальным*: смерть полководца является фактом, а характер смерти (насильственная или естественная) — дополнением к имеющемуся факту. Однако в современной древней истории есть и принципиальные опровержения старых положений. Например, смерть Митридата VI Евпатора Понтийского у историков также получила

свою официальную версию, согласно которой после поражения в длительной войне против Рима Митридат был окружён в своём дворце и попытался отравиться, что не получилось из-за имевшегося у него иммунитета к ядам, и он попросил своего телохранителя Битуита убить его. Однако Адриенна Мэйор осуществила современную реконструкцию исторического события, в соответствии с которой Митридат организовал грандиозную инсценировку своей смерти, а сам бежал в Скифию; все элементы новой версии получают подтверждение в дошедших до нас источниках (Мэйор, 2015). В данном случае опровергается сам факт смерти Митридата, который прожил в скифских степях долгую жизнь. Тем не менее и в русскоязычной, и англоязычной Википедии до сих пор фигурирует старая версия⁷. Тем самым знание и антизнание сосуществуют в современном информационном пространстве и формируют разнонаправленные нарративы. Характерным является и то, что старая версия смерти Митридата с предварительным отравлением его дочерей закрепились во многих произведениях искусства — живописных полотнах, средневековых миниатюрах и гравюрах, пьесах, драмах, новеллах и романах, операх и либретто (Мэйор, 2015). Соответственно «вычистить» старые представления и аннулировать миф об убийстве Понтийского царя оказывается весьма проблематично.

В экономике также происходит своеобразное обнуление старых знаний. Ярким примером тому может служить магистральная теория, которая в своё время стала одним из генеральных направлений экономической мысли. Эта теория дала не только знаменитый луч фон Неймана (магистраль) и многочисленные теоремы о магистрали (теоремы в сильной, слабой, полусильной и полуслабой формах, теорема о кривой магистрали и т. п.), но и использовалась для синтеза разных задач, когда в качестве системы ограничений модели имплантировалась, например, межотраслевая схема В. Леонтьева. Такой подход позволял превращать абстрактную математику в более содержательные экономические задачи, что в свою очередь подпитывало ожидания в отношении возможностей

⁵ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Публий_Корнелий_Сципион_Эмилиан_Африканский

⁶ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Scipio_Aemilianus?ysclid=mjvx56utsg980685367

⁷ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Митридат_VI; https://en.wikipedia.org/wiki/Mithridates_VI_Eupator

этого направления. Однако теперь магистральная теория окончательно отвергнута по причине того, что она так и не дала конструктивных результатов (Балацкий, 2025). Сегодня складывается ощущение, что магистральной теории никогда и не было, а все её результаты пополнили архив псевдознаний, которые характеризуются бесплодностью для реальной экономической жизни.

Нечто похожее происходит уже во всех науках, включая физику. Например, современная космология базируется на теории большого взрыва, согласно которой возникновение Вселенной произошло примерно 14 миллиардов лет назад в результате взрыва сингулярности — бесконечно плотной точки сжатой материи. Однако данные астрономических наблюдений убедительно показывают, что в данную теорию не вписываются космические сверхскопления: данные с телескопа Джеймса Уэбба фиксируют, что зрелые галактики существуют в эпоху, когда они не должны были бы сформироваться. Роджер Пенроуз из Оксфордского университета, ставший в 2020 году лауреатом Нобелевской премии по физике, выдвигает альтернативную космологическую теорию, согласно которой Большой взрыв был не началом, а лишь одним из звеньев ряда циклических Больших взрывов (Troster, 2014). Более того, Пенроуз даёт сугубо научный вариант альтернативной теории⁸. Сегодня сообщество астрофизиков пребывает в патовой ситуации, не признавая и не отрицая того факта, что старая космология, на создание которой ушло более 100 лет, уже не является релевантной когнитивной конструкцией.

Таким образом, в основе процесса постепенного устаревания знаний и их перехода из актива в пассив научного архива лежит динамичность самого процесса познания. Со временем доля пассива оказывается недопустимо большой, что мешает дальнейшему нормальному функционированию рынка знаний.

Кризис на рынке знаний: характеристики и следствия

Выше было рассмотрено три мегатренда на рынке знаний, которые привели к принципиальной перестановке сил на нём. Возникшая ситуация по всем критериям соответствует признакам рыночного кризиса. Рассмотрим эти проявления более подробно.

Первая характеристика рынка знаний ($S > D$) с экономической точки зрения может классифицироваться как хроническое *затоваривание*. Следует сказать, что затоваривание рынков товаров и услуг вообще характерно для капиталистических систем, однако в данном случае дело дошло до знаний, производство которых превысило потребности общества. Данная ситуация возникает тогда, когда фактическая цена на рынке знаний (P) оказывается выше предельной полезности товара, т. е. эквивалентно выполнению неравенства: $P > dU/dA$ (табл. 1).

Вторая характеристика рынка знаний ($dC/dA > dU/dA$) с экономической точки зрения может трактоваться как *убыточность* их производства. Опять-таки банкротство компаний и даже целых отраслей типично для капитализма, однако убыточность производства знаний также представляет собой относительно новое явление. Важное обстоятельство, которое

Таблица 1. Характеристики мегатрендов рынка знаний

Мегатренд			
№	Название	Сущность	Рыночные условия
1.	Большая Рокировка	Ускоренное накопление знаний и переход состояния рынка от дефицита к избытку	$S < D \rightarrow S > D$; $P < dU/dA \rightarrow P > dU/dA$
2.	Большая Инверсия	Удорожание производства знаний до состояния, когда предельные издержки производства знания становятся больше их предельной полезности	$dC/dA < dU/dA \rightarrow dC/dA > dU/dA$
3.	Большая Эрозия	Увеличение доли анти- и псевдознаний в совокупном объёме знаний	$dz/dA > 0$

Источник: составлено автором.

⁸ См.: Gurzadyan V.G., Penrose R. Concentric circles in WMAP data may provide evidence of violent pre-Big-Bang activity. URL: <https://arxiv.org/pdf/1011.3706>

следует подчеркнуть, состоит в том, что в обоих случаях ведущим элементом рынка знаний выступает предельная полезность продукта. Следовательно, затоваривание рынка происходит не из-за чрезмерного завышения фактических цен, а из-за катастрофического снижения предельной полезности знаний. Аналогичным образом убыточность рынка знаний связана не с непомерными предельными издержками на их производство, а опять-таки слишком низкой величиной предельной полезности знаний. Оба обстоятельства связаны не столько с субъективными факторами, сколько со спецификой самого товара — знания и его нынешнего этапа формирования.

Третья характеристика рынка знаний ($dz/dA > 0$) с экономической точки зрения может интерпретироваться как массовое наличие на рынке *бракованного товара*. Специфика рынка знаний состоит в том, что со временем доля брака на нём возрастает без устойчивых возвратных тенденций. Здесь, как и в предыдущих случаях, рост брака вызван не ошибками в ходе производства знания, а самим фактом его усложнения и устаревания, который возникает на зрелых этапах эволюции рынка.

Одновременное наличие указанных трёх кризисных проявлений позволяет диагностировать *глобальный кризис* на рынке знаний, т. е. кризис по всем ключевым направлениям.

Первые два проявления кризиса на рынке знаний достаточно полно определяются следующими неравенствами.

$$P > dC/dA > dU/dA. \quad (1)$$

Иерархия переменных в неравенстве (1) очень важна, так как показывает парадоксальную ситуацию, когда потенциальная убыточность погашается фактическими ценами и банкротство производства знания откладывается на неопределённый срок. Такой парадокс имеет вполне естественное объяснение.

Дело в том, что знание выступает в двух формах — как частное и общественное благо. Первое может быть непосредственно передано потребителю с взиманием соответствующей цены за это, второе предполагает потребление многими людьми, но без конкретных выплат со стороны человека. Здесь имеет место полная аналогия с традиционными частными и общественными благами. Лечение зуба — это част-

ное благо, а прогулки в парке — общественное; за зуб платит клиент, а содержание парка осуществляют муниципальные власти. Также и со знаниями, но только в модифицированном виде: большинство знаний, будучи общественными благами, производится, оплачивается и отчасти потребляется институциональным экономическим агентом — государством (университетами, институтами, государственными фондами и т. п.). Фактически оплата производства знаний осуществляется из государственного бюджета, что и позволяет «обмануть» рынок, косвенно балансируя цены, издержки и результаты когнитивной деятельности. В противном случае рынок научных знаний давно бы обанкротился.

Описанная специфика рынка знания приводит к тому, что возникающие на нём кризисные явления долгое время могут оставаться незамеченными или попросту игнорироваться. Именно с этой ситуацией мы имеем дело в настоящее время. Это отнюдь не означает, что власти не предпринимают попытки решить проблему, однако они идут по линии незначительной адаптации существующих государственных и частных институтов под изменяющиеся условия. Это вполне логично, когда само производство и потребление знаний осуществляется преимущественно между институциональными участниками рынка. Такая регуляторная парадигма наиболее отчётливо воплотилась в концепции разных поколений университета. Последняя рассматривает университет как когнитивный общественный институт, обеспечивающий воспроизводство и развитие мышления. Сегодня рассматривают четыре поколения университетов: Университет 1.0 (*схоластический*, характерный для доиндустриальной эпохи); Университет 2.0 (*исследовательский*, соответствующий индустриальной стадии развития); Университет 3.0 (*предпринимательский*, адекватный для постиндустриальной эпохи); Университет 4.0 (*когнитивный*, отвечающий потребностям будущего) (Ефимов, Лаптева, 2017; Ефимов, Лаптева, 2024). Для изучения специфики указанных поколений университетов используются разнообразные теоретические конструкции: пирамидальная модель региональной конкурентоспособности, алмазная модель университетов, модель тройной спирали и т. п. (Zuti, Lukovics, 2015).

Между тем все указанные категории во многом вуалируют проблемы рынка знаний. Если отбросить частности, то смысл концепции поколений университетов состоит в том, чтобы возлагать на университеты всё больше и больше обязательств по их выживанию в условиях возрастающих рыночных вызовов. При этом параллельно происходит регламентация многих видов профессиональной деятельности путём создания институциональных стимулов по получению людьми соответствующего образования и тем самым поддержания спроса на услуги высших учебных заведений. Однако сейчас уже очевидна искусственность подобных подходов. В частности, происходит аберрация исходных представлений об учёбе в университетах. Например, в университетах прошлого не столько учили студентов, сколько студенты в них сами учились — каждый в меру своих сил и способностей (Вавилов, 1989). Фактически университеты уже тогда были своеобразными площадками для встреч талантов разного возраста, а все представления о каких-то особых методах обучения являются домыслами. Например, типичным отрицанием «высокой» миссии университетов выступает тот факт, что Исаак Ньютон, преподававший в Кембриджском университете, не котировался у своих студентов — его лекции для них были скучными и непонятными, мэтр часто приходил на лекции в аудиторию, в которой не было ни одного слушателя; Ньютон ждал 15 минут и отправлялся домой (Вавилов, 1989). И это отнюдь не анекдот, а реальность XVII и XVIII веков в Кембриджском университете с И. Ньютоном в главной роли. Данный пример говорит о том, что уже в указанное время опции исследования и преподавания плохо совмещались, что и стало основанием для Готфрида Лейбница (современника Ньютона) выдвинуть идею академии наук в противовес университетам. Сегодня в России взята на вооружение модель университетов, где сотрудники должны совмещать компетенции исследователя, преподавателя, пропагандиста и администратора, что в реальности сделать невозможно, а кризис на рынке знания сохраняется в латентной форме.

Попытки «заставить» университеты и институты активно выходить на рынок, которого фактически нет, приводят к бюрократизации всех элементов системы науки и образования.

Одной из «находок» нового времени является концепция непрерывного образования, согласно которой люди должны учиться всю жизнь. Это сильно противоречит тому, что было всего 100 лет назад, когда формализм в науке фактически отсутствовал. Напомним для этого некоторые факты из биографии крупнейшего биолога и генетика СССР Н.В. Тимофеева-Ресовского: он потерял сертификат о школьном образовании, не стал сдавать государственные экзамены в университете и не получил диплома о его окончании; примечательно, что в то время так поступали многие студенты — получив необходимые знания и навыки, они не стремились получить формальный образовательный документ (Гранин, 2023). Несмотря на отсутствие образовательных сертификатов, Тимофеев-Ресовский успешно работал в ведущих университетах и исследовательских институтах страны, а с 1925 года руководил в Германии отделом генетики и биофизики в Институте исследований мозга. Примечательно, что в Германии Н.В. Тимофеева-Ресовского приняли безоговорочно даже безо всяких удостоверений об образовании и квалификации; для этого оказалось достаточно рекомендательного письма от его руководителя Н.К. Кольцова, уже тогда считавшегося классиком современной биологии (Гранин, 2023). Сегодня без набора образовательных сертификатов даже самый успешный исследователь не получит работы.

Сложность современного знания и его не востребованность порождают ещё одно требование к исследователям — публикационную активность. Однако механистичность этого требования в отрыве от содержательных аспектов привела к распространению наукометрических методов и критериев, появлению феномена «хищничества» на рынке научных журналов и распространению «мусорных» публикаций. Выборочные исследования показали, что в России с 2015 года экономисты ежегодно публикуют не менее 1000 работ в «токсичных» изданиях, а в среднем за период 2010–2019 гг. практически каждая третья публикация по экономике с российской аффилиацией вышла в «хищнических» журналах; по абсолютному числу «мусорных» работ, опубликованных за этот период, Россия уступала лишь Индии (Балацкий, Юревич, 2021). Сегодня идёт написание наукообразных статей с помощью искусственного

интеллекта, что окончательно разрушает принципы научного исследования. Это всё типичные примеры того, как академическое знание переходит в анти- и псевдознание, а рынок знаний переполняется «бракованным товаром».

Сказанное противостоит старой модели «рыцаря науки», когда научные исследования были сопряжены с настоящими подвигами со стороны учёных. Например, достаточно напомнить, как Иоганн Кеплер открыл свои три закона движения планет: после утомительного дня, заполненного преподаванием и составлением гороскопов, он ночами урывал у себя драгоценное время сна для бесконечных вычислений (Лишевский, 1986). Аналогично Илья Мечников испытывал на себе влияние некоторых инфекционных болезней: в 1881 году он ввёл себе кровь больного тифом, в результате чего тяжело заболел и еле выздоровел. В 1911 году он организовал и возглавил экспедицию в прикарпатские степи — очаг эпидемии чумы и туберкулеза, где сделал ряд важных открытий⁹. Приведённые примеры говорят о перерождении институтов производства и передачи знания, когда на наших глазах происходит эволюционный переход от модели «рыцаря науки», когда исследователи прошлого были готовы к большим жертвам во имя науки, к модели «бюрократа и имитатора», когда современные исследователи преимущественно приспосабливаются к бюрократическим требованиям своих организаций и умело имитируют научную деятельность. Ранее модель «рыцаря науки» называлась моделью служения и для неё было характерно наличие так называемой академической ренты, а модель «бюрократа и имитатора» трактовалась как бизнес-модель с присущей ей эксплуатацией эффекта масштаба (Балацкий, 2014).

Кризис на рынке знаний: возможности преодоления

Всё рассмотренное выше позволяет диагностировать масштабный и одновременно глубокий кризис на рынке знаний. Однако меры, предпринимаемые властями, не могут решить возникшую проблему. Они лишь немного сглаживают назревшие противоречия и позволяют отложить их урегулирование на будущее. Есть основания полагать, что решение должно быть основано на иной методологической парадигме.

⁹ См.: <https://ria.ru/20250515/mechnikov-2016631032.html?ysclid=ml5jsda4s5845873908>

В связи с этим правомерно задаться вопросом не только о том, как можно и нужно действовать в подобной ситуации, но и о том, как вообще могут дальше развиваться события.

Для лучшего понимания ситуации рассмотрим то, как национальная экономика справляется с обычным кризисом с характерной для него проблемой сбыта. Здесь возможны две принципиально разные линии развития. Первая предполагает появление либо неких инноваций на рынках, которые дают новый импульс к производству, либо новых рынков, запуск которых также даёт старт новому производству. Старые товарные рынки могут остаться, а могут исчезнуть, но в любом случае новые рынки должны быть более глобальными и их возникновение с запасом компенсирует исчезновение старых товарных групп. Вторая линия развития предполагает выход из затянувшегося тупика посредством войн и вооружённых конфликтов, когда старые материальные ценности уничтожаются с последующим перезапуском производства. В этом случае происходит «разгрузка» старых рынков путём их физического разрушения и повтор производственного цикла с более низкого уровня. Так или иначе, но чего-то подобного следует ожидать и на рынке знаний, но с учётом его специфики.

Понимание той революции, которая грядёт на рынке знаний, позволит разгрузить его перегруженный архив, даст переход от аддитивной парадигмы к субтрактивной. Согласно Н. Талебу, *аддитивное* знание формируется по принципу добавления нового к уже имеющемуся старому, а *субтрактивное* (разностное) знание создаётся путём вычитания из имеющегося багажа того, что уже нерелевантно, с сохранением главного (Талеб, 2012). «Считается, что ум — способность замечать значимое (обнаруживать закономерности), но в сложно устроенном мире ум — в том, чтобы игнорировать незначимое (отвергать ложные закономерности)» (Талеб, 2012, с. 207). Судя по всему, до XXI века наука успешно развивалась по схеме аддитивного знания, но сейчас намечается переход к субтрактивной парадигме. Соответственно, будущее переформатирование рынка знаний будет сопряжено с диалектическим отрицанием многих положений современной науки с параллельным переписыванием имеющихся достижений с позиции новых принципов и положений.

Предполагаемый качественный переход в развитии науки соответствует *доктрине циклов сложности*. Её смысл сводится к следующему. На протяжении длительного периода времени происходит рост уровня сложности науки с одновременным ростом её эффективности (продуктивности), проявляющейся в росте её объяснительного (теоретического) и рекомендательного (прикладного) потенциала. Однако по достижении критического уровня сложности наука утрачивает свою эффективность и начинается деструктивное наращивание научного багажа. На данном участке развития наука оказывается в состоянии системного кризиса, из которого она рано или поздно выходит путём пересмотра своей методологии/парадигмы. В этот момент начинается переписывание науки заново — в новых терминах и с применением новых методов и подходов. При этом новая модель науки, как правило, оказывается проще её предыдущей версии, а результаты даёт не хуже, а даже лучше. Затем цикл повторяется до следующего кризиса сложности и т. д. (Балацкий, 2012).

Нельзя не отметить очевидную аналогию между рынком знаний и рынком капитала. В отношении последнего на протяжении XX века наблюдалась U-образная форма в динамике его объёма в мире: процесс накопления капитала имел явный провал на историческом интервале 1914–1970 гг., после чего он снова начал расти, достигнув во втором десятилетии XXI века примерно того уровня, который был в начале XX века. Подобная ретроспективная динамика является прямым следствием перенакопления капитала к началу XX века, которое было ликвидировано посредством двух мировых войн и политикой высоких налогов (Пикетти, 2016). В обозначенный период рост массы капитала привёл к снижению его доходности, что в свою очередь породило деловой паралич и последовавший за этим силовой передел мира посредством войн и возникновением социалистического движения. Сегодня есть все основания полагать, что перенакопление на рынке знаний может спровоцировать похожие тенденции в мировой хозяйственной системе.

По всей видимости, современной цивилизации предстоит пройти крайне болезненный процесс «списания» и обновления накопленных знаний. При этом институциональные изменения будут адаптироваться к основному тренду. Скорее всего, в этих условиях будет существенно изменён формат учёных степеней, званий и должностей; изменится организационная модель университетов и институтов, учебных программ и профессиональных требований, научных изданий и научных результатов. Однако эти вопросы уже выходят за рамки данной статьи.

Заключение: накануне глобальных реформ

В попытке объяснить многие явления в когнитивной сфере современного мира было введено несколько полезных понятий: знание как некий упорядоченный набор оригинальных идей, моделей и теорий, их обоснований и доказательств, статистических и исторических иллюстраций; рынок знаний как процесс сопряжения сегментов предложения (производства) знаний и спроса (потребностях) на них, а также их купля-продажа по определенной цене. Для углубления понимания эволюции рынка знаний предложена его трёхсекторная модель, состоящая из ядра знаний (основного, научного знания), периферии (вспомогательных или вторичных знаний) и псевдо- и антизнаний (устаревших и ошибочных знаний).

Понимание той эволюции, которая произошла с рынком знаний за последние полвека, достаточно полно описывается тремя глобальными трендами. Первый мегатренд — Большая Рокировка на рынке знания — состоит в ускоренном накоплении знаний вплоть до качественной рокировки состояния рынка, т. е. в переходе от дефицита к избытку. Второй мегатренд — Большая Инверсия на рынке знаний — состоит в постепенном удорожании производства знаний с одновременным падением их предельной отдачи вплоть до качественного изменения стоимостного баланса, когда предельные издержки производства знания становятся больше их предельной полезности. Третий мегатренд — Большая Эрозия на рынке знаний — состоит в постепенном увеличении доли анти- и псевдознаний в совокупном объёме знаний.

Это позволяет дать три характеристики современного рынка знаний: затоваривание, убыточность и массовый брак. Данные характеристики позволяют диагностировать глобальный кризис на рынке знаний, что и порождает неэффективность и бесперспективность многих управленческих реформ в научном секторе. Фактически именно такое кризисное состояние рынка привело к постепенному эволюционному переходу от модели служения «рыцаря науки», когда исследователи прошлого были готовы к большим жертвам во имя науки, к бизнес-модели «бюрократа и имитатора», когда современные исследователи преимущественно приспособляются к бюрократическим требованиям своих организаций и умело имитируют научную деятельность.

Эмпирическим подтверждением наступления Большой Рокировки служат экспоненциальное правило Дерекы Прайса и проведённые автором опросы экспертов. Иллюстрациями Большой Инверсии послужили многочислен-

ные примеры из истории развития науки, а для понимания Большой Эрозии использовались стилизованные примеры из античной истории, экономики и физики, а также концепция четырёх поколений университета.

Трактовка описанных явлений в рыночных терминах позволяет обосновать, что рынок знаний в обозримом будущем ожидает тотальная «разгрузка» путём «списания» устаревших и нерелевантных когнитивных продуктов. В основе ожидаемой разгрузки рынка знаний будет лежать переход от аддитивной парадигмы познания к субстративной. Отрасль научных исследований будет медленно и болезненно адаптироваться к новой парадигме. Что касается современных мер регулирования сектора исследований, то они основаны на старой парадигме, которая восходит к состоянию дефицита на рынке знаний. Следовательно, эти меры принципиально неадекватны по отношению к нынешним реалиям и урегулировать проблемы рынка знаний они не в состоянии.

Литература

- Аджемоглу Д. (2018a). Введение в теорию современного экономического роста: в 2 кн. Книга 1. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 928 с.
- Аджемоглу Д. (2018b). Введение в теорию современного экономического роста: в 2 кн. Книга 2. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 736 с.
- Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). Власть и прогресс. Москва: АСТ. 544 с.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. Москва: АСТ. 672 с.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор. Москва: АСТ. 704 с.
- Анофриков С.П., Димитриева Е.Н., Афончикова В.А. (2018). Развитие экономики знаний в региональном аспекте (на примере Новосибирской области) // Вестник науки Сибири. Т. 28. № 1. С. 1–11.
- Антонец В.А. (2018). Сегментация рынка добычи, создания, распространения и практического использования знаний // Университетское управление: практика и анализ. Т. 22. № 5. С. 9–21.
- Балацкий Е.В. (2009). «Теоретические пузыри» на рынке научных исследований // Общество и экономика. № 4–5. С. 124–140.
- Балацкий Е.В. (2012). За пределами «экономического империализма»: преодоление сложности // Общественные науки и современность. № 4. С. 138–149.
- Балацкий Е.В. (2014). Оценка академической ренты // Вопросы экономики. № 10. С. 97–113.
- Балацкий Е.В. (2017). Эффект Пикетти: комментарий к новой концепции // Terra Economicus. Т. 15. № 2. С. 40–56.
- Балацкий Е.В. (2025). В преддверии новой парадигмы экономической науки // AlterEconomics. Т. 22. № 1. С. 6–21.
- Балацкий Е.В., Юревич М.А. (2021). Российская экономическая наука на международном рынке хищнических изданий // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (50). С. 190–198.
- Бобровникова Т.А. (2001). Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. Москва: Молодая гвардия. 493 с.
- Вавилов С.И. (1989). Исаак Ньютон: 1643–1727. Москва: Наука. 271 с.

- Вейцман М.Л. (1990). Модель синдрома дефицита // Экономика и математические методы. Т. 26. № 6. С. 992–1003.
- Гранин Д. (2023). Зубр: сборник. Москва: Издательство АСТ. 448 с.
- Джемаль Г. (2022). Познание смыслов. Избранные беседы. Москва: Эксмо. 512 с.
- Ефимов В.С., Лаптева А.В. (2017). Университет 4.0: философско-методологический анализ // Университетское управление: практика и анализ. Т. 21. № 1. С. 16–29.
- Ефимов В.С., Лаптева А.В. (2024). Поколения университетов: особенности культивируемых типов мышления. Каким будет мышление в Университете 4.0? // Высшее образование в России. Т. 33. № 8-9. С. 95–122.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2017). Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Journal of institutional studies. Т. 9. № 4. С. 6–15.
- Коклан Д., О’Коннел Дж., Мерфи И. (2010). Знания, инновации и творческий потенциал как основа экономического развития в XXI в. // Вестник международных организаций. Т. 29. № 3. С. 21–32.
- Корнай Я. (1990). Дефицит. Москва: Наука. 607 с.
- Коряковцев А.А. (2023). «Экономика дефицита» Я. Корнай в контексте «политэкономии реального социализма»: методологический аспект исследования советского общества // Антиномии. Т. 23. № 2. С. 27–46.
- Лاپин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. № 1. С. 4–17.
- Лишевский В.П. (1986). Рассказы об ученых. Москва: Наука. 166 с.
- Мальцев А.А., Шаститко А.Е. (2025). Куда ведет ностальгический эмпиризм новых-новых институционалистов? // Вопросы экономики. № 12. С. 5–31.
- Мэйор А. (2015). Митридат. Отважный воин, блестящий стратег, зловещий правитель. 120–63 гг. до н. э. Москва: Изд-во Центрполиграф. 544 с.
- Пикетти Т. (2016) Капитал в XXI веке. Москва: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
- Поскочинова О.Г., Петров М.А. (2024). Роль прорывных инноваций при переходе к новому типу социально-экономического развития // Экономические науки. № 4 (233). С. 72–79.
- Салихов Б.В., Салихова И.С. (2015). Управление неявными знаниями в организации. Москва: Изд-во МГУ им. С.Ю. Витте. 200 с.
- Сибрук В. (1985). Роберт Вуд: Современный чародей физической лаборатории. Москва: Наука. 320 с.
- Степанова Т.Е., Манохина Н.В. (2019). Фейковая экономика: истина где-то рядом // Креативная экономика. Т. 13. № 3. С. 433–448.
- Талей Н.Н. (2012). О секретах устойчивости: Эссе; Прокрустово ложе: Философские и житейские афоризмы. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус. 240 с.
- Тарануха Ю.В. (2023). Особенности рынка информационных продуктов // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. Т. 46. № 3. С. 114–126.
- Шафаревич И.Р. (2003). Две дороги – к одному обрыву. Москва: Айрис-пресс. 448 с.
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2019). Competition of Russian economic journals in the world market. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(3), 124–139.
- Bornmann L., Haunschild R., Mutz R. (2021). Growth rates of modern science: A latent piecewise growth curve approach to model publication numbers from established and new literature databases. *Humanities and Social Sciences Communications*, 8(1), 1–15.
- Fernández-Cano A., Torralbo M., Vallejo M. (2004). Reconsidering Price’s model of scientific growth: An overview. *Scientometrics*, 61(3), 301–321.
- Galbraith J.K. (2024). Entropy, the theory of value and the future of humanity. *Post-Neoliberalism*. Available at: <https://www.postneoliberalism.org/articles/entropy-the-theory-of-value-and-the-future-of-humanity/>
- Price D.J.S. (1963). *Little Science, Big Science*. New York: Columbia University Press.
- Trosper J. (2014). Sir Roger Penrose: An alternate theory of the Big Bang? *Futurism*. Available at: <https://futurism.com/sir-roger-penrose-alternate-theory-of-the-big-bang-2>
- Zuti B., Lukovics M. (2015). “Fourth Generation” universities and regional development. *Stinings Medien, Krefeld*, 14–31.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Balatsky E.V.

The Global Knowledge Market: Features, Evolution

Abstract. The early twenty-first century witnessed the emergence of new phenomena, among them an unprecedented intensification of formalization and regulation within scientific activity. To explain this development, the article introduces several useful concepts: knowledge as an ordered set of original ideas, models, and theories, their justifications and proofs, along with statistical and historical illustrations; and the knowledge market as the process of coupling the segments of knowledge supply (production) and demand (needs), as well as the acts of their purchase and sale at a given price. To deepen understanding of the global knowledge market's evolution, a three-sector model is proposed, comprising a knowledge core (fundamental, scientific knowledge), a periphery (auxiliary or secondary knowledge), and pseudo- or anti-knowledge (outdated, rejected, and erroneous knowledge). This structural model of the knowledge market enables a more focused examination of three global trends and their resulting phenomena: the first (the Great Castling) consists of the accelerated accumulation of knowledge to the point of transitioning from scarcity to surplus in the market; the second (the Great Inversion) entails the rising cost of knowledge production concurrent with a decline in its returns, such that the marginal cost of producing knowledge exceeds its marginal utility; and the third (the Great Erosion) signifies an increasing share of anti- and pseudo-knowledge within the total stock of knowledge. This corresponds to the development of crisis phenomena such as glut, unprofitability, and widespread defective output. It is precisely this crisis-ridden state of the market that has driven the evolutionary shift from the “knight of science” model (service model), in which past researchers were ready to make great sacrifices in the name of science, to the “bureaucrat and imitator” model (business model), in which today's researchers largely adapt to the bureaucratic demands of their organizations and skillfully simulate scientific activity. Overcoming the current crisis may be possible through “unloading” the market by “writing off” outdated and irrelevant cognitive products, which entails a transition from an additive paradigm of knowledge acquisition to a subtractive one.

Key words: knowledge, knowledge market, scientific activity, evolution, service model, business model, global crisis.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (23, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Статья поступила 11.02.2026.

Оценка эффективности реализации национальных проектов в России: результаты экспертного опроса

Андрей Александрович

МЕРЗЛЯКОВ

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: andrey243@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8846-1423

Владимир Сергеевич

БОГДАНОВ

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: valarf@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0176-1007; ResearcherID: AAV-2997-2020

Аннотация. В статье актуализирована проблема проведения мониторинга реализации национальных проектов для оценки социальных последствий исполнения проектных решений. Целью работы является анализ опыта проведения мониторинга реализации четырех национальных проектов на основе результатов экспертного опроса. Методологической базой послужили результаты фундаментальных исследований Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН. Обосновывается необходимость использования мониторинга как комбинаторики методов комплексного исследования — микс-методологии социальной экспертизы, а именно в соответствии с целями и задачами регионального управления. С учетом актуализации исследовательских тенденций в отношении анализа субъективных и объективных данных в статье приводятся итоги компаративного анализа экспертного опроса

Для цитирования: Мерзляков А.А., Богданов В.С. (2026). Оценка эффективности реализации национальных проектов в России: результаты экспертного опроса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 56–73. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.3

For citation: Merzlyakov A.A., Bogdanov V.S. (2026). Evaluating the effectiveness of national project implementation in Russia: Findings from an expert survey. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 56–73. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.3

(массив экспертных оценок из четырех регионов) и официальных данных статистики Росстата. Результаты экспертного опроса указывают на наметившийся положительный тренд в отношении учета социальных аспектов проектных решений регионов. Отмечается, что органы власти федерального, регионального и местного уровней выступают как юридически, так и фактически основными исполнителями проектов, а населению пока отводится роль общественного наблюдателя. Делается вывод, что государственная оценка (данные статистики) и мнения экспертов схожи – реализация проектов в регионах оценивается как удовлетворительная. Однако необходима большая открытость данных государственной статистики. Результаты исследования позволяют констатировать целесообразность включения мониторинга социальных последствий реализации нацпроектов в состав государственного мониторинга. На основе такого подхода становится возможным обозначить государственный мониторинг как социально ориентированный, институционально оформленный (унифицированный).

Ключевые слова: государственный мониторинг, социальный мониторинг, оценка социальных последствий, национальные проекты, унификация и разнообразие, социальная экспертиза.

Благодарность

Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России по теме «Унификация и разнообразие в пространственном развитии России (социально-экономические и социокультурные процессы)».

Введение

С начала осуществления национальных проектов, инициированных указом Президента РФ в 2018 году¹, проводится государственный мониторинг эффективности их реализации. Такой мониторинг представляет собой деятельность по получению регулярной обратной связи о достижении программных целей и осуществляется посредством сопоставления фактических и плановых значений, реализуемых в государственных программах Российской Федерации.

Однако государственный мониторинг сложно назвать полноценным, поскольку он ориентирован на измерение преимущественно экономических показателей, хорошо поддающихся количественной оценке. Национальные проекты нацелены на обеспечение устойчивого не только экономического, но и социального развития, включающего такие направления, как укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, реализация потенциала каждого человека, обеспечение комфортной и безопасной среды для жизни.

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 21.07.2025).

Это далеко не полный перечень социальных показателей, закрепленных в государственной политике, что отражает усиление процесса социализации экономики (Гринберг, Рубинштейн, 2014). Социальные показатели сложно оценивать и анализировать исключительно экономическими методами, присутствующими в государственном мониторинге. Это обусловлено, во-первых, тем, что такие показатели несут в себе социальную составляющую и требуют собственных методов оценки, во-вторых, их измерение посредством использования экономических индикаторов затруднительно, поскольку итоговый социальный результат может отличаться от полученного экономического эффекта (как в положительную, так и в отрицательную сторону), в-третьих, оценить социальный эффект только посредством применения количественных методов сложно, для этого необходимо использовать качественные методы. Недаром в Указе Президента РФ 2024 года о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года постулируется социальная ответственность и ориентированность национальных проектов, предусмотрена необходимость определения перечня социологических показателей достижения национальных целей, а также обеспе-

чение их постоянного мониторинга². Таким образом, на государственном уровне объективно возникла серьезная необходимость оценки не только экономического, но и социального эффекта от реализации национальных проектов, а также возможности их сопоставления.

Социальные показатели становятся более значимыми для оценки национальных проектов. Однако социальный результат – не столько количественно измеряемые результаты, сколько качественные изменения в экономической и социальной сферах. Здесь основная проблема заключается в сложности определения понятия «социальный результат» (социальный эффект). Не существует его единых измерителей, что затрудняет сопоставимость результатов оценки сходных проектов.

По нашему мнению, для обеспечения комплексной, всесторонней (а не только экономической) адекватной оценки результатов, полученных от реализации национальных проектов, необходимо включить в состав государственного мониторинга научно обоснованный инструмент оценки социальных последствий от реализации таких проектов. В связи с этим целью работы является анализ опыта проведения мониторинга, связанного с научно обоснованной оценкой социальных результатов реализации национальных проектов на основе экспертного опроса и анализа статистических показателей.

Концептуальные основания

Анализ литературы указывает на различные особенности организации, направления и подходы внедрения мониторинга в практике государственного управления, в частности в ходе подготовки и исполнения государственных программ и проектов (Панина и др., 2022). В этом контексте зарубежные авторы четко разводят утилитарные цели политических элит и цели-ориентации (учет состояния и потребностей разных групп населения) на основе производства и интеграции знания (теория изменений, управление знаниями, управление по результатам) при проведении мониторинга государственных проектов и программ, выдвигая

на первый план необходимость системного мышления для концептуальной связи функций мониторинга и оценки в контексте мер по развитию государственной социальной политики (Hu, 2006; Welfens, Bonjour., 2023; Wotela, 2017). Рассматриваются вопросы методической и инструментальной составляющей мониторинга в контексте создания наиболее эффективной модели его реализации органами государственной власти и некоммерческими организациями как совокупности взаимосвязанных, взаимодополняющих элементов, влияющих на реализацию стратегических проектов как в локальном (города, регионы), так и в общенациональном (страны) масштабах (Janka, 2024; Gea et al., 2025; Kazanskaia, 2025a). Большое внимание уделяется измеримым изменениям, комбинаторике логико-структурного, рефлексивного и конструктивистского подходов, социальным ресурсам обеспечения мониторинговых исследований реализации стратегического планирования и управления (Mathayo, Kinyina, 2022; Antonie, 2024; Kazanskaia, 2025b).

Заслуживает внимания возрастающая актуальность мониторинга состояния системы управления. Так, ряд зарубежных исследователей отмечает, что странам помимо мониторинга 242 показателей целей устойчивого развития до 2030 года по методике ООН (далее – ЦУР) хорошо было бы запустить мониторинг оценки эффективности своих систем управления как механизма обеспечения стратегического планирования и управления для повышения вероятности достижения ЦУР к 2030 году (Sari et al., 2022).

Что касается легитимации и организации мониторинга в российской практике государственного управления, то его актуализация связана со следующими парадигмальными сдвигами в госуправлении (Строев и др., 2025): 1) переходом от директивно-административной модели управления к программно-целевой: в ней заложены такие ключевые принципы, как целевая ориентация на результат, системность в соединении мероприятий и ресурсов, измеримость на основе количественных индикаторов, ответственность за результаты, мониторинг и корректировка промежуточных итогов с возможностью перераспределения ресурсов; 2) постепенным внедрением проектного

² Пункт 10, подпункт б Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 21.07.2025).

управления и индикативного планирования в программно-целевой цикл разработки и реализации государственных программ и федеральных проектов; 3) сменой «статейного» бюджетирования, базировавшегося на освоении выделенных средств по статьям расходов, на бюджетирование, ориентированное на результат (БОР), т. е. на финансирование достижения конкретных стратегических целей и количественно измеримых показателей, 4) с учётом наметившейся ориентации на клиентоцентричность в государственных услугах и движения в сторону конфигурирования антропоцентричного подхода на принципах социальной обратной связи в госуправлении (Богданов, Почестнев, 2024а) формируется запрос на создание цифровой экосистемы социального мониторинга, которая позволила бы создать многоуровневую систему оценки достижения индикативных показателей федеральных и региональных проектов, а также реальных социальных (общественно значимых) эффектов на основе независимой социальной экспертизы (Богданов, Почестнев, 2024б). Последний тренд имеет сходство с Канадской моделью реализации государственных программ «Results-Based Management» (Строев и др., 2025).

Однако отечественная система управления пока сконцентрирована больше на анализе мониторинговых данных двух информационных систем — единой государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами РФ «Электронный бюджет» и государственной автоматизированной информационной системы «Управление». В рамках первой создана специальная подсистема управления нацпроектами (Строев, Кузнецов, 2023), выполняется мониторинг распределения и расхода средств в ходе достижения плановых и фактических значений показателей национальных, федеральных и региональных проектов. Во второй осуществляется контроль за реализацией документов стратегического планирования разного уровня — от федерального до муниципального, а также фиксируются возможные риски отклонений от намеченных показателей, достигнутые / недостигнутые мероприятия и контрольные точки выполнения национальных проектов (программ) и национальных целей развития РФ. Указанная форма

мониторинга на основе двух информационных систем прошла эволюцию от формирования принципов и процедур мониторинга крупных проектов с государственным участием до влечения системы мониторинга как обязательно-го элемента проектной деятельности в сложно иерархизированную систему стратегического планирования по достижению национальных целей. Однако к качеству и транспарентности сложившейся системы мониторинга³ возникают вопросы, связанные с целым набором негативных факторов, проблем и барьеров, которые деформируют и демпингуют его КРІ: 1) сохраняющиеся криминогенные и коррупционные составляющие в ходе реализации старых (Камчатов, 2023; Гринько, 2025) и новых 20 национальных проектов до 2030 года⁴; 2) в некоторых регионах прослеживается отсутствие компетенций проектного управления на уровне исполнителей⁵; 3) умышленное завышение значения показателей, ввод в эксплуатацию объектов, которые либо не работают, либо работают с неполной нагрузкой⁶; 4) проблемы качества планирования показателей, которые вместо 2030 года оказались выполненными уже сейчас; 5) проблемы планирования выделения средств из бюджета для достижения значений показателей, связанные в первую очередь с необходимостью сохранить сбалансированность бюджета⁷;

³ Порядок проведения мониторинга реализации национальных проектов, федеральных проектов, ведомственных проектов и региональных проектов от 01.07.2022 (в ред. от 02.06.2025) / Приложение № 5 к Единым методическим рекомендациям по проектной деятельности. URL: <https://gasu.gov.ru/documents?folderId=12689> (дата обращения: 10.04.2026).

⁴ В 2025 году МВД выявило более 3,5 тысячи хищений бюджетных средств на нацпроекты. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1602852-mvd-hischeniya-nacproektu> (дата обращения: 08.04.2026).

⁵ Доклад А. Малькова, заместителя директора Департамента проектной деятельности Правительства Российской Федерации: Переход от план/факт-анализа к управлению на основе данных и предиктивной аналитике, уход от экспертного мнения к алгоритмам проверки. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/Sbornik_PO_22.04.22.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

⁶ Итоги нацпроекта «Чистая вода»: растраты, воровство, приписки, 38 млрд рублей — «на ветер». URL: <https://ancb.ru/publication/read/21079> (дата обращения: 08.04.2026).

⁷ Послестартовая проверка. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7793538> (дата обращения: 08.04.2026).

б) отсутствие работающей методологии привлечения внебюджетных средств, в том числе из-за необходимости донстройки институтов развития; 7) слабая аналитика и просчёт в отношении рисков недостижения запланированных показателей (Бурянина, Логинов, 2022).

Можно отметить, что часть перечисленных проблем возникает из-за громоздкой системы управления и мониторинга, совмещающей элементы как иерархического, так и проектного подходов. Несмотря на декларируемый переход к кросс-функциональной («матричной») модели, на практике сохраняется жесткая вертикальная иерархия между вице-премьерами и министерствами.

Также на периферии внимания остаются методы и методики оценки рискогенности и эффективности реализации национальных проектов, предлагаемые учеными из различных научных областей: экономика, социология, юриспруденция, политология (Аникина и др., 2022; Борисов, Соменкова, 2023; Кабанова, 2020; Каширская, Зурнаджянц, 2022; Трошин, 2020; Шабунова, Кожевников, 2020). Ценным может оказаться опыт отдельных исследований по мониторингу конкретных национальных проектов на местах — в регионах, муниципалитетах (Межа, 2023; Пономарев, 2025; Федотов и др., 2020). Огромный вклад в оценку исследования эффективности реализации национальных проектов внесён Вологодским научным центром Российской академии наук (ВолНЦ РАН). Исследовательский коллектив ВолНЦ РАН под руководством В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, Т.В. Усковой организовал и провёл несколько волн мониторинга эффективности реализации национальных проектов, рассмотрел связь динамики состояния российского общества с постановкой и достижением конкретных задач национального развития, в частности с факторами рисков и потенциальными возможностями их осуществления (Эффективность..., 2025).

Подводя итоги обзора литературы, можно констатировать, что на сегодняшний день не сложилось единой системы мониторинга реализации национальных проектов, а информационные системы «Управление» и «Электронный бюджет» закрывают только вопросы в части сбора информации о распределении

бюджетов и некоторых показателей (Першина и др., 2023). Остаётся открытым и научный вопрос, который поднимал ещё Л.Б. Коган, о необходимости лонгитюдных исследований соотношения локальных интересов и национальных целей: «Исследования городских целей и интересов, их взаимодействия с общенациональными целями у нас до сих пор практически никак не обозначены» (Коган, 2008, с. 2).

Дизайн и методология исследования

Объект мониторинга — люди, социальные группы, институты, организации, ценности, идеи, концепции и нормативные акты, которые влияют на социальные изменения в регионах. Предметная область — социальные процессы, управленческие решения, а также их восприятие населением. Основная цель — оценить социальные последствия от реализации проектных решений. Другими словами, важно выяснить, насколько справляются или не справляются органы власти как ответственные исполнители с выполнением мероприятий по достижению запланированных национальных целей в регионах. При этом мониторинговой режим позволяет, во-первых, проследить динамику полученных оценок, во-вторых, определить их вектор.

Общей методологической основой исследований стали: во-первых, концепция социокультурной модернизации регионов, разработанная в Центре исследования модернизации Китайской академии наук под руководством Хэ Чуаньци (Хэ Чуаньци, 2011) и адаптированная с учетом российских правовых условий в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН (Атлас..., 2016); во-вторых, результаты фундаментальных исследований Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН, выделившие тесную связь социокультурного и социально-экономического уровней развития регионов. В основе адаптированной нами методологии лежит система показателей, которая позволяет наиболее полно зафиксировать чувствительность институтов власти и управления, местного населения и групп экспертов к процессу реализации национальных проектов в регионах, а также оценке полученных результатов.

Отдельно отметим, что разработанная методология обеспечивает строгое соблюдение методологических принципов сопоставимости эмпирических результатов, полученных посредством использования различных социологических методов (микс-методология). Унифицированные показатели и индикаторы в определённой степени используются в различных направлениях исследований (экспертный опрос, массовый опрос, контент-анализ СМИ, анализ сайтов органов власти и контент-анализ социальных сообществ). Применение комплекса социологических методов позволяет сравнивать результаты, фиксировать оценку проблем с различных позиций. Исходя из особенностей поставленных исследовательских и прикладных задач возможна комбинаторика использования определённых методов сбора и анализа информации.

Инструментом представленного в статье мониторинга является регулярно повторяющееся исследование изучения социальных эффектов управленческих решений и процессов, вызванных этими действиями. Режим мониторинга позволяет выявить динамику развития объекта (явления, процесса). Применение модели «мониторинг» обусловлено необходимостью регулярного сбора социологических данных о состоянии социального объекта или процесса. Ее преимуществом является возможность составления базы данных для изучения динамики конкретных диагностических критериев.

Конструирование инструментальной модели осуществления мониторинга реализации национальных проектов базируется на двух принципах. Первый связан с инкорпорированием в структуру концептуальной модели методологических оснований социологии управления, позволяющих с опорой на структурно-деятельностный подход и рационально-познавательные процедуры сбора и анализа экспертной информации (Дридзе, 2000; Россия..., 2017; Тихонов, 2017) выявить и оценить дисфункциональные основания как следствия реализации управленческих и проектных решений. Второй обеспечивает переход от концептуальных оснований к конструированию элементов эмпирической модели, а именно выход на разработку системы показателей.

Для конфигурирования и анализа результатов мониторинга реализации национальных проектов использованы результаты трех научных исследований. Первое исследование — грант РНФ «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования», 2016 год (Россия..., 2017). Второе — грант РНФ «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года (Тихонов и др., 2021). Третье — научный отчет по государственному заданию «Дистанционная социальная экспертиза как форма общественной коммуникации в реализации национальных проектов» (Богданов, Почестнев, 2024b).

Содержанием мониторинга стала реализация четырех (как показали наши исследования, наиболее значимых в глазах общественного мнения) национальных проектов: «Жилье и городская среда», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Образование» и «Здравоохранение». Для каждого из выделенных национальных проектов были разработаны показатели, позволяющие оценить качество их выполнения. Для проекта «Жилье и городская среда» это оценка положения дел со строительством и приобретением жилья в регионе, а также оценка реализации стратегии развития города (села). Для проекта «Дороги» это оценка состояния дорог. Для проекта «Образование» выделены показатели оценки работы дошкольных учреждений, школ и учреждений профессиональной подготовки. Для проекта «Здравоохранение» — оценка работы медицинских учреждений⁸.

В итоге с учётом обозначенной конфигурации мониторинг базировался на: 1) экспертных оценках реализации конкретного национального

⁸ Выбор данных национальных проектов не случаен, они в первую очередь отвечают общественным интересам и влияют на улучшение качества жизни населения, что подтверждается результатами массового опроса в 12 регионах в ходе исследований 2016 и 2020 гг.

проекта, где проводился опрос⁹; 2) официальных статистических показателях, в частности для проведения сравнительной оценки эффективности реализации национальных проектов в регионах. Использование статистических данных было призвано решить важную методическую задачу сопоставимости количественной оценки с качественной экспертной оценкой. Эта задача была решена путем компаративного анализа данных экспертного опроса (качественная оценка) и данных статистики Федеральной службы государственной статистики РФ (количественная оценка). Для этого использовалась электронная информационная база Росстата за 2022 год для анализа статистических данных по реализации национальных проектов в отобранных регионах¹⁰.

Основой для анализа полученных результатов выступили мнения региональных экспертов из трех областей (Вологодская, Смоленская, Свердловская области) и одной национальной республики (Республика Башкортостан). Мнения и оценки были зафиксированы посредством применения онлайн экспертного опроса. Всего опрошено 600 экспертов – по 200 в каждом из проведенных исследований. В качестве экспертов были приглашены сотрудники органов государственной и муниципальной власти, руководители и ведущие специалисты региональных предприятий и бизнес-структур, а также члены общественных организаций и представители научного сообщества. Часть экспертов имеет непосредственное отношение к разработке и реализации национальных проектов. С деталями отбора экспертов и характеристиками экспертных групп можно

⁹ Выбор указанных выше регионов обусловлен их расположением в разных федеральных округах страны и на разных уровнях социокультурной модернизации: низкий уровень развития (Смоленская область, Центральный федеральный округ), уровень развития ниже среднего (Вологодская область, Северо-Западный федеральный округ), средний уровень развития (Республика Башкортостан, Приволжский федеральный округ) и высокий уровень развития (Свердловская область, Уральский федеральный округ) (Атлас..., 2016).

¹⁰ Официальная статистическая информация по показателям социально-экономического развития Российской Федерации, необходимым для мониторинга достижения показателей национальных проектов / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/53175> (дата обращения: 25.07.2024).

ознакомиться в наших публикациях, изданных по результатам вышеназванных исследований (Россия..., 2017; Богданов, Почестнев, 2022; Богданов, Почестнев, 2024b; Тихонов и др., 2021).

В силу ограниченности объема статьи мы акцентируем внимание на следующих аспектах мониторинга: во-первых, оценка социальных эффектов от реализации национальных проектов, во-вторых, выявление состава субъектов управления, участвующих в реализации национальных проектов, и определение их роли; в-третьих, оценка состояния взаимодействия органов власти как ответственного исполнителя национальных проектов и населения как конечного их потребителя; в-четвертых, возможности сопоставления экономических (количественных) и социальных (качественных) показателей реализации национальных проектов.

Результаты исследования

Социальные эффекты от реализации национальных проектов

Результаты первых двух исследований (2016 и 2020 гг.) позволили сделать следующие выводы. На ранних этапах реализации национальных проектов (исследование 2016 года) и в ходе активной стадии реализации (исследование 2020 года) положение в регионах по изучаемым показателям в целом характеризовалось удовлетворительно (*табл. 1*): практически по всем выведенным направлениям доминировали средние оценки, ни по одному из показателей не было зафиксировано превалирования положительных или отрицательных оценок. Однако анализ динамики проанализированных оценок позволил определить следующие тенденции: а) за период с 2016 по 2020 год снизилась доля негативных оценок абсолютно по всем выделенным показателям (снижение составило от 3 до 13 п. п.); б) за этот же период увеличилась доля положительных оценок по большинству показателей (увеличение составило от 10 до 35 п. п.), исключением являются только показатели «строительство и приобретение жилья» и «состояние дорог», где наблюдалось незначительное снижение примерно на 3 п. п.; в) наиболее положительную динамику за указанный период продемонстрировал проект «Образование», который к 2020 году переломил общую тенденцию по оценке положения

дел в регионах — наблюдается превалирование положительных оценок. Таким образом, можно констатировать, что реализация национальных проектов в регионах по исследуемым направлениям за анализируемый период в целом сформировала позитивный тренд, который характеризуется не только уверенным экономическим ростом, но и демонстрацией усиления положительного социального эффекта.

На втором этапе (исследование 2023 года), когда уже можно было подводить промежуточные итоги, экспертам было предложено напрямую оценить реализацию национальных проектов в регионах. И хотя среди опрошенных не было выявлено доминирующей оценки, можно констатировать, что сами эксперты в целом

удовлетворены ходом реализации национальных проектов: по двум проектам преобладают положительные оценки («Жилье и городская среда», «Безопасные качественные дороги»), по двум другим («Образование», «Здравоохранение»), несмотря на преобладание средних оценок, положительных оценок оказалось гораздо больше, чем отрицательных (табл. 2).

Таким образом обобщая результаты исследований, можно говорить о том, что реализация национальных проектов в регионах демонстрирует положительный социальный эффект. И хотя данная тенденция не носит строго линейный характер (проблем по словам экспертов еще много), все же можно говорить об успешности и эффективности такой работы.

Таблица 1. Оценка положения дел в сферах, где реализуются национальные проекты, 2016 и 2020 гг., % от числа опрошенных

Национальный проект	Показатель	2016 г.			2020 г.		
		Плохо	Удовлетворительно	Хорошо	Плохо	Удовлетворительно	Хорошо
Жилье и городская среда	Строительство и приобретение жилья	35,0	44,3	20,7	31,7	49,7	18,6
	Реализация стратегии развития города	25,6	50,3	24,1	22,4	46,5	31,2
Безопасные и качественные автомобильные дороги	Состояние дорог	39,5	31,2	29,3	26,1	46,2	27,6
Образование	Работа дошкольных учреждений	11,4	54,6	34,1	6,8	33,2	60
	Работа школ (среднее образование)	24,7	60	15,3	9,9	39,8	50,3
	Работа учреждений профессиональной подготовки	28,6	57,8	13,5	11,4	38,9	49,7
Здравоохранение	Система здравоохранения	42,2	47,1	10,8	39,8	42,3	17,9
Примечание: N = 200 в каждом году. Источник: данные экспертных опросов 2016 и 2020 гг.							

Таблица 2. Оценка результатов реализации национальных проектов в четырех регионах, 2023 год, % от числа опрошенных

Национальный проект	Оценка		
	Плохо	Удовлетворительно	Хорошо
Жилье и городская среда	11,4	40,9	47,7
Безопасные качественные дороги	17,9	33,3	48,7
Образование	17,4	44,1	38,5
Здравоохранение	24,1	42,1	33,8
Примечание: N = 200. Источник: данные экспертного опроса 2023 г.			

Оценка деятельности субъектов регионально-го развития

В ходе проведения социальной экспертизы для диагностики состояния реализации национальных проектов также важно было выявить, кто является их субъектами, и оценить роль субъектов.

С целью определения сложившегося в обследованных регионах коммуникативного пространства была проведена оценка состава субъектов регионального развития, принимающих непосредственное участие в планах по реализации национальных проектов, во-первых, как непосредственных исполнителей различного рода мероприятий по выполнению национальных проектов, во-вторых, как лиц, участвующих в контроле и оценке выполненных работ по реализации национальных проектов.

Экспертами был выделен перечень субъектов регионального развития, включенных в реализацию национальных проектов в регионах. В первую очередь это органы власти различных уровней – федеральные, региональные, муниципальные. Именно данная группа субъектов стала ключевой в оказании влияния не только на выполнение конкретных работ по осуществлению проектов, но и оценке проделанной работы, качества ее выполнения. Однако внутри данной группы есть свои особенности. За выполнение конкретных работ по реализации национальных проектов наибольшая ответственность возлагается прежде всего на региональные органы власти. При этом за последние три года роль данных структур возросла: если

в 2020 году на региональные власти в качестве основного субъекта указали 74% экспертов, то к 2023 году уже 82% отдали им ведущую роль в реализации национальных проектов. Также им отводится ключевая роль в оценке качества выполненных работ, контроле их выполнения (72%; табл. 3).

В данную группу субъектов входят также федеральные органы власти. В отличие от региональных властей им чаще отводится роль кураторов, контролирующих сроки и качество выполненных мероприятий по реализации проектов. Они являются ведущим субъектом по контролю за реализацией проектов в регионах, и, несмотря на то что к 2023 году их роль немного снизилась (снижение с 80 до 76 п. п.), она по-прежнему остается доминирующей. В качестве ответственных исполнителей эксперты отмечали их значительно реже.

Отдельно стоит выделить муниципальный уровень. Местные органы власти, как и региональные, по мнению экспертов, являются основным исполнителем по реализации национальных проектов (73%), данный показатель за исследуемый период не изменился. Вызывает интерес возрастающая роль муниципальных властей в отношении контроля по выполнению конкретных планов и мероприятий в ходе реализации проектов: зафиксирован рост показателя с 40 до 48 п. п.

Остальным субъектам регионального развития отводится существенно меньшая роль участия в реализации национальных проектов. Если влияние крупного бизнеса и корпораций

Таблица 3. Перечень субъектов участия и контроля, задействованных в реализации национальных проектов в качестве непосредственных исполнителей, 2020 и 2023 гг., % от числа опрошенных

Наименование субъекта	Субъекты участия		Субъекты контроля	
	Всего		Всего	
	2020 г.	2023 г.	2020 г.	2023 г.
Федеральные органы власти	32,5	51,5	80,1	75,8
Региональные органы власти	73,5	82,0	72,2	72,7
Муниципальные органы власти	72,8	73,0	39,7	48,0
Крупный бизнес	37,7	39,5	7,9	8,6
Средний и малый бизнес	32,5	26,0	3,3	4,0
Научно-образовательные коллективы	22,5	25,0	9,3	12,1
Активные граждане (население)	23,8	26,5	35,1	24,2
Затрудняюсь ответить	6,0	4,0	7,3	75,8

Примечание: N = 200 в каждом году.
Источник: данные экспертных опросов 2020 и 2023 гг.

в выполнении конкретных работ отметили 40% экспертов (что всего на 2% меньше, чем в 2020 году), то уже в качестве контролирующего органа их указали только 8%. Еще меньшее воздействие на осуществление национальных проектов в регионах оказывает малый и средний бизнес. При этом их роль за исследуемый период снизилась с 33 п. п. в 2020 году до 26 п. п. в 2023 году, а в качестве контролирующего органа их выбирали только 4% экспертов.

Менее всего включены в реализацию национальных проектов научно-образовательные коллективы (вузы, университеты, учреждения науки и т. п.). Их существенный вклад в реализацию проектов оценили только 23–25% экспертов, а в качестве контролирующего органа их деятельность оценивается еще ниже, хотя она немного возросла — с 9 п. п. в 2020 году до 12 п. п. в 2023 году.

Влияние общественных организаций и активных групп населения на реализацию национальных проектов требует отдельного обсуждения. Как и следовало ожидать, данной группе региональных субъектов отводится функция общественного контроля за ходом реализации национальных проектов. Однако за истекший период их влияние значительно снизилось — с 35 до 24 п. п. Большинство экспертов не видят в общественных организациях реального участника по выполнению конкретных работ: примерно четверть указывают на эту функцию, и за истекший период данный показатель не претерпел значительных изменений — 24% в 2020 году и 27% в 2023 году.

Таким образом, органы власти различных уровней были и остаются доминирующим субъектом в реализации национальных проектов: они берут на себя роль ключевого игрока в выполнении работ, в оценке и контроле за ходом их реализации. А общественный контроль начинает терять свои позиции, его роль существенно снижается. С некоторым оптимизмом можно отметить хотя и незначительное, но повышение влияния научных и образовательных организаций на реализацию проектов в регионах.

Способы взаимодействия власти и населения в рамках реализации национальных проектов

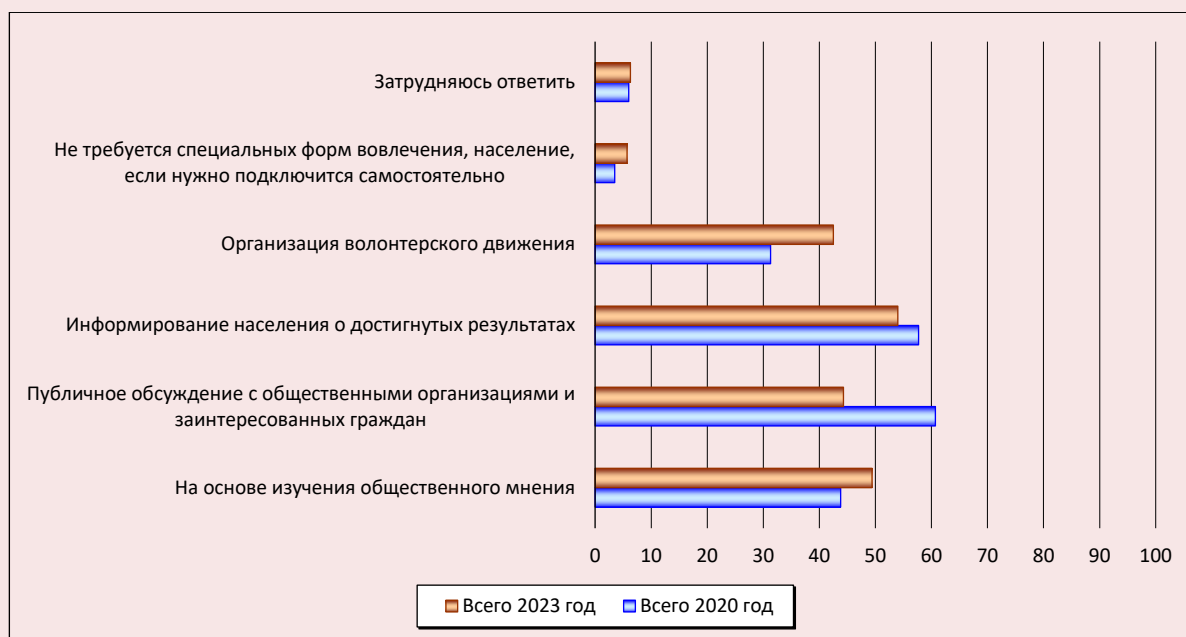
Для оценки социальных последствий от реализации национальных проектов важно не

только определить субъекты, оказывающие влияние на данный процесс, но и установить конкретные каналы, формы и способы их коммуникации. Выделив ключевые субъекты, мы формируем круг лиц, включенных в коммуникацию по обсуждению возникающих проблем. В связи с этим важно было выявить и проанализировать существующие способы, методы и каналы взаимодействия власти как ключевого игрока по реализации национальных проектов и населения регионов как конечных их потребителей.

Эксперты считают важным и правильным действия властей по организации и поддержанию коммуникации с населением. Только 5,7% экспертов считают, что такого рода деятельность не требуется, так как население, если нужно, само проявит инициативу (*рисунок*). Результаты исследования свидетельствуют, что в регионах существуют различные каналы коммуникации власти с населением, и они активно используются. Кроме того, за исследуемый период произошел их незначительный рост. Чаще всего эксперты выделяли методы информирования населения о ходе реализации национальных проектов (в диапазоне 54–57%).

Также значительная часть экспертов отметила в качестве важного канала коммуникации публичное обсуждение с общественными организациями и заинтересованными гражданами проблем, связанных с реализацией национальных проектов. И, хотя их доля с 2020 по 2023 год снизилась с 61 до 44 п. п., такая форма взаимодействия с населением по-прежнему остается популярной. Возможными объяснениями снижения могут быть переход к интерактивным методам коммуникации и обстоятельства, связанные с пандемией, о чем неоднократно заявляли эксперты. Весьма распространенной в регионах остается такая традиционная форма взаимодействия, как изучение общественного мнения. Ее использование (в отличие от публичных обсуждений) за исследуемый период несколько возросло — с 44 до 49 п. п. Такая же тенденция сложилась в отношении организации волонтерского движения: если в 2020 году 31% экспертов отметили такую форму взаимодействия, то к 2023 году об этом упомянули уже 43% экспертов.

Формы включения населения региона в реализацию национальных проектов, 2020 и 2023 гг., % от числа опрошенных

Примечание: N = 200 в каждом году.

Источник: данные экспертных опросов 2020 и 2023 гг.

Среди других важных выводов, которые удалось сделать по результатам анализа экспертных оценок в отношении способов коммуникации органов власти и населения, становится то, что оптимальным каналом предоставления информации о ходе реализации национальных проектов выступают интернет-источники (90% — официальные сайты органов власти, интернет-форумы, социальные сети и т. п.). Вторым по значимости источником представления информации является телевидение (62%). Третье место уверенно занимают личный опыт и наблюдение (41%).

Неформальные каналы получения информации о ходе реализации проектов в регионах оказались востребованными в значительно меньшей степени. Например, на такие источники информации, как разговоры с товарищами по работе, обращения к администрации по месту работы, общение в семье, с соседями, знакомыми, указали только 16% экспертов. Этот факт может косвенно говорить о том, что населению требуется больше официальной информации о проектах.

Отдельно выделим такой способ взаимодействия, как работа органов власти и управления в социальных сетях. Примечательно, что в 2020 году, по мнению 60% экспертов, наблюдалось отсутствие обратной связи между населением и органами власти, представленными специализированными сетевыми сообществами (Тихонов и др., 2021). Однако анализ 2023 года показал, что на страницах сообществ региональных органов власти регулярно проводятся опросы по национальным проектам. Если раньше это было характерно только для нацпроекта «Образование», то сейчас это стало актуально и для проектов «Жилье и городская среда», «Здравоохранение». Наряду с этим даются объявления об открытых публичных обсуждениях по проблемам нацпроектов «Жилье и городская среда» и «Безопасные и качественные автомобильные дороги». На официальных страницах органов власти появилась рубрика «вопрос — ответ», где жители получают ответы от профильных органов на свои комментарии.

По мнению экспертов, несмотря на наблюдаемое расширение использования в регионах

структурных элементов коммуникационного взаимодействия с населением (информирование и обсуждение), они в целом пока не дают достаточного результата для целевого и более широкого вовлечения населения в реализацию национальных проектов. Эксперты отмечают, что на текущий момент население недостаточно информировано и вовлечено в реализацию нацпроектов.

Сравнительный анализ экономических и социальных показателей оценки реализации национальных проектов

Национальные проекты по своему замыслу представляют собой государственный подход к реализации стратегических целей развития РФ в регионах. Прежде всего это ключевые механизмы технологического и социально-экономического развития. В связи с этим важно было сравнить официальные результаты исполнения национальных проектов, выраженные в показателях государственной статистики и в мнениях экспертов из регионов. Это также позволило оценить инструментальные и содержательные возможности социальной экспертизы.

Оценка реализации национальных проектов в регионах производится правительством РФ по специально разработанной методике, которая включает в себя три направления оценивания. Первое оценивает объем мероприятий, которые были осуществлены по сравнению с планом. Здесь рассматриваются вещественные показатели реализации плана. Второе оценивает затраты финансов на реализацию проектов и рассчитывает процент затраченных денег относительно запланированной суммы. Третье направление оценки связано с анализом данных обратной связи, которая осуществляется по методологии, разработанной правительством. Специальный Аналитический центр при Правительстве РФ уже ведет мониторинг реализации национальных проектов по этой методике. Однако открытых данных на его портале обнаружить не удалось. Мы столкнулись с проблемой закрытости государственных органов от публичности в деле реализации национальных проектов. Единственным доступным показателем оказался уровень исполнения бюджета по национальным проектам (второе направление оценки в методике). Он строится как процент

потраченных финансов относительно планового показателя. По состоянию на октябрь 2023 года в рассматриваемых субъектах был достигнут следующий уровень исполнения бюджета (табл. 4).

Важно было оценить, насколько оптимистичны ощущения от эффектов реализации национальных проектов у представителей органов власти (официальные данные статистики и мнения региональных экспертов) и совпадают ли они с оценками экспертной группы, зафиксированными по итогам проведения социальной экспертизы.

Официальный процент исполнения бюджета на октябрь 2023 года по всем проектам составлял лишь 68,8%¹¹. В Смоленской области и Республике Башкортостан он минимальный – 64 и 65,6% соответственно (см. табл. 4). В Свердловской и Вологодской областях он немного выше – 69,7 и 75,3%.

Проект «Здравоохранение» реализован в целом по РФ на 60%. В Вологодской области процент исполнения бюджета сравним с показателями ведущих регионов (г. Москва и г. Санкт-Петербург) и гораздо выше, чем средний процент исполнения по РФ. Однако эксперты отмечали лишь средний уровень качества реализации проекта ($m_e = 3$). По субъективным ощущениям экспертов достижение финального эффекта от проекта будет минимальным. В Свердловской области процент реализации выше среднего по РФ, но ниже, чем у лидеров – 66,4%. Качество реализации проектов эксперты также оценивают на среднем уровне ($m_e = 3$), но у них есть уверенность, что проект будет реализован скорее успешно ($m_e = 3$). В Башкортостане процент исполнения ниже среднего по стране (51,6%), но эксперты отмечают высокий уровень реализации проекта ($m_e = 4$) и у них есть надежда на успешность его окончания ($m_e = 3$). Реализация проекта в Смоленской области самая худшая (43,4%), эксперты оценивают ее средне, но уверенности в ее успешной реализации нет ($m_e = 2$).

¹¹ Расходы бюджета на нацпроекты на 1 октября составили 1,991 трлн рублей. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18954283> (дата обращения: 21.07.2025).

Таблица 4. Оценки результатов хода реализации национальных проектов в официальной и экспертной версиях, 2023 год, % от числа опрошенных, баллы

Нацпроект	Показатель	РФ	Свердловская область	Республика Башкортостан	Вологодская область	Смоленская область
Национальный проект «Здравоохранение»	Официальный % исполнения бюджета	59,60	66,42	51,56	82,96	43,38
«5» – очень высоко, «4» – высоко, «3» – средне, «2» – низко, «1» – очень низко	Субъективная оценка реализации	3	3	4	3	3
«4» – очень успешно, «3» – в целом успешно, «2» – скорее неуспешно, «1» – неуспешно	Субъективная оценка будущей реализации	2	3	3	2	2
Национальный проект «Образование»	Официальный % исполнения бюджета	64,09	76,91	70,31	94,57	49,90
«5» – очень высоко, «4» – высоко, «3» – средне, «2» – низко, «1» – очень низко	Субъективная оценка реализации	3	3	4	3	3
«4» – очень успешно, «3» – в целом успешно, «2» – скорее неуспешно, «1» – неуспешно	Субъективная оценка будущей реализации	2	3	3	3	2
Национальный проект «Жилье и городская среда»	официальный % исполнения бюджета	56,36	44,21	57,40	53,61	30,78
«5» – очень высоко, «4» – высоко, «3» – средне, «2» – низко, «1» – очень низко	Субъективная оценка реализации	3	4	4	3	4
«4» – очень успешно, «3» – в целом успешно, «2» – скорее неуспешно, «1» – неуспешно	Субъективная оценка будущей реализации	2	3	3	3	3
Национальный проект «Безопасные качественные дороги»	официальный % исполнения бюджета	77,86	88,95	80,77	85,80	93,22
«5» – очень высоко, «4» – высоко, «3» – средне, «2» – низко, «1» – очень низко	Субъективная оценка реализации	3	4	3	3	4
«4» – очень успешно, «3» – в целом успешно, «2» – скорее неуспешно, «1» – неуспешно	Субъективная оценка будущей реализации	2	3	3	3	3
Примечание: N = 200. Источники: Официальная статистическая информация по показателям социально-экономического развития Российской Федерации, необходимым для мониторинга достижения показателей национальных проектов / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/53175 (дата обращения: 25.07.2024); Научный отчет по государственному заданию «Дистанционная социальная экспертиза как форма общественной коммуникации в реализации национальных проектов», 2023 г., экспертный опрос в четырех субъектах РФ (Вологодская, Смоленская, Свердловская области, Республика Башкортостан), опрошено 200 экспертов.						

Национальный проект «Образование» реализован в целом на 64%. В Вологодской области он практически реализован до конца – 94,6%, и это значение выше, чем в ведущих регионах. Эксперты оценивают уровень реализации проекта как средний и надеются, что проект будет реализован успешно. В Свердловской области и Башкортостане процент реализации выше, чем по РФ, и сравним с показателями ведущих регионов (76,9 и 70,3%). Эксперты оценивают реализацию нацпроекта на среднем уровне в Свердловской области ($m_e = 3$) и на высоком в Башкортостане ($m_e = 4$). Эксперты обоих регионов уверены в успехе. В Смоленской области процент реализации ниже общероссийского (49,9%). Оценка реализации проекта экспертами – удовлетворительно ($m_e = 3$), но уверенности в окончательном успехе нет ($m_e = 2$).

Национальный проект «Жилье и городская среда» реализован на 56,4%. В Башкортостане процент реализации немного выше – 57,4%, но он не дотягивает до показателей лидеров. Однако эксперты отмечают высокий уровень реализации проекта ($m_e = 4$), и они уверены в успешной его реализации ($m_e = 3$). В Вологодской области процент ниже среднего по стране – 53,6%. Эксперты удовлетворены его реализацией на среднем уровне, но есть надежда на успех ($m_e = 3$). В Свердловской и Смоленской областях процент низкий – 44,2 и 30,8%, но эксперты высоко оценивают реализацию проекта ($m_e = 4$) и уверены в успехе ($m_e = 3$).

Проект «Безопасные и качественные дороги» реализован на 77,9%. В рассматриваемых регионах реализация выше и сравнима с лидерами. В Свердловской и Смоленской областях она составляет 89 и 93,2%. Эксперты дают высокую оценку качеству реализации ($m_e = 4$) и уверены в успехе ($m_e = 3$). В Вологодской области и Башкортостане значение реализации составляет 85,8 и 80,8%. Эксперты на среднем уровне оценивают проект ($m_e = 3$), но уверены в успешности окончания ($m_e = 3$).

Подводя итоги сопоставления оценок реализации национальных проектов, базирующихся на финансовом критерии и мнениях экспертов, можно сказать, что реализация рассмотренных нами проектов находится в удов-

летворительном состоянии. Это видно из официальных данных и из оценок экспертов. Однако было обнаружено частичное несовпадение оценок, базирующихся на финансовом критерии, и мнений экспертов: зафиксированы более высокие оценки экспертов при сравнительно низких официальных оценках исполнения бюджета. Можно предположить, что эксперты больше ценят качество эффектов, получаемых от проектных решений на местах, а не количественные значения финансово-экономических показателей по отдельным регионам и в целом по стране.

Выводы и обсуждение

Ключевой задачей проведённого мониторинга национальных проектов стала оценка социальных последствий по результатам выполнения проектных решений. Специально разработанная под эту задачу система показателей позволила, во-первых, оценить конкретные направления (в нашем случае это оценка реализации четырех национальных проектов), во-вторых, зафиксировать сложившуюся тенденцию (тренд) за определенный период времени. Как показали результаты, в настоящее время сформировался положительный тренд в отношении усиления социального эффекта от реализации национальных проектов в регионах.

Итоги экспертного опроса позволили сделать следующие выводы. Наиболее высоко оцениваются действия органов власти разного уровня (от муниципального до федерального) в отношении их характера участия (исполнение, контроль) и вклада в реализацию национальных проектов. Степень влияния и уровень одобрения проделанной работы остальных субъектов оценены значительно ниже. Доминирование роли властных структур, по мнению экспертов, во многом оправдано, поскольку их ведущая роль в реализации национальных проектов стимулирует к выполнению намеченных планов.

Роль местного населения как основного бенефициара (потребителя) национальных проектов пока ограничивается общественным наблюдением, отчасти контролем. И хотя отмечается улучшение ситуации по взаимодействию власти с населением и вовлечению последних в реали-

зацию национальных проектов, но она далека от идеальной. Система информирования о национальных проектах в регионах создана, но имеет разный уровень развитости форм и масштаб охвата, нуждается в дельнейшем развитии и повышении эффективности.

Компаративный анализ субъективных (экспертных) и объективных (финансовых) показателей реализации национальных проектов вскрыл важную проблему — недостаточность открытых данных, что в целом влияет на понимание достижения социальных эффектов от реализации проектных решений. При наличии в открытом доступе единственного показателя — уровня исполнения бюджета по национальным проектам (один из трех направлений оценки в оценочной методике Правительства РФ) удалось установить уровень реализации проектов как удовлетворительный. Но результирующий срез может иметь большую ценность для оценки последствий от реализуемых решений, в частности при доступности для анализа данных об объеме мероприятий, которые были осуществлены по сравнению с планом, а также данных об обратной связи, организованной Правительством РФ.

Установлено, что важной характеристикой проведения эффективного (успешного) мониторинга является преодоление субъективности экспертных оценок, заключающееся в соблюдении валидного отбора экспертов по признаку включенности в разработку и реализацию нацпроектов и их осведомленности о качестве исполнения организационных мероприятий и проектных решений. Качество и значимость мониторинга также зависят от регулярности фиксации социальных последствий от проектных решений для своевременного и оперативного реагирования. Для повышения верификации и комплексного анализа полученных данных можно использовать результаты массового опроса населения. Однако в целом предложенный инструментарий представляет собой важный источник информации для своевременной корректировки управленческих (проектных) решений.

Оценка социальных результатов (последствий и эффектов) реализации национальных проектов в регионах является не менее важной, чем оценка их экономической составляющей. По нашему мнению, она должна стать неотъемлемой частью государственного мониторинга, а именно получить воплощение в формате социальной экспертизы, что позволит наиболее эффективно выполнять проектные мероприятия в соответствии с поставленными национальными целями и ожиданиями населения. Отметим, что социальная экспертиза представляет собой регулярно повторяющееся комплексное исследование (на основе комбинаторики микс-методологии), которое направлено на изучение социальных эффектов от реализации управленческих решений (социальных последствий) и социальных процессов, вызванных этими действиями.

Уже сегодня апробация социальной экспертизы как основы комплексных исследований Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН указывает на возможности и положительные эффекты для государственного мониторинга (Богданов, Почестнев, 2024b; Россия..., 2017; Тихонов и др., 2021), а именно: во-первых, появляется возможность делать более обоснованные выводы о состоянии и изменениях социально-экономической ситуации по результатам реализации национальных проектов в регионах, во-вторых, возникают основания для взвешенной оценки необходимой корректировки и планирования дальнейших действий.

В целом социальную экспертизу можно рассматривать как унифицированный инструмент оценки социальных эффектов проектных и стратегических решений, в который изначально заложены основания социально-экономического разнообразия регионов и их ресурсного потенциала. По нашему мнению, предложенный подход требует легитимации и придания социальной экспертизе государственного (институционального) статуса, включения ее оснований в государственный мониторинг реализации национальных проектов.

Литература

- Аникина И.Д., Буханцев Ю.А., Кузьмина Э.В. (2022). Анализ направлений развития контроля и оценки эффективности реализации госпрограмм и нацпроектов // *Фундаментальные исследования*. № 10 (ч. 1). С. 7–13. DOI: 10.17513/fr.43335. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43335> (дата обращения: 10.04.2026)
- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / под ред. Н.И. Лапина. Москва: Весь мир, 2016. 360 с.
- Богданов В.С., Почестнев А.А. (2024a). Генезис нормативного и административного регулирования развития регионов. Часть первая // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 12. № 4. С. 9–22. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.1
- Богданов В.С., Почестнев А.А. (2024b). Дистанционная социальная экспертиза национальных проектов // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. Т. 24. № 3. С. 699–714. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-699-714
- Богданов В.С., Почестнев А.А. (2022). Экспертное группообразование при принятии решений о развитии регионов: раскол или сплоченность (на примере реализации национальных проектов) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. Т. 22. № 2. С. 306–323. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-306-323
- Борисов С.А., Соменкова Н.С. (2023). Повышение эффективности реализации приоритетных национальных проектов на основе мониторинга как инструмент экономической безопасности государства // *Экономическая безопасность*. Т. 6. № 2. С. 611–626. DOI: 10.18334/ecsec.6.2.117684
- Бурянина О.А., Логинов М.С. (2022). Управление рисками реализации национальных проектов // *Актуальные проблемы управления и экономики в России: сборник научных трудов студентов и магистрантов*. Челябинский филиал РАНХиГС. Вып. 18. С. 132–135.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2014). *Индивидуум & Государство: экономическая дилемма*. Москва: Весь мир. 480 с.
- Гринько С.Д. (2025). Противодействие преступности в сфере реализации приоритетных национальных проектов // *Закон и право*. № 12. С. 207–210. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-12-207-210
- Дридзе Т.М. (2000). Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // *Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн.* / отв. ред. Т.М. Дридзе. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН. Кн. 1. С. 5–42.
- Кабанова Н. А. (2020). Система мониторинга за расходованием бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных (федеральных) проектов. Москва: РУСАЙНС. 158 с.
- Камчатов К.В. (2023). Правонарушаемость, надзор и состояние законности в сфере реализации приоритетных национальных проектов // *Вестник Академии права и управления*. № 2 (72). С. 46–54. DOI: 10.47629/2074-9201_2023_2_46_54
- Каширская Л.В., Зурнаджянц Ю.А. (2022). Применение основных этапов аудита при оценке эффективности национальных проектов // *Проблемы экономики и юридической практики*. Т. 18. № 3. С. 85–93.
- Коган Л.Б. (2008). Когда «местное самоуправление» становится уместным... // *Городское управление*. № 5. С. 2–4.
- Першина Т.А., Авилова А.С., Измайлов Р.Р. (2023). Оценка существующей системы мониторинга реализации национальных проектов // *Социальные и экономические системы*. № 5.1 (31.1). С. 262–272.
- Меха В.А. (2023). Регулирование реализации национальных проектов Федерации: проблемы и перспективы развития // *Вопросы российского и международного права*. Т. 13. № 6А. С. 107–112. DOI: 10.34670/AR.2023.54.39.015
- Панина О.В., Шедько Ю.Н., Попадюк Т.Г. (2022). Традиционные и современные принципы, подходы, методы и инструменты формирования системы мониторинга и контроля реализации федеральных проектов // *Вопросы истории*. № 8 (2). С. 228–236. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi48
- Пономарев Н.С. (2025). Механизмы мониторинга и оценки эффективности реализации национального проекта «здравоохранение» // *Вестник науки*. Т. 1. № 2 (83). С. 404–409.
- Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / отв. ред. А.В. Тихонов. Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

- Строев В.В., Кузнецов Н.В. (2023). Мониторинг национальных проектов в Российской Федерации и риски, связанные с их реализацией // Вестник университета. № 11. С. 14–20.
- Строев В.В., Рогуленко Т.М., Некрасова О.Л. (2025). Формирование и реализация государственных программ: методологические основы // Russian Journal of Management. Т. 13. № 4. С. 162–176. DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-4-162-176
- Тихонов А.В. (2017). Программа и методы исследования условий жизни населения и работы звеньев властно-управленческой вертикали в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 12–13 октября 2017 г. / отв. ред. А.В. Тихонов. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 135–141.
- Тихонов А. В., Гречаная А.А., Гусейнова К.Э. [и др.]. (2021). Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группобразования: монография / отв. ред. А.В. Тихонов; А.А. Мерзляков. Москва: ФНИСЦ РАН. 455 с.
- Трошин Д.В. (2020). Адаптация методологии мониторинга экономической безопасности России к реализации национальных проектов и государственных программ // Вопросы управления. № 5 (66). С. 16–27.
- Федотов А.В., Лебедев К.В., Коваленко А.А., Полушкина А.О. (2020). Национальные проекты и совершенствование мониторинга их реализации в сфере непрерывного профессионального образования // Университетское управление: практика и анализ. № 24 (1). С. 28–43. DOI: 10.15826/umpra.2020.01.002
- Хэ Чуаньци (2011). Обзорный доклад о модернизации в Китае (2001–2010): пер. с англ. Москва: Весь мир. 256 с.
- Шабунова А.А., Кожевников С.А. (2020). Эффективность государственного управления в исследованиях сотрудников ВолНЦ РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 9–21. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.1
- Эффективность национальных проектов и тенденции развития территорий: научные труды 2021–2025 гг. (2025): в 4 т. Т. 1: Эффективность государственного управления / под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН. 751 с.
- Antonie R.I. (2024). Evaluation in the EU: An insight into the ecosystem, practices, and challenges. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 20(70). DOI: 10.24193/tras.71e.1
- Gea M., Lahagu P., Mendrofa S.A., Buulolo N.A. (2025). Analisis implementasi sistem monitoring dan evaluasi pada dinas sosial kota gunungsitoli. *Jurnal Publikasi Manajemen Informatika*, 4, 341–350. DOI: 10.55606/jupumi.v4i1.3861
- Hu S. (2006). Performance evaluation system of Chinese government on the basis of the scientific development view. *Journal of US-China Public Administration*, 6, 17–20. DOI: 10.3969/j.issn.1003-4307.2006.06.004
- Janka T. (2024). Project monitoring model in central governmental administration. *Zeszyty Naukowe*, 194, 131–157. DOI: 10.29119/1641-3466.2024.194.8
- Kazanskaia A.N. (2025a). Development planning and implementation: Frameworks, tools, and strategies for effective practice. *Neya Architectural Cognition*. Available at: <https://neyaglobal.com/journal-nonprofit/development-planning-and-implementation/> (accessed: 29.01.2025).
- Kazanskaia A.N. (2025b). Program implementation in non-profit organizations: Strategies for effective delivery and impact. *Neya Architectural Cognition*. 2025. Available at: <https://neyaglobal.com/journal-nonprofit/bridging-strategy-and-execution/> (accessed: 29.01.2025).
- Mathayo R., Kinyina A. (2025a). Monitoring and evaluation challenges and approaches by non-governmental organizations in Musoma, Tanzania. *East African Journal of Education and Social Sciences*, 3(4), 173–179. DOI: 10.4314/eajess.v3i4.209
- Sari D.A., Margules C., Lim H.S., Sayer J. et al. (2022). Performance auditing to assess the implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs) in Indonesia. *Sustainability*, 14(19), 1–24. DOI: 10.3390/su141912772
- Welfens N., Bonjour S. (2023). Seeking legitimacy through knowledge production: The politics of monitoring and evaluation of the EU Trust Fund for Africa. *Journal of Common Market Studies*, 61(4), 951–969. DOI: 10.1111/jcms.13434
- Wotela K. (2017). Using systems thinking to conceptually link the monitoring and evaluation function within development interventions and public policy. *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*, 13, 1–13. DOI: 10.4102/TD.V13I1.398

Сведения об авторах

Андрей Александрович Мерзляков – кандидат социологических наук, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1; e-mail: andrey243@rambler.ru)

Владимир Сергеевич Богданов – кандидат социологических наук, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1; e-mail: valarf@rambler.ru)

Merzlyakov A.A., Bogdanov V.S.

Evaluating the Effectiveness of National Project Implementation in Russia: Findings from an Expert Survey

Abstract. This article addresses the issue of monitoring the implementation of national projects to assess the social impact of project implementation. The article aims to analyze the experience of monitoring the implementation of four national projects based on the results of an expert survey. The methodological basis of the study is the results of fundamental research conducted by the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology FCTAS RAS. The article substantiates the need to use monitoring as a combination of integrated research methods – a mixed methodology of social assessment – specifically in accordance with the goals and objectives of regional governance. In line with emerging research trends in the analysis of subjective and objective data, this article presents the results of a comparative analysis of an expert survey (a collection of expert assessments from four regions) and official Rosstat statistics. The expert survey findings indicate an emerging positive trend in the consideration of social aspects in regional project decisions. It is noted that government bodies (federal, regional, and local) act both legally and in practice as the primary implementers of projects, while the public is currently relegated to the role of public observer. It is concluded that government assessments (statistical data) and expert opinions are similar – both assess the implementation of projects in the regions as satisfactory. However, greater transparency of government statistical data is needed. The study's results suggest the feasibility of incorporating monitoring of the social impacts of national projects into government monitoring. Based on this approach, it becomes possible to define government monitoring as socially oriented, institutionally structured, and unified.

Key words: government monitoring, social monitoring, social impact assessment, national projects, unification and diversity, social expertise

Information about the Authors

Andrey A. Merzlyakov – Candidate of Sciences (Sociology), Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5, building 1, Bolshaya Andronyevskaya Street, Moscow, 109544, Russian Federation; e-mail: andrey243@rambler.ru)

Vladimir S. Bogdanov – Candidate of Sciences (Sociology), Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5, building 1, Bolshaya Andronyevskaya Street, Moscow, 109544, Russian Federation; e-mail: valarf@rambler.ru)

Статья поступила 21.01.2026.

Продуктовые ниши химического комплекса региона: потенциал, барьеры и макроэкономические эффекты

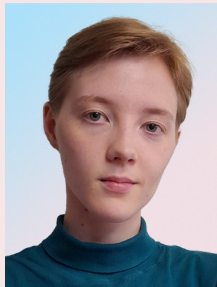

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: tvu@volnc.ru

ORCID: 0000-0001-9416-1136; ResearcherID: O-2232-2017

**Инна Ричардовна
ЧЕПЛИНСКИТЕ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: inna.cheplinskite@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6546-1164; ResearcherID: GZL-6208-2022

**Никита Михайлович
РУМЯНЦЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: rumyanik.95@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

Для цитирования: Ускова Т.В., Чеплинските И.Р., Румянцев Н.М. (2026). Продуктовые ниши химического комплекса региона: потенциал, барьеры и макроэкономические эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 74–95. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.4

For citation: Uskova T.V., Cheplinskite I.R., Romyantsev N.M. (2026). Product niches of the region's chemical complex: Potential, barriers, and macroeconomic effects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 74–95. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.4

Аннотация. Глобальная экономика переживает период трансформации, который характеризуется глубокой рецессией, усилением рыночной волатильности, неустойчивостью финансовой системы, замедлением процессов формирования новых транснациональных производственных цепочек, снижением потоков инвестиций. Меняется технологический фундамент хозяйственной деятельности, в ней появляются новые сектора. Для Российской Федерации дополнительно сдерживающим фактором развития выступают жесткие санкции, введенные западными странами после начала специальной военной операции на Украине. В условиях внешних ограничений и неопределенности остро стоит вопрос поиска способов развития отечественной промышленности, организации новых производств с учетом общенациональных приоритетов. К числу последних относятся структурная трансформация экономики, повышение уровня ее технологичности. Важной в данном контексте видится проработка вопроса, связанного с определением перспективных видов экономической деятельности и направлений достройки региональных цепочек создания стоимости в ключевых сферах народного хозяйства, одной из которых является химическая промышленность. Цель исследования заключается в определении и научном обосновании стратегических ниш развития химического комплекса региона. Задачи исследования: проведение анализа потенциала региона для развития химической промышленности, выявление продуктовых ниш специализации, определение барьеров для их реализации и оценка эффектов от развития выбранных направлений. В качестве объекта исследования выбрана Вологодская область. Информационную базу составляют данные Федеральной службы государственной статистики и его территориального подразделения в Вологодской области, Федерального агентства по недропользованию, отраслевых рейтинговых агентств, таблицы «затраты – выпуск» Вологодской области за 2020 год, сведения об инвестиционных планах компаний. Анализ потенциала показал, что Вологодская область обладает собственными ресурсами для производства лесохимической продукции, а логистические возможности позволяют организовывать прочие химические производства на привозном сырье. Однако производственно-технологический потенциал предприятий отрасли ограничен загруженностью мощностей и значительным износом основных фондов, инновационный потенциал развит недостаточно. Определены стратегические приоритеты регионального химического комплекса, в число которых входит производство удобрений, композитов и новых материалов. Обоснованы потенциальные ниши специализации, такие как производство полимер-металлических композитов, полимеров для аддитивных технологий, фосфогипсовых строительных материалов и лесохимических веществ. Рассчитан мультипликативный эффект влияния на валовой региональный продукт развития производств выявленных ниш. Выделены технологические, экономические, производственные и экологические барьеры, препятствующие реализации предложенных направлений. Научная новизна исследования заключается в выявлении ниш перспективной специализации для химического комплекса Вологодской области. Результаты могут быть использованы региональными органами власти для обоснования стратегических направлений экономической политики.

Ключевые слова: структурная трансформация, химический комплекс, перспективная специализация, продуктовые ниши, регион.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01067, <https://rscf.ru/project/24-18-01067/>.

Введение

Следствиями процессов трансформации глобальной экономики, жестких антироссийских санкций, введенных западными странами после начала специальной военной операции на Украине в 2022 году, стали нарушение цепочек поставок, ограничение экспорта товаров на традиционные рынки, уход иностранных компаний и т. д. Эти обстоятельства потребовали от производителей принятия мер по адаптации к новым реалиям рынка посредством трансформации производственных цепочек, изменения структуры выпускаемой продукции, перестройки торговых и логистических связей. Однако обозначенные выше проблемы усугубляются сформированной в стране экспортоориентированной моделью развития экономики, при которой преобладает выпуск продукции низких переделов (Порфирьев и др., 2024). Вследствие этого в совокупности с жесткой денежно-кредитной политикой, приводящей к снижению инвестиционной и деловой активности, темпы роста экономики замедлились.

Складывающаяся ситуация все больше актуализирует вопрос поиска источников экономического роста, прежде всего на основе развития промышленности, организации новых производств с учетом потребностей импортозамещения, активизации внутреннего рынка и достижения технологического суверенитета. Это согласуется со стратегическими планами государства, одно из ключевых направлений которых – структурная трансформация экономики, перевод ее на новую технологическую основу. Согласно Плану структурных изменений в российской экономике до 2030 года¹, к числу общегосударственных приоритетов относятся повышение уровня технологического развития экономики, достижение технологической независимости в ключевых сферах, среди которых особое место занимает химическая промышленность, прежде всего изготовление новых материалов. Вместе с тем стратегические документы задают общие векторы развития, обозначают приоритеты экономической политики, представленные крупными отраслями,

¹ План структурных изменений в российской экономике до 2030 года (утв. протоколом заседания Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2025 г. № 41).

что актуализирует задачу детализации перспективных видов экономической деятельности до конкретных продуктовых ниш.

Важной является проработка вопроса, связанного с определением перспективных видов экономической деятельности и направлений достройки цепочек создания стоимости путем формирования новых производств на региональном уровне. Цель исследования заключается в определении и научном обосновании стратегических ниш развития химического комплекса региона. В качестве объекта исследования выбрана Вологодская область, имеющая материально-технологический и финансовый потенциал, а также нераскрытые резервы для осуществления модернизации химических производств. В рамках выполнения цели исследования требуется решение следующих задач:

- провести комплексный анализ потенциала Вологодской области для развития химической промышленности;
- выявить приоритетные продуктовые ниши специализации;
- определить ключевые барьеры для реализации выявленных ниш и оценить ожидаемый народнохозяйственный эффект от развития выбранных направлений.

Теоретические предпосылки исследования

В контексте развития национальной и региональной экономики широкий дискурс получил вопрос ее структурно-технологической трансформации (Порфирьев и др., 2024). Посредством перестройки экономики достигается ее долгосрочный рост, формируется новая пространственная структура, увеличивается производимая добавленная стоимость (Mikheeva, 2024).

Одним из ключевых направлений структурной трансформации экономики является развитие цепочек создания стоимости (ЦСС). Изучается их вклад в формирование экономической динамики, взаимосвязь между вовлеченностью в мировое хозяйство и развитием национальной экономики (Саяпова, Широков, 2025). Особое внимание специалисты уделяют региональным цепочкам, их достройке, возможностям встраивания предприятий в межрегиональные и национальные цепочки (Лукин, 2025). В данном контексте широкое применение

ние нашел инструментарий межотраслевого моделирования. Он позволяет оценивать последствия реализации структурной политики, динамику социально-экономического развития региона (Ивантер, 2018), вовлеченность региональной экономики в процессы международного разделения труда. Исследователями разрабатываются статистические и динамические модели (Kurz, Salvadori, 2000), в том числе включающие блок инвестиций (Саяпова, Широ́в, 2019).

Особое внимание исследователи уделяют региональным межотраслевым моделям, в основе которых лежат таблицы «затраты – выпуск». Они разрабатываются в США (Boero et al., 2006), Бразилии (Dietzenbacher et al., 2012), Китае (Jiang, 2011) и других странах. Подобные исследования представлены и в России. Одной из первых на основе системы национальных счетов (СНС) была сформирована модель Республики Башкортостан (Нигматулин и др., 2006). Другими примерами служат Республика Бурятия (Дондоков и др., 2014), Калининградская область, Республика Саха и др. Ряд межотраслевых балансов, не только региональных, но общенациональных, предложен специалистами Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН и Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Они включают оптимизационные межрегиональные, прогнозно-аналитические модельные комплексы, позволяющие согласовывать макроэкономические и отраслевые показатели, прогнозировать состояние экономики в средне- и долгосрочной перспективе и т. д. (Суслов, Суспицын, 2005; Суворов, Балашова, 2009).

Использование межотраслевого моделирования дает возможность определять мультипликативные эффекты от развития отраслей экономики, реализации инвестиционных проектов. Наиболее значимыми являются производственные и инвестиционные мультипликаторы. Механизм формирования мультипликативного эффекта заключается в инициирующем изменении объемов конечного выпуска или инвестиций, что приводит к росту производства в смежных секторах и экономике в целом, формированию дополнительного объема доходов и его перераспределению в конечном спросе.

В основе расчетов лежат таблицы «затраты – выпуск» (Суворов и др., 2005), следом вычисляются изменения величин добавленной стоимости по секторам экономики. Стоит отметить, что на мультипликативный эффект влияют трансформации структуры экономики, требующие внесения корректировок в матрицу коэффициентов затрат, а также структура спроса (Саяпова, Широ́в, 2019).

Межотраслевые исследования проводятся и для Вологодской области (Ильин и др., 2021). Коллективом авторов из Вологодского научного центра РАН сделан вывод о глубокой интеграции области в национальные и глобальные ЦСС, но вместе с тем отмечено ухудшение положения региона в российских цепочках. В качестве фактора, сдерживающего развитие Вологодской области, называется удаление от последних звеньев цепи и от конечного потребителя, связанное с увеличением поставок промежуточных товаров. Следствием становится снижение эффективности использования ресурсов, сокращение возможностей генерации доходов и наращивания добавленной стоимости.

Таким образом, приоритетными направлениями развития региональной экономики должны быть повышение степени переработки собственных и привозных ресурсов, устранение «разрывов» и удлинение ЦСС. Результатами станут рост доходов экономических агентов, активизация внутреннего потребления, увеличение спроса на инновации, расширение емкости и качественное преобразование рынка инжиниринговых, образовательных, транспортных и финансовых услуг (Никитенко, Гоосен, 2017; Лукин, 2023). При этом отмечается необходимость локализации на территории региона высокодоходных звеньев ЦСС (Пилясов, 2018).

Для трансформации производственных и сбытовых цепочек и, как следствие, осуществления структурных изменений в экономике необходимо определить текущую и перспективную экономическую специализацию региона (Лукин, 2023). Базовыми секторами для формирования перспективной специализации и модернизации экономики Вологодской области называются агропромышленный и лесопромышленный комплексы, металлообработка и машиностроение, а также химический

комплекс. Они обладают определенным производственным, научно-технологическим и инновационным заделом для развития национальных ЦСС (Лукин, 2025).

Химический комплекс является одним из ведущих секторов тяжелой промышленности. Он способствует не только развитию производительных сил, но и укреплению обороноспособности государства, обеспечению жизненных потребностей общества (Малышев, Печенская-Полищук, 2024). Его отличительной чертой является связь со многими отраслями промышленности, поскольку потребителями выпускаемой им продукции выступает большинство сегментов народного хозяйства.

Химическая промышленность называется драйвером роста экономики страны и региона (Широкова, 2021), обладающим потенциалом для того, чтобы стать флагманом российской промышленности (Мальсагов, 2022). Одним из наиболее перспективных рынков с точки зрения развития в ближайшем будущем считается, в частности, рынок минеральных удобрений (Малышев, 2024). Этим обусловлен тот факт, что данной отраслью обеспечивается продовольственная безопасность не только страны, но и всего мира, поскольку Россия является одним из крупнейших поставщиков удобрений (Богачев, Дорофеева, 2022).

Широкий дискурс в научной среде получил вопрос особенностей функционирования химического комплекса в условиях санкционных ограничений. Они привели к росту цен на продукцию отрасли, в особенности на аммиак и удобрения, нарушению логистических цепочек поставок, уменьшению объемов экспорта и импорта, снижению доступности инвестиций и др. (Ашинова и др., 2022; Смагулова, Фетисова, 2023). В связи с санкциями, перекрывающими доступ к зарубежному оборудованию, технологиям и составляющим, для некоторых химических производств обострилась проблема импортозамещения. Исследователями отмечается, что развитию химического комплекса препятствуют недостаточно благоприятный деловой климат в отрасли, отсутствие прозрачности в распределении государственных субсидий на производство, а также высокие бюрократические барьеры при подаче заявки на субсидии или гранты (Проворова, Жемерикин, 2020).

Ученые Орловского ГАУ имени Н.В. Парахина подчеркивают необходимость совершенствования материально-технической базы и государственных мер поддержки отрасли, в частности химических удобрений, производство которых особенно пострадало от санкций (Богачев, Дорофеева, 2022).

В публикациях Вологодского научного центра РАН исследуются крупные корпорации химической промышленности. Изучаются такие аспекты, как формирование финансовых результатов (Малышев, 2024), производственных показателей и их анализ (Копытова, 2017). Блок исследований посвящен оценке финансового взаимодействия предприятий с государством, их роли в формировании доходов бюджетной системы (Малышев, 2023). Изучаются тенденции экспортно-импортных отношений (Малышев, Печенская-Полищук, 2024), природоохранная деятельность крупных российских производителей минеральных удобрений (Малышев, 2025), влияние на развитие экономики регионов (Разгулина, Барабанов, 2014; Разгулина, 2015).

В ряде работ определены перспективные специализации Вологодской области, в том числе в химическом комплексе. Например, среди таких отраслей названо производство основных химических веществ (Румянцев, 2023). Выделение перспективных специализаций базируется на авторской методике, в основе которой лежит интегральный балл, складываемый из оценок следующих компонентов функционирования отрасли: ее эффективности, рыночного потенциала, инновационной активности и патентной обеспеченности. Определены экспортные приоритеты Вологодской области на основе расчета индекса выявленных сравнительных преимуществ (Balassa, 1965) в рамках концепции экономической сложности (Hausmann, Klinger, 2006; Hidalgo, et al., 2007). К их числу относятся азотные и сложные химические удобрения (Чеплинските, Лукин, 2024). Также определены центры региональной специализации Вологодской области. Они представляют собой потенциальные кластеры отраслевого развития, наиболее значимым из которых для региона назван кластер, объединяющий металлургическую и химическую промышленность. В последней в

качестве перспективных отраслей выделяют основное химическое производство и изготовление резиновых и пластмассовых изделий (Данилова и др., 2021).

Таким образом, для химического комплекса характерен ряд проблем, решение которых возможно через поиск и развитие на территории региона новых производств. Для их выявления используются разные методики, однако в представленных работах предлагаемые отрасли концентрируются на основных химических производствах, изготовлении резиновых и пластмассовых изделий, реже – удобрений. Необходимым видится формирование методического инструментария, направленного на поиск и обоснование более узких ниш специализации.

Материалы и методы исследования

В рамках данного исследования используется подход к отбору ниш специализации, разработанный при участии авторов (Глазьев и др., 2025). В нем перспективность ниши определяется исходя из соответствия ряду отобранных критериев.

1. Соответствие глобальным макротрендам в отрасли: экономическим, социальным и демографическим. Например, повышение темпов урбанизации приводит к повышению выпуска упаковочных материалов из полимерных продуктов. Следствием замещения традиционных материалов полимерными становится необходимость роста выпуска последних.

2. Наличие быстрорастущего рынка продукции: оценка роста перспективной ниши проводится через изучение аналитических отчетов разных отраслевых агентств, таких как mordorintelligence.com, precedenceresearch.com и др.

3. Соответствие глобальным технологическим трендам. Им отвечает такая продукция, которая требуется для реализации глобальных трендов, в том числе межотраслевых (например, цифровизация, роботизация и т. д.), или является инновационным отраслевым продуктом.

4. Соответствие стратегическим планам государства, определяемое на основе анализа отраслевой стратегии развития и других документов, свидетельствующих о том, какие продукты и технологии планирует развивать государство.

5. Необходимость импортозамещения.

6. Наличие сырьевой базы региона.

7. Наличие существующих производственных мощностей, определяемое на основе их поиска как по крупным товарным группам, так и по технологически близким с ними товарам.

8. Наличие энергетических ресурсов.

9. Наличие логистических возможностей для производства и сбыта готовой продукции.

10. Соответствие планам крупных игроков в отрасли. Оно основывается на анализе отчетов и стратегических планов компаний крупных игроков в отрасли, прежде всего предприятия «ФосАгро».

11. Наличие центров технологических компетенций. Оно проводится через базу центров ТК НТИ, также в роли такого центра может выступить вуз, предприятие, имеющее аналогичное подразделение в своем составе².

12. Наличие возможностей подготовки кадров в регионе, базирующиеся на оценке образовательных программ высших и средних учебных заведений области.

13. Отсутствие конкурентных производств в стране. Анализ по данному критерию включает оценку наличия производств-аналогов в стране через поиск по специальным сайтам, например «Сделано у нас». Данному критерию также отвечают продукты с ярко выраженными конкурентными преимуществами.

Оценка макроэкономических эффектов от развития в регионе предлагаемых ниш перспективной специализации опирается на подход, в основе которого лежит методология межотраслевого баланса (Miller, Blair, 2009) и теория производственных мультипликаторов (Ксенофонтов и др., 2018).

Для количественной оценки этих эффектов необходимо применение межотраслевого подхода, базирующегося на таблицах «затраты – выпуск» (межотраслевых балансах). В основе методологии лежит статическая модель В.В. Лентьева, позволяющая рассчитать мультипликаторы выпуска, валовой добавленной стоимости (ВДС), инвестиций и занятости.

² Центры компетенции НТИ. Фонд национальной технологической инициативы. URL: <https://nti.fund/support/centers/> (дата обращения: 02.02.2026).

Для расчетов использовалась регионализированная симметричная таблица «затраты – выпуск» Вологодской области (базовый год – 2020) в разрезе 35 укрупненных отраслей. Матрица промежуточного потребления, векторы валового выпуска и конечного спроса (с корректировкой на импорт и межрегиональную торговлю) были рассчитаны на основе данных СНС по Вологодской области. Доли добавленной стоимости, налогов и оплаты труда в выпуске отраслей – из третьего квадранта межотраслевого баланса.

Алгоритм расчета следующий.

1. Построена матрица коэффициентов прямых затрат $A = [a_{ij}]$:

$$a_{ij} = Z_{ij} / X_j,$$

где a_{ij} – коэффициент прямых материальных затрат, который показывает, сколько продукции отрасли i нужно для производства единицы валовой продукции отрасли j ;

Z_{ij} – затраты продукции отрасли i в секторе j ;
 X_j – валовой выпуск отрасли j .

2. Рассчитана матрица полных затрат (матрица Леонтьева):

$$B = (E - A)^{-1},$$

где E – единичная матрица.

Элемент b_{ij} показывает, на сколько рублей вырастет выпуск отрасли i при увеличении конечного спроса на продукцию отрасли j на 1 рубль.

3. Для отрасли «Химические производства» столбец матрицы B использован для расчета мультипликаторов:

– полный эффект выпуска равен сумме элементов столбца j (химические производства);

– косвенный эффект равен полному эффекту за минусом прямого эффекта;

– индуцированный эффект оценен отдельно через повторное расходование доходов (заработной платы, налогов, прибыли) с использованием коэффициентов эластичности потребления домохозяйств и бюджетных расходов.

В рамках настоящего исследования проведено сценарное моделирование производст-

венно-ресурсного потенциала Вологодской области, изменяющегося в результате развития предлагаемых ниш специализации в химическом комплексе. Рассматривается полный мультипликативный эффект ВРП Вологодской области. Его вычисление производится путем умножения стоимостных объемов выпуска химического комплекса на производственные мультипликаторы. Последние рассчитываются на основе данных регионализированной таблицы «затраты – выпуск» для Вологодской области за 2020 год.

Прогнозирование объемов выпуска химического комплекса в целом до 2030 года и на перспективу до 2040 года осуществлено в рамках двух сценариев: инерционного и целевого. В рамках первого проведена экстраполяция ретроспективных трендов 2017–2023 гг., в рамках второго за основу взяты целевые уровни выпуска отрасли, утвержденные в национальных планах развития, с учетом имеющихся ограничений по производственным мощностям.

В рамках инерционного сценария закладывается стагнирующая динамика экономики региона, увеличение производства продукции с низкой добавленной стоимостью. Рост в химическом комплексе обеспечивается экспортом удобрений, однако формирующиеся темпы роста недостаточны для того, чтобы стать ключевым драйвером экономики. Расчеты производились на данных объемов отгруженной продукции в сопоставимых ценах 2020 года³.

Целевой сценарий подразумевает динамичное развитие экономики в условиях инвестиционного рывка, где темпы роста достигают 15–20% в год, формирования ядра нового технологического уклада и достижения национальных целей развития. Темпы роста производства удобрений, изделий из резины и пластмасс, а также прочих химических продуктов соответствуют заложенным в инновационном сценарии развития российского химического комплекса (согласно Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года).

³ Более развернутая характеристика сценариев представлена в (Глазьев и др., 2025).

Модель опирается на основное уравнение межотраслевого баланса, при моделировании использовалось уравнение:

$$(E - A)^{-1} * Y = X,$$

где E – единичная матрица;

$(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, каким должен быть объем реализации X во всех отраслях экономики, если планируется изменение конечного использования Y , т. е. производится расчет полных затрат.

На основе данных таблицы использования товаров и услуг рассчитывается матрица прямых затрат A . Для этого определяется доля прямых затрат F_{ij} в объеме выпуска продукции X_j :

$$a_{ij} = F_{ij} / X_j.$$

Далее вычисляется матрица полных затрат $B = (E - A)^{-1}$. Элемент b_{ij} матрицы B характеризует потребность в валовом выпуске отрасли i , который необходим для получения в процессе материального производства единицы конечного продукта отрасли j . Матрица полных затрат B , умноженная на вектор планируемого конечного использования Y , равняется валовому выпуску продукции всех отраслей X :

$$x_i = f(y_1, y_2, y_3 \dots, y_n) = \sum_{j=1}^n b_{ij} y_j.$$

Выполнение этого алгоритма позволяет получить вектор X (объем валового выпуска) для каждой отрасли. Однако для прогнозирования динамики элементов конечного использования потребуется рассчитать значения вектора Y , который включает такие компоненты, как потребление домашних хозяйств, инвестиции, экспорт и т. д.

Для расчета темпа изменения отдельных элементов y_j вектора конечного использования Y применяется формула:

$$y_j = fc_j * w_j^{fc} + ga_j * w_j^{ga} + ge_j * w_j^{ge},$$

где fc_j – динамика конечного потребления;

ga_j – динамика валового накопления;

ge_j – динамика чистого экспорта;
 $w_j^{fc}, w_j^{ga}, w_j^{ge}$ – доли соответствующих элементов в структуре конечного использования.

Это разложение применяется в силу того, что отдельные элементы конечного использования получается прогнозировать точнее при использовании косвенной статистики: например, изменения численности населения и уровня доходов для конечного использования, динамики инвестиций в основной капитал для валового накопления, спроса на ключевые товары и изменения цен для чистого экспорта (Румянцев, Лукин, 2024).

В рамках проводимого исследования доли в структуре конечного использования были усреднены на основе ретроспективной динамики (прогнозирование структурных пропорций рассматривается как развитие модельного комплекса и направления исследования в целом), динамика же показателей в отраслевом разрезе является экзогенной переменной модели и рассчитывается с учетом ретроспективы и экспертных оценок.

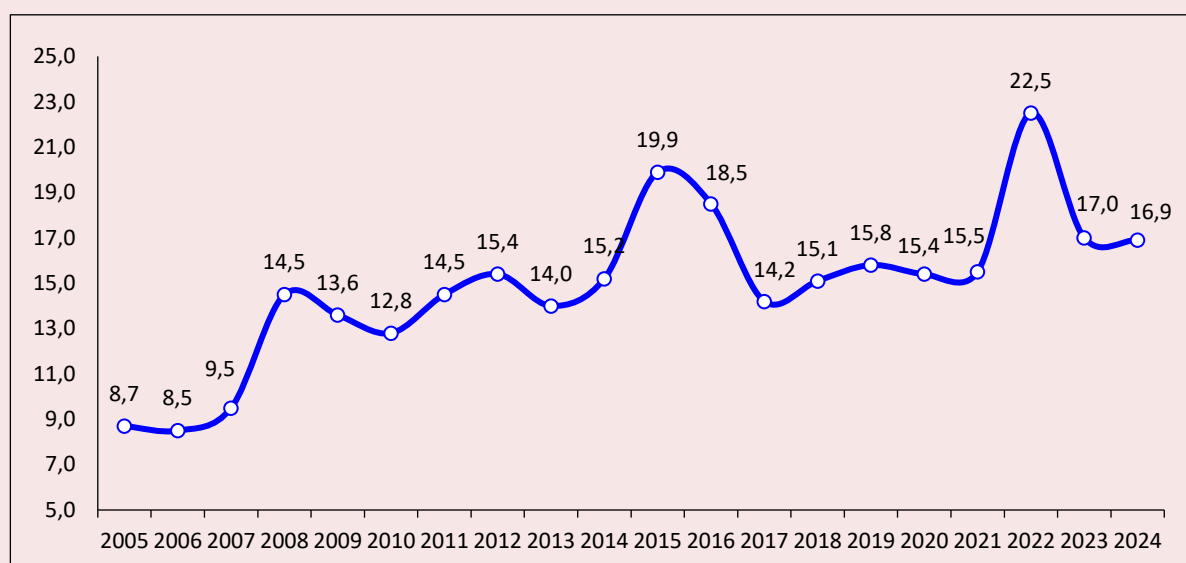
Ограничение исследования заключается в оценке мультипликативных эффектов без детального финансового моделирования каждой ниши специализации, а также в проведении расчетов на данных за 2020 год.

Информационную базу исследования составили данные отраслевых рейтинговых агентств, Федеральной службы государственной статистики и его территориального подразделения в Вологодской области, Федерального агентства по недропользованию, таблицы «затраты – выпуск» Вологодской области за 2020 год, а также сведения об инвестиционных планах компаний и стратегические акты государства.

Анализ потенциала для развития химической промышленности

Химическая промышленность – важнейшая отрасль экономики Вологодской области. Ее доля в общем объеме отгруженной продукции региона в 2024 году составила 16,9%. В сравнении с 2019 годом она возросла на 1,1 п. п., а за последние двадцать лет увеличилась почти в два раза (рис. 1). Весьма высок вклад отрасли и в налоговые доходы региона. Так, по итогам 2023 года налоги предприятий отрасли в общих налоговых доходах области составили почти 9%.

Рис. 1. Доля химической промышленности в общем объеме отгруженной продукции Вологодской области в 2005–2024 гг., % к итогу

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Основной продукцией химической промышленности региона являются фосфорсодержащие минеральные удобрения, выпускаемые ПАО «ФосАгро». Сырьем для них служат апатит-нефелиновые руды, добываемые на Хибинском месторождении Мурманской области. Горно-обогатительный завод АО «Апатит» производит апатитовый концентрат, который затем поставляется в Вологодскую область⁴. Иными

словами, фосфорсодержащее сырье расположено за пределами региона, однако развитая инфраструктура и сформированные логистические связи позволили наладить схему «сырье — переработка».

Вологодская область располагает запасами таких полезных ископаемых, как флюсовые известняки, торф, строительные материалы, керамзитовые и гончарные глины и др. (табл. 1).

Таблица 1. Запасы полезных ископаемых Вологодской области

Группа и вид полезного ископаемого	Ед. изм.	Запасы	% от запасов по федеральному округу	% от запасов по РФ
<i>Твердые горючие ПИ</i>				
Торф	Тыс. тонн	3127781	39,7	16,8
<i>Строительные материалы</i>				
Пески строительные (техногенные)	Тыс. м ³	122727	6,6	
Кирпично-черепичное сырье	Тыс. м ³	52779	11	0,9
<i>Прочие ископаемые</i>				
Минеральные краски	Тыс. тонн	138,7	3,6	0,4
Карбонатные породы для обжига на известь	Тыс. тонн	52125	14	1,9
Карбонатные породы для химической мелиорации почв	Тыс. м ³	12768	25,7	3,6
Керамзитовое сырье	Тыс. тонн	5663	7,5	0,4
Источник: данные Федерального агентства по недропользованию.				

⁴ Кировский филиал АО «Апатит» / ФосАгро. URL: https://www.phosagro.ru/about/holding_kirovsk/ (дата обращения: 04.02.2026).

Основной их потребитель – строительные и металлургические производства, однако ряд ресурсов может быть использован и в химическом производстве. Например, путем химической переработки торфа могут быть произведены компоненты кормовой массы для нужд сельского хозяйства.

Безусловно, важными источниками сырья для химической промышленности являются нефть, попутный и природный газ. Вологодская область не располагает собственными запасами этих критически важных ископаемых, однако через территорию региона проходит ветка магистрального газопровода системы «Ямал – Европа» на участке Ухта – Грязовец – Выборг. Проектные мощности газопровода составляют порядка 55 млн м³ в год⁵. Природный газ можно рассматривать в качестве сырья для расширения ассортимента химической продукции, выпускаемой в регионе.

Вологодская область богата лесными ресурсами, которые широко используются прежде всего в лесохимическом производстве. Регион обладает обширными запасами древесины, достигающими порядка 1,6 млрд м³. Такой объем способен обеспечить сырьем отрасль в долгосрочной перспективе с учетом возобновляемости данного ресурса. Другим его преимуществом является то, что его использование может способствовать развитию экономики на локальных территориях за счет создания рабочих мест в лесной отрасли и связанных с ней секторах, принося дополнительные экономические и социальные выгоды региону.

Таким образом, химическое производство в Вологодской области осуществляется главным образом на основе привозного сырья, чему способствуют развитая транспортная сеть и устойчивые логистические связи с другими регионами. Сырье для потенциальных проектов мелко- и малотоннажной химии может поставляться из европейской части России по железнодорожным транспортным путям «Транссиб» и «Север – Юг».

Регион богат и водными ресурсами. На его территории расположены густая речная сеть, множество озер и ряд водохранилищ. Данный фактор особенно значим при размещении водоемких химических производств, прежде всего полимерных.

Обеспеченность региона энергетическими ресурсами оценивается как средняя. Поскольку энергосистема области по электроэнергии и мощности дефицитна, ее выработку осуществляют собственные генерирующие источники крупных предприятий. К таковым относятся, например, Нюксенское ЛПУ МГ филиал ООО «Газпром трансгаз Ухта», Юбилейное ЛПУ МГ филиал ООО «Газпром трансгаз Ухта».

Анализ степени загрузки основных производственных мощностей позволяет судить о том, что химический комплекс Вологодской области обладает потенциалом к ускорению темпов роста выпуска ключевой продукции. В производстве ряда изделий загрузка мощностей почти достигла 100% (табл. 2). Это касается аммиака, олеума, серной кислоты и удобрений. Такая ситуация обусловлена высоким

Таблица 2. Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции в Вологодской области за 2019–2024 гг., %

Продукция	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Производство химических веществ						
Олеум, кислота серная	98,2	94,0	99,4	97,3	99,0	96,2
Аммиак	98,5	99,2	98,9	98,3	97,9	99,5
Удобрения фосфорные	96,2	93,5	92,4	93,4	98,2	94,0
Пластмассы в первичных формах	56,2	54,1	63,6	58,7	61,3	64,9
Производство прочей неметаллической минеральной продукции						
Бутылки стеклянные	97,6	99,0	92,4	94,6	93,7	97,8
Кирпич строительный	56,0	60,0	56,4	66,7	60,8	57,1
Изделия из цемента, бетона или искусственного камня	38,6	41,2	42,3	54,2	35,1	33,5

Источник: составлено авторами на основе данных Вологдастата.

⁵ Магистральный газопровод «Грязовец – Выборг» // Газпром инвест. URL: <https://invest.gazprom.ru/about/projects/seg/> (дата обращения: 04.02.2026).

спросом на эту продукцию в первую очередь на внешнем рынке. Недогрузка мощностей для двух видов продукции, пластмасс и кирпичей, колеблется в интервале от 35 до 43%. Причинами этого являются недостаточный спрос на данную продукцию на внутреннем рынке и разорванность производственных цепочек в российской экономике, следствием которой стала ориентация производителей на экспорт. Поставки приходится на изделия низких переделов, в то время как импорт составляет конечная продукция с высокой добавленной стоимостью, произведенная из российского сырья.

Реализация производственного потенциала региона в целом и химического комплекса в частности, повышение темпов роста экономики зависят от состояния производственных фондов. Степень их износа превышает 50% для ряда продукции комплекса, прежде всего неметаллической минеральной продукции и химических веществ (табл. 3). В последние годы отмечается тенденция к увеличению степени износа фондов, используемых в изготовлении химических веществ, и к небольшому снижению в двух прочих отраслях. Потенциальную

угрозу потери материально-технической базы создает высокий износ машин и оборудования, который превышает средний по всем основным средствам. Это связано с высокой импортозависимостью в части товаров инвестиционного назначения и введенных санкций, ограничивающих возможности приобретения новых машин и оборудования, наряду с технологиями и компонентами для производства химических веществ (Смагулова, Фетисова, 2023).

Вместе с тем постепенно осуществляется ввод новых производственных мощностей. Коэффициенты обновления превышают коэффициенты ликвидации (табл. 4), что указывает на постепенную замену основных фондов новыми. Однако обновление фондов в отрасли производства прочей неметаллической минеральной продукции происходит медленными темпами, в выпуске резиновых и пластмассовых изделий величина показателя за 2024 год в сравнении с предыдущим уменьшилась почти на 20%. Для ремонтируемых и повторно вводимых в эксплуатацию производственных мощностей характерны ускоренный физический износ и морально-техническое устаревание.

Таблица 3. Степень износа основных фондов Вологодской области в 2019–2024 гг., % к полной учетной стоимости

Продукция	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Химические вещества и химическая продукция	40,9	54,2	55,1	55,9	57,6	59,4
Резиновые и пластмассовые изделия	80,1	82,2	71,8	51,5	42,0	41,9
Прочая неметаллическая минеральная продукция	68,0	67,4	60,4	61,2	67,0	65,3

Источник: составлено авторами на основе данных Вологдастата.

Таблица 4. Обновление основных фондов в Вологодской области в 2019–2024 гг., %

Продукция	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Коэффициент обновления основных фондов						
Химические вещества и химическая продукция	10,2	13,7	8,1	6,4	0,1	5,0
Резиновые и пластмассовые изделия	5,2	3,4	18,0	26,7	33,0	14,7
Прочая неметаллическая минеральная продукция	9,4	1,9	16,3	4,0	2,7	2,2
Коэффициент ликвидации основных фондов						
Химические вещества и химическая продукция	0,5	0,4	1,5	2,8	0,1	1,4
Резиновые и пластмассовые изделия	0,0	1,3	-	-	-	-
Прочая неметаллическая минеральная продукция	0,9	0,3	4,7	2,0	0,2	0,8

Источник: составлено авторами на основе данных Вологдастата.

Инновационный потенциал. Развитие технологического комплекса, как и экономики в целом, возможности перехода на новый технологический уклад, увеличения добавленной стоимости определяются инновационной деятельностью.

Показатель численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, демонстрирует тенденцию к снижению начиная с 2021 года. Только в 2024 году отмечается небольшое увеличение параметра (рис. 2).

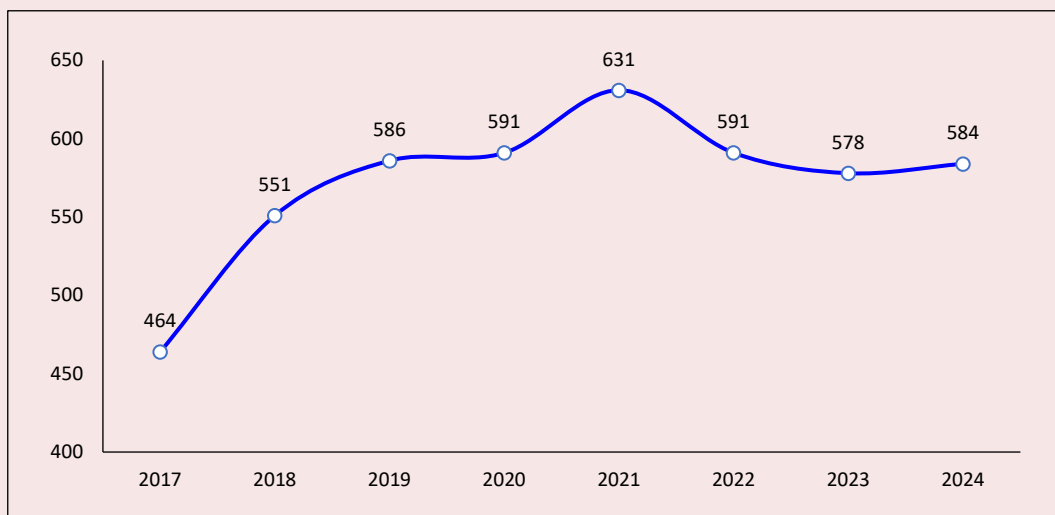
Стагнирующую динамику демонстрируют показатели числа организаций, занятых в НИР, практически не изменяется количество разработанных передовых производственных технологий. Уровень инновационной активности организаций в химическом комплексе выше, чем в среднем по региону. Так, в области в целом он составил 9,3% в 2022 году, в химическом комплексе – 16,7% (20% в 2023 году). Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгрузки в регионе значительно сократился в последние годы. Это говорит о вытеснении инновационных товаров традиционной продукцией. В разрезе отраслей инновационная активность отличается большой неоднород-

ностью. Она сосредоточена в первую очередь в отраслях, выпускающих продукцию низких переделов.

Таким образом, Вологодская область обладает ресурсами для производства лесохимической продукции, изготовление удобрений базируется на привозном сырье. Формирование новых производств, особенно малотоннажных, также может основываться на ресурсах, поставляемых из других регионов, чему способствует положение региона на пересечении транспортных путей разных направлений. Область располагает основными фондами для производства, однако его загруженность велика, значительна степень износа, в первую очередь в отраслях, выпускающих химические вещества и неметаллическую минеральную продукцию. Недостаточно развит инновационный потенциал.

Вместе с тем актуальность вопроса поиска источников экономического роста требует обоснования приоритетов, способных дать импульс развития. В качестве таких приоритетов можно рассматривать перспективные специализации химической промышленности региона, формирование научно обоснованного перечня которых необходимо осуществлять с

Рис. 2. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в Вологодской области в 2017–2024 гг., чел.

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

помощью анализа федеральных приоритетов развития отрасли с учетом требований экономической безопасности страны. В контексте развития химического комплекса определяющее значение имеют следующие документы:

- Стратегия национальной безопасности⁶;
- Стратегия экономической безопасности на период до 2030 года⁷;
- Доктрина продовольственной безопасности⁸;
- Стратегия научно-технологического развития⁹;
- Концепция технологического развития¹⁰;
- Указ «О национальных целях развития»¹¹;
- Указ «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования»¹²;
- Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса¹³.

Критический анализ указанных выше стратегических документов позволил сделать вывод о том, что приоритетными для развития с точки зрения государства являются следующие сферы химического комплекса:

1) производства высокоэффективных удобрений и иных химикатов для нужд сельского хозяйства в целях обеспечения продовольственной безопасности;

⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400.

⁷ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208.

⁸ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20.

⁹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145.

¹⁰ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р.

¹¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309.

¹² Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633.

¹³ Об утверждении Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года: Приказ Министерства промышленности и торговли РФ и Министерства энергетики РФ от 08.04.2014 № 651/172.

2) производства высококачественных видов топлива и композитных материалов, обеспечивающих интересы военно-промышленного комплекса;

3) биотехнологии и производства топлива, а также технологии в сфере энергетики;

4) выпуск новых материалов.

Общими для разных сфер химического производства становятся задачи приращения экспорта несырьевых неэнергетических материалов, снижения доли импорта, повышения плотности роботизации, а также обеспечения технологического суверенитета. В плане импортозамещения перспективными видятся производства композитных материалов, ингредиентов парфюмерно-косметической промышленности и бытовой химии и прочей продукции¹⁴.

Ниши перспективной специализации для химического комплекса

В ходе исследования был сформирован перечень проектных инициатив, для оценки целесообразности реализации которых проведена стратегическая сессия «Технологическое будущее экономики Вологодской области», где экспертами выступали представители крупного отраслевого бизнеса, науки и органов власти¹⁵. Экспертами оценена перспективность ниш специализации химического комплекса Вологодской области¹⁶ (табл. 5).

В соответствии с итоговым баллом наиболее перспективными для Вологодской области являются производства полимер-металлических композитов и полимеров для аддитивных технологий. Средний балл получили фосфогипсовые строительные материалы, наименьший – лесохимические продукты.

¹⁴ Перечни критической промышленной продукции Минпромторга России. URL: <https://frprf.ru/plany-importozameshcheniya/>

¹⁵ Жестянныхиков: депутаты Вологодчины обсудили Стратегию развития региона // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250121/zhestyannikov-1994874926.html>

¹⁶ Каждая из предлагаемых ниш специализации химического комплекса проанализирована на предмет соответствия критериям, указанным в методической части. Для этого сформирована балльная система – по каждому критерию присвоен балл от 0 до 2, среди которых 0 означает полное несоответствие, 1 – частичное соответствие, то есть признак представлен ограничено, 2 – полное соответствие.

Таблица 5. Оценка перспективности ниш специализации химического комплекса Вологодской области

№	Критерий	Полимер-металлические композиты	Полимеры для аддитивных технологий	Фосфоргипсовые строительные материалы	Лесохимические продукты
1.	Соответствие глобальным макротрендам	2	2	2	0
2.	Наличие быстрорастущего рынка продукции	1	2	0	0
3.	Соответствие глобальным технологическим трендам	2	2	0	0
4.	Соответствие стратегическим планам государства	2	2	0	0
5.	Необходимость импортозамещения	2	2	0	0
6.	Наличие сырьевой базы в регионе	2	0	2	2
7.	Наличие существующих производственных мощностей	0	2	2	2
8.	Наличие энергетических ресурсов для производства продукции	2	0	2	2
9.	Наличие логистических мощностей для производства или сбыта	2	2	2	2
10.	Соответствие планам крупных игроков отрасли	0	2	2	2
11.	Наличие центров технологических компетенций	2	2	2	2
12.	Наличие возможностей подготовки кадров в регионе	2	0	2	2
13.	Отсутствие конкурентных производств в стране	2	1	1	0
	Всего	21	19	17	14

Источник: составлено авторами.

Рассмотрим подробнее каждую нишу специализации.

1. Организация производства полимер-металлических композитов.

Освоение данной ниши обусловлено увеличением внутреннего потребления металлов, а также необходимостью развития производств высокотехнологичных материалов в целом. Согласно исследованиям JEC Group, объем мирового рынка композитных материалов и изделий из них оценивается в 100 млрд долл. США. В отраслевом разрезе их основными потребителями являются строительство (27%), транспорт (23%), электронная промышленность (17%) и энергетика (13%), в будущем могут быть применены в изготовлении биомедицинского оборудования. Наибольший объем товара данной категории используется в странах Азии и Северной Америки. В перспективе до 2030 года ожидается рост рынка композитов темпами до 6,5% в год.

В настоящее время на территории России нет производств, в промышленном масштабе выпускающих композитные материалы. В то же время имеются заделы в НИОКР и создании опытных образцов. Наибольшее развитие рынков композитных материалов получил за рубежом, однако их импорт в Россию ограничен,

что может быть связано с двумя факторами: санкциями или несоответствием потребностям отечественной экономики.

2. Организация производства полимеров для аддитивных технологий.

Активное развитие аддитивных технологий и потребность в налаживании данных производств актуализируют необходимость формирования собственного производства на территории Вологодской области. Это один из наиболее быстрорастущих рынков, среднегодовые темпы его роста на перспективу до 2030 года достигают 22%. Согласно данным российской Ассоциации развития аддитивных технологий, объем их потребления в стране в 2022 году составил 6,1 млрд руб., прогнозируется его увеличение до 9,8 млрд руб. к 2030 году.

Ключевым компонентом аддитивных технологий являются филаменты, представляющие собой пластики для печати. В настоящий момент они преимущественно закупаются за рубежом, отечественный спрос на них пока невелик. Производство филаментов должно сопровождаться ростом спроса на 3D-принтинг в обрабатывающей промышленности, что позволит формировать производства по выпуску кастомизированной продукции из полимеров. Сырье для формирования данного производ-

ства может поставляться с Усть-Лужского газохимического комбината, что обеспечивается сложившейся железнодорожной логистикой. Также на ранних этапах возможным видится использование готового полимерного сырья из других регионов.

3. Организация производства фосфолипидных материалов.

Формирование производств данной направленности обусловлено рядом факторов. Первый связан с накоплением больших объемов фосфогипса, являющегося отходом производства фосфорных удобрений. Существующие технологии по их переработке не позволяют в полном объеме использовать накопленные отходы фосфогипса. Второй фактор обусловлен дефицитом строительных материалов в регионе и необходимостью развития местной строительной индустрии (Лебедева, 2023).

Данная продукция может быть использована в дорожном строительстве для выполнения работ по прокладке автомобильных дорог и укреплению грунта в их основании (Лебедева, 2024). Фосфолипид также может применяться в производстве гипсокартона, гипсовых блоков, сухих строительных смесей и др. Темпы роста рынка фосфолипидных строительных материалов оцениваются в 5–7% ежегодно.

4. Организация производства лесохимических продуктов.

Данная ниша включает формирование лесохимических комбинатов на базе ЦБК и других предприятий, заготавливающих лес. Создаваемые производства, использующие отходы лесной отрасли, позволят выпускать высококачественные химические продукты с высокой добавленной стоимостью. Приоритетными для внутреннего рынка и рынка азиатских стран являются такие товары, как талловая канифоль и жирные кислоты таллового масла. Ожидается, что в перспективе до 2027 года среднегодовой темп роста мирового рынка канифоли составит не менее 5%. Также прогнозируется увеличение потребления жирных кислот таллового масла в два раза к 2030 году ввиду повышения потребления продукции лакокрасочных производств и роста национальных рынков.

Потенциальными источниками финансирования для развития предложенных ниш специализации могут стать специальные инвестици-

онные контракты, средства Фонда развития промышленности, грантовая поддержка Агентства по технологическому развитию, а также иные средства федерального и областного бюджета, частных инвесторов, в том числе из смежных отраслей экономики.

Барьеры и эффекты реализации предложенных ниш специализации

Формированию на предприятиях региона обозначенных ниш специализации может препятствовать ряд барьеров. Их можно объединить в несколько групп. Первая группа – технологические барьеры. Наиболее существенным ограничением технологического развития химических производств, как и экономики в целом, является физический и моральный износ оборудования промышленных предприятий, что усугубляется высокой импортозависимостью. В данных условиях необходимы субсидирование кредитов и заключение инвестиционных контрактов на модернизацию основных фондов, а также формирование отечественных производств в рамках импортозамещения. Другим барьером является разрыв цепочки передачи технологий от научного сектора непосредственно до промышленного производства. Для его устранения необходимо создание специального центра трансфера технологий для предприятий, выполняющего функцию посредника между наукой и бизнесом, а также фонда поддержки исследований и разработок на проектной основе.

Вторая группа – экономические барьеры. В первую очередь она включает ограниченность внутреннего спроса на выпускаемую химическим комплексом продукцию, низкую экономическую привлекательность продукции высоких переделов, ограниченность финансирования перспективных проектов ввиду сложностей прогнозирования будущих доходов, а также высокую стоимость заемных и налоговую нагрузку на предприятия. Для их преодоления необходима поддержка экспорта, в том числе упрощение таможенных процедур при поставках перспективной продукции на рынки дружественных стран, повышение пошлин на экспорт продукции низких переделов, гарантийная поддержка новых предприятий, улучшение инвестиционной привлекательности перспективных проектов, предоставление налоговых льгот, прямое

возмездное и безвозмездное финансирование посредством предоставления льготных кредитов и займов, субсидий и грантов. Возможный инструмент расширения внутреннего рынка — ограничение и запрет закупок импортной продукции для государственных и муниципальных нужд.

Третью группу образуют производственные барьеры. Ряд проблем связан с обеспечением предприятий кадрами. Имеет место не только недостаток кадров рабочих специальностей, но и несоответствие профессиональных навыков работников и требований, предъявляемых работодателями. Для нивелирования указанных недостатков предлагается усиление взаимодействия между образовательными учреждениями и предприятиями для формирования программ, учитывающих конкретные производственные требования, предлагающих расширение практического модуля обучения. Также важным видится усиление мотивации сотрудников к повышению квалификации на рабочем месте. В рамках данной группы барьеров выделяется обозначенная выше проблема зависимости от импорта. В химическом комплексе в целом доля импорта доходит до трети, при этом в высокотехнологичной продукции достигает 60–100% (Абашкин и др., 2018). Формирование производств пластмасс, лакокрасочных изделий и синтетических волокон ограничивается зависимостью от импортного сырья (Круглова, 2016). К производственным барьерам также относятся высокие уровни цен на топливо, электроэнергию и транспортные перевозки, энерго- и материалоемкость химического производства в совокупности с высоким потреблением технологической и оборотной воды¹⁷. Пути их устранения заключаются в предоставлении предприятиям, занимающимся импортозамещением, льгот и субсидий, увеличении финансирования НИОКР, создания новых лабораторий и научно-исследовательских отделов при предприятиях, деятельность которых будет направлена на ускоренную разработку и внедрение в производство новых технологий. Перспективными видятся внедрение новых видов топлива, сти-

мулирование вторичной переработки отходов, снижение налоговой нагрузки предприятий в целях наращивания инвестиционной деятельности. Ограничивают развитие отраслей специализации бюрократические барьеры. Предлагаемые государством меры поддержки не соответствуют потребностям предприятий, отмечаются большие временные затраты на оформление документации, что обусловлено сложностью данного процесса. Это указывает на необходимость учета мнений производителей и специфики их работы, а также расширения взаимодействия организаций отрасли и представителей органов исполнительной власти.

Четвертая группа — экологические барьеры. Химическая промышленность является одним из основных источников загрязнения окружающей среды, в процессе производства вырабатывается множество вредных веществ, впоследствии попадающих в окружающую среду. В связи с повышенным вниманием к вопросам устойчивого развития, «зеленой экономики» происходит ужесточение экологических требований к производствам. Для минимизации негативного воздействия вводится ряд законодательных актов, ограничивающих объемы выбросов, обязующих утилизировать опасные загрязняющие вещества, использовать технологии, наносящие наименьший вред окружающей среде¹⁸. В связи с этим предприятия модернизируют производства, инвестируют в очистные сооружения. Те компании, которые не располагают достаточными финансовыми средствами, вынуждены снижать объемы производства. Таким образом, несоответствие требованиям экологической безопасности способно привести к закрытию предприятий, ограничению формирования новых, уменьшению выпуска некоторых видов продукции при отсутствии модернизации производственных мощностей и сокращению их конкурентоспособности (Кулагина, Юник, 2026). Преодоление этих барьеров возможно через стимулирование предприятий к внедрению очистных сооружений, ведению разработок в рамках экологизации производства. Потенциальными инструментами являются использование налоговых вычетов для

¹⁷ Иванов С.В. Химический комплекс России: состояние и пути обеспечения устойчивого экономического развития. URL: <https://www.chem.msu.ru/rus/chemr.html> (дата обращения: 19.02.2026).

¹⁸ Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026).

предприятий, финансирующих собственные НИОКР, предоставление льготных кредитов на переоборудование. Также возможно проведение на территории региона тематических мероприятий, выставок, нацеленных на обмен опытом по внедрению новых технологий и решению вопросов производственной безопасности¹⁹.

Устранение выявленных барьеров будет способствовать развитию в регионе ниш специализации, встраиванию их в существующие цепочки добавленной стоимости, что, в свою очередь, даст положительный эффект не только в химическом комплексе, но и в смежных с ним секторах экономики. В ходе исследования получены оценки производственных мультипликаторов для отраслей химического комплекса в Вологодской области (табл. 6).

На основе представленных в таблице 6 данных оценены полные (прямые, косвенные и индуцированные) эффекты на ВРП Вологодской области от развития предложенных ниш специализации (табл. 7).

Полный мультипликативный эффект на ВРП от развития предлагаемых ниш специализации в химическом комплексе в целом за период до 2040 года достигает 36 млрд руб. в рамках инерционного и 62 млрд руб. в рамках целевого сценария.

Реализация новых инвестиционных проектов влечет получение прибыли бизнесом, государством и населением, что ведет к стимулированию таких сфер экономики, как сектор услуг, производство потребительской и инвестиционной продукции и т. д.

Таблица 6. Производственные мультипликаторы для отраслей химического комплекса Вологодской области в 2020 году

Показатель	Производство удобрений	Производство прочих химических продуктов	Производство резиновых и пластмассовых изделий
Прямой эффект на валовой выпуск	1,000	1,000	1,000
Косвенный эффект на валовой выпуск	0,542	0,438	0,080
Индуцированный эффект на валовой выпуск	0,350	0,319	0,187
Полный эффект на валовой выпуск	1,891	1,756	1,267
Прямой эффект на ВРП	0,337	0,337	0,206
Косвенный эффект на ВРП	0,229	0,185	0,036
Индуцированный эффект на ВРП	0,176	0,160	0,098
Полный эффект на ВРП	0,742	0,682	0,340
Прямой эффект на валовой выпуск в обрабатывающей промышленности	1,000	1,000	1,000
Косвенный эффект на валовой выпуск в обрабатывающей промышленности	0,179	0,144	0,023
Индуцированный эффект на валовой выпуск в обрабатывающей промышленности	0,068	0,062	0,032
Полный эффект на валовой выпуск в обрабатывающей промышленности	1,246	1,206	1,056

Источник: рассчитано авторами на основе данных таблицы «затраты – выпуск» Вологодской области за 2020 год.

Таблица 7. Полные абсолютные эффекты на ВРП от развития ниш специализации химического комплекса Вологодской области, млрд руб. (в ценах 2023 года)

Сценарий	2023–2030 гг.	2031–2040 гг.	2023–2040 гг.
Инерционный сценарий	11	23	36
Целевой сценарий	20	39	62

Источник: расчеты авторов.

¹⁹ Экология химической промышленности. Выставка «Химия-2026»: химическая промышленность и наука. URL: <https://www.chemistry-expo.ru/ru/articles/ekologiya-himicheskoy-promyshlennosti/> (дата обращения: 23.04.2026).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, трансформационные процессы, влекущие за собой рецессию мировой экономики, снижение потоков инвестиций, усиление нестабильности и неустойчивость, с одной стороны, и появление новых секторов экономики в результате смены технологического уклада — с другой, всё больше актуализируют вопрос поиска новых источников экономического роста. Для российской экономика эта проблема приобрела особую остроту в связи с жесткими санкциями западных стран. Эти обстоятельства актуализируют вопрос обоснования приоритетов экономической политики, в числе которых повышение уровня технологического развития экономики, достижение технологической независимости в ключевых отраслях.

Во-вторых, важное место в экономике России и ряда регионов занимает химическая промышленность. Одним из таких регионов является Вологодская область, где доля отрасли в общем объеме отгруженной продукции и налоговых доходах весьма значима. Более того, область имеет существенный потенциал для развития новых высокотехнологичных производств и расширения линейки химической продукции.

В-третьих, формирование перечня перспективных специализаций химической промышленности региона следует осуществлять с учетом приоритетов, заявленных в стратегических документах государства, и в соответствии с требованиями экономической безопасности страны. Для химического комплекса таковыми могут быть производство композитных материалов, ингредиентов парфюмерно-косметической

промышленности и бытовой химии; высокоэффективных удобрений и иных химикатов для нужд сельского хозяйства; высококачественных видов топлива и новых материалов, обеспечивающих интересы военно-промышленного комплекса, и др.

В-четвертых, в соответствии с технологическими и глобальными трендами, стратегическими планами государства и крупного бизнеса, имеющимся потенциалом и особенностями экономики Вологодской области нишами перспективной специализации химической промышленности региона являются производство полимер-металлических композитов и полимеров для аддитивных технологий, фосфогипсовых строительных материалов и лесохимических веществ.

В-пятых, устранение ряда технологических, экономических, производственных и экологических барьеров, препятствующих развитию ниш специализации, даст весьма существенный положительный эффект для региональной экономики. Согласно расчетам, проведенным на основе межотраслевого моделирования, развитие ниш специализации способно привести к увеличению валового внутреннего продукта к 2040 году на 36–62 млрд руб.

Научная новизна исследования состоит в выявлении ниш перспективной специализации для химического комплекса Вологодской области на основе подхода, заключающегося в анализе ряда критериев, позволяющих судить об актуальности и приоритетности продукции в современных экономических и геополитических условиях. Результаты работы могут быть использованы региональными органами власти для обоснования направлений экономической политики.

Литература

- Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Веселитская Н.Н. [и др.]. (2018). Технологическое будущее российской экономики. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 193 с.
- Ашинова М.К., Ешугова С.К., Кадакоева Г.В. (2022). Обеспечение продовольственной безопасности в условиях санкционного давления // Новые технологии. № 3. С. 134–141.
- Богачев А.И., Дорофеева Л.Н. (2022). Российский рынок минеральных удобрений: особенности функционирования в новых реалиях и метаморфозы развития // Вестник ОрелГАУ. № 3 (96). С. 78–92.
- Глазьев С.Ю., Ильин В.А., Шабунова А.А. [и др.]. (2025). Структурно-технологические драйверы стратегического развития региона. Москва: Издательство Проспект. 368 с.
- Данилова И.В., Правдина Н.В., Салимоненко Е.Н. (2021). Центры отраслевого развития моноспециализированных регионов: диагностика перспективных специализаций // Экономика устойчивого развития. № 2 (46). С. 46–57.

- Дондоков З.Б.-Д., Дырхеев К.П., Мунаев Л.А., Абзаев П.Б., Ринчино С.В. (2014). Межотраслевой анализ экономики Республики Бурятия на основе таблиц «затраты – выпуск» // Региональная экономика: теория и практика. № 28 (355). С. 55–62.
- Ивантер В.В. (2018). Роль межотраслевого баланса в макроэкономическом анализе и прогнозировании // Проблемы прогнозирования. № 6 (171). С. 3–6.
- Ильин В.А., Ускова Т.В., Лукин Е.В. [и др.]. (2021). Трансформация межрегиональных цепочек создания стоимости: проблемы и перспективы: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 256 с.
- Копытова Е.Д. (2017). Производство минеральных удобрений в России: результаты, тенденции и влияние на бюджетную систему: препринт / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН. 76 с.
- Круглова Ю.В. (2016). Анализ проблемы импортозамещения в химической промышленности и ее влияние на другие сектора экономики // Управленческие науки. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-problemy-importozamesheniya-v-himicheskoy-promyshlennosti-i-ee-vliyanie-na-drugie-sektora-ekonomiki>
- Ксенофонтов М.Ю., Широ А.А., Ползиков Д.А., Янтовский А. А. (2018). Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц «затраты – выпуск» // Проблемы прогнозирования. № 2 (167). С. 3–13.
- Кулагина Н.А., Юник А.В. (2026). Факторы и барьеры технологического развития химической промышленности России: системная классификация и влияние на конкурентоспособность // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. № 1. С. 10–19. DOI: 10.47576/2949-1894.2026.1.1.001
- Лебедева М.А. (2023). «Зеленые» проекты как основа модернизации хозяйства региона // Актуальные вопросы экономики и социологии: сборник статей по материалам XIX Осенней конференции молодых ученых в Новосибирском академгородке (11–13 октября 2023 г.). Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. С. 77–80.
- Лебедева М.А. (2024). Модернизация хозяйства промышленного региона на основе использования ресурсосберегающих технологий // Проблемы развития территории. Т. 28. № 2. С. 40–51. DOI: 10.15838/ptd.2024.2.130.4
- Лукин Е.В. (2023). Экономика Северо-Запада России: в поисках перспективной специализации // ЭКО. № 8. С. 8–34. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-8-8-34
- Лукин Е.В. (2025). Структурная перестройка региональной экономики в условиях развития национальных цепочек создания стоимости // Проблемы прогнозирования. № 4 (211). С. 70–84. DOI: 10.47711/0868-6351-211-70-84
- Мальшев М.К. (2023). Налоговые поступления от крупных корпораций металлургической и химической отраслей в бюджетную систему государства за 2011–2022 гг. // Вопросы территориального развития. Т. 11. № 2. DOI: 10.15838/tdi.2023.2.64.2. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/29834>
- Мальшев М.К. (2024). Факторы формирования финансовых результатов и особенности распределительной политики российских корпораций химической отрасли // Проблемы развития территории. Т. 28. № 1. С. 78–97. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.6
- Мальшев М.К. (2025). Анализ природоохранной деятельности российских производителей минеральных удобрений // Проблемы развития территории. Т. 29. № 2. С. 60–80. DOI: 10.15838/ptd.2025.2.136.5
- Мальшев М.К., Печенская-Полищук М.А. (2024). Динамика экспортно-импортных операций в химической отрасли России: стартовые позиции на пороге геополитических сдвигов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 109–125. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.6
- Мальсагов А.Д. (2022). Современное состояние российской химической промышленности // ЕГИ. № 44 (6). С. 200–203.
- Нигматулин Р.И., Саяпова А.Р., Мазитова Л.Д. (2006). Таблицы «затраты – выпуск» Республики Башкортостан // ЭКО. № 3 (381). С. 90–105.
- Никитенко С.М., Гоосен Е.В. (2017). Цепочки добавленной стоимости как инструмент развития угольной отрасли // ЭКО. № 9. С. 104–124.
- Пилясов А.Н. (2018). Региональная инвестиционная политика: как преодолеть «зависимость от пути»? // Регион: экономика и социология. № 4 (100). С. 134–167.
- Порфирьев Б.Н., Широ А.А., Гусев М.С. (2024). Ключевые сюжеты долгосрочного социально-экономического прогноза развития российской экономики // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1 (76). С. 12–20. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-12-20

- Проворова И.П., Жемерикин О.И. (2020). Результаты импортозамещения в химическом комплексе России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. № 3-1. С. 374–377.
- Разгулина Е.Д. (2015). Влияние деятельности крупнейших предприятий химической промышленности на развитие экономики регионов // Проблемы развития территории. № 6 (80). С. 73–92.
- Разгулина Е.Д., Барабанов А.С. (2014). Влияние крупнейших предприятий химической отрасли на региональное развитие // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. № 2 (20). С. 146–152.
- Румянцев Н.М. (2023). Перспективные экономические специализации внутри макрорегиона (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 74–90.
- Румянцев Н.М., Лукин Е.В. (2024). Межотраслевое моделирование экономического развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 118–133. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.6
- Саяпова А.Р., Широков А.А. (2019). Основы метода «затраты – выпуск». Москва: ООО «МАКС Пресс». 336 с. DOI: 10.29003/m801.978-5-317-06263-7
- Саяпова А.Р., Широков А.А. (2025). Роль глобальных цепочек создания стоимости в формировании динамики российской экономики // Проблемы прогнозирования. № 3 (210). С. 6–21. DOI: 10.47711/0868-6351-210-6-21
- Смагулова С.М., Фетисова Л.Ю. (2023). Воздействие антироссийских санкций на внешнеторговую деятельность предприятий российской химической промышленности // Инновации и инвестиции. № 7. С. 406–409.
- Суворов А.В., Иванов В.Н., Сухорукова Г.М. (2005). Подходы к оценке воздействия сдвигов в уровне и структуре доходов населения на макроэкономические показатели // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 3. С. 381–394.
- Суворов Н.В., Балашова Е.Е. (2009). Модельный инструментарий прогнозно-аналитических исследований динамики межотраслевых связей отечественной экономики // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 16–33.
- Суслов В.И., Суспицын С.А. (2005). Стратегия развития Сибири: макроэкономическая и территориальная проекция // Регион: экономика и социология. № 4. С. 77–92.
- Чеплинские И.Р., Лукин Е.В. (2024). Особенности экспортной специализации регионов СЗФО в рамках концепции экономической сложности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 81–95. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.4
- Широкова Е.Ю. (2021). Химическая промышленность как драйвер роста экономики страны и региона // Проблемы развития территории. № 2. С. 59–72.
- Balassa B. (1965). Trade liberalisation and “revealed” comparative advantage. *The Manchester School*, 33, 99–123. DOI: <http://dx.doi.org/1-.1111/j.1467-9957.1965.tb---5-.x>
- Boero R., Edwards B.K., Rivera M.K. (2006). Regional input–output tables and trade flows: an integrated and interregional non-survey approach. *Regional Studies*, 52(2), 225–238.
- Dietzenbacher E., Guillhoto J.J.-M., Imori D. (2012). The role of Brazilian regions in the global value chain. In: *59th Annual North American Meetings of the Regional Science Association International. Ottawa, Canada.*
- Hausmann R., Klinger B. (2006). *Structural Transformation and Patterns of Comparative Advantage in the Product Space. Ricardo Hausmann and Bailey Klinger CID Working Paper.*
- Hidalgo C.A., Klinger B., Barabási A., Hausmann R. (2007). The product space conditions the development of nations. *Science*, 317, 482–487.
- Jiang X. (2011). *Statistical and Economic Applications of Chinese Regional Input-Output Tables*. Groningen: University of Groningen.
- Kurz H.D., Salvadori N. (2000). The dynamic Leontief model and the theory of endogenous growth. *Economic Systems Research*, 12(2), 255–265.
- Mikheeva N.N. (2024). Regional projection of Russia’s economic development in 2022–2023. *Studies on Russian Economic Development*, 35(6), 845–853. DOI: 10.1134/S1075700724700382
- Miller R.E., Blair P.D. (2009). *Input-Output Analysis: Foundations and Extensions. 2nd ed.* Cambridge University Press.

Сведения об авторах

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@volnc.ru)

Инна Ричардовна Чеплинските – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: inna.cheplinskite@mail.ru)

Никита Михайлович Румянцев – научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Uskova T.V., Cheplinskite I.R., Rumyantsev N.M.

Product Niches of the Region's Chemical Complex: Potential, Barriers, and Macroeconomic Effects

Abstract. The global economy is undergoing a period of transformation, which is characterized by a deep recession, increased market volatility, instability of the financial system, a slowdown in the formation of new transnational production chains, and a decrease in investment flows. The technological foundation of economic activity is changing, and new sectors are emerging. For the Russian Federation, the harsh sanctions imposed by Western countries after the start of the special military operation in Ukraine are an additional deterrent to development. In conditions of external constraints and uncertainty, the issue of finding ways to develop domestic industry and organize new production facilities, taking into account national priorities, is acute. The latter include the structural transformation of the economy and an increase in its technological efficiency. It is important in this context to study the issue of identifying promising types of economic activity and areas for completing regional value chains in key areas of the national economy, one of which is the chemical industry. The purpose of the study is to identify and scientifically substantiate strategic niches for the development of the chemical complex in the region. Research objectives: to analyze the region's potential for the development of the chemical industry, identify product niches of specialization, identify barriers to their implementation and assess the effects of the development of selected areas. The Vologda Region was chosen as the object of research. The information base of the study consists of data from the Federal State Statistics Service and its territorial division in the Vologda Region, the Federal Agency for Subsoil Use, industry rating agencies, input-output tables of the Vologda Region for 2020, and information on companies' investment plans. An analysis of the potential showed that the Vologda Region has its own resources for the production of forest chemical products, and logistical capabilities allow organizing other chemical production using imported raw materials. However, the production and technological potential of the industry's enterprises is limited by capacity utilization and significant depreciation of fixed assets, and the innovative potential is not sufficiently developed. The strategic priorities of the regional chemical complex have been identified, including the production of fertilizers, composites and new materials. Potential niches of specialization are substantiated, such as the production of polymer-metal composites, polymers for additive technologies, phosphogypsum building materials and forest chemicals. The multiplicative effect of the impact on the gross regional product of the production development of the identified niches is calculated. The technological, economic, industrial and environmental barriers that hinder the implementation of the proposed priority areas are highlighted.

The scientific novelty of the study lies in identifying niches of promising specialization for the Vologda Region chemical complex. The results of the study can be used by regional authorities to substantiate strategic directions of economic policy.

Key words: structural transformation, chemical complex, promising specialization, strategic niches, region.

Information about the Authors

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, editor-in-chief of the journal, deputy director for science, Chief Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@volnc.ru)

Inna R. Cheplinskite – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: inna.cheplinskite@mail.ru)

Nikita M. Rumyantsev – Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Статья поступила 31.03.2026.

Прогнозирование и управление развитием обрабатывающей промышленности региона на основе эконометрического моделирования и цифрового интерфейса

Марина Юрьевна МАЛКИНА

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: mmuri@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3152-3934; ResearcherID: M-2681-2017

Алексей Валерьевич СЕМЕНОВ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: semenov-av@iee.unn.ru
ORCID: 0000-0002-0518-6815

Ольга Владимировна КАПИТАНОВА

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: mio6@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9069-9238; ResearcherID: OSH-9923-2025

Дмитрий Юрьевич РОГАЧЕВ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: rogistyle@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0683-3340

Для цитирования: Малкина М.Ю., Семенов А.В., Капитанова О.В., Рогачев Д.Ю. (2026). Прогнозирование и управление развитием обрабатывающей промышленности региона на основе эконометрического моделирования и цифрового интерфейса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 96–120. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.5

For citation: Malkina M.Yu., Semenov A.V., Kapitanova O.V., Rogachev D.Yu. (2026). Forecasting and managing the development of regional manufacturing based on econometric modeling and digital interface. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 96–120. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.5

Аннотация. Статья посвящена моделированию, прогнозированию и сценарному управлению показателем отгрузки продукции обрабатывающей промышленности на примере Нижегородской области. Актуальность работы определяется потребностью органов власти и бизнеса в надежном инструменте для принятия стратегических решений в условиях экономической неопределенности. Основная цель исследования заключается в построении эконометрических моделей, обеспечивающих среднесрочные прогнозы отгрузки промышленной продукции, и разработке цифрового калькулятора с web-интерфейсом для анализа различных сценариев развития промышленного сектора. Научная новизна исследования: уточнен вид расширенной производственной функции Кобба – Дугласа с включением макроусловий; предложен и реализован подход к раздельному моделированию реальной и инфляционной составляющей показателя отгрузки промышленной продукции; предложен и реализован новый оригинальный методический прием к прогнозированию одного индекса цен на основе другого; предложены и реализованы новые подходы к сценарному моделированию региональной экономики с учетом макропрогнозов. В работе широко применяются методы эконометрического моделирования временных рядов: ARIMAX и ARDL-модели, тесты на стационарность, диагностика остатков и автоматизированный подбор спецификаций моделей. Основными результатами исследования стали две прогнозные ARDL-модели, которые были интегрированы в разработанный цифровой калькулятор с пользовательским web-интерфейсом. Показано, что на отгрузку промышленной продукции в реальном выражении в Нижегородской области влияют стоимость основных фондов по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», численность постоянного населения, оборот розничной торговли, среднемесячное значение индексов потребительских цен и цена нефти марки Urals. На основе построенных моделей разработан цифровой калькулятор, представляющий собой гибкий инструмент, позволяющий оперативно оценивать последствия изменения ключевых макроэкономических параметров, сравнивать альтернативные сценарии развития и формировать аналитически обоснованные прогнозы развития обрабатывающей промышленности региона. Данный инструмент полезен органам власти и другим пользователям при планировании и оптимизации производственных процессов.

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность, объем отгрузки продукции промышленности, Нижегородская область, ARDL-модель, ARIMAX-модель, цифровой калькулятор.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» ННГУ (тема № Н-473-99_2025-2027 «Разработка цифрового двойника экономики региона. Управление социально-экономическим развитием региона с использованием модели цифрового двойника»).

Введение

Промышленное производство большинства регионов Российской Федерации является важнейшей составляющей их экономической жизнедеятельности, определяющей конкурентоспособность и перспективы дальнейшего экономического развития. Одним из базовых показателей, демонстрирующих активность промышленного сектора экономики, является объем отгруженной продукции собственного производства. Отгрузка отражает степень востребованности производимой продукции

внутри региона и за его пределами и позволяет оценить эффективность его производственного сектора. В современных условиях этот показатель приобретает особое значение, поскольку промышленные предприятия России сталкиваются с множеством вызовов, исходящих как от геополитической ситуации и доступности глобальных рынков, так и внутренних условий, связанных с проблемами импортозамещения и технологического развития, растущей налоговой нагрузкой и высокой стоимостью кредитных ресурсов.

Следует отметить, что прогнозирование объемов отгрузки продукции в среднесрочном периоде не является легкой задачей. Современные экономические процессы отличаются высокой степенью неопределенности и непредсказуемости. Экономические санкции, пандемия COVID-19, технологические инновации и другие факторы создают дополнительные сложности при стратегическом управлении промышленным сектором региона. Следовательно, актуальным становится внедрение инновационных методов прогнозирования, которые позволят более точно учитывать внешние и внутренние обстоятельства, влияющие на деятельность предприятий.

В настоящем исследовании прогнозирование промышленного производства рассматривается на примере Нижегородской области, которая входит в топ-5 российских регионов по научно-технологическому развитию¹, что предполагает наличие потенциала для дальнейшего индустриального роста. В области сосредоточены крупные производственные мощности в сфере машиностроения, химической промышленности, приборостроения и многих других отраслей. Промышленный комплекс в Нижегородской области производит треть объема валового регионального продукта, дает треть платежей в бюджет и создает четверть всех рабочих мест в области². Поскольку добывающая промышленность Нижегородской области в силу природно-ресурсного потенциала региона не представляет значимой доли промышленного производства, в настоящем исследовании ограничимся рассмотрением обрабатывающей промышленности. Вместе с тем объективная оценка текущего состояния и перспектив развития промышленного сектора возможна только при наличии надежных инструментов прогнозирования. Именно поэтому возникает необходимость в разработке научно-обоснованной методики, позволяющей наиболее точно прогнозировать объёмы отгрузки продукции

обрабатывающей промышленности в регионе и определять их чувствительность как к внутренним, так и внешним факторам.

Целью исследования является построение эконометрической модели для среднесрочного прогнозирования отгрузки продукции собственного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в Нижегородской области и разработка на ее основе цифрового калькулятора с пользовательским web-интерфейсом.

Для достижения цели поставлены и решены следующие задачи: анализ и отбор переменных (факторов), которые оказывают влияние на отгрузку продукции обрабатывающей промышленности Нижегородской области; построение эконометрических моделей отгрузки продукции обрабатывающей промышленности Нижегородской области двух типов: модель авторегрессии – скользящего среднего с учетом дополнительных регрессоров (ARIMAX) и модель авторегрессии и распределенных лагов (ARDL); выбор среди полученных моделей наиболее адекватной и подходящей для построения прогнозов спецификации; построение прогнозных моделей для различных сценариев развития макроэкономической ситуации в Российской Федерации; проектирование и реализация на языке программирования JavaScript (стандарт ECMAScript 2015 – ES6) с использованием технологий HTML5 и CSS3 цифрового прогнозного калькулятора для отгрузки продукции обрабатывающей промышленности в Нижегородской области.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных инструментов прогнозирования в регионах, чтобы построить различные сценарии развития региона с учетом влияния тех или иных внешних шоков и управляющих воздействий. Потребность в таких разработках объясняется и тем, что действующие механизмы построения планов и прогнозов в региональных структурах власти зачастую не предусматривают использования продвинутых методов анализа данных и прогнозирования, основанных на вовлечении большого пула региональных показателей, а ориентируются на федеральные прогнозы. Кроме того, уровень использования современ-

¹ Стратегия развития Нижегородской области. 2023. URL: <https://strategy.nobl.ru/stati/nauka-i-innovaczii/chem-proslavilas-nizhegorodskaya-nauka-etoj-osenyu/>

² Министерство промышленности, торговли и предпринимательства Нижегородской области. URL: <https://minprom.nobl.ru/activity/1746/>

ных цифровых технологий в прогнозах социально-экономического развития региона остается невысоким, что определило направление развития исследований. Результаты работы могут использоваться органами исполнительной власти и хозяйствующими субъектами для повышения качества прогнозов и эффективности принимаемых решений при управлении региональным промышленным сектором.

Как будет показано в обзоре литературы, на сегодняшний день существуют отечественные исследования по прогнозированию промышленного производства, но они либо касаются экономики РФ в целом без учета региональной специфики, либо ограничиваются построением эконометрических моделей, без проведения интерактивного сценарного анализа. Внедрение в модели, наряду с факторами предложения и спроса, не управляемых на региональном уровне параметров макроэкономической среды (цены на нефть, валютного курса, уровня инфляция и т. д.) позволит заинтересованным экономическим агентам не только строить прогнозы на основе эконометрических моделей, но и проводить сценарные эксперименты для более корректного управления промышленным производством региона.

Обзор литературы

Проблемам, факторам и способам управления развитием сектора промышленных производств на федеральном и региональном уровне посвящен ряд работ отечественных и зарубежных исследователей.

Например, в работе Н.М. Сергеевой, Е.В. Скрипкиной подчеркивается, что, несмотря на кризисные явления и санкционное давление, в структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) российской экономики лидирующими отраслями остаются обрабатывающие производства, добывающая промышленность, оптовая и розничная торговля (Сергеева, Скрипкина, 2024).

Показатель объема отгрузки продукции собственного производства, выполненных работ и услуг промышленными предприятиями признается одним из ключевых индикаторов состояния и динамики промышленного сектора (Пирогова, Майорова, 2025; Швайка, Хрипин, 2025; Соколова, Сидоров, 2022). Его прогнозирование на региональном уровне важно для формирования стратегий развития, принятия

оперативных управленческих решений и оценки эффективности политики импортозамещения. В научных исследованиях подчеркивается неоднородность промышленного развития российских регионов и, как следствие, необходимость региональной спецификации прогнозных моделей. Так, выявлена значительная дифференциация промышленного развития регионов Центрального федерального округа (ЦФО): рост доли обрабатывающей промышленности в Московской и Тульской областях сопровождался снижением этой доли в г. Москве (Пирогова, Майорова, 2025). Это подчеркивает необходимость разработки разных прогнозных сценариев даже внутри одного федерального округа. В связи с этим особо актуальными являются исследования, посвященные прогнозированию показателей промышленного производства в отдельных субъектах Российской Федерации (например, Гладких, Малугина, 2023; Соколова, Сидоров, 2022).

При построении прогнозной модели важной задачей является установление факторов, оказывающих значимое влияние на результирующие показатели отраслей как на общероссийском, так и на региональном уровне. Например, в работе Л.Г. Руденко с помощью регрессионного анализа выявлены следующие значимые детерминанты роста объемов производства обрабатывающей промышленности в России: объем добычи полезных ископаемых, сальдированный финансовый результат деятельности организаций, численность рабочей силы и количество организаций, задействованных в научных исследованиях и разработках (Руденко, 2024). Регрессионный анализ показал, что факторами, определяющим ВДС промышленности Центрального федерального округа без учета Москвы и Московской области, являются основные фонды и занятость населения региона (Крупко и др., 2018). В работе (Губарев и др., 2020) в качестве детерминантов ВДС промышленности также рассматриваются основные фонды и трудовые ресурсы отдельных отраслей промышленности.

В исследовании М.Ю. Малкиной для регионов кластера Нижегородской области обнаружено положительное влияние на рост ВРП как факторов предложения (накопленных основных фондов, текущих инвестиций, количества занятых), так и факторов спроса (доходов на

душу населения в прошлом периоде), а также инструментов денежно-кредитной (процентная ставка) и фискальной политики (бюджетные доходы и расходы и их структура). В работе отмечается, что рост цен на нефть сопровождается увеличением доходов от экспорта энергоресурсов, бюджетных поступлений, и это позволяет увеличить финансирование национальной экономики, в том числе обрабатывающих производств и инфраструктурных отраслей, а также различных социальных программ, способствующих росту доходов населения и потребительского спроса (Малкина, 2025).

Одним из подходов прогнозирования региональных экономических показателей является декомпозиция макропрогнозов: прогноз на региональном уровне строится через распределение общероссийских показателей по видам экономической деятельности. Например, А.О. Польшев предлагает методику среднесрочного прогноза роста ВРП регионов на основе декомпозиции макропрогноза по России, где ключевым фактором выступает динамика инвестиций (Польшев, 2020). Другие ученые считают более правильным движение не от федеральных прогнозов к региональным, а наоборот – от региональных к федеральным, что позволяет учесть потенциал и особенности развития каждого региона (Михеева, 2018).

В современной научной литературе применяется ряд подходов для прогнозирования социально-экономического развития региона. Наиболее распространенным является эконометрическое и регрессионное моделирование: строятся модели, связывающие результирующий показатель с факторными признаками. Так, в работе (Калинина, Калинина, 2012) регрессионный анализ рассматривается как базовый для прогнозирования промышленных показателей: прогнозируемое значение результирующего показателя получается при подстановке в уравнение регрессии ожидаемой величины факторного признака.

Другим эффективным инструментом прогнозного моделирования выступают анализ временных рядов и трендовое прогнозирование, которое используется для выявления закономерностей и экстраполяции динамики. Например, А.В. Щетилов применяет аналитическое выравнивание (линейный и полиноми-

альный тренды) для ретроспективного анализа и прогноза по подотраслям металлообработки и машиностроения до 2030 года (Щетилов, 2025).

Современным, перспективным инструментом прогнозного моделирования является построение нейросетевых моделей. Например, данный подход реализуется для построения прогноза развития обрабатывающей промышленности Воронежской области (Трещевский и др., 2020).

В условиях высокой нестабильности, когда формальные модели быстро теряют актуальность, эффективными являются сценарный и экспертный подходы. Например, в исследовании обрабатывающей отрасли промышленности количественный анализ дополняется экспертной оценкой факторов риска (Щетилов, 2025). В целом для повышения точности прогноза наиболее перспективным следует признать сочетание различных подходов (эконометрического, трендового, нейросетевого, экспертного).

В работах по прогнозированию применяются и другие методы прогнозирования экономических процессов. Например, на базе когнитивного моделирования разрабатываются сценарные прогнозы для промышленного комплекса Южного федерального округа РФ, определяются его реакции на импульсное воздействие (Makarenya et al., 2024).

В зарубежной литературе большой пул работ по прогнозированию касается макроэкономических показателей национального уровня (таких как темп экономического роста, уровень инфляции, бюджетные доходы), что объясняется потребностью регулирующих органов. Реже встречаются работы, посвященные прогнозированию отдельной отрасли или комплекса отраслей страны или региона (Baum et al., 2025; Bodo et al., 2000; Wang et al., 2025; Zervas, Thomakos, 2026). Примером является статья (Serban et al., 2021), где изучается ВДС промышленности высокотехнологичных отраслей стран ЕС, оценивается вклад в нее инвестиций и численности занятых. Для анализа используются панельные данные, а оценивание моделей осуществляется с использованием обобщенного метода моментов. В другом исследовании разработана основанная на сценариях развития система ежемесячного прогнозирования

ния промышленного производства в еврозоне (Georgieva, et al., 2025). Для прогнозирования использованы ключевые макроэкономические показатели: темпы инфляции (ГИПЦ) и безработицы, а также индекс бизнес-климата. В результате исследования авторы пришли к выводу, что промышленное производство более чувствительно к неблагоприятным макроэкономическим потрясениям, чем к позитивным шокам, что подчеркивает значимость краткосрочного управления инфляцией и деловыми настроениями. Также в работе обосновывается важность применения в прогнозировании динамического сценарного анализа, предоставляющего гибкий инструмент для мониторинга экономики в режиме реального времени.

В работе (Akhmadjanov, Nakimov, 2025) построена многофакторная прогнозная модель для оценки объема валовой продукции промышленных предприятий Андижанской области в Узбекистане в период с 2024 по 2030 год с использованием множественной регрессии, коэффициенты эластичности которой указывают на постоянный рост эффективности производства, несмотря на колебания эффективности использования основных фондов. В статье (Lu, 2024) для моделирования и прогнозирования ВВП городского округа Наньян в КНР построена ARIMA-модель. На основе коэффициентов корреляции Пирсона и метода аналитической иерархии проанализирована взаимосвязь ВВП округа с экологическими показателями (количеством предприятий, работников и промышленным загрязнением), продемонстрирована значительная неустойчивость экологического развития региона.

Совершенно новым подходом в настоящем исследовании является создание надстройки к эконометрическим моделям в виде цифрового калькулятора. Этот калькулятор может рассматриваться как часть более сложного цифрового продукта – цифрового двойника региона. Тема цифровых двойников в настоящее время приобретает все большую популярность для исследований и разработок. Однако существует некая неопределенность в расшифровке этого понятия (Singh et al., 2021), в силу чего в различных областях науки этот термин может обозначать различные цифровые объекты. Авторы полагают, что основной особенностью цифровых двойников, которая отличает их от цифро-

вых моделей, «теней» и аватаров, являются автоматизированные двунаправленные потоки информации. С точки зрения экономики, естественной сферой, где в первую очередь возникает приложение данной концепции, является производство. В работе (Warke et al., 2021) проводится анализ исследований по теме цифровых двойников в области «умного» производства, а в (Turan et al., 2022) описан конкретный пример внедрения цифрового двойника в производственный процесс в виде цифрового приложения и показано, что это позволяет оптимизировать расходы материалов. В работе (Pobuda, 2020) отмечается, что на макроуровне экономик отдельных стран эффективным инструментом построения цифровых двойников, которые могли бы применяться для принятия стратегических управленческих решений, становится агентное имитационное моделирование.

Анализ литературы показывает, что, несмотря на существенный научный интерес ученых к проблеме прогнозирования, наблюдается явный дефицит современных исследований, посвященных прогнозированию показателей промышленного производства региона с включением в эконометрические модели макроэкономических шоков и инструментов регулирования и формированию разных сценариев развития промышленного сектора региона. Работ, где подобные модели снабжаются цифровым калькулятором, интегрированным с управляемым пользовательским интерфейсом, нами не обнаружено. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Данные и методы

Объектом исследования является показатель отгрузки продукции собственного производства по виду экономической деятельности «Обработывающие производства» (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) в Нижегородской области (млн руб.), а предметом – его среднесрочное прогнозирование. Выбор показателя обусловлен тем, что он представляет собой один из основных оперативных показателей промышленной активности, доступный на ежемесячной основе, получаемый на основе первичной отчетности предприятий. Кроме того, он характеризует не только производство, но и реализацию продукции, то есть свидетельствует о ее востребованности на рынке.

Теоретический базис исследования составляют основные положения экономической теории и системного анализа, а также результаты фундаментальных и прикладных исследований зарубежных и отечественных ученых в области макроэкономики и экономико-математического моделирования. При решении конкретных задач использовались методы математической статистики и эконометрики.

Для описания зависимой переменной Y – отгрузки продукции собственного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) по Нижегородской области в млн руб.³ – был сформирован набор факторов $x_1, x_2, \dots, x_m$, которые далее тестировались на вхождение в модель. Первоначальный выбор факторов обусловлен теоретическими предпосылками: учитывает традиционную форму производственной функции Кобба – Дугласа, факторы спроса и предложения, денежно-кредитные условия в регионе, что подтверждается анализом научной литературы (Бажанов, Орешко, 2019; Домнич, 2023; Малкина и др., 2025). Окончательный отбор факторов обусловлен их статистической значимостью в анализируемых спецификациях. Данные охватывали период с 2017 по 2025 год. Система показателей приведена в *таблице 1*.

При проведении статистического анализа и построении эконометрических моделей применялся Google Colab – облачный сервис для интерактивных вычислений на языке программирования Python.

Первым этапом подготовки данных к анализу стало приведение показателей в текущих ценах к постоянным ценам базового года. В качестве базового был выбран 2017 год – начальный год набора данных. Для дефлирования применялись либо индексы цен производителей по виду экономической деятельности «Обрабатывающая промышленность», либо индексы потребительских цен в Нижегородской области – в зависимости от природы изучаемого фактора.

Применение эконометрических моделей требует, чтобы временные ряды содержали достаточное количество наблюдений, а включаемые в модель показатели имели одинаковую частотность. Также следует учитывать, что из-за быстро меняющейся институциональной и макроэкономической среды информация, относящаяся к более ранним периодам времени, менее релевантна для текущего анализа. Поэтому в исследовании использовались данные за более современный период (соответствующий функционированию российской экономики в санкционном режиме), но в ежемесячной разбивке. Поскольку ежемесячная статистика доступна далеко не по всем показателям, возникла необходимость приведения ежегодных или ежеквартальных данных к ежемесячному виду. Для выполнения этой задачи был выбран метод интерполяции сплайнами, рекомендуемый в научной литературе (Власенко, 2019; Portilla et al., 2025; Ribeiro, Castro, 2022). Подобные преобразования были применены для двух показателей основных фондов, численности населения, оборотных активов, инвестиций и среднедушевых денежных доходов. Динамика этих показателей не предполагает слишком быстрых и резких колебаний в течение года (а в случае с инвестициями в течение квартала), что делает рассматриваемую методику вполне уместной. Кроме того, окончательные прогнозы формируются путем агрегирования месячных данных по годам, что снижает влияние интерполяции на прогноз.

На заключительном этапе предварительной обработки данных была проведена проверка временных рядов на сезонность и, при необходимости, временной ряд был очищен от сезонного фактора с помощью статистической фильтрации. Для приведения временных рядов к стационарному виду они были детрендрованы путем взятия логарифмических разностей для всех показателей за исключением показателей макроэкономических условий. В качестве основы на данном этапе рассматривалась аддитивная модель временного ряда:

$$Y_t = T_t + S_t + E_t, \quad (1)$$

где T_t – тренд,
 S_t – сезонная составляющая,
 E_t – случайная составляющая.

³ ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57722> (дата обращения: 07.02.2026).

Таблица 1. Показатели, предположительно влияющие на промышленное производство Нижегородской области

Переменная	Наименование показателя	Единицы измерения	Длительность временного интервала и периодичность измерения	Среднее	Минимум	Максимум	Среднеквадратическое отклонение
По Нижегородской области							
<i>Capital_res</i>	Наличие основных фондов по остаточной балансовой стоимости по полному кругу организаций на начало периода по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» ¹⁾	млрд руб.	2017–2024; годовые	383,3	319,5	464,0	55,5
<i>Capital</i>	Наличие основных фондов по полной учетной стоимости по полному кругу организаций на начало периода по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» ¹⁾	млрд руб.	2017–2024; годовые	872,9	658,0	1143,6	178,8
<i>CurrentAssets</i>	Стоимость оборотных активов крупных и средних организаций на начало периода по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» ²⁾	млрд руб.	I квартал 2017 – I квартал 2025; квартальные	936,4	554,5	1689,6	350,5
<i>Investment, Investment12, Investment24</i>	Инвестиции в основной капитал по всем формам собственности: за текущий период, с лагом 1 и 2 года по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» ³⁾	млрд руб.	I квартал 2014 – IV квартал 2024; квартальные	23,1	4,6	80,6	16,6
<i>Credit</i>	Объемы кредитования юридических лиц-резидентов и индивидуальных предпринимателей по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» ⁴⁾	млрд руб.	январь 2017 – июнь 2025; ежемесячные	23,3	6,3	70,7	14,6
<i>Labour</i>	Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» ⁵⁾	тыс. чел.	январь 2017 – май 2025; ежемесячные	253,8	246,3	270,0	4,8
<i>Population</i>	Численность постоянного населения на начало года ⁶⁾	млн чел.	2016-2024; годовые	3,15	3,05	3,24	0,07
<i>Incomes1</i>	Среднедушевые денежные доходы населения с лагом 1 месяц ⁷⁾	тыс. руб.	I квартал 2016 – I квартал 2025; квартальные	40,0	28,0	73,4	11,6

Данный способ компонентного анализа является базовым и подробно изучен в литературе (например, Тиндова, Леднева, 2023). Отметим, однако, что при построении моделей ARIMAX были использованы как очищенные, так и не очищенные от сезонности данные, потому что спецификация модели позволяет выделить сезонный фактор. В рассмотренном наборе данных сезонному влиянию оказались подвержены показатели отгрузки промышленной продукции.

Следующим шагом исследования стало построение эконометрических моделей. В качестве теоретической основы была выбрана традиционная форма производственной функции Кобба – Дугласа, которая путем логарифмирования приводится к аддитивному виду и далее применяется для моделирования зависимости выпуска от факторов производства (Капитанова, Зиняков, 2023).

$$\ln y_t = \beta_0 + \beta_1 \ln x_{1t} + \dots + \beta_j \ln x_{jt} + \dots + \beta_n \ln x_{mt} + \varepsilon_t. \quad (2)$$

где y_t – это отгрузка продукции собственно производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства»;

x_{jt} – переменные, включенные в модель;

β_j – коэффициенты моделей;

ε_j – случайные остатки соответствующих моделей;

$j = \overline{1, m}; m$ – количество переменных, включенных в модель.

Поскольку экономические показатели обладают определенной спецификой в силу существования запаздываний и эффекта паутины, модель была расширена за счет включения лаговых значений зависимой и объясняющих переменных.

В исследовании тестировалось два типа моделей временных рядов:

– модель авторегрессии – скользящего среднего с учетом дополнительных регрессоров (ARIMAX)

$$y_t = \alpha_0 + \sum_{i=1}^p \alpha_i y_{t-i} + \sum_{j=1}^q \beta_j \varepsilon_{t-j} + \sum_{k=1}^m \gamma_k x_{t-k} + \varepsilon_t. \quad (3)$$

– модель авторегрессии и распределенных лагов (ARDL)

$$y_t = a_0 + \sum_{i=1}^p a_i y_{t-i} + \sum_{j=0}^q b_j x_{t-j} + \varepsilon_t. \quad (4)$$

Модель авторегрессии и распределенных лагов является частным случаем модели авторегрессии – скользящего среднего с учетом дополнительных регрессоров и вынесена в отдельную категорию лишь в силу разных методов технической реализации процесса моделирования. Эти виды моделей часто используются для описания различных социально-экономических процессов, что находит подтверждение в литературе (Пильник и др., 2018; Rizki, Didenko, 2025; Ji, 2025; Sahoo et al., 2025). В качестве преимуществ ARDL-модели следует отметить то, что она является наиболее подходящим способом для описания коротких временных рядов, позволяет оценить долгосрочные и краткосрочные эффекты (коинтеграцию), а также работает с рядами порядка I(0) и I(1) в смеси. Модель ARIMAX демонстрирует хорошую прогнозную точность на небольших временных интервалах, а также обладает гибкостью в учете сезонности и трендов, что делает возможным ее применение как для исходных временных рядов, так и для десеозонизированных и детрендрованных данных. Также теоретически возможным является применение и других моделей временных рядов (например, VAR, HVAR, DFM, нейросетевые модели). При этом модели векторной авторегрессии требуют стационарности всех рядов, которые непременно должны быть достаточно длинными. Кроме того, при большом количестве переменных происходит потеря степеней свободы. Динамические факторные модели сложны в интерпретации и настройке при короткой истории. Нейросетевые методы не позволяют выявить влияние отдельных переменных и плохо работают на малых выборках.

Для реализации этих моделей все изучаемые переменные были разделены на группы. В модели должны быть включены факторы, которые соответствуют производственной функции Кобба – Дугласа, – это капитал (основные фонды) и труд (численность занятых или численность населения). Также в модель могут быть включены другие факторы, которые описывают

ресурсную базу промышленных предприятий Нижегородской области (инвестиции, объем кредитования и оборотные активы); спросовые факторы (оборот розничной торговли, среднедушевые и совокупные доходы населения) и макроэкономические условия (ключевая ставка с лагом от 0 до 6 месяцев, инфляция, курс доллара и цена на нефть). Был сформирован набор различных комбинаций из указанных групп, по которым осуществлялся перебор возможных спецификаций. Далее алгоритм несколько отличался для двух видов моделей, что обусловлено спецификой технического инструментария.

Для ARIMAX-моделей порядок AR и MA составляющих варьировался от 0 до 3, а порядок разностей от 0 до 2. Для учета возможных недоустраненных сезонных колебаний предусматривался порядок сезонных компонент от 0 до 2. Далее с помощью циклов и логических проверок были отобраны те модели, все факторы в которых являются значимыми по *t*-статистике, отсутствует автокорреляция в остатках (по тесту Льюнга – Бокса) и гетероскедастичность (по тесту Бреуша – Пагана), а знаки коэффициентов при капитале и труде положительны (что обусловлено типом производственной функции). Среди всех построенных моделей были выбраны те, где присутствует реальная ключевая ставка с отрицательным коэффициентом, что также обусловлено теоретическими предпосылками. Аналогичная проверка выполнялась и по данным, не очищенным от сезонности. Также строились SARIMAX модели, позволяющие как включить экзогенные факторы, так и учесть сезонность. Окончательный отбор моделей осуществлялся на основе информационных критериев Акайке (AIC), Байеса (BIC) и Хеннана – Куинна (HQIC) для каждого набора.

ARDL-модели строились только на десезониализованных данных. При анализе данных была использована функция автоматического выбора оптимального порядка модели на основе критериев информационной эффективности: Акайке (AIC), Байесовского (BIC) или Хеннана – Куинна (HQIC). Среди всех построенных моделей были выбраны те, в которые входят необходимые компоненты – показатели, описывающие капитал, труд и макроэкономическую ситуацию, и они являются значимыми по *t*-статистике. Незначимыми могут

быть только промежуточные лаги, потому что выбранный инструментарий в Python не позволяет их исключить.

Результаты исследования

В *таблице 2* представлены две отобранные наилучшие ARIMAX-модели, соответствующие всем указанным выше критериям качества.

В *таблице 3* представлены две отобранные согласно описанному выше алгоритму наилучшие ARDL-модели.

Остатки ARDL-моделей были проверены на гетероскедастичность с помощью теста ARCH-LM, который использует метод множителей Лагранжа (LM) для обнаружения авторегрессионной условной гетероскедастичности (ARCH) в остатках для лага 1–10. Этот тест показал, что остатки имеют однородную дисперсию (гомоскедастичны). В силу того что ARDL-модель сочетает в себе элементы динамической регрессии с лаговыми зависимыми переменными и лагами экзогенных переменных, базовые предположения обычных тестов на автокорреляцию нарушаются, и применение их для проверки автокорреляции в остатках становится некорректным. Поэтому в рамках исследования были проанализированы автокорреляционные и частные автокорреляционные функции (АКФ и ЧАКФ), которые свидетельствуют об отсутствии видимых паттернов в остатках, и можно предположить, что автокорреляция отсутствует в обеих моделях.

Отметим, что для построенных моделей результаты теста Харке – Бера указывают на отклонение от гипотезы о нормальном распределении остатков. Однако для моделей класса ARIMAX это требование не является необходимым в силу того, что оценки параметров являются состоятельными и асимптотически нормальными при выполнении условий стационарности и отсутствия серийной корреляции в остатках. Кроме того, при оценке значимости коэффициентов модели использовались стандартные ошибки, устойчивые к гетероскедастичности и автокорреляции остатков (HAC).

По результатам оценки среднеквадратичного отклонения (RMSE) для всех построенных моделей были выбраны обе ARDL-модели, на основе которых построен среднесрочный стратегический прогноз на период до 2027 года. В качестве итогового использовался усредненный прогноз по двум ARDL-моделям.

Таблица 2. ARIMAX-модели для показателя отгрузки продукции обрабатывающей промышленности в постоянных ценах

Переменная	ARIMAX-модель для данных, очищенных от сезонности	ARIMAX-модель для данных с сезонностью
<i>Capital</i>	0,70 (0,07)	0,94 (0,04)
<i>Labour</i>	2,33 (0,02)	
<i>Population</i>		3,39 (0,00)
<i>RealKeyRate4</i>	-0,01 (0,06)	
<i>Inflation</i>		-0,01 (0,00)
<i>Urals\$</i>		0,01 (0,00)
<i>RetailTrade1</i>		1,53 (0,00)
ar.L1	-0,78 (0,00)	
ma.L1	0,56 (0,03)	0,46 (0,00)
sigma2	0,01 (0,00)	0,02 (0,00)
AIC	-109,78	-104,37
BIC	-96,12	-87,27
HQIC	-104,34	-97,49
RMSE	10173,03	8320,63
тест Льюнга – Бокса	0,00 (0,99)	0,01 (0,91)
тест Бреуша – Пагана	0,84 (0,66)	1,45 (0,33)
тест Харке – Бера	39,57 (0,00)	22,35 (0,00)

Примечания. В скобках указаны р-значения. Нулевая гипотеза теста Льюнга – Бокса говорит об отсутствии автокорреляции в остатках. Нулевая гипотеза теста Бреуша – Пагана предполагает гомоскедастичность данных. Тест Харке – Бера использует в качестве нулевой гипотезы предположение о том, что остатки имеют нормальное распределение.
Источник: расчеты авторов.

Таблица 3. ARDL-модели для показателя отгрузки продукции обрабатывающей промышленности в постоянных ценах

Переменная	Модель 1	Модель 2
<i>Y.L1</i>	0,55 (0,00)	0,56 (0,00)
<i>Y.L2</i>	0,27 (0,01)	
<i>Capital.L0</i>		0,63 (0,00)
<i>Population.L0</i>		370,15 (0,00)
<i>Population.L1</i>		-371,14 (0,00)
<i>Inflation.L0</i>	-0,002 (0,05)	
<i>RetailTrade1.L0</i>	0,89 (0,00)	
<i>RetailTrade1.L1</i>	-0,74 (0,00)	
<i>Urals\$.L0</i>		0,0001 (0,9)
<i>Urals\$.L1</i>		0,003 (0,01)
AIC	-242,65	-221,45
BIC	-228,14	-204,43
HQIC	-236,82	-214,61
RMSE	4763,85	5111,64
тест Харке – Бера	23,92 (0,00)	9,24 (0,00)

Примечания. В скобках указаны р-значения. L0, L1 и L2 используются для обозначения текущего периода, лага 1 и лага 2 соответственно.
Источник: расчеты авторов.

Таким образом, в итоговой модели на отгрузку продукции обрабатывающей промышленности Нижегородской области влияют следующие показатели:

- наличие основных фондов по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по полной учетной стоимости по полному кругу организаций на начало периода (млрд руб.): положительный коэффициент отражает эффект классической производственной функции – рост капитала увеличивает выпуск;

- численность постоянного населения на начало периода (млн чел.): положительный коэффициент при численности населения в текущем месяце и отрицательный у лагового значения, которые близки по модулю, могут быть следствием высокой корреляции последовательных лагов, что делает оценки отдельных коэффициентов неустойчивыми; долгосрочный мультипликатор для населения в коинтеграционном отношении будет близок к нулю (это означает, что в долгосрочной перспективе численность населения слабо влияет на отгрузку, что экономически правдоподобно для Нижегородской области, где производство ориентировано не только на внутренний спрос, но и на межрегиональные поставки и экспорт);

- оборот розничной торговли (млн руб.): положительный текущий эффект (0,89) и отрицательный лаговый (-0,74) можно интерпретировать как эффект насыщения или переноса спроса во времени, когда рост в текущем периоде в дальнейшем корректируется и замедляется;

- среднемесячное значение индексов потребительских цен на товары и услуги (%): отрицательный коэффициент при инфляции показывает, что рост цен снижает реальные доходы и, следовательно, спрос на промышленную продукцию;

- цена нефти марки Urals (\$): положительный эффект для Нижегородской области, характеризующейся слабо развитой добывающей и достаточно высоко развитой обрабатывающей промышленностью, объясняется косвенным влиянием бюджетного канала: рост нефтяных доходов федерального бюджета увеличивает трансферты в региональные бюджеты, госзакупки и инвестиции в регион.

На практике интерес представляют будущие значения отгрузки как в сопоставимых, так и в текущих ценах. В частности, номинальные показатели представляют интерес для налоговой и бюджетной системы. Для перевода прогнозных значений по отгрузке в постоянных ценах в текущие цены было проведено прогнозирование цепных индексов-дефляторов потребительских цен (ИПЦ) и цепных индексов-дефляторов цен производителей (ИЦП) по Нижегородской области. Прогнозные значения индекса-дефлятора ИПЦ рассчитывались на основе базового прогноза социально-экономического развития Нижегородской области в 2025 году (8,8%) и прогнозов на 2026 год (5%) и 2027 год (4,0%)⁴. Далее осуществлялось моделирование зависимости цепного индекса-дефлятора ИЦП от цепного индекса-дефлятора ИПЦ по Нижегородской области по месячным данным за 2017–2024 гг., определялось их долгосрочное соотношение. На *рисунке 1* представлены фактические данные и построенная логарифмическая регрессия.

Прогнозные значения цепных индексов-дефляторов ИЦП на 2025–2027 гг. определялись на основе выявленной логарифмической зависимости и прогнозных значений цепных индексов-дефляторов ИПЦ на тот же период. Расчеты прогнозных индексов-дефляторов позволили в дальнейшем привести все показатели, смоделированные в постоянных ценах, к текущим ценам.

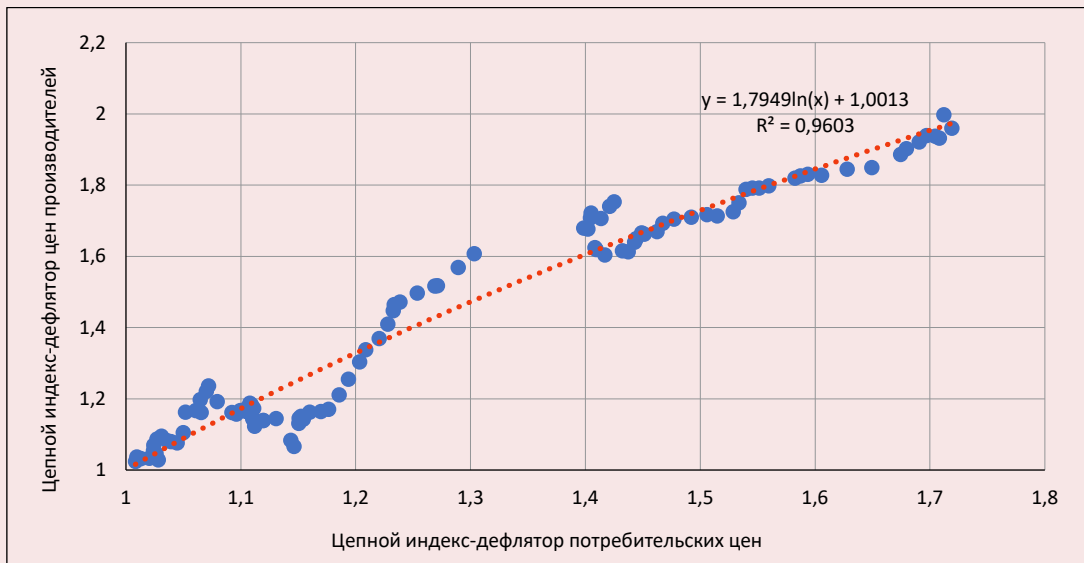
Для построения среднесрочного прогноза отгрузки были построены прогнозы следующих показателей (факторов моделей) в постоянных и текущих ценах.

1. Наличие основных фондов по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по полной учетной стоимости по полному кругу организаций на начало периода (млрд руб.).

Для временного ряда была выполнена проверка на стационарность. Расширенный тест Дики – Фуллера (ADF) и тест Квятковского – Филлипса – Шмидта – Шина (KPSS) показали, что ряд является стационарным в первых

⁴ Прогноз социально-экономического развития Нижегородской области на среднесрочный период (на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов). С. 3, 6. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200202510270003?index=1>

Рис. 1. Взаимосвязь цепных индексов цен производителей (ИЦП) и потребительских цен (ИПЦ) по Нижегородской области

Источник: построено авторами.

разностях. По АКФ и ЧАКФ для первых разностей был определен предварительный порядок модели, который затем был скорректирован с учетом значимости переменных и компонент.

Результаты построения SARIMA-модели представлены в столбце «Capital» в таблице 4.

На основании модели был получен прогноз показателя основных фондов в постоянных ценах на период до 2027 года. С помощью ранее спрогнозированного цепного индекса цен производителей он был преобразован в прогноз показателя в текущих ценах. Оба представлены в динамике на рисунке 2.

Таблица 4. Построение SARIMA-моделей для прогнозирования факторных показателей

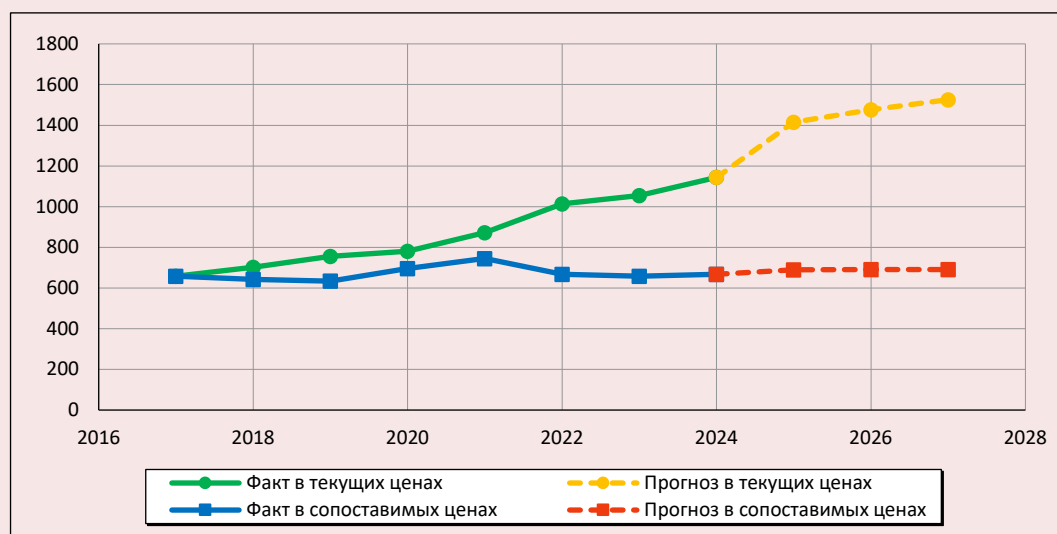
Переменная	Capital	RetailTrade1	Population
const			3,19 (0,00)
x			-0,002 (0,00)
ar.L1	0,40 (0,00)	-0,19 (0,00)	1,04 (0,00)
ar.L2	-0,25 (0,00)	-0,09 (0,03)	0,48 (0,00)
ar.L3			-0,01 (0,00)
ar.L4			-0,19 (0,00)
ar.L5			-0,26 (0,00)
ar.L6			-0,43 (0,00)
ar.L7			0,31 (0,00)
ar.L8			0,10 (0,00)
ar.L9			0,12 (0,00)
ar.L10			-0,08 (0,00)
ar.L11			-0,42 (0,00)
ar.L12			0,35 (0,00)
ma.L1			0,08 (0,00)
ma.L2			0,05 (0,00)
ma.L3			0,03 (0,00)
ma.L4			0,02 (0,00)

Окончание таблицы 4

Переменная	<i>Capital</i>	<i>RetailTrade1</i>	<i>Population</i>
<i>ma.L5</i>			0,01 (0,00)
<i>ma.L6</i>			0,01 (0,00)
<i>ma.L7</i>			-0,002 (0,00)
<i>ma.L8</i>			-0,01 (0,00)
<i>ma.L9</i>			-0,01 (0,00)
<i>ma.L10</i>			-0,001 (0,00)
<i>ma.L11</i>			0,01 (0,00)
<i>ma.L12</i>			0,02 (0,00)
<i>ar.S.L12</i>		0,49 (0,00)	
<i>ma.S.L12</i>		-0,36 (0,02)	
<i>sigma2</i>	102,67 (0,00)	$1,53 \cdot 10^7$ (0,00)	$6,64 \cdot 10^{-9}$ (0,00)
AIC	723,30	1981,30	-1467,70
BIC	730,99	1994,37	-1398,18
HQIC	726,41	1986,59	-1439,59
тест Льюнга – Бокса	0,01 (0,91)	4,26 (0,04)	32,88 (0,00)
тест Бреуша – Пагана	0,61 (0,16)	0,47 (0,03)	0,54 (0,08)
тест Харке – Бера	66,26 (0,00)	113,69 (0,00)	6,30 (0,04)

Примечания. В скобках указаны р-значения. L1, L2 и т.д. используются для обозначения лагов авторегрессионной составляющей (ar) и скользящего среднего (ma).
Источник: расчеты авторов.

Рис. 2. Прогноз для стоимости основных фондов, млрд руб.

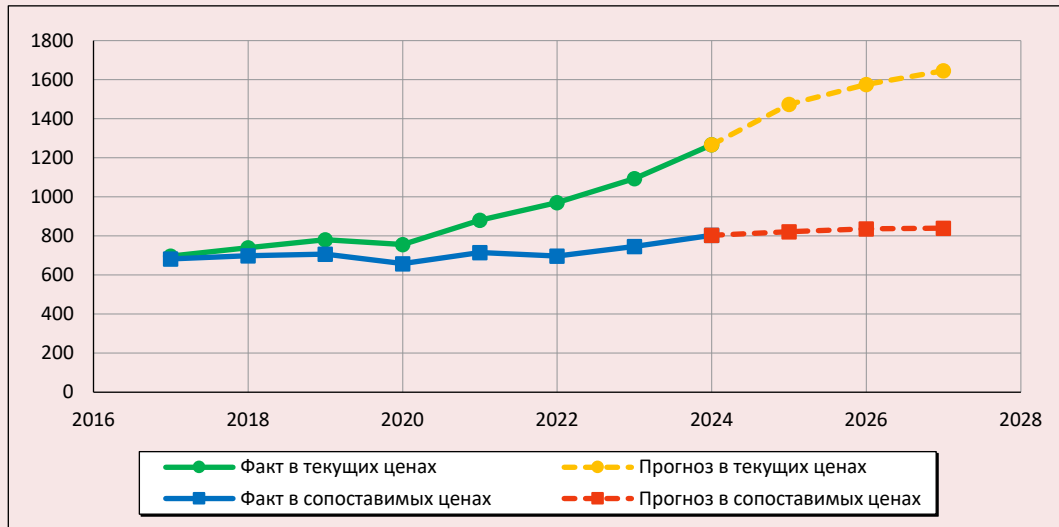
Источник: построено авторами.

2. Оборот розничной торговли (млрд руб.).

ADF и KPSS тесты показали, что ряд является стационарным в первых разностях. Были построены АКФ и ЧАКФ для первых разностей, порядок модели уточнен на основе значимости переменных и компонент. В данных присутствует сезонность, что было учтено в спецификации модели. Результаты построения

SARIMA модели представлены в таблице 4 в столбце «RetailTrade1». На основании модели был получен прогноз оборота розничной торговли в постоянных ценах на период до 2027 года. Для его перевода в текущие цены использовались прогнозные значения цепного индекса-дефлятора потребительских цен. Прогнозы представлены на *рисунке 3*.

Рис. 3. Прогноз для оборота розничной торговли, млрд руб.

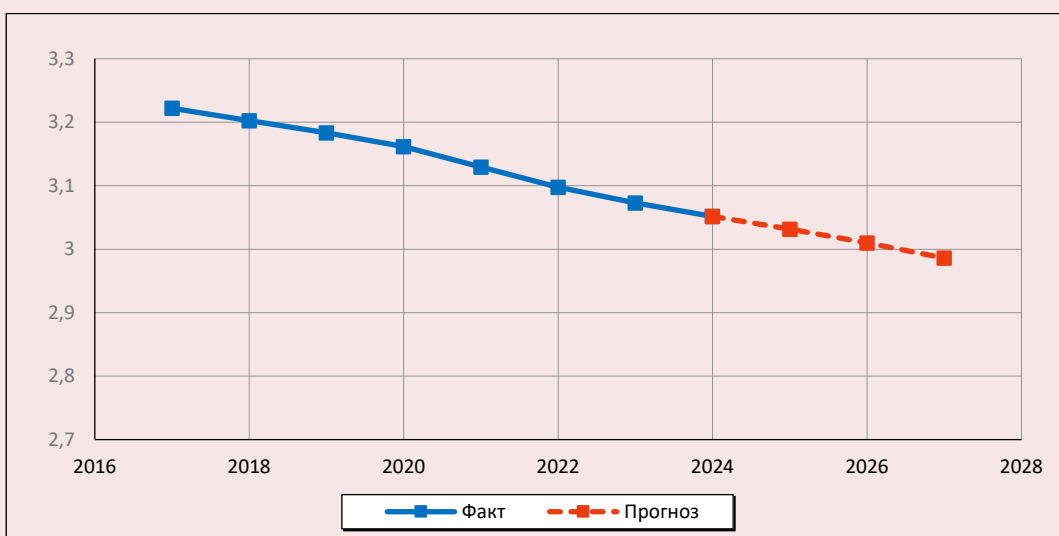
Источник: построено авторами.

3. Численность постоянного населения на начало года (млн чел.).

Нестационарность временного ряда в первых разностях подтверждена ADF и KPSS тестами, поэтому в спецификацию модели был включен линейный тренд. В связи с тем, что этот ряд был восполнен путем интерполяции сплайнами, его структура весьма специфиче-

ская, поэтому в модель включено 12 лаговых значений, перекрывающих искусственную генерацию значений внутри года. Результаты построения модели ARIMA представлены в таблице 4 в столбце «Population». На основании модели был получен прогноз численности населения на период до 2027 года (рис. 4).

Рис. 4. Прогноз для численности населения, млн чел.

Источник: построено авторами.

Для двух других параметров, среднемесячного значения индексов потребительских цен на товары и услуги (%) и цены нефти марки Urals (\$ за баррель), использовались прогнозы Правительства Нижегородской области и Банка России соответственно.

На основании прогнозов объясняющих переменных и оценок коэффициентов моделей были рассчитаны прогнозные значения отгруз-

ки продукции обрабатывающей промышленности (табл. 5, рис. 5). Доверительный интервал (95%) был получен с применением метода бутстрапа.

На основе построенной модели с использованием языка программирования JavaScript (стандарт ECMAScript 2015 – ES6) и технологий HTML5 и CSS3 был разработан программный инструмент – интерактивный экономи-

Таблица 5. Прогнозы отгрузки продукции обрабатывающей промышленности Нижегородской области (млрд руб.)

Год	Цена нефти Urals, \$ за баррель *	Темп инфляции, % **	Отгрузка, Y, млрд руб. ***		Прирост отгрузки, % ***		Доверительный интервал 95% для отгрузки в текущих ценах, млрд руб. ***
			в текущих ценах	в постоянных ценах	в текущих ценах	в постоянных ценах	
2025	58	8,8	2486,897	1212,534	16,03	2,24	2273,862 – 2696,101
2026	55	5	2606,893	1218,992	4,83	0,53	2388,783 – 2837,037
2027	60	4	2711,332	1227,423	4,01	0,69	2479,263 – 2942,760

Источники: * прогнозы Банка России (Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2025. С. 3. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkr/op_2026_2028/; ** прогнозы Правительства Нижегородской области (Прогноз социально-экономического развития Нижегородской области на среднесрочный период (на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов). С. 3, 6. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200202510270003?index=1>); *** расчеты авторов.

Рис. 5. Фактические и прогнозные значения отгрузки продукции обрабатывающей промышленности в Нижегородской области, млрд руб.

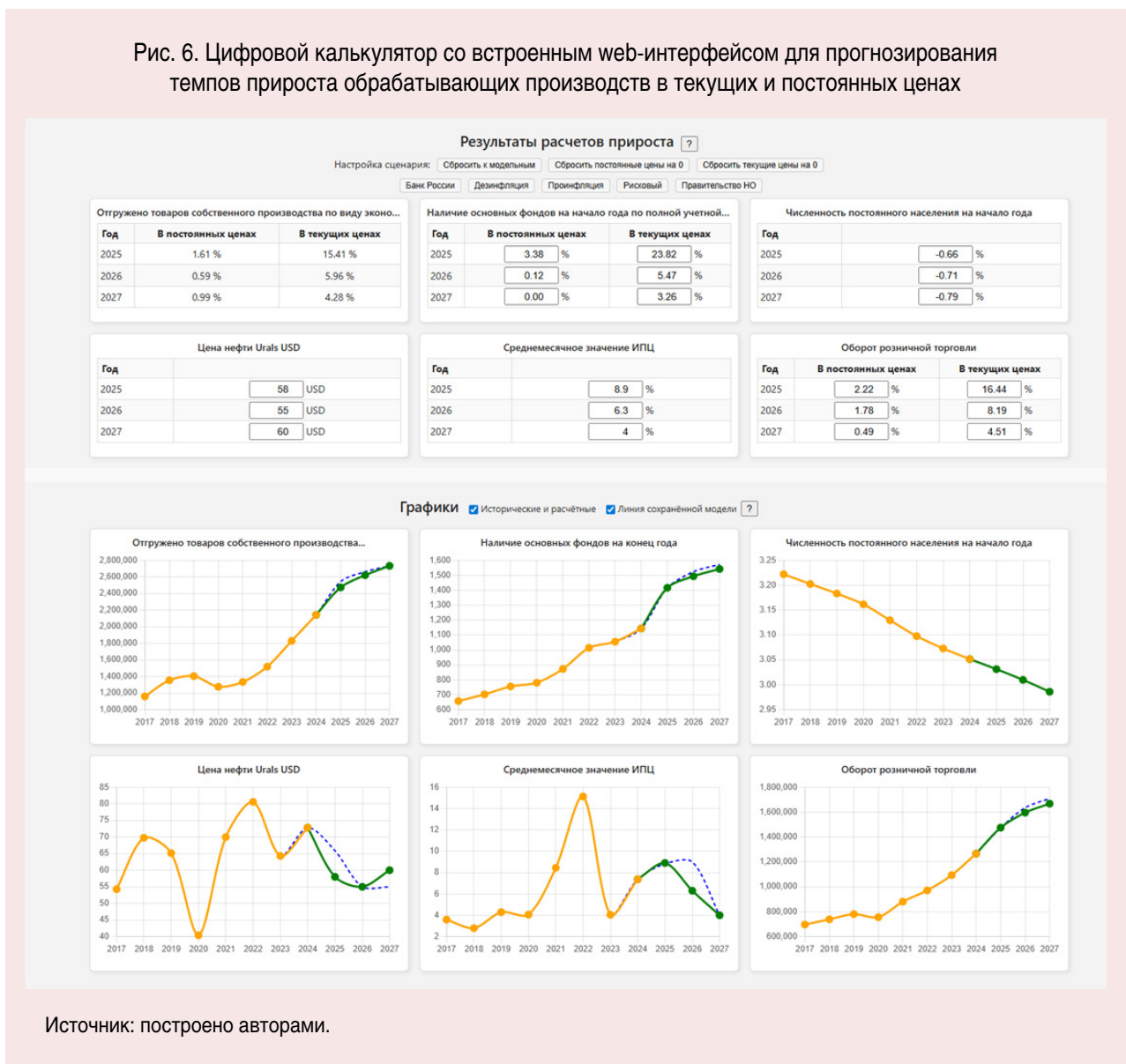
Источник: построено авторами.

ческий калькулятор, реализованный в виде web-страницы и позволяющий пользователю формировать и анализировать альтернативные сценарии социально-экономического развития региона. Калькулятор содержит интерфейс цифрового двойника для сценарного моделирования ключевых экономических показателей на горизонте прогноза 2025–2027 гг. и объединяет в одной форме панель ввода сценарных параметров, табличный вывод исторических и прогнозных значений, модуль визуализации графиков, а также блок расчета приростов, предназначенный для оперативного сравнения

результата при изменении входных данных. Он предусматривает как пассивный режим использования с рядом закрепленных предустановок (значений, которые рассчитаны заранее), так и активный режим, когда пользователь может менять сценарии развития с помощью имеющихся слайдеров.

На рисунке 6 представлен скриншот калькулятора, где пунктирная синяя линия представляет значения, полученные по модели, а зеленая сплошная линия отражает прогноз, сформированный на основе пользовательских изменений, которые отражены в таблицах.

Рис. 6. Цифровой калькулятор со встроенным web-интерфейсом для прогнозирования темпов прироста обрабатывающих производств в текущих и постоянных ценах

Обсуждение результатов исследования

Для проверки адекватности построенных прогнозов результаты были сопоставлены с Прогнозом социально-экономического развития Нижегородской области на среднесрочный период⁵. В нем существует два сценария: базовый и консервативный, однако необходимые для моделирования макроэкономические пока-

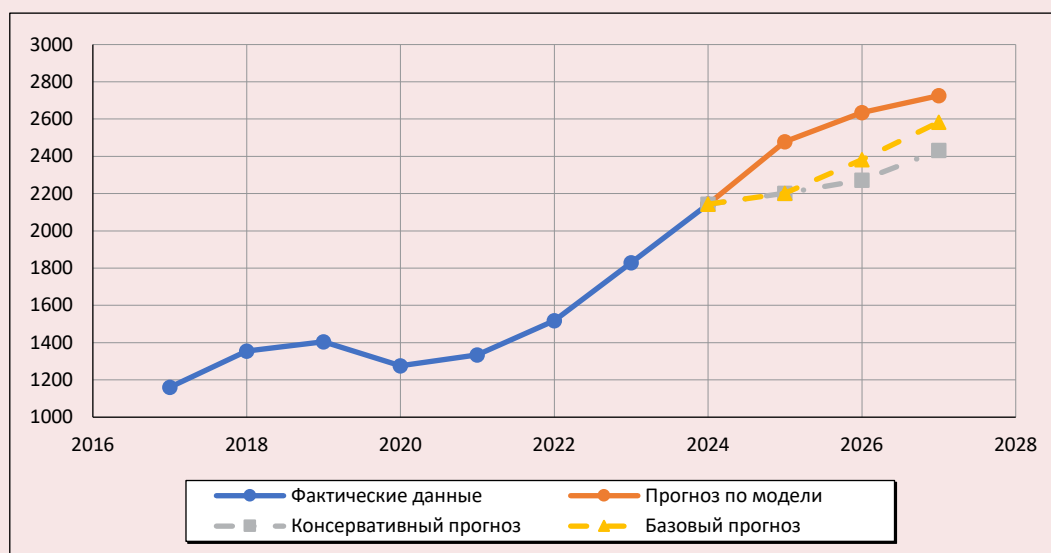
затели указаны только для базового сценария. Рассчитаем прогнозные значения по построенной в рамках исследования модели с учетом сохранения предсказанных нами тенденций для остальных трех показателей. Результаты моделирования в сопоставлении с прогнозами Правительства Нижегородской области представлены в *таблице 6* и на *рисунке 7*.

Таблица 6. Сопоставление результатов моделирования отгрузки продукции обрабатывающей промышленности с прогнозами Правительства Нижегородской области

Год	Цена нефти Urals, \$ за баррель*	Темп инфляции в Нижегородской области, %*	Отгрузка промышленной продукции, прирост, %			
			Прогнозы Правительства*		Модельный прогноз***	
			Базовый	Консервативный	в текущих ценах	в постоянных ценах
2025	59**	8,8	2,76	2,76	15,68	1,93
2026	59	5	8,16	3,19	6,29	1,94
2027	61	4	8,47	7,01	3,43	0,13

Источники: * прогнозы Правительства Нижегородской области (Прогноз социально-экономического развития Нижегородской области на среднесрочный период (на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200202510270003?index=1>); ** данные Минэкономразвития РФ за январь – июнь 2025 г. (Министерство экономического развития Российской Федерации. Конъюнктура мировых товарных рынков. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyh_tovarnyh_rynkov/ (дата обращения: 14.02.2026)); *** расчеты авторов.

Рис. 7. Сопоставление результатов моделирования отгрузки продукции обрабатывающей промышленности в текущих ценах с прогнозами Правительства Нижегородской области, млрд руб.

Источник: построено авторами.

⁵ Прогноз социально-экономического развития Нижегородской области на среднесрочный период (на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200202510270003?index=1>

Модельные прогнозы оказались заметно выше прогнозов Правительства Нижегородской области. Кроме того, модельные прогнозы демонстрируют ухудшение положения дел со временем, тогда как правительственные прогнозы показывают улучшение ситуации. В настоящее время уже есть первые оценки отгрузки промышленной продукции по обрабатывающим производствам в Нижегородской области в 2025 году, согласно которым прирост отгрузки в текущих ценах в этом году составил 5,2%⁶, что выше правительственного прогноза, но существенно ниже модельного прогноза. Это отклонение в основном объясняется более высоким значением индекса-дефлятора ИЦП в нашем прогнозе 2025 года (1,135) по сравнению с оценками Росстата (1,0497)⁷. По оценкам Росстата, в реальном выражении темп роста отгрузки в 2025 году составил 0,22%, что ниже модельного прогноза, но выше правительственного.

Базовый прогноз Правительства Нижегородской области включен в предустановленные сценарии в веб-приложении цифрового калькулятора для проведения сравнений с модельными и пользовательскими прогнозами.

Таким образом, представленный цифровой калькулятор может быть применен при рассмотрении различных кейсов «что-если» и проверки различных сценариев будущего развития событий по прогнозированию отгрузки продукции обрабатывающей промышленности. Так, на основе представленной модели было дополнительно проанализировано влияние на изучаемый показатель различных сценариев изменения макроэкономических показателей, разработанных Банком России⁸. В *таблице 7* представлены сценарные показатели цены на нефть и темпов инфляции, а также рассчитанные по построенной нами модели прогнозы отгрузки в текущих ценах и ее приросты в текущих и постоянных ценах. На основании при-

Таблица 7. Модельные прогнозы с учетом различных сценариев Банка России

Год	Цена нефти Urals, \$ за баррель*	Темп инфляции, %*	Прогнозные значения отгрузки**		
			в текущих ценах, млрд руб.	прирост в текущих ценах, %	прирост в постоянных ценах, %
Базовый					
2025	58	8,9	2473,529	15,41	1,61
2026	55	6,3	2620,920	5,96	0,59
2027	60	4	2733,085	4,28	0,99
Дезинфляционный					
2025	58	8,9	2473,529	15,41	1,61
2026	55	6	2617,698	5,83	0,70
2027	60	4	2728,706	4,24	0,95
Проинфляционный					
2025	58	8,9	2473,529	15,41	1,61
2026	55	6,9	2627,294	6,22	0,36
2027	55	4,5	2711,124	3,19	-0,43
Рисковый					
2025	58	8,9	2473,529	15,41	1,61
2026	35	9,8	2519,934	1,88	-5,82
2027	30	12,6	2614,595	3,76	-5,33

Источники: * сценарии Банка России (Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2025. С. 71, 77, 81, 85. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2026_2028/; ** расчеты авторов.

⁶ Росстат. URL: https://www.rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 09.02.2026).

⁷ Росстат. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 09.02.2026).

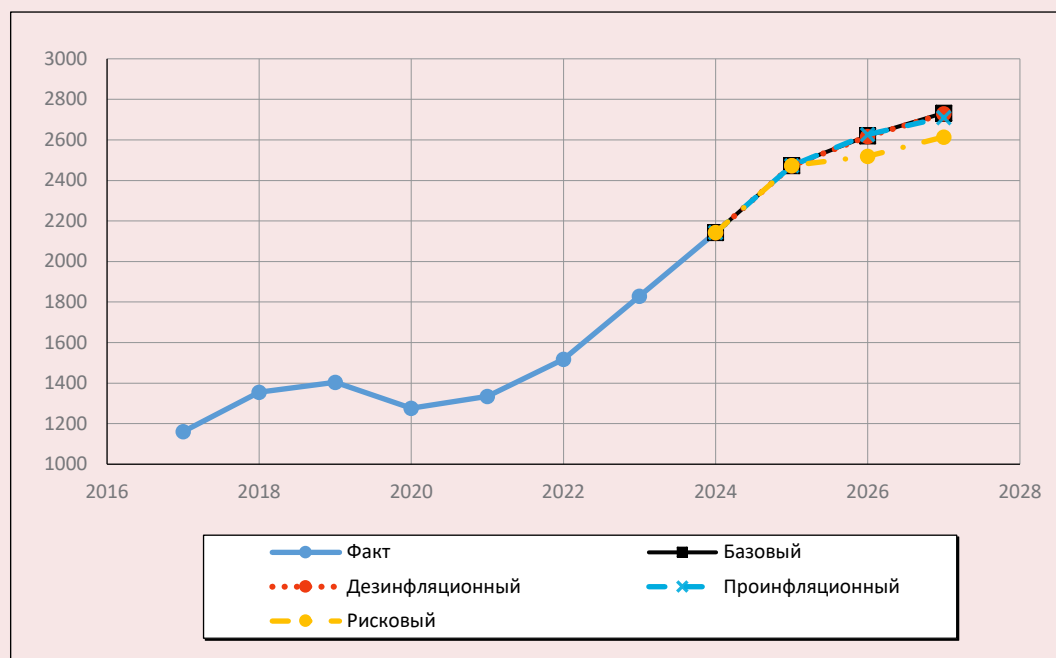
⁸ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2025. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2026_2028/

веденных результатов можно видеть, как макроэкономические факторы влияют на изменение отгрузки продукции обрабатывающей промышленности в Нижегородской области (рис. 8). По первым оценкам, прирост объемов производства обрабатывающего сектора в Нижегородской области в 2025 году составил 1,1%⁹, что оказалось близко к модельному прогнозу на основе сценариев Банка России.

Очевидно, экономическая ситуация в Нижегородской области не описывается одним показателем, поэтому проведенное моделирование является частью работы по созданию более крупного комплекса прогнозных показателей, которые составляют взаимосвязанную систему и служат основой цифрового двойника Нижегородской области. Такой комплекс позволит понимать, какие текущие события и возможные будущие изменения (в том числе шоки) будут приводить к тем или иным последствиям для региона. Оценка их

воздействия на региональный рынок позволит органам власти принимать обоснованные решения относительно поддержки предприятий, налогового стимулирования и инвестиционных проектов. Результаты работы были представлены в Министерстве экономического развития и инвестиций Нижегородской области. Также цифровой калькулятор может быть полезен для других органов власти при проведении сценарного анализа последствий принимаемых решений. Например, в работе (Малкина и др., 2025) представлено моделирование валовой добавленной стоимости промышленности Нижегородской области как еще одного ключевого экономического показателя Нижегородской области. Следующим этапом будет построение прогнозных моделей для других отраслей и создание обобщающего веб-приложения, повторяющего структуру взаимосвязей Нижегородской экономики и являющегося цифровым двойником региона.

Рис. 8. Модельные прогнозы с учетом различных сценариев Банка России для отгрузки продукции обрабатывающей промышленности Нижегородской области, млрд руб.

Источник: построено авторами.

⁹ Промышленность Нижегородской области в 2025 году сохранила рост // Коммерсантъ. Приволжье. 08.02.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8419004> (дата обращения: 11.02.2026).

Заключение

Исследование показало, что использование эконометрических авторегрессионных моделей с распределенными лагами позволяет эффективно прогнозировать уровень отгрузки продукции обрабатывающей промышленности в Нижегородской области. Выявлено, что основное влияние на отгрузку оказывают такие факторы, как наличие основных фондов по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», численность постоянного населения на начало года, оборот розничной торговли, среднемесячное значение индексов потребительских цен на товары и услуги, а также цена нефти бренда Urals. Построенные модели были использованы в качестве базы для создания цифрового калькулятора, который пред-

ставляет собой гибкий инструмент сценарного анализа, сочетающий табличное и графическое представление данных, эконометрические расчеты и систему пользовательских настроек. Цифровой калькулятор для отгрузки является частью более сложного продукта – цифрового двойника региона. Его использование позволяет оперативно оценивать последствия изменения ключевых макроэкономических параметров, сравнивать альтернативные сценарии развития и формировать аналитически обоснованные выводы о динамике социально-экономических показателей региона. В связи с этим данный инструмент представляется весьма полезным для органов власти и других пользователей при планировании и оптимизации производственных процессов.

Литература

- Бажанов В.А., Орешко И.И. (2019). Обрабатывающие производства России: санкции, импортозамещение // ЭКО. № 1 (535). С. 75–92.
- Власенко М. (2019). Использование интерполяционных кубических сплайнов при восстановлении пропусков во временных рядах данных // Банковский вестник. № 7 (672). С. 31–36. URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10644.pdf>
- Гладких М.О., Малугина Е.Г. (2023). Тенденции развития обрабатывающей промышленности Воронежской области в условиях комплексного воздействия негативных факторов внешней среды // Современная экономика: проблемы и решения. № 9 (165). С. 63–78. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2023/9/63-78
- Губарев Р.В., Володин А.И., Дзюба Е.И. [и др.] (2020). Повышение эффективности инвестиционно-промышленной политики России // Экономика и математические методы. Т. 56. № 1. С. 54–66. DOI: 10.31857/S042473880008479-5
- Домнич Е.Л. (2023). Экономические эффекты технологических инноваций в обрабатывающей промышленности России и Дальнего Востока // Пространственная экономика. Т. 19. № 4. С. 84–116. DOI: 10.14530/se.2023.4.084-116
- Калинина А.Э., Калинина В.В. (2012). Многофакторная оценка состояния промышленности регионов Южного федерального округа (ЮФО) // Современные проблемы науки и образования. № 5.
- Капитанова О.В., Зиняков Ю.В. (2023). Об использовании производственных функций для моделирования экономики Российской Федерации // Математическое и компьютерное моделирование и бизнес-анализ в условиях цифровизации экономики: сборник научных статей по итогам III Всероссийского научно-практического семинара, Нижний Новгород, 24 апреля 2023 года / редколлегия: Ю.А. Кузнецов, О.В. Капитанова. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. С. 88–96.
- Крупко А.Э., Фетисов Ю.М., Рогозина Р.Е. (2018). Моделирование факторов устойчивого развития промышленного производства ЦФО // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. Т. 15. № 7. С. 56–66.
- Малкина М.Ю. (2025). Факторы экономического роста Нижегородской области: моделирование ВРП с использованием данных регионов-двойников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. С. 76–89. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.4
- Малкина М.Ю., Капитанова О.В., Семенов А.В. (2025). Анализ и прогнозирование валовой добавленной стоимости промышленности на примере Нижегородской области // Экономика промышленности. Т. 18. № 4. С. 544–558. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-4-1493

- Михеева Н.Н. (2018). Долгосрочные прогнозы регионального развития: анализ результатов и проблемы разработки // Проблемы прогнозирования. № 5 (170). С. 24–38.
- Пильник Н.П., Радионов С.А., Языков А.А. (2018). Модель оптимального поведения современной российской банковской системы // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 22. № 3. С. 418–447. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-3-418-447
- Пирогова Л.В., Майорова В.В. (2025). Трансформация промышленного комплекса Центрального федерального округа по итогам 2021–2024 годов // Современная экономика: проблемы и решения. № 11. С. 36–50. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2025/11/36-50
- Полынев А.О. (2020). Развитие методического подхода к среднесрочному прогнозированию экономического роста регионов на основе декомпозиции показателей макропрогноза по России // Региональная экономика. Юг России. Т. 8. № 1. С. 63–74. DOI: 10.15688/re.volsu.2020.1.6
- Руденко Л.Г. (2024). Методика прогнозирования валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности в регионе // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 1 (77).
- Сергеева Н.М., Скрипкина Е.В. (2024). Оценка изменения структуры ВДС России в условиях усиления кризиса // Азимут научных исследований: экономика и управление. № 13 (3). С. 74–77.
- Соколова О.А., Сидоров М.А. (2022). О прогнозировании динамики показателей промышленного производства региона (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. Т. 10. № 2. DOI: 10.15838/tdi.2022.2.62.2
- Тиндова М.Г., Леднева О.В. (2023). Анализ инструментальных методов моделирования стохастических процессов в экономике // Прикладная информатика. Т. 18. № 2 (104). С. 132–143. DOI: 10.37791/2687-0649-2023-18-2-132-143
- Трещевский Ю.И., Макаров М.В., Климов Н.А., Никульников П.Д. (2020). Прогнозирование развития обрабатывающей промышленности региона с использованием стандартных программ формирования нейросетей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. Т. 10. № 1. С. 118–129.
- Швайка О.И., Хрипин В.А. (2025). Экономико-статистический анализ промышленного производства в Российской Федерации // Отходы ресурсы. Т. 12. № 2. DOI: 10.15862/10EKOR225
- Щетилов А.В. (2025). Статистический анализ динамики перерабатывающей отрасли России в 2015–2030 годах (на примере металлообработки и машиностроения) // Экономика и парадигма нового времени. № 9 (42). С. 5–16.
- Akhmadjanov A.A., Hakimov S. (2025). Forecasting industrial growth using multi-stage regression and elasticity analysis. *Academia Open*, 10(1). DOI: 10.21070/acopen.10.2025.10878
- Baum C., Hurn S., Otero J. (2025). The dynamics of U.S. industrial production: A time-varying Granger causality perspective. *Econometrics and Statistics*, 33(C), 13–22. DOI: 10.1016/j.ecosta.2021.10.012
- Bodo G., Golinelli R., Parigi G. (2000). Forecasting industrial production in the Euro area. *Empirical Economics*, 25, 541–561. DOI: 10.1007/s001810000032
- Georgieva Svrтинov V., Todevski D. (2025). Forecasting industrial production in the eurozone: A scenario-based analysis using macroeconomic indicators. *Journal of Economics*, 10(1), 35–42. DOI: 10.46763/JOE2510135gs
- Ji X. (2025). Application of ARIMAX model in analyzing and predicting U.S. GDP growth rate and inflation rate. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*, 240(1), 196–201. DOI: 10.54254/2754-1169/2025.BL29813
- Lu T. (2024). Research on Nanyang city's industrial development based on statistical analysis and ARIMA forecasting. *Highlights in Business, Economics and Management*, 41, 625–631. DOI: 10.54097/400anp09
- Makarenya T., Kalinichenko A. Mannaa A., Petrenko S. (2024). Forecasting the development of the industrial complex: Southern Federal District. *International Journal on Smart Sensing and Intelligent Systems*, 17. DOI: 10.2478/ijssis-2024-0006
- Pobuda P. (2020). The digital twin of the economy: Proposed tool for policy design and evaluation. *Real-World Economics Review*, 94, 140–148. Available at: <http://www.paecon.net/PAEReview/issue94/Pobuda94.pdf>

- Portilla E., Carrillo A., Larrea P. (2025). Performance comparison of interpolation methods for precipitation data reconstruction: Kriging, polynomial interpolation, cubic splines, and neural networks. *International Journal of Environmental Sciences*, 11(7), 505–516. DOI: 10.64252/2m0vge06
- Ribeiro S.M., Castro C.L. (2022). Missing data in time series: A review of imputation methods and case study. *Learning and Nonlinear Models. Journal of the Brazilian Society on Computational Intelligence (SBIC)*, 20(1), 31–46. Available at: <https://sbic.org.br/lnlm/wp-content/uploads/2022/12/vol20-no1-art3.pdf>
- Rizki S.W., Didenko N.I. (2025). Analysis of economic development and economic interaction in ASEAN countries: ARDL model approach. *Journal of Applied Economic Research*, 24(3), 754–785. DOI: 10.15826/vestnik.2025.24.3.025
- Sahoo M., Mohanty S., Sahu P. (2025). Linkages between financial development and the growth dynamics of the manufacturing industry: Empirical evidence from India. *Journal of Economic and Administrative Sciences*, 1–22. DOI: 10.1108/JEAS-08-2024-0293.
- Serban A.C., Pelinescu E., Dospinescu A. (2021). Beta convergence analysis of gross value added in the high-technology manufacturing industries. *Technological and Economic Development of Economy*, 28, 1–23. DOI: 10.3846/tede.2021.15918
- Singh M., Fuenmayor E., Hinchy E.P. et al. (2021). Digital twin: Origin to future. *Applied System Innovation*, 4(2), 36. DOI: 10.3390/asi4020036
- Turan E., Konuskan K., Yildirim N. et al. (2022). Digital twin modelling for optimizing the material consumption: A case study on sustainability improvement of thermoforming process. *Sustainable Computing: Informatics and Systems*, 35, 100655. DOI: 10.1016/j.suscom.2022.100655
- Wang C., Peng X., Dixon J., Zhao C. (2025). Economic growth, industrial dynamics and industrial policy: The role of investment and production subsidies. *Economic Analysis and Policy*, 88(C), 1819–1837. DOI: 10.1016/j.eap.2025.11.007
- Warke V., Kumar S., Bongale A., Kotecha K. (2021). Sustainable development of smart manufacturing driven by the digital twin framework: A statistical analysis. *Sustainability*, 13(18), 10139. DOI: 10.3390/su131810139
- Zervas A., Thomakos D. (2026). The fiscal policy blend and its impact on sectoral growth: The case of Greece. *Economic Modelling*, 155(C), 107395. DOI: 10.1016/j.econmod.2025.107395

Сведения об авторах

Марина Юрьевна Малкина – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, заместитель директора, Институт экономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603140, г. Нижний Новгород, пр. Ленина, д. 27; e-mail: mmuri@yandex.ru)

Алексей Валерьевич Семенов – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой, Институт экономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603140, г. Нижний Новгород, пр. Ленина, д. 27; e-mail: semalval@mail.ru)

Ольга Владимировна Капитанова – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры, Институт экономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603140, г. Нижний Новгород, пр. Ленина, д. 27; e-mail: miovb@yandex.ru)

Дмитрий Юрьевич Рогачев – кандидат социологических наук, доцент кафедры, Институт экономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603140, г. Нижний Новгород, пр. Ленина, д. 27; e-mail: rogistyle@mail.ru)

Malkina M.Yu., Semenov A.V., Kapitanova O.V., Rogachev D.Yu.

Forecasting and Managing the Development of Regional Manufacturing Based on Econometric Modeling and Digital Interface

Abstract. The article focuses on modeling, forecasting, and scenario-based management of manufacturing output, using the Nizhny Novgorod Region as a case study. The relevance of the work stems from the need of government authorities and businesses for a reliable tool when making strategic decisions under conditions of economic uncertainty. The main objective is to construct econometric models that provide medium-term forecasts of industrial output shipments and to develop a digital calculator with a web interface for analyzing various scenarios of industrial sector development. The scientific novelty of the study is fourfold: (1) an extended Cobb – Douglas production function incorporating macro-level conditions is refined; (2) an approach to separately modeling the real and inflationary components of industrial output shipments is proposed and implemented; (3) a novel methodological technique for forecasting one price index (the producer price index, PPI) based on another (the consumer price index, CPI) is proposed and implemented; and (4) new approaches to scenario modeling of the regional economy that incorporate macro-forecasts are proposed and implemented. The study employs a wide range of time-series econometric methods, including ARIMAX and ARDL models, stationarity tests, residual diagnostics, and automated specification selection. The principal findings consist of two predictive ARDL models, which were integrated into the newly developed digital calculator with a user-friendly web interface. It is shown that real manufacturing output in the Nizhny Novgorod Region is influenced by the value of fixed assets in the “Manufacturing” type of economic activity, the permanent resident population, retail trade turnover, the monthly average consumer price index, and the price of Urals crude oil. Based on the constructed models, a digital calculator was developed – a flexible tool that enables users to promptly assess the consequences of changes in key macroeconomic parameters, compare alternative development scenarios, and produce analytically grounded forecasts of the region’s manufacturing development. This tool appears highly useful for government authorities and other users in planning and optimizing production processes.

Key words: manufacturing, volume of industrial output shipments, Nizhny Novgorod Region, ARDL model, ARIMAX model, digital calculator.

Information about the Authors

Marina Yu. Malkina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of department, deputy director, Institute of Economics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (27, Lenin Avenue, Nizhny Novgorod, 603140, Russian Federation; e-mail: mmuri@yandex.ru)

Aleksei V. Semenov – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, head of department, Institute of Economics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (27, Lenin Avenue, Nizhny Novgorod, 603140, Russian Federation; e-mail: semenov-av@iee.unn.ru)

Olga V. Kapitanova – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), associate professor of department, Institute of Economics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (27, Lenin Avenue, Nizhny Novgorod, 603140, Russian Federation; e-mail: mio6@yandex.ru)

Dmitry Yu. Rogachev – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor of department, Institute of Economics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (27, Lenin Avenue, Nizhny Novgorod, 603140, Russian Federation; e-mail: rogistyle@mail.ru)

Статья поступила 15.02.2026.

Границы благосостояния населения арктических регионов и муниципалитетов европейской части Российской Арктики

Александр Дмитриевич

ВОЛКОВ

Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: kov8vol@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0451-8483; ResearcherID: AAF-8665-2020

Аннотация. Территории Российской Арктики характеризуются выраженной дифференциацией социально-экономического развития. Существенны различия как в уровне жизни, доходах населения, так и в материальных издержках, связанных с осуществлением жизнедеятельности. Изучение человеческого капитала арктических территорий требует анализа совокупности указанных аспектов. Цель исследования – определение границ благосостояния населения регионов и муниципалитетов Российской Арктики. Дополнительной задачей является поисковый анализ пространственных зависимостей в распределении уровней дохода населения, рассчитанных в отношении к группам благосостояния. Объектом изучения выступают 5 регионов и 32 муниципалитета европейской части Российской Арктики. Источником данных послужили результаты социологических опросов населения, проведенных в 2023–2024 гг. на указанных территориях (n = 4871), а также серии экспертных интервью с представителями бизнеса, власти и некоммерческих организаций. Методологическую основу составили положения региональной и пространственной экономики, теории экономического поведения населения и уровня жизни. Методический инструментарий представлен совокупностью социологических и эконометрических методов работы с данными, пространственный анализ осуществлялся с применением программ Stata и GeoDa. В рамках исследования выявлена существенная дифференциация территорий как по структуре групп благосостояния населения, так и по значениям среднего дохода, соответствующих тому или иному уровню благосостояния. На основе принципов пространственного соседства му-

---

Для цитирования: Волков А.Д. (2026). Границы благосостояния населения арктических регионов и муниципалитетов европейской части Российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 121–138. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.6

For citation: Volkov A.D. (2026). The boundaries of population welfare in the Arctic regions and municipalities of the European part of the Russian Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 121–138. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.6

муниципалитетов и географической близости территорий рассчитаны локальные индексы Морана по всем группам благосостояния и определены пространственные зависимости в уровнях дохода, им соответствующих. Наиболее явные зависимости прослеживаются в группе населения со средним благосостоянием. Обоюдно низкий уровень дохода для достижения этого уровня благосостояния наблюдается среди прибалтийских территорий Республики Карелии, обоюдно высокий — для городского округа Мурманск, муниципальных округов Кольский, Мончегорск и Оленегорск. Соотношение низкого и высокого уровней дохода зафиксировано в Заполярном районе Ненецкого автономного округа и городском округе Нарьян-Мар, а также в муниципальном округе Инта и окружающих территориях.

Ключевые слова: Российская Арктика, арктические муниципалитеты, доходы населения, благосостояние населения, доходные группы, территориальная дифференциация, индекс Морана, пространственные зависимости.

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 23-78-10192 «Формирование этнометрического базиса институционального проектирования Российской Арктики: взаимовлияние культуры, экономического пространства и социального отбора в макросистемах» (<https://rscf.ru/project/23-78-10192/>).

Введение

Вопросы благосостояния населения и его пространственной дифференциации являются исключительно актуальными в условиях современных тенденций и вызовов развитию страны. Необходимость обеспечения управляемости экономики на фоне геополитической и макроэкономической турбулентности требует системного подхода к регулированию межтерриториальных соотношений уровней благосостояния населения. Эти соотношения являются одними из ключевых макроэкономических сигналов, обуславливающих миграцию и движение трудовых ресурсов, в более широком смысле — принятие решений экономическими субъектами (Минакир, Демьяненко, 2010). Указанные аспекты вдвойне актуальны для геостратегической территории — Арктической зоны России (АЗРФ), т. к. она испытывает дефицит трудовых ресурсов и значительный отток населения (Фаузер, Смирнов, 2020), что препятствует реализации положений Стратегии развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года¹. Специфика транспортной доступности арктических

территорий (Chen et al., 2025), повышенных издержек ведения хозяйственной деятельности, а также локального потребления и спроса (Скуфьина, Баранов, 2020) обуславливают территориальную дифференциацию цен на товары и услуги. В свою очередь локальные особенности экономики определяют уровень доходов проживающего здесь населения. Данные факторы формируют объективные предпосылки территориальной дифференциации благосостояния населения Российской Арктики и его границ: уровня доходов, достаточного для обеспечения расширенного воспроизводства человеческого капитала на одной территории, может быть недостаточно для реализации аналогичной модели воспроизводства в других территориальных условиях (Волков, 2025). Особый интерес представляет изучение аспектов благосостояния населения в контексте характеристик домохозяйств — количества членов семьи и общего дохода. В таком приближении актуальность предметного поля исследования определяется его соответствием приоритетным направлениям национальной политики, реализуемым в рамках национального проекта «Семья»² и Стратегии

¹ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033> (дата обращения: 20.12.2025).

² Национальный проект «Семья» // Минтруд России. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nasproekt_semya (дата обращения: 20.12.2025).

развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года. Целью представленного исследования является определение границ благосостояния населения регионов и муниципалитетов Российской Арктики (АЗРФ). В рамках работы мы оперируем данными о субъективных оценках респондентами доходов домохозяйств и благосостояния, выражающегося в возможности обеспечить потребности семьи в товарах и услугах. Объектом исследования выступают регионы европейской части АЗРФ, а также составляющие их муниципальные округа и районы.

Научная новизна работы обусловлена детализацией анализа аспектов благосостояния населения на муниципальном уровне, до настоящего времени не реализованном в масштабах макрорегиона европейской части Российской Арктики. Значимость исследования заключается в выявлении не только границ благосостояния населения регионов и муниципалитетов АЗРФ, но и пространственных зависимостей в распределении границ благосостояния на муниципальном уровне. Практическая значимость результатов определяется необходимостью оценки как исходных условий, так и тенденций реализации национального проекта «Семья» и Стратегии развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года.

Обзор литературы

В современном научном дискурсе существует несколько подходов к изучению и формализации явления благосостояния населения. Большинство исследователей сходятся в том, что данная категория объединяет в себе множество структурных составляющих, соответствующих сферам и способам реализации потребностей человека. М.В. Шляпина и Е.А. Третьякова выделяют четыре элемента благосостояния населения региона: экономический, социальный, экологический и институциональный (Шляпина, Третьякова, 2024). А.А. Шабунова и соавторы связывают понятие материального благосостояния населения с понятием уровня жизни, в рамках которого оно выступает ключевой составляющей и понимается как обеспеченность населения необходимыми для жизни материальными, социальными и культурными благами. Исследователи выделяют четыре подхода в рамках изучения благосостояния населения:

подход с точки зрения производства, подход с точки зрения потребления, подход «от доходов населения», подход с точки зрения стоимости жизни (Шабунова и др., 2014). При этом, как отмечают С.В. Дохолян и М.А. Вершинина, «наиболее важным фактором, воздействующим на благосостояние людей, являются доходы населения, которые определяют рост благосостояния граждан, оказывают прямое влияние на его уровень и определяют процесс потребления благ» (Александрова и др., 2024, с. 310). Зачастую в качестве обобщающей характеристики благосостояния принимается денежный доход на душу населения (Беляевский, 2016).

Большинство авторов при исследовании благосостояния населения и его пространственной дифференциации опираются на систему экономико-социологических показателей, представленных совокупностью статистических и авторских социологических данных, позволяющих объединить объективные и субъективные оценки благосостояния и доходов (Домнина, 2011; Карачурина и др., 2020; Третьякова и др., 2025). Субъективные оценки благосостояния позволяют связать стоимость благ на определенной территории с уровнем доходов населения и применяются наряду со статистическими показателями уровня цен, заменяя последние в случае ограниченности статистических данных. Как отмечают П.В. Белопашенцева и соавторы, «субъективная бедность представляет собой концепцию, вырастающую из проблематики субъективного социального благополучия» (Белопашенцева и др., 2024, с. 37). Авторами отмечается расхождение динамики и масштабов субъективной и объективной бедности по данным, полученным в рамках выборочных опросов, и данным статистики (Белопашенцева и др., 2024). Вопросам соотношения объективного и субъективного уровней благосостояния уделяется внимание и в ряде работ зарубежных исследователей (например, Posel, Rogan, 2016).

Решение проблемы отношения уровня доходов к локальному уровню цен и стоимости жизни при изучении территориальной дифференциации благосостояния и неравенства населения в ряде исследований опирается и на сугубо статистические данные (Бобков, Степанов, 2014; Бобков и др., 2024; Hussain et al., 2020; Argiris et al., 2025). Так, А.Е. Суриновым

и А.Б. Лупповым предложена методика пере-счета уровней номинальных доходов населения по территориальным паритетам покупательной способности рубля. Ими было установлено, что территориальная дифференциация стоимости жизни в значительной степени нивелирует разницу в номинальных доходах населения регионов России, а значения среднедушевых доходов домохозяйств, скорректированные на территориальные паритеты покупательной способности, демонстрируют более равномерное распределение в рамках макрорегионов, чем номинальные (Суринов, Луппов, 2021). К схожим выводам приходят зарубежные исследователи: ценовые различия в рамках пространственно дифференцированных социально-экономических систем приводят к завышенным оценкам существующего неравенства территорий по доходам населения (Janky, Šedivý, 2018).

Рассмотрению пространственных аспектов доходов и благосостояния населения посвящены работы (Найден, Бравок, 2023; Tan et al., 2021; Acosta, Nâkonsson, 2025). Заслуживает внимания исследование, где раскрываются механизмы, посредством которых пространственная структура морфологической полицентричности обуславливает субъективное благополучие населения (Li et al., 2025). Следует отметить, что большинство исследований реализованы на страновом или региональном уровне, в то время как анализ на муниципальном уровне представлен в сравнительно небольшом числе работ (Суринов, Луппов, 2022; Majchrowska, Strawiński, 2021; Mastronardi, Cavallo, 2020).

Для арктических регионов России изучение аспектов благосостояния населения, а также его территориальной дифференциации имеет критически важное значение в контексте существующей монопрофильности локальных экономик и возросших рисков для устойчивого функционирования предприятий в условиях санкций, а также возросшей необходимости аналитического обеспечения регулятивных новаций. Существующие исследования вносят значимый вклад в развитие рассматриваемого предметного поля (Самарина и др., 2024; Чапаргина, 2020). В то же время присутствуют ограничения. Как правило, существующие работы либо охватывают отдельные регионы Российской Арктики, либо характер используемых в анализе данных не позволяет осуществить дета-

лизацию исследования и итоговых выводов на уровне муниципалитетов. В значительной степени это связано с особенностями статистического учета. Данные о доходах, расходах и потреблении домашних хозяйств, собираемые Росстатом в рамках выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, представлены в региональном разрезе и отсутствуют в развернутом виде в муниципальном разрезе. Также они не позволяют связать уровень доходов в денежном выражении и субъективное благосостояние отдельных групп населения по территориям. Данные о доходах населения также представлены на региональном уровне и крайне фрагментарны на муниципальном, что не позволяет в полной мере рассмотреть территориальную дифференциацию с высокой степенью детализации. Однако именно такой подход необходим для Российской Арктики с ее выраженными пространственными различиями. В этом контексте представленное исследование восполняет существующий пробел в изучении благосостояния населения арктических регионов России, его доходных границах и их дифференциации на муниципальном уровне.

Методы и данные

Источником данных в представленном исследовании выступили результаты опроса населения арктических территорий европейской части России, административно относящихся к Республике Карелии, Мурманской области, Архангельской области, Ненецкому автономному округу и Республике Коми. Полевой этап проходил в период с августа 2023 по октябрь 2024 года. Анализировались данные для 32 муниципальных образований европейской части АЗРФ – муниципальных округов (МО), муниципальных районов (МР) и городских округов (ГО) (кроме ЗАТО Александровск, Видяево, Зарозёрск, Островной, Североморск). Применялся квотный тип формирования выборки. В разрезе регионов выборка распределена следующим образом: арктические территории Архангельской области, $n = 1145$ чел.; Мурманская область, $n = 1258$ чел.; арктические территории Республики Карелии, $n = 1042$ чел.; арктические территории Республики Коми, $n = 825$ чел., Ненецкий автономный округ (АО), $n = 601$ чел. В разрезе муниципалитетов дизайн исследования предполагает квотный тип формирования выборки. Квотные группы были сформированы

на основе данных муниципальной статистики о половозрастной структуре населения. Среднее отклонение структуры выборки от генеральной совокупности по половозрастным группам в целом составило в Мурманской области – 2,15%, в Архангельской области – 0,9%, в Республике Карелии – 1,5%, в Республике Коми – 0,4%, в Ненецком автономном округе – 0,7%; на уровне отдельных муниципалитетов не превышая 3,32, 2,9, 2,4, 1,5 и 1,1% соответственно.

В таблице 1 приведены основные характеристики выборки по полу, образованию и роду деятельности респондентов.

Респонденты отбирались случайным образом путем поквартирного обхода. Опрос проводился в форме прямого интервьюирования, в ряде случаев анкета оставлялась для самостоятельного заполнения респондентом (с сопутствующим инструктажем и контролем заполнения). Проведение социологического опроса реализовывалось силами самого исследовательского коллектива, на ряде территорий – совместно со специалистами Института экономических проблем имени Г.П. Лузина РАН,

Мурманского арктического университета, Северного арктического федерального университета, социологической службы «Общественное мнение Республики Коми».

В рамках применяемого социологического инструментария в анализе использовались следующие вопросы.

1. Для оценки уровня благосостояния населения применялся вопрос «Оцените, пожалуйста, жизненный уровень Вашей семьи». Шкала ответов представлена вариантами, распределенными от наименьшего уровня благосостояния к наибольшему:

«Денег не хватает даже на еду»;

«Денег хватает на еду, покупка одежды и оплата жилья затруднительны»;

«Денег хватает только на текущие потребности (питание, одежду, плату за жилье), но не на товары длительного пользования»;

«Денег хватает на текущие потребности, бытовую технику, но не на дорогостоящие покупки (квартира, автомобиль, дача)»;

«Денег хватает и на текущие нужды, и на дорогостоящие покупки».

Таблица 1. Основные характеристики выборки

Характеристики выборки		Кол-во человек	Доля от общего числа респондентов, %
Общий объем выборки		4871	100
Пол	Женщины	2530	51,94
	Мужчины	2341	48,06
Образование	Основное общее (школа) и ниже	534	10,96
	Начальное профессиональное	190	3,90
	Среднее профессиональное	1865	38,29
	Неоконченное высшее	240	4,93
	Высшее (специалист, бакалавр, магистр)	1963	40,30
	Послевузовское (аспирантура)	35	0,72
	Есть ученая степень	44	0,90
Род деятельности	Работаю по найму в бюджетной организации	1505	30,90
	Государственный/муниципальный служащий	594	12,19
	Военнослужащий	70	1,44
	Работаю по найму на частном предприятии	1124	23,08
	Индивидуальный предприниматель, работаю сам(-а) на себя	198	4,06
	Являюсь общественным деятелем	13	0,27
	Перебиваюсь временными заработками	59	1,21
	Временно не работаю, но активно ищу работу	88	1,81
	Обучающийся, студент	364	7,47
	Нахожусь на пенсии	718	14,74
	Нахожусь в отпуске по уходу за ребенком	40	0,82
	Веду домашнее хозяйство	43	0,88
	Нет ответа	55	1,13

Источник: рассчитано автором на основе данных полевого исследования.

В соответствии с ответами респондентов были выделены пять групп благосостояния респондентов (группа 1 – группа 5).

2. Для оценки уровня доходов домохозяйства респондентов применялся вопрос «Каков примерный совокупный доход Вашей семьи в месяц? (Учтите, пожалуйста, все источники дохода – доходы от бизнеса, ренту, зарплату, пенсии, пособия – всех членов семьи, с которыми вы проживаете), тыс. руб.» с открытым ответом.

3. Для расчета значения средних доходов на одного члена семьи применялся вопрос «Число совместно проживающих с Вами членов семьи (включая Вас)» с открытым ответом.

Показатель среднего дохода на одного члена домохозяйства (в данном исследовании понятия «член семьи» и «член домохозяйства» применяются как синонимичные) рассчитывался в разрезе групп благосостояния. Это позволяет оценить границы благосостояния, выраженно в размере дохода, а также корректно представить территориальные различия в их распределении.

Анализ пространственных зависимостей опирался на теоретические положения пространственного анализа, согласно которым интенсивность взаимодействия и связей между близко расположенными объектами является более выраженной, нежели между объектами, более отдаленными друг от друга (Tobler, 1970). Однако, принимая во внимание критическую значимость инфраструктурного фактора в условиях разреженного экономического пространства Арктики, оценка влияния пространственной близости без учета транспортной связности территориальных объектов представляется неполной. В связи с этим в рамках анализа пространственных зависимостей реализованы два подхода:

– на основе соседства территорий, определяемого по критерию наличия у территориальных объектов общих границ (реализуется через матрицу $n \times n$ территорий, где для объектов, имеющих общую границу, $n = 1$, а для объектов, не имеющих ее, $n = 0$); в рамках данного подхода построена соответствующая матрица по рассматриваемым 32 муниципальным образованиям европейской части АЗРФ;

– на основе учета географической связности муниципальных образований составлена матрица обратных расстояний между географическими центрами, рассчитываемых по центроиду полигона, представленного территорией муниципалитета. Информационную основу составили данные картографической основы. Значение обратных расстояний рассчитано по формуле (1):

$$D_{inv} = 1/dist, \quad (1)$$

где $dist$ – расстояние между центроидами территорий i и j по географическому расстоянию, км.

Поиск пространственных зависимостей в распределении среднего дохода домохозяйства на одного члена семьи по группам благосостояния осуществлялся с использованием локальных индексов Морана, отражающих частные (для отдельных муниципалитетов) зависимости. Выделялся уровень значимости связей и их тип. При проведении технических расчетов и визуализации их результатов применялись программные пакеты Stata и GeoDa.

Результаты

Территориальная дифференциация границ благосостояния населения европейской части Российской Арктики на региональном уровне

Рассмотрение территориальной дифференциации границ благосостояния населения в арктических муниципалитетах европейской части АЗРФ следует предварить анализом общей картины на уровне макрорегиона. Как следует из *рисунка 1*, наибольшую долю среди населения пяти рассматриваемых регионов составляет группа, которая характеризуется достатком денежных средств на текущие потребности, бытовую технику, но не на дорогостоящие покупки (квартира, автомобиль, дача) – группа 4 (45,7%). Второй по распространенности является группа 3, характеризующаяся уровнем благосостояния, позволяющим удовлетворять только текущие потребности (36,5%). Группы населения, представляющие полюс бедности (группа 1 и группа 2) по доле среди населения (в сумме 11,7%) практически вдвое превышают долю, приходящуюся на полюс высокого достатка (6,1%).

Рис. 1. Распределение домохозяйств исследованных регионов по уровню благосостояния (в целом по пяти регионам), %

Источник: составлено автором.

Схожее распределение наблюдается и на уровне регионов. Группа 1, характеризующаяся нехваткой денег даже на еду и соответствующая уровню нищеты, характеризуется наибольшими значениями среди регионов на арктических территориях Республики Карелии и Архангельской области (1,7 и 1,9% соответственно). Наименьшую долю среди регионов она составляет на арктических территориях Республики Коми (АЗ Республики Коми; 0,6%). Доля населения с высоким достатком варьируется от 5,1% в АЗ Республики Коми до 7,4% в

Ненецком АО. Обращает на себя внимание относительно низкая доля населения Ненецкого АО, относимого к группе 4 (рис. 2).

Сопоставление с данными выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата (табл. 2) выявило схожесть общих соотношений, однако социологическое исследование показало значительно большую представленность домохозяйств, относимых к группе 2, характеризующейся в обоих источниках данных наличием у домохозяйства денег на еду, но затруднениями с оплатой других товаров и услуг.

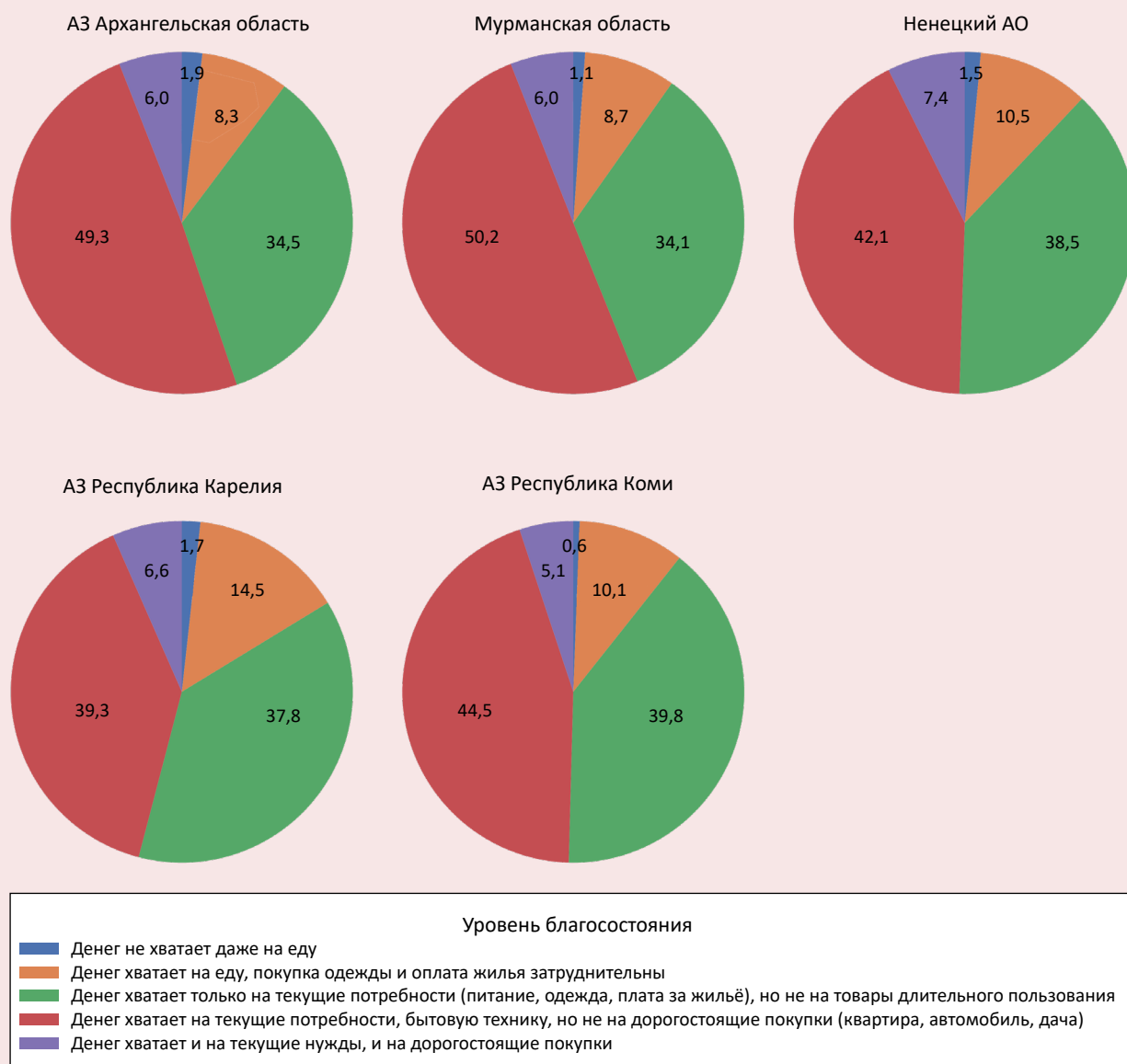
Таблица 2. Распределение домохозяйств исследованных регионов по уровню благосостояния по данным Росстата (в разрезе пяти регионов), %

Регион	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5
Мурманская область	0	2,5	34,2	54	9,3
Ненецкий автономный округ	0	1,4	37,3	40,4	20,9
Республика Карелия	0,3	7,7	45,9	38,9	7,2
Архангельская область без Ненецкого автономного округа	0,1	12,9	37	46,6	3,4
Республика Коми	0,1	9,6	35,7	44,3	10,3

Примечание. Группа 1 – не хватает денег даже на еду; группа 2 – денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно; группа 3 – денег хватает на еду и одежду, но не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования; группа 4 – денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи; группа 5 – средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Рис. 2. Распределение домохозяйств исследованных регионов по уровню благосостояния по данным социологического исследования (в разрезе пяти регионов), %

Источник: составлено автором.

Рассмотрение соответствия между средним уровнем дохода домохозяйства и уровнем благосостояния по данным социологического исследования в разрезе регионов свидетельствует, что наименьшей территориальной дифференциацией в рамках этого показателя характеризуется группа 1 (от 47,5 тыс. руб. в АЗ Республики Коми до 55,4 тыс. руб. в Ненецком АО), а наибольшей – группа 5 (от 163,6 тыс. руб. в

АЗ Архангельской области до 261,9 тыс. руб. в Ненецком АО). При этом в группе 5 выделяется именно Ненецкий АО, тогда как значения среднего дохода домохозяйства в остальных четырех регионах находятся в интервале 163,6–178,1 тыс. руб. Наименьшим средним доходом домохозяйств по населению в целом характеризуется АЗ Республики Карелии, где он составляет 89,2 тыс. руб. (в других регионах – в пределах 103,7–

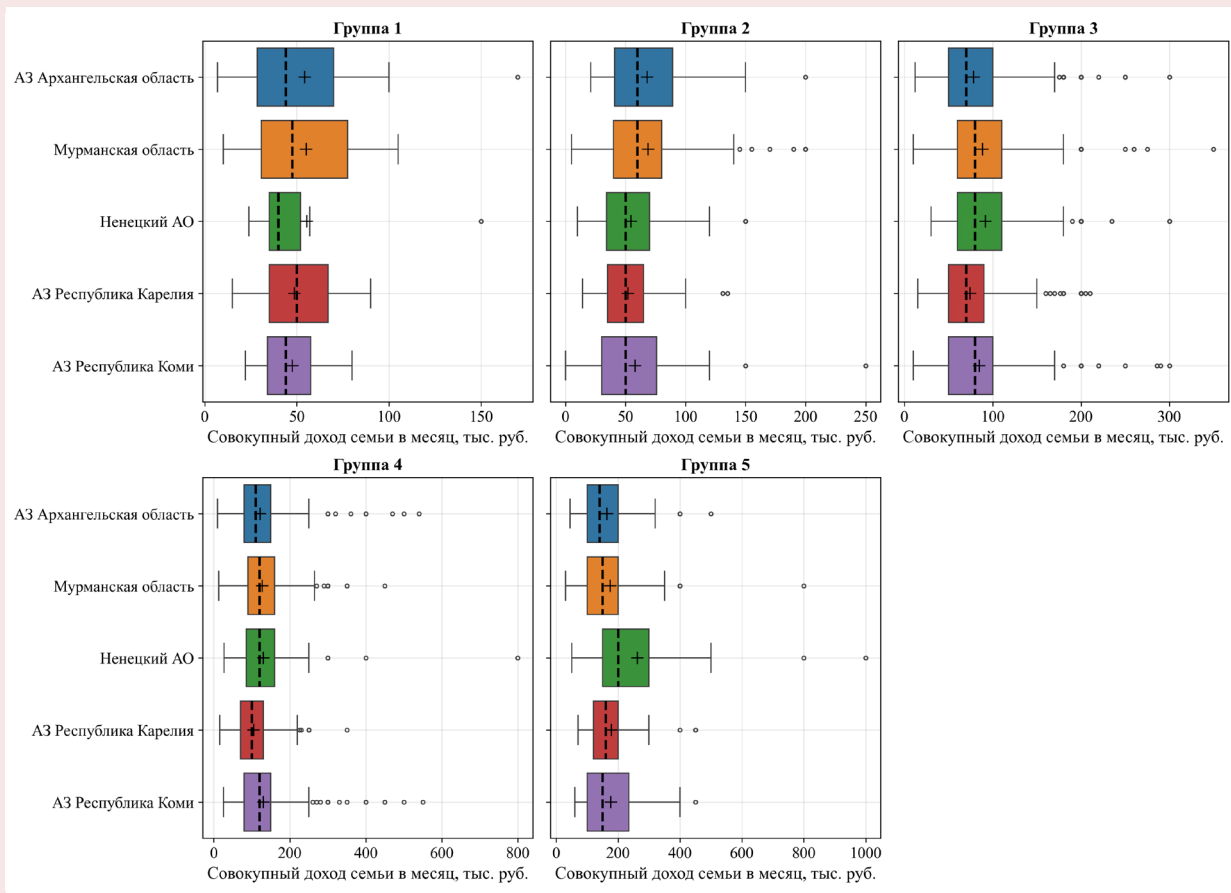
114,8 тыс. руб.). Это связано в первую очередь со значительным отставанием региональной группы 4 от средних значений показателя по макрорегиону (рис. 3).

Более точные оценки могут быть даны при учете доходов на одного члена домохозяйства. Здесь мы видим более выраженное отставание АЗ Республики Карелии в большинстве групп, а также некоторое «сглаживание» лидерства Ненецкого АО, наиболее явно проявляющееся только в группе 5 (80,6 тыс. руб. на чел. при среднем значении по макрорегиону 59,7 тыс. руб. на чел.). При рассмотрении региональных распределений средних значений показателя по населению в целом заметно значительное отставание АЗ Республики Карелии (31,6 тыс. руб. на чел.) и слабо выраженное лидерство АЗ Республики Коми (41,8 тыс. руб. на чел.). В то

время как значения показателя по Мурманской области (38,0), АЗ Архангельской области (38,6) и Ненецкому АО (39,3) демонстрируют меньшую дифференциацию (рис. 4).

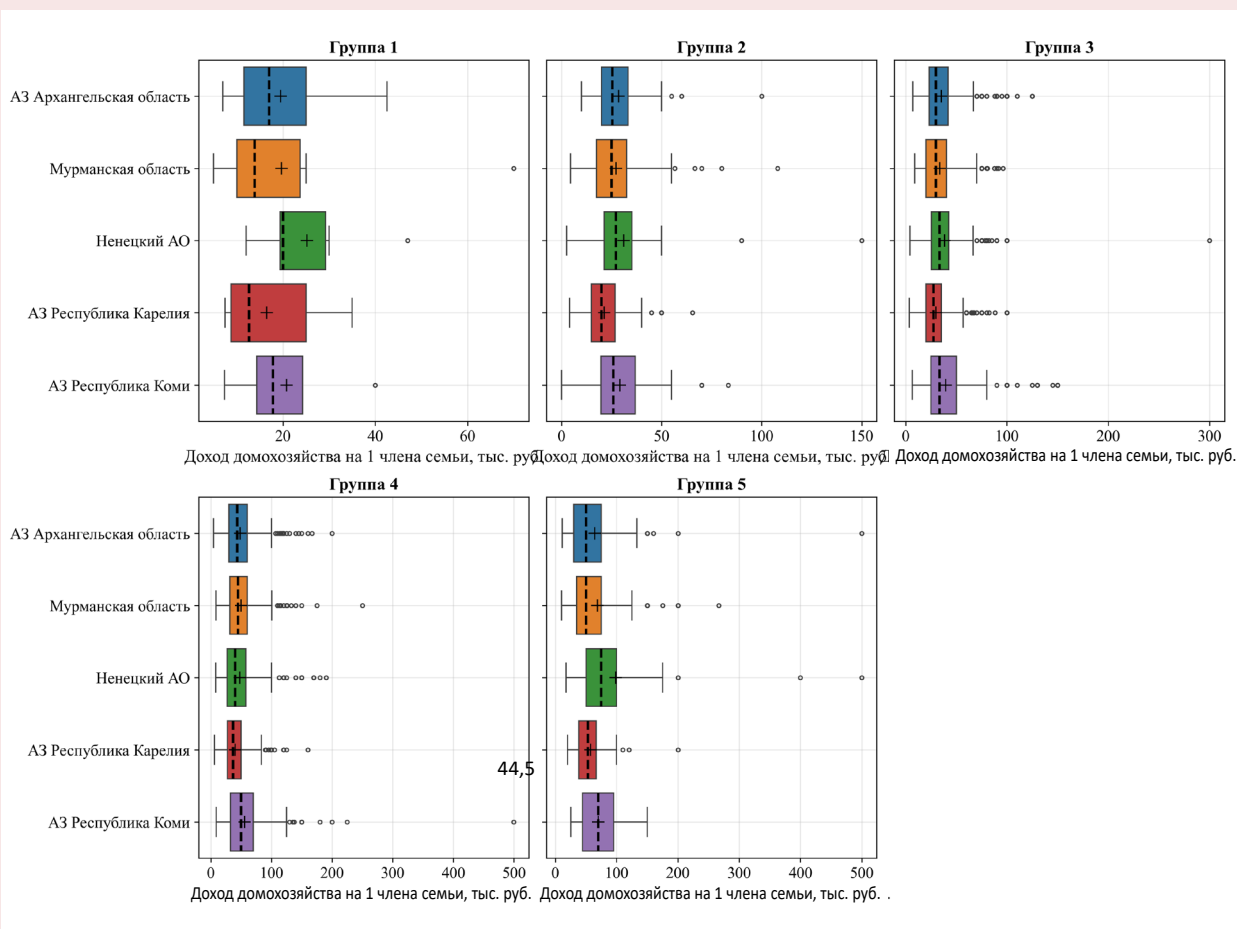
Интерес представляет и сопоставление полученных результатов с данными статистики, хотя оно может быть представлено в ограниченном виде. Росстат ведет учет данных в рамках выборочных обследований домашних хозяйств только в региональном разрезе, что не позволяет делать выводы об арктических территориях регионов, входящих в состав АЗРФ частично. Корректное сопоставление возможно только для Мурманской области и Ненецкого автономного округа (табл. 3). Более того, в официальной статистике представлена информация только по населению в целом, без разбивки по группам, соответствующим уровням благосостояния.

Рис. 3. Аспекты соотношений между уровнем благосостояния и совокупным доходом в рамках домохозяйств в разрезе регионов

Источник: составлено автором.

Рис. 4. Аспекты соотношений между уровнем благосостояния и совокупным доходом на одного члена домохозяйства в разрезе регионов

Источник: составлено автором.

Таблица 3. Сопоставление значений доходов на одного члена домохозяйства по данным статистики и социологического исследования

Регион	Располагаемые ресурсы (в среднем на члена домохозяйства в месяц, рублей), IV квартал 2024 г., по регионам в целом, данные Росстата	Доходы на одного члена домохозяйства, по арктическим территориям, данные авторского исследования
Мурманская область	71,2	38,0
Ненецкий АО	52,0	39,3
Республика Карелия	63,8	31,6
Архангельская область (без НАО)	46,6	38,6
Республика Коми	54,1	41,8

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата и полевого исследования.

Сопоставление показывает, что значения официальной статистики и данных полевого исследования существенно различаются. Отчасти это может быть связано с различием методик расчета показателей располагаемых ресурсов и доходов на одного члена домохозяйства. При этом данные официальной статистики вызывают множество вопросов. Например, мы видим, что значение показателя располагаемых ресурсов (в среднем на члена домохозяйства в месяц, руб.) по Республике Карелии за IV квартал 2023 года составляет 41,5 тыс. руб., а за IV квартал 2024 года — уже 63,8 тыс. руб., увеличившись более чем в 1,5 раза за один год. В то время как в соседней Архангельской области (без Ненецкого АО) значение показателя за IV квартал 2023 года составляет 55,3 тыс. руб., а за IV квартал 2024 года — уже 46,6 тыс. руб., снизившись на 15,7%. Объяснение такой разнонаправленной динамики в соседних регионах, а также темпов роста в разрезе отдельных регионов, представленных в официальной статистике, для нас, как исследователей, затруднительно и, вероятно, связано с методикой проведения обследований Росстатом. Следует отметить, что полученные в рамках социологического исследования данные о доходах на одного члена домохозяйства лучше согласуются с данными о распределении домохозяйств регионов по уровню благосостояния, представленными на рисунке 2 и в таблице 2. Показательно в этом отношении сопоставление авторских и статистических данных по двум регионам, полностью входящим в АЗРФ — Мурманской области и Ненецкому АО.

Территориальная дифференциация границ благосостояния населения европейской части Российской Арктики на муниципальном уровне

Сопоставление уровней доходов в разрезе групп благосостояния предполагает имманентный учет уровня цен на товары и услуги и издержек осуществления жизнедеятельности на территориях. Иными словами, мы отвечаем на вопрос «какой уровень доходов на одного члена семьи в среднем необходим для поддержания определенного уровня ее благосостояния на той или иной территории?». Анализ данных муниципального уровня позволяет говорить о нали-

чие достаточно выраженной межмуниципальной дифференциации доходов домохозяйств в расчете на одного члена семьи, что отражается в средних значениях показателя по всему населению в разрезе муниципальных образований (табл. 4). Наблюдается разрыв в значениях показателя между деиндустриализованной периферией и промышленными и административными центрами (в 1,1–2,0 раза). В то же время мы видим ряд исключений. Например, значение показателя среднего дохода домохозяйства в расчете на одного члена семьи в МО Сегежский находится на достаточно низком уровне, несмотря на наличие успешно функционирующего промышленного предприятия в административном центре округа.

Границы благосостояния населения муниципальных районов и округов также демонстрируют дифференциацию как в рамках всего рассматриваемого макрорегиона европейской части АЗРФ, так и в рамках экономического пространства отдельных регионов. Большинство наблюдений демонстрирует поступательное и монотонное увеличение значений показателя при переходе от наименее обеспеченных к наиболее обеспеченным группам населения. В то же время в ряде периферийных муниципалитетов наблюдается снижение значения показателя при переходе от группы 4 к группе 5 (Онежский МО, Пинежский МО, Терский МО, Калевальский МР), что также характерно для отдельных промышленных моногородов (Ковдорский МО, МО Оленегорск). Мы связываем это явление с тремя аспектами. Во-первых, на глубоко периферийных и деиндустриализованных территориях подсобные хозяйства являются значительным источником повышения благосостояния местного населения, позволяя направлять денежные доходы на приобретение относительно более дорогостоящего имущества. Во-вторых, стоимость дорогостоящего имущества (квартир, домов, автомобилей) в них также является относительно более низкой по сравнению с промышленными и административными центрами. Например, в МО Инта стоимость благоустроенной квартиры одна из самых низких в стране: предложения о продаже квартир начинались от 70 тыс. руб. на момент проведения исследования.

Таблица 4. Соответствие средних доходов на одного члена семьи и уровня субъективного благосостояния населения по отдельным муниципалитетам, тыс. руб.

Муниципалитет	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Группа 5	Итого
Мурманская область						
МО Апатиты	8,3	26,3	35,1	43,3	50,0	39,0
Кандалакшский МО	–	24,6	28,6	37,4	40,0	32,9
МО Кировск	–	22,3	28,8	52,2	57,1	40,7
Ковдорский МО	5,0	12,9	34,0	48,9	41,1	39,0
Кольский МО	–	21,3	29,1	45,2	150,0	40,2
Ловозерский МО	15,8	18,4	24,6	36,8	78,0	27,4
МО Мончегорск	21,0	26,9	31,9	52,0	75,6	42,6
ГО Мурманск	23,6	25,5	31,6	47,3	85,5	43,1
МО Оленегорск	–	16,0	33,9	46,7	42,1	39,5
Печенгский МО	–	31,2	28,6	36,7	43,1	34,3
МО Полярные Зори	13,1	38,2	28,2	51,2	86,2	41,4
Терский МО	10,0	17,6	22,7	29,0	23,3	25,1
АЗ Республики Карелии						
Беломорский МО	23,0	25,2	31,9	34,5	48,2	33,3
Калевальский МР	–	18,4	23,1	28,6	25,8	23,7
Кемский МО	8,7	18,9	27,5	38,4	48,2	31,9
Костомукшский МО	10,0	18,9	31,4	45,1	66,7	41,8
Лоухский МР	8,3	19,1	24,0	32,5	43,0	27,3
Сегежский МО	16,7	17,1	24,9	30,7	48,3	26,0
АЗ Архангельской области						
ГО Архангельск	13,8	28,9	36,2	48,1	71,3	44,1
Лешуконский МО	–	20,0	23,0	39,1	56,0	33,5
Мезенский МО	35,0	36,0	23,0	38,0	43,9	33,1
ГО Новодвинск	25,0	25,0	32,3	42,3	69,5	35,9
Онежский МО	18,5	25,0	26,4	37,8	31,2	32,5
Пинежский МО	14,1	18,2	26,1	38,5	22,3	28,4
Приморский МО	18,0	31,1	21,6	34,4	62,0	33,2
МО Северодвинск	31,7	31,1	38,8	50,1	78,0	46,9
Ненецкий автономный округ						
Заполяный МР	19,4	22,9	29,0	36,0	55,8	32,8
ГО Нарьян-Мар	38,5	30,5	37,8	43,4	93,5	45,2
АЗ Республики Коми						
МО Воркута	40,0	27,6	37,6	52,1	78,0	45,6
МО Инта	7,3	27,8	29,4	33,7	37,3	30,9
МО Усинск	17,6	26,9	38,7	57,0	67,9	46,9
Усть-Цилемский МО МР	–	20,8	30,0	34,0	50,0	33,3
Общий итог	17,0	23,2	31,0	42,8	59,7	37,4
Источник: рассчитано автором на основе данных полевого исследования.						

В-третьих, поскольку численность респондентов в группах с наименьшим и наибольшим достатком относительно невелика на уровне муниципалитетов, в ряде случаев можно предполагать более выраженное влияние индивидуальных особенностей опрошенных – например, многодетность семей или, наоборот, индивидуальное проживание. Для многодетных семей на значение показателя влияют снижение удель-

ных базовых затрат на одного члена семьи и одновременно относительно более низкие итоговые значения показателей дохода на одного члена семьи, получаемые в результате расчета. Последнее справедливо и для промышленных моногородов – результаты экспедиций фиксируют относительную распространенность многодетных семей с высоким достатком в указанных населенных пунктах.

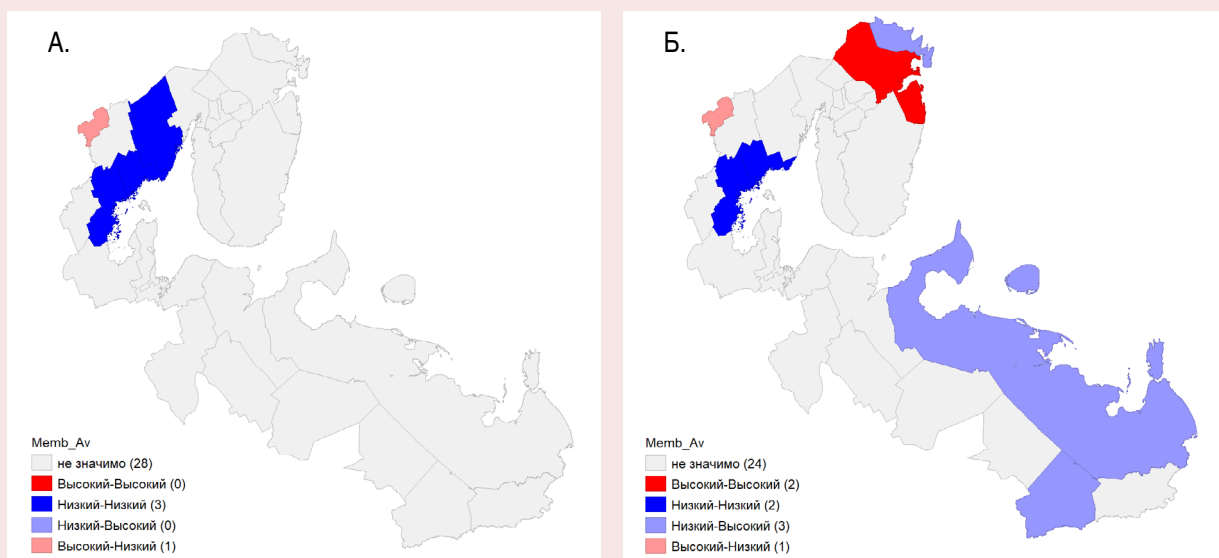
Наибольшая территориальная дифференциация значений показателя наблюдается в группе 5 с высоким уровнем благосостояния – различия достигают 6,7 раза. При этом наиболее обоснованные выводы можно сделать по группам 2, 3 и 4 ввиду многочисленности составляющих их индивидов. Территориальные отличия среднего дохода домохозяйства в расчете на одного члена семьи по группе 2 составляют до трех раз, значения колеблются в пределах от 12,9 тыс. руб. на чел. (Ковдорский МО) до 38,2 тыс. руб. на чел. (МО Полярные Зори) при среднем значении среди муниципалитетов 23,2 тыс. руб. на чел. При рассмотрении группы 3 видим менее выраженную дифференциацию: территориальные значения находятся в диапазоне от 22,7 тыс. руб. на чел. (Терский МР) до 38,8 тыс. руб. на чел. (МО Северодвинск) при среднем значении 31,0 тыс. руб. на чел. Для группы 4 со средним уровнем достатка характерна чуть более выраженная дифференциация, чем для группы 3. Дифференциация значений достигает двух раз, значения колеблются от 28,6 тыс. руб. на чел. (Калевальский МР) до 57,0 тыс. руб. на чел. (МО Усинск) при среднем значении среди муниципалитетов 42,8 тыс. руб. на чел.

Пространственные зависимости в распределении границ благосостояния на муниципальном уровне

Исследование наличия пространственных зависимостей составляет поисковую часть представленной работы. Анализ осуществлялся как по общему среднему значению дохода домохозяйства на одного члена семьи, так и в разрезе каждой из пяти групп благосостояния. На *рисунке 5* отражены пространственные зависимости по первому из указанных аспектов, представляющие собой визуализацию распределения локальных индексов Морана для территорий европейской части АЗРФ с выделением уровня значимости связи и её типа.

Наиболее явные зависимости проявляются при обоих подходах и наблюдаются на прибалтийских территориях Арктической Карелии, характеризующихся стагнацией в социально-экономической сфере, а также находящихся в одних административных условиях. Региональный полюс социально-экономического развития Костомукшский МО, несмотря на социально-экономические потрясения последних лет и закрытие ряда предприятий среднего бизнеса, характеризуется сравнительно высоким

Рис. 5. Пространственные эффекты, обусловленные:
 А. соседством территорий, средний уровень дохода на одного члена семьи;
 Б. географической близостью территорий, средний уровень дохода на одного члена семьи, среднее значение показателя по территориям

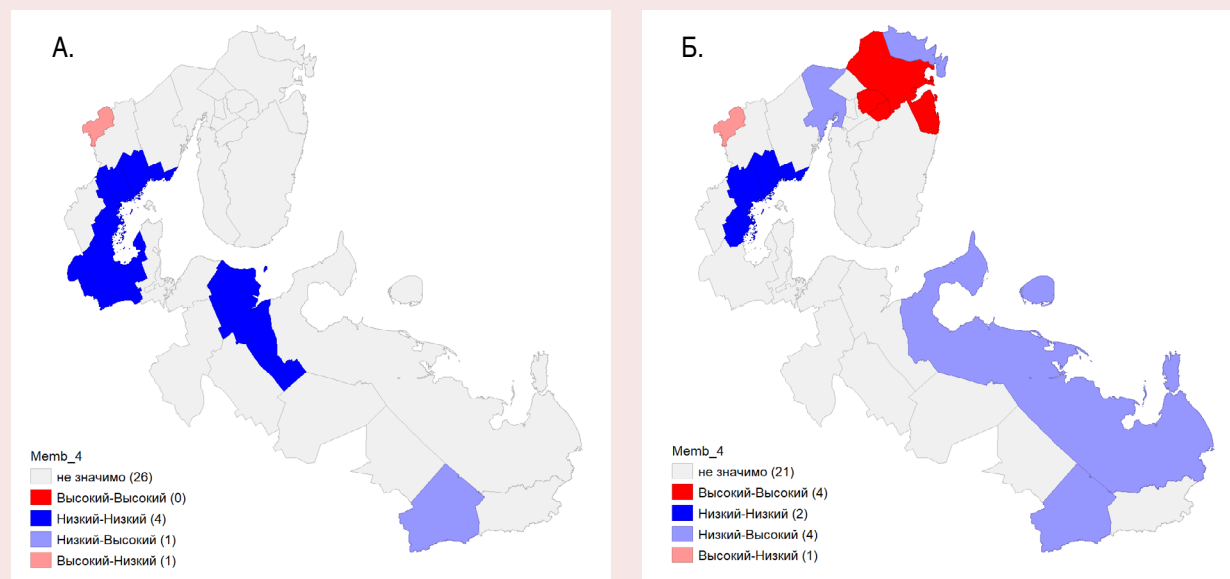
Источник: составлено автором.

уровнем значений показателя, что обусловлено устойчивым функционированием градообразующего предприятия АО «Карельский окатыш». Учет географической близости позволил выявить более широкий круг зависимостей. В дополнение к уже упоминавшимся можно отметить соотношение высоких значений показателя на территориях ГО Мурманск и Кольского района, которое мы связываем в первую очередь с близостью административных и экономических центров и реализацией их населением модели маятниковой миграции. Данные факторы способствуют территориальному распределению мультипликативного эффекта в рамках более общих агломерационных эффектов. Схожие проявления видны на примере ГО Нарьян-Мар и Заполярного района НАО, связь между которыми, однако, характеризуется другим типом зависимости. Это обусловлено более существенным разрывом между экономическим развитием указанных территорий: несмотря на то что основные производственные объекты расположены на территории Заполярного района, юридическая регистрация предприятий осуществляется, как правило, в ГО Нарьян-Мар или за пределами региона.

Рассмотрение зависимостей в рамках групп благосостояния также позволило выявить ряд зависимостей. Наиболее четко они заметны на примере группы 4 (рис. 6).

Как и при рассмотрении предыдущего показателя, в рамках анализа среднего дохода на одного члена семьи по группе 4 учет географической близости позволил выявить большее число пространственных зависимостей. Обращает на себя внимание схожесть рисунков 5 и 6. Она говорит о том, что распределение уровней средних доходов в определенной степени коррелирует с распределением и пространственными зависимостями между территориальными значениями дохода, позволяющими поддерживать определенный уровень благосостояния (в данном случае средний и выше среднего). Здесь, как и ранее, следует отметить связь и взаимовлияние Заполярного района и ГО Нарьян-Мар — административный центр района пос. Искателей локализован в непосредственной близости от ГО Нарьян-Мар и значительная часть населения реализует модель маятниковой миграции. При этом удовлетворение спроса на товары и услуги, медицинское обслуживание жителей наиболее населенных поселков и

Рис. 6. Пространственные эффекты, обусловленные:
 А. соседством территорий, средний уровень дохода на одного члена семьи;
 Б. географической близостью территорий, средний уровень дохода на одного члена семьи в группе 4

Источник: составлено автором.

сел Заполярного района НАО, локализованных вблизи административного центра (пос. Искателей, с. Красное, с. Тельвиска и др.), также осуществляется в ГО Нарьян-Мар. При этом, как показали результаты интервью с представителями власти и бизнеса Ненецкого автономного округа, имеет место выраженное на локальном уровне распределение мультипликативного эффекта между указанными поселениями, имеющее «арктическую» специфику и обусловленное не только бизнес-процессами, но и перераспределением финансовых потоков в результате дотаций и субсидий для субъектов хозяйственной деятельности.

Установленная статистическая связь между МО Инта и окружающими территориями обусловлена в большей степени не хозяйственными связями территорий или перетоком ресурсов, а устойчиво депрессивным положением МО Инта. Данный муниципалитет испытывает значительные проблемы экономического развития ввиду закрытия градообразующего предприятия по добычи угля, на пике своей деятельности обеспечивавшего работой порядка 12 тысяч жителей городского округа. Пришедший на территорию инвестор в лице ООО «Завод карбидов и ферросплавов» на момент проведения исследования обеспечивал занятость порядка 70 человек. Ситуация усугубляется фактическим отсутствием автомобильного сообщения МО Инта с другими населенными пунктами.

Соотношение высоких значений показателя между ГО Мурманск и Кольским МО дополняется для группы 4 аналогичными соотношениями с МО Мончегорск и МО Оленегорск. На наш взгляд, это говорит не только о сопоставимом уровне доходов в данных промышленных центрах, но и о формировании общего потребительского рынка, связанного с географической близостью и транспортной связностью указанных территорий.

Заключение

В результате анализа можно сделать несколько резюмирующих заключений. Во-первых, анализ данных муниципального уровня позволяет говорить о наличии достаточно выраженной межмуниципальной дифференциации доходов домохозяйств в расчете на одного члена семьи. Наблюдается разрыв в значениях показателя

между деиндустриализованной периферией и промышленными и административными центрами, достигающий двух раз.

Во-вторых, границы благосостояния населения муниципальных районов и округов также демонстрируют дифференциацию как в рамках всего рассматриваемого макрорегиона европейской части АЗРФ, так и в рамках экономического пространства отдельных регионов. Большинство наблюдений демонстрирует поступательное и монотонное увеличение значений показателя среднего дохода домохозяйства в расчете на одного члена семьи при переходе от наименее обеспеченных к наиболее обеспеченным группам населения. При этом наибольшая территориальная дифференциация значений показателя наблюдается в группе с высоким уровнем благосостояния. Для наиболее многочисленных групп, представленных домохозяйствами со средним достатком и смежными группами дифференциация значений дохода составляет от полутора до трех раз.

Опираясь на опыт пребывания и личного интервьюирования респондентов, можно отметить, что указанные различия в границах благосостояния обусловлены в первую очередь:

– дифференциацией общего уровня цен (например, в МО Воркута стоимость товаров объективно выше ввиду отсутствия автомобильного сообщения и трудностей доставки железнодорожным транспортом; постепенное сокращение списка дотируемых в рамках программы «Северного завоза» товаров приводит к общему росту цен на глубоко периферийных территориях Заполярного района Ненецкого автономного округа и т. д.);

– уровнем цен на отдельные группы товаров (в частности, в МО Инта, а также на периферийных территориях стоимость жилья является относительно низкой, как и часть базовых затрат (например, транспортные расходы на внутритерриториальные перемещения), что способствует самоопределению респондентов в сторону групп с более высоким уровнем благосостояния);

– распространенность подсобных хозяйств на ряде территорий с относительно более мягким климатом (на глубоко периферийных и деиндустриализованных территориях подсобные хозяйства являются значительным источником

повышения благосостояния местного населения, позволяя направлять денежные доходы на приобретение относительно более дорогостоящего имущества).

Наиболее явные пространственные зависимости прослеживаются в группе со средним благосостоянием. Обоюдно низкий уровень дохода для достижения этого уровня благосостояния наблюдаются среди прибалтийских территорий Республики Карелии, а обоюдно высокий – для ГО Мурманск, Кольского МО, МО Мончегорск и МО Оленегорск. Соотношение низкого и высокого уровней дохода для достижения среднего уровня благосостояния наблюдается в Заполярном районе Ненецкого АО и ГО Нарьян-Мар, а также в МО Инта и окружающих территориях.

В целом следует отметить, что полученные в рамках исследования результаты существенно дополняют и уточняют статистическую информацию о доходах на одного члена домохозяйства на региональном уровне, еще более значительным является приращение информации на муниципальном уровне.

Практическое значение исследования связано с формированием аналитических основ более корректного применения показателей до-

хода в рамках сопоставления уровня жизни населения арктических территорий, а также совершенствования мониторинга реализации национального проекта «Семья» и Стратегии развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года. В частности, наработки будут полезны в рамках обоснования территориальной спецификации мер материальной поддержки многодетных семей, деторождения и достижения одного из основных показателей национального проекта «Семья» к 2030 году – снижения уровня бедности. Дальнейший перспективный анализ пространственных зависимостей позволит выявить спектр значимых закономерностей развития региональных экономик, связанных как с действием одних или схожих территориальных факторов, административных условий, так и аспектов взаимовлияния муниципальных образований.

Перспективой дальнейших исследований является определение интервалов значений дохода, соответствующих локальным уровням благосостояния, а также расчет пространственных зависимостей с учетом транспортной связности административных центров исследуемых территорий.

Литература

- Александрова О.А., Алексеева О.А., Аликуперова Н.В. [и др.] (2024). Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания. Москва: ФНИСЦ РАН. 351 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-433-8.2024
- Белопашенцева П.В., Слободенюк Е.Д., Мареева С.В. (2024). Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. Т. 15. № 4. С. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3
- Беляевский И.К. (2016). Показатели денежных доходов и расходов в изучении уровня и качества жизни населения России // Вопросы статистики. № 2. С. 57–70.
- Бобков В.Н., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. (2024). Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 55–73. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.3
- Бобков В.Н., Степанов В.С. (2014). Модель «благосостояние» для оценки и прогноза качества и уровня жизни населения региона // Уровень жизни населения регионов России. № 1 (191). С. 104–110.
- Волков А.Д. (2025). Границы благосостояния населения арктических регионов: территориальная дифференциация и пространственные зависимости // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы X Международной научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, 24–28 марта. Вологда: ВолНЦ РАН. С. 10–14.
- Домнина С.В. (2011). Методика построения и анализа интегрального индекса благосостояния для межрегиональных сравнений // Регион: экономика и социология. № 3. С. 70–77.
- Карачурина Г.Г., Садыков Р.М., Халикова Э.К. (2020). Оценка социально-экономического благосостояния населения российского региона // Региональная экономика: теория и практика. Т. 18. № 10 (481). С. 1910–1925. DOI: 10.24891/re.18.10.1910

- Минакир П.А., Демьяненко А.Н. (2010). Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // *Экономическая наука современной России*. № 3 (50). С. 7–26.
- Найден С.Н., Бравок П.С. (2023). Благополучие населения Дальневосточного федерального округа: I кв. 2019 г. – II кв. 2023 г. // *Регионалистика*. Т. 10. № 5. С. 134–147. DOI: 10.14530/reg.2023.5.134
- Самарина В.П., Скуфьина Т.П., Яковчук А.А. [и др.] (2024). Качество жизни населения арктического старопромышленного региона: субъективно воспринимаемое и объективно статистически определенное // *Уголь*. № 3 (1178). С. 59–65. DOI: 10.18796/0041-5790-2024-3-59-65
- Скуфьина Т.П., Баранов С.В. (2020). Специфика потребления населения: след жителей Арктики в больших данных Сбербанка // *Проблемы развития территории*. № 6 (110). С. 21–34. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.2
- Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2021). Влияние региональных различий в стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам // *Экономика региона*. Т. 17. № 3. С. 814–827. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-7
- Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2022). Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России // *Экономический журнал ВШЭ*. № 26 (4). С. 552–578. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578
- Третьякова Е.А., Роженцова Е.В., Шляпина М.В., Шимановский Д.В. (2025). Благополучие населения: философские, социальные, экономические, экологические и институциональные аспекты. Пермь: ООО «Издательский центр «Титул». 201 с.
- Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2020). Миграции населения Российской Арктики: модели, маршруты, результаты // *Арктика: экология и экономика*. № 4 (40). С. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18
- Чапаргина А.Н. (2020). Исследование доходов населения Мурманской области: тенденции и детерминанты // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. № 3 (69). С. 157–174. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.69.011
- Шабунцова А.А., Россошанский А.И., Белехова Г.В. (2014). Благополучие населения: тенденции и перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН. 124 с.
- Шляпина М.В. (2024). Взаимосвязь благополучия населения региона и устойчивого развития: концептуальная модель // *Journal of New Economy*. Т. 25. № 4. С. 85–105. DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-4-5
- Acosta C., Lyngemark D.H. (2025). Spatial wage differentials, geographic frictions and the organization of labor within firms. *Regional Science and Urban Economics*, 114, 104128.
- Argyris N., Østerdal L.P., Hussain M.A. (2025). Value-driven multidimensional welfare analysis: A dominance approach with application to comparisons of European populations. *European Journal of Operational Research*, 324, 1, 200–220. DOI: 10.1016/j.ejor.2024.11.043
- Chen L.-Y., Zhu W.-Q., Xiao C.-D., Zhao C.-L., Guo H.-X. (2025). Degradation of potential winter roads threatens vulnerable communities' freight accessibility in the pan-Arctic region. *Advances in Climate Change Research*, 16, 2, 381–396. DOI: 10.1016/j.accre.2025.02.006
- Hussain M.A., Siersbæk N., Østerdal L.P. (2020). Multidimensional welfare comparisons of EU member states before, during, and after the financial crisis: A dominance approach. *Social Choice and Welfare*, 55, 645–686. DOI: 10.1007/s00355-020-01259-x
- Janky P., Šedivý M. (2018). How do regional price levels affect income inequality? Household-level evidence from 21 countries corpus. *Working Paper IES 24/2018 Provided in Cooperation with: Charles University, Institute of Economic Studies (IES)*.
- Li Y., Lyu S., Gao Q., Lee S. (2025). Does morphological polycentric spatial structure improve subjective well-being? Evidence from China based on the moderating perspective of the urban-rural income inequality. *Journal of Urban Management*, 14, 1, 132–146. DOI: 10.1016/j.jum.2024.10.002
- Majchrowska A., Strawński P. (2021). Minimum wage and local employment: A spatial panel approach. *Regional Science Policy & Practice*, 13(5), 1581–1602. DOI: 10.1111/rsp3.12471
- Mastronardi L., Cavallo A. (2020). The spatial dimension of income inequality: An analysis at municipal level. *Sustainability*, 12(4), 1622. DOI: 10.3390/su12041622
- Posel D., Rogan M. (2016). Measured as poor versus feeling poor: Comparing money-metric and subjective poverty rates in South Africa. *Journal of Human Development and Capabilities*, 17, 1, 55–73. DOI: 10.1080/19452829.2014.985198

- Tan X., Yu H., An Y. et al. (2021). Spatial differentiation and influencing factors of poverty alleviation performance under the background of sustainable development: A case study of contiguous destitute areas in Hunan Province, China. *Chinese Geographical Science*, 31, 1029–1044. DOI: 10.1007/s11769-021-1242-4
- Tobler W. R. (1970). A computer movie simulating urban growth in the Detroit Region. *Economic Geography*, 46, 234–240. DOI: 10.2307/143141

Сведения об авторе

Александр Дмитриевич Волков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова Российской академии наук (Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 65; e-mail: kov8vol@gmail.com)

Volkov A.D.

The Boundaries of Population Welfare in the Arctic Regions and Municipalities of the European Part of the Russian Arctic

Abstract. The territories of the Russian Arctic exhibit pronounced differentiation in their socio-economic development. Disparities are substantial both in living standards and household incomes, as well as in the material costs associated with daily life. Investigating the human capital of Arctic territories requires an integrated analysis of these dimensions. The aim of this study is to delineate the welfare boundaries of the population across the regions and municipalities of the Russian Arctic. An additional objective is to conduct an exploratory spatial analysis of dependencies in the distribution of household income levels, calculated in relation to welfare groups. The object of the study comprises five regions and thirty-two municipalities within the European part of the Russian Arctic. The data sources include findings from sociological surveys of the population conducted in these territories in 2023–2024 ($n = 4,871$), as well as a series of expert interviews with representatives of business, government, and non-profit organizations. The methodological framework draws upon the principles of regional and spatial economics, the theory of economic behavior, and the economics of living standards. The methodological toolkit combines sociological and econometric techniques for data processing, with spatial analysis performed using Stata and GeoDa software. The study reveals significant territorial differentiation both in the structure of population welfare groups and in the average income levels corresponding to each welfare tier. Based on principles of municipal contiguity and geographic proximity, local Moran's I index statistics were calculated for all welfare groups, and spatial dependencies in the associated income levels were identified. The most pronounced dependencies are observed within the middle-welfare group. A low income threshold for achieving this welfare level is characteristic of the White Sea coastal territories of the Republic of Karelia, whereas a high threshold is found in the Murmansk Urban Okrug and the municipal okrugs of Kolsky, Monchegorsk, and Olenegorsk. A juxtaposition of low and high income levels is recorded in Zapolyarny District of the Nenets Autonomous Area and the Urban Okrug of Naryan-Mar, as well as in the Inta Municipal Okrug and its surrounding areas.

Key words: Russian Arctic, Arctic municipalities, household income, population welfare, income groups, territorial differentiation, Moran's I index, spatial dependencies.

Information about the Author

Alexander D. Volkov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences (65, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: kov8vol@gmail.com)

Статья поступила 26.12.2025.

Международная миграция в северных регионах России: пространственные закономерности и роль в обеспечении трудовыми ресурсами

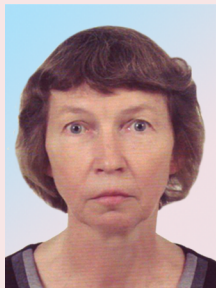
**Виктор Вильгельмович
ФАУЗЕР**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8901-4817; ResearcherID: N-9048-2017

**Андрей Владимирович
СМИРНОВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6952-6834; ResearcherID: N-8102-2017

**Галина Николаевна
ФАУЗЕР**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru
ResearcherID: H-5021-2018

Для цитирования: Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. (2026). Международная миграция в северных регионах России: пространственные закономерности и роль в обеспечении трудовыми ресурсами // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 139–160. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.7

For citation: Fauzer V.V., Smirnov A.V., Fauzer G.N. (2026). International migration in Russia's northern regions: Spatial patterns and the role in provision of human resources. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 139–160. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.7

Аннотация. Для большинства северных и арктических территорий международная миграция остаётся единственным видом перемещений с положительным сальдо, что определяет актуальность темы исследования. Рассматриваются международные миграционные потоки регионов российского Севера в позднесоветский и современный период. Объект исследования – 13 регионов, полностью входящих в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Ставится цель – раскрыть пространственные закономерности международной миграции в северных регионах России и оценить ее роль в обеспечении их ресурсами труда для экономики. Методологически статья основывается на применении официальной статистики миграции, итогов переписей и методов науки о сетях, используемых для изучения сетевых структур данных. С помощью сетевого подхода проанализированы крупнейшие потоки международной миграции. Показано, как при переходе от освоения Севера в позднесоветский период к современной системе международной трудовой миграции сменились траектории перемещений населения, вырос вклад Уральского Севера и стран Центральной Азии в миграционный обмен. Выявлены миграционные хабы (наиболее значимые узлы) и кластеры территорий в миграционных сетях. Группировка миграционных потоков позволила определить группы стран, связанных с регионами Севера России социально, экономически и культурно. Показана особая роль Сахалинской области и Республики Карелии как северных регионов с наибольшим миграционным обменом с дальним зарубежьем. Также отмечено высокое значение Архангельской области в международной образовательной миграции. Исследование подтвердило эффективность сетевого подхода к анализу международных миграционных потоков. Полученные результаты могут найти применение в дальнейших исследованиях международной миграции населения, а также при разработке стратегических документов развития территорий Севера России.

Ключевые слова: международная миграция, миграционные потоки, сетевой анализ, российский Север.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00482 (<https://rscf.ru/project/25-28-00482/>).

Введение

По оценкам ООН, число международных мигрантов к середине 2024 года превысило 304 млн человек (3,7% населения мира) против 221 млн в 2010 году и 154 млн в 1990 году. По сравнению с началом века оно увеличилось на 74%, а по сравнению с 1990 годом – практически вдвое, на 98%. В 2024 году доля международных мигрантов, проживающих в США, составила 17,2%. На втором месте Германия с показателем в 3,1 раза меньше (5,5%). Россия опустилась на десятое место (2,5%), однако эти данные могут быть заниженными¹. Резкое снижение числа международных мигрантов в России, по оценкам ООН 2024 года – с 11,2 млн человек в 2010 году до 9,1 млн человек в 2015 году и 7,3 млн

человек в 2020 году – довольно сложно интерпретировать. Повышение этого показателя до 7,6 миллиона человек в 2024 году, вероятно, основывается на оценке числа вынужденных переселенцев с Украины, но и оно вызывает немало вопросов².

Проблемы международной миграции нашли отражение в Резолюции ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В рамках 10-й цели отмечается, что сокращение неравенства внутри стран и между ними предусматривает обеспечение безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции и укрепление позиций развивающихся стран при принятии

¹ Чудиновских О.С. (2025). О международной миграции в Дальневосточном федеральном округе // Демоскоп Weekly. № 1079–1080. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01079/scientific_digest01.php

² Шербакова Е.М. (2025). Демографический барометр. Международная миграция по оценкам ООН 2024 года // Демоскоп Weekly. № 1081–1082. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01081/barom01.php>

международных экономических и финансовых решений³. Ещё 16 целей также связаны с миграцией и включают задачи по борьбе с торговлей людьми, снижению операционных расходов при осуществлении денежных переводов, обеспечению студенческой мобильности и т. д. (Фаузер и др., 2018, с. 31–37).

Среди отечественных исследователей международные миграции всегда вызвали повышенный интерес. В советский период эти исследования затрудняла закрытость информации. В постсоветский период работы направлены на оценку масштабов миграционных потоков и их влияние на отечественные региональные рынки труда, трансформацию отношения к мигрантам как в принимающих сообществах, так и в отдающих (Метелев, 2017).

У международной миграции две стороны медали: принимающие сообщества хотят получить квалифицированные кадры, близкие по культуре и религии местному населению; отдающие сообщества преследуют несколько задач: снизить безработицу среди молодежи, повысить доход семей-репатриантов, создать свои «этнические ячейки» в принимающих странах, своеобразные «чайна-тауны», для продолжения «миграционной и культурной экспансии».

Большое значение в международной миграции играют денежные переводы между странами. В 2023 году общий объём таких переводов достиг 656 млрд долларов, при этом Индия является крупнейшей страной-получателем. Экономика многих бывших союзных республик зависит от денежных переводов работников-мигрантов. Так, по данным центральных банков⁴, объём денежных переводов из России в Казахстан за полный 2024 год составил 132,8 млн долл., что на 44% меньше, чем в 2023 году. Однако Россия остаётся лидером по объёму поступивших денег в Казахстан. Из России в Гру-

зию за 2024 год было отправлено 541,2 млн долл., что меньше показателя 2023 года на 65%, когда было отправлено 1,5 млрд долл. Но Россия остается в тройке лидеров стран по переводам в Грузию — больше переводят только из США и Италии. Объём переводов из России в Армению за 11 месяцев 2024 года сократился на 13%: 3,2 млрд долл. в январе — ноябре 2024 года против 3,6 млрд долл. в январе — ноябре 2023 года. Россия является основной страной отправки денежных переводов в Армению. Центральный банк Азербайджана опубликовал пока только статистику по итогам девяти месяцев 2024 года. Объём переводов из России в Азербайджан за январь — сентябрь 2024 года упал в два раза, до 410,7 млн долл. Но и по этому направлению больше всего денежных средств переводится из России. Исключение из близлежащих стран составляет Киргизия, куда объём денежных переводов за год вырос на 12%, почти до 2,6 млрд долл. От вышеперечисленных стран Киргизия отличается значительным количеством трудовых мигрантов в России. Переводы из России занимают практически весь объём переводов в страну из-за рубежа.

Изучение миграции на Севере России особенно актуально в связи со структурой его экономики и демографическими тенденциями. Крайний Север и приравненные к нему местности охватывают почти 70% территорий России. Важнейшей отраслью экономики на Севере России является добыча полезных ископаемых. В ряде регионов на неё приходится более половины добавленной стоимости: Ненецкий АО (83,7%), Ханты-Мансийский АО (78,8%), Ямало-Ненецкий АО (69,4%), Сахалинская область (60,5%), Республика Саха (57,7%), Магаданская область (55,2%). Немного ниже показатель Республики Коми (47,0%) и Чукотского АО (37,0%). Более диверсифицированной структурой обладают Архангельская и Мурманская области, где развиты обрабатывающие производства (более 20% добавленной стоимости), включая судостроение и судоремонт. В Камчатском крае важнейшей отраслью экономики является рыболовство и рыбоводство. В Карелии и Туве нет преобладающих отраслей, велик удельный вес социальной сферы. На Севере добывается существенная доля нефти, газа, коксующегося угля, алмазов, цветных металлов,

³ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей от 25 сентября 2015 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 15.08.2025).

⁴ Переводы из России в соседние страны упали в 2024 году. URL: <https://www.rbc.ru/finances/31/01/2025/6798f1b39a79475c4660f40a> (дата обращения: 15.08.2025).

апатитового концентрата. Благодаря этому удельный вес регионов российского Севера в налоговых поступлениях федерального бюджета составляет 32,3%, хотя в них проживает всего 5,1% населения страны.

Север мозаичен по показателям социально-го развития и качества жизни. Так, регионы Западной Сибири, специализирующиеся на добыче нефти и газа, демонстрируют высокие значения практически по всем показателям. В то же время Тува и Чукотский АО входят в число наименее благополучных. Демографически северные регионы отличаются чуть более высокой рождаемостью благодаря проживанию на Севере ряда коренных народов, меньшей продолжительностью жизни населения и высочайшим миграционным оттоком. Только с 2010 по 2025 год Север потерял 8% населения, а в некоторых регионах существенно больше: Республика Коми – 20,7%, Республика Карелия и Архангельская область – по 19,4%, Мурманская область – 18,1%. В подавляющем большинстве северных муниципальных образований (205 из 294) наблюдается одновременно внутрирегиональная и межрегиональная убыль. В связи с этим международная миграция наряду с вахтовой занятостью становится одним из инструментов привлечения рабочей силы в труднодоступные территории, имеющие огромное значение для хозяйственного освоения, реализации геополитического потенциала страны. Необходимо оценить масштабы, траектории и особенности международной миграции.

В статье ставится цель – раскрыть пространственные закономерности международной миграции в северных регионах России и оценить ее роль в обеспечении их ресурсами труда для экономики. Решаются следующие задачи: изучить миграционный обмен России и российского Севера с зарубежными странами, используя официальную статистику, традиционный и сетевой анализ; выявить пространственные закономерности международных миграций; оценить миграционный оборот регионов российского Севера с зарубежными странами. Временные рамки исследования охватывают два периода – позднесоветский и современный. Объектом исследования выступили 13 субъектов российского Севера, которые входят в перечень районов Крайнего Севера и

местностей, приравненных к районам Крайнего Севера полностью⁵. Муниципальные данные анализируются по всем территориям перечня. Предметом исследования стала международная миграция в России и её северных регионах.

Интерес к международной миграции в северные регионы России обусловлен тем, что их территория охватывает почти 70% площади страны. Благодаря крупномасштабной добыче природных ресурсов экономика северных регионов ответственна за поступление 32,3% налоговых платежей и сборов в федеральный бюджет⁶. При этом с 1989 по 2024 год на Севере России⁷ численность населения уменьшилась с 12 807 752 до 9 350 079 человек, потери составили 3 457 673 человека (Фаузер, 2025, с. 35–36). Восполнить эти потери только за счёт российских регионов не представляется возможным, что актуализирует изучение международной миграции.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что международная миграция на Севере зачастую носит селективный, временный и специализированный характер. Поэтому детальный анализ траекторий миграции позволяет не только понять географию происхождения и маршруты перемещений мигрантов, выявить устойчивые связи между странами и регионами, но и оценить значение международной миграции для северных социумов и рынков труда. Результаты исследования могут найти практическое применение при разработке демографических прогнозов, планировании пространственного развития и управлении социальной инфраструктурой.

Степень изученности проблемы

Международная миграция вызывает у учёных не меньший интерес, чем внутренняя. Классические работы по миграции опираются на труды зарубежных исследователей, начиная с

⁵ Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий: Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946.

⁶ Финансы России 2024. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13237>

⁷ Авторы в своих работах используют словосочетание «российский Север», когда речь идет о 13 северных регионах и «Север России», когда рассматриваются все 24 северных субъекта.

основоположника теории миграции – Э.Г. Ра-венштейна, сформулировавшего 11 законов миграции, многие из которых справедливы по сегодняшний день (Ravenstein, 1885). Он утверждал, что «главные причины миграции – экономические». Значительное влияние получила модель Э. Ли, согласно которой на каждой территории действуют факторы: удерживающие, притягивающие и выталкивающие, определяющие прибытие и выбытие (Lee, 1966). Большой вклад в изучение международной миграции внесли западные социологи У. Томас и Ф. Знанецкий в пятитомном труде «Польский крестьянин в Европе и Америке». Ими был предпринят анализ последствий миграционных процессов и адаптации мигрантов на основе применения качественных методов (Thomas, Znaniecki, 1958).

В монографии М.С. Блиновой приводится подробный анализ социологических теорий миграции населения как отечественных, так и зарубежных учёных, в том числе по международной миграции (Блинова, 2009). Заслуживает внимания публикация В. Пише о теориях миграции в современной зарубежной литературе (Пише, 2015). В контексте исследования следует отметить сетевую теорию миграции в модели Р. Джениссена, согласно которой миграционные сети, с одной стороны, являются результатом миграции, а с другой – выступают механизмом дальнейшего увеличения числа мигрантов в рамках тех же потоков (Jenissen, 2004).

Среди отечественных учёных обобщающую картину мировых миграций и истории заселения планеты даёт Л.Л. Рыбаковский в монографии «Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты». В развитии миграционных процессов в глобальном измерении автор выделяет три исторические эпохи, «первая из которых охватывает время от появления человека на планете Земля вплоть до начала Великих географических открытий. На долю второй и третьей эпох приходится примерно 1,5 тысячелетия, причем почти 14 столетий относятся ко второй эпохе и примерно 100 последних лет – к третьей» (Рыбаковский, 2016, с. 5–7).

Классической работой по международной миграции можно считать публикацию В.А. Ионцева «Международная миграция насе-

ления: теория и история изучения». В ней рассматриваются современные теоретические направления в объяснении международной миграции населения, дана классификация основных научных подходов в её изучении, выделены ключевые миграционные понятия и определения, показаны исторические и современные особенности международной миграции в России (Ионцев, 1999).

Можно выделить монографии и научные статьи С.В. Рязанцева по трудовой миграции, охватывающие практически все страны мира. В монографии «Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии» автор рассматривает вопросы терминологии и классификации трудовой миграции, факторы и динамику трудовой миграции в страны и из стран СНГ и Балтии, влияние трудовой миграции на демографическое, социально-экономическое и политическое развитие стран (Рязанцев, 2007). В другой его работе рассмотрены объективные (эколого-географические, этнические, военно-политические, экономические, социальные и демографические) и субъективные (эколого-психологические, этно-психологические, политико-психологические, социально-психологические и демографо-психологические) факторы миграции (Рязанцев, 2001, с. 21–22).

В работе И.П. Цапенко раскрываются причины и современные особенности миграции населения в развитые страны, воздействие международной миграции на принимающие общества, механизм управления миграционными процессами. Автор показывает, как международные миграции влияют на этническое предпринимательство, как растёт межэтническая напряженность, подробно рассмотрены условия интеграции мигрантов в принимающие общества (Цапенко, 2009).

В коллективной монографии (В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова, Г.С. Смилович, А.Ю. Толмачева, О.С. Чудиновских, А.А. Эндрюшко) в центре внимания исследователей оказываются такие вопросы, как индикаторы интеграции, отношение к мигрантам в российском обществе, занятость мигрантов на российском рынке, условия труда мигрантов в России, трудовая мобильность мигрантов, ценности мигрантов и принимающего населения и

пр. (Мукомель и др., 2022).

По международной миграции написана не одна сотня статей, многие из них опубликованы в специализированном журнале, являющемся лидером по международной тематике, «Мировая экономика и международные отношения». В МГУ им. М.В. Ломоносова с 1998 года выходит серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир», главный редактор которой – профессор В.А. Ионцев. В связи с этим здесь ограничимся обзором тех статей, которые имеют непосредственное отношение к теме исследования.

О роли международной миграции пишет О.В. Нетеребский, отмечая, что она вливает «свежую кровь», полезна с точки зрения внедрения нового опыта, знаний, не позволяет «почивать на лаврах» коренному населению, способствует конкуренции на рынке труда (Нетеребский, 2016, с. 231).

Л.Л. Рыбаковский и О.Л. Рыбаковский отмечают, что трудовые иммигранты занимают в России преимущественно те ниши экономики, в которых оплата труда находится на нижнем уровне, рабочие места в этих «нишах» не престижны для граждан страны и не требуют сколько-нибудь заметной квалификации используемой рабочей силы. Это, прежде всего, торговля, строительство, сельское и коммунальное хозяйство (Рыбаковский, Рыбаковский, 2016, с. 208). А.В. Топилин объясняет, что углубление неравенства (экономического, социального, политического, демографического) и глобализация – две мощных пружины, определяющие характер и масштабы миграционных процессов в современном мире (Топилин, 2016, с. 44).

Мы согласны с утверждением И.В. Ивахнюк: «Трудовая миграция не может интерпретироваться лишь как отчаянное бегство от бедности... люди выбирают миграцию не только в качестве стратегии выживания, но также в качестве стратегии развития. И это развитие действительно происходит – через возвратные потоки денежных переводов, опыта, идей и людей» (Ивахнюк, 2015, с. 44).

Международная миграция на Севере России относительно слабо изучена в сравнении с внутренней, но есть отдельные работы. В статье

В.В. Фаузера с коллегами приводятся данные о вкладе наиболее многочисленных национальностей России и зарубежных стран в формирование населения российского Севера, отмечается, что российский рынок труда привлекателен для выходцев из Средней Азии и Закавказья. Показано, что за исключением Республики Беларусь северные регионы имеют положительный миграционный баланс с бывшими союзными республиками (Фаузер и др., 2017, с. 38). Изучено влияние пандемии COVID-19 на международную миграцию арктических регионов России (Смирнов, Лыткина, 2022).

Представляет интерес миграция российских немцев, внесших неоценимый вклад в освоение Севера и Сибири. По демографическому потенциалу до 1989 года они входили в первую десятку крупнейших наций России. В 1926–1939 гг. они занимали 7-е место, 1959–1989 гг. – 9-е место, к 2010 году переместились на 23-е место и в 2021 году – 28-е. Максимальная численность российских немцев была в 1939 году – 862 504, минимальная в 2021 году – 195 256 человек. Сокращение численности немцев на 667 248 человек вызвано в основном их эмиграцией, а также ассимиляцией (Фаузер, 2019).

Системный обзор международной миграции разных регионов мира выполнен в монографии «Век миграции» (Haas et al., 2020). Международная миграция в Северной Европе, включая проблемы интеграции мигрантов, системно изучена в работах международного исследовательского института Nordregio. Доклад «Состояние Северного региона 2022» содержит анализ показателей международной миграции на муниципальном уровне (Heleniak, Jokinen, 2022). На примере севера Канады показано, как глобальный рынок труда через миграцию оказывает влияние на северные сообщества (Amati et al., 2015), рассмотрены каналы и механизмы привлечения мигрантов (Xhardez, Tanguay, 2024). Международная миграция на Севере в глобальном масштабе рассмотрена в докладах о развитии человека в Арктике 2004 и 2014 гг., а также в Атласе населения, общества и экономики в Арктике⁸.

⁸ Atlas of population, society and economy in the Arctic. Stockholm: Nordregio, 2019. 80 p. DOI: 10.30689/WP2019:3.1403–2511.

В заключение обзора литературы выделим три аспекта международной миграции, которые ещё не были в достаточной степени осмыслены в предыдущих работах. Во-первых, это траектории миграций, отражающие существующие социально-экономические и культурные связи между северными регионами России и странами мира. Во-вторых, половозрастные закономерности миграции, показывающие, как на разных этапах жизненного пути меняется склонность людей к переезду. В-третьих, результаты международного миграционного обмена на муниципальном уровне, отражающие локальные особенности территорий северного пространства. Чтобы раскрыть эти вопросы, требуется детальный (до уровня отдельных поселений) и обширный (охватывающий все северные регионы) анализ статистики миграции.

Методы и данные

Анализ международной миграции северных регионов следует начать с некоторых допущений. Бывшие союзные республики входили в состав СССР и обмен населением с ними считался внутренней миграцией, с начала 1990-х гг. такие миграции стали международными. Следовательно, миграционный обмен с этими странами следует разбить на два периода: советский и постсоветский. Что касается миграционного обмена с государствами «дальнего зарубежья», то его можно проводить, используя непрерывные динамические ряды, либо рассматривать те же периоды, что и со странами СНГ и Балтии. К учёту миграционных потоков всегда высказывались претензии, что он не полон, а иногда не достоверен. На эти аргументы можно привести высказывание профессора Л.Л. Рыбаковского: «... для нас в большей степени важна не точность цифр, а их порядок, позволяющий выявить тенденции и особенности развития миграционных процессов...» (Рыбаковский, 2016, с. 6).

Советский Союз был закрыт для международных миграций, особенно с несоциалистическими странами, следовательно, учёт таких мигрантов если и производился, то не для открытой печати. Однако переписи населения учитывали иностранных граждан при разработке данных о национальном составе населения. Так, перепись населения 1926 года зафиксировала наличие иностранных граждан в Архан-

гельской губернии – 157 человек, в Карельской АССР – 398, в Мурманской губернии – 148, в Якутской АССР – 3614, в Камчатском округе – 233 и в Сахалинском округе – 1190 человек, всего по этим территориям было учтено 5740 человек, или 0,54% от общей численности населения⁹.

В нашем исследовании для анализа совокупности международных миграционных потоков применялся сетевой анализ, разработанный для изучения сетевых структур данных любой природы. В рамках сетевого подхода (или науки о сетях) потоки представляются в виде направленного графа, веса которого соответствуют числу перемещений между узлами (странами или регионами). Сетевой подход позволяет взглянуть на совокупность потоков как на единое целое, оценивать характеристики потоков, узлов и всей сети (Смирнов, 2025). Он дает возможность охватить миграционные сети, состоящие из многих тысяч потоков. Применение подхода становится более актуальным в связи с развитием инструментов анализа больших данных и появлением в цифровой среде новых обширных источников информации о миграционных перемещениях. Сетевой анализ хорошо сочетается с более традиционными для демографии методами и показателями, в частности с пространственным анализом и коэффициентами интенсивности миграционных связей.

Сетевой подход позволяет описать структуру миграционного пространства, выделить центральные и периферийные узлы миграционной сети, определить устойчивые миграционные коридоры и кластеры. Подход сочетается с идеей накопления социального капитала при миграции. Потоки поддерживаются социальными сетями, формируемыми вследствие более ранних миграций друзей, родственников, диаспор. Сетевой подход дает язык и инструменты для анализа этих механизмов самоподдержания миграции.

Алгоритмы расчётов реализованы на языках программирования Python и Julia с применением пакетов NetworkX и Graphs.jl. В каждой сети

⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php

выделены важнейшие миграционные потоки, произведена их группировка по пространственному принципу. Выявлены миграционные хабы, т. е. наиболее значимые узлы, с помощью алгоритма PageRank. Он измеряет «важность» узлов в направленных сетях, учитывая не только количество и величину связей, ведущих к узлу, но и важность тех узлов, из которых эти связи «исходят» (Page et al., 1998). Визуализация в виде графа выполнена с помощью модифицированного алгоритма компоновки сети по направлению силы. Он размещает узлы таким образом, чтобы число пересечений линий минимизировалось, а наиболее связанные узлы располагались близко друг к другу (Fruchterman, Reingold, 1991). Хордовые диаграммы выполнены с помощью пакета *chorddiag* на языке программирования R (Abel, Cohen, 2019).

Источниками данных послужили итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года и текущий учёт из Единой межведомственной информационно-статистической системы за 2015–2023 гг. В случае с итогами переписи конкретное время переезда (или даже нескольких промежуточных переездов) неизвестно и считается, что жители совершили миграции в течение всей своей жизни. Для сопоставимости с современными данными миграция между северными территориями и регионами союзных республик, кроме РСФСР, рассматривается как международная, хотя она и была внутренней для Советского Союза.

В сети миграционных потоков между северными регионами и союзными республиками, построенной по данным переписи 1989 года, 110 узлов, из них 13 северных регионов и 96 регионов союзных республик (больше всего, 26 – Украинская ССР). Последний узел – за граница и не указавшие место рождения. Число связей – 2481. Переместились 1,9 млн человек, из них: 26,8% – из Севера, 73,2% – на Север. Это примерно соответствует пропорции перемещений населения между северными и остальными регионами РСФСР. Входящая миграция втрое больше исходящей. Среднее число перемещений на один поток ниже, чем внутри РСФСР (675,5 против 2614,5). Плотность сети ниже, чем в РСФСР, а число направлений без перемещений намного выше – 184.

Текущий учёт в свою очередь отражает миграцию на срок более девяти месяцев. Поскольку в таблицах числа выбывших и прибывших имелись пропуски значений и взаимные противоречия, была произведена гармонизация данных. Если число перемещений пропущено в одной из таблиц, но содержалось в другой, то использовали значение из той, в которой не было пропуска. Если значения фигурировали в обеих таблицах, но не совпадали по величине, то вычисляли их среднее арифметическое значение. Таким образом удалось минимизировать влияние ошибок при вводе данных. Сеть современной международной миграции (2015–2023 гг.) состоит из 182 узлов: 13 северных регионов и 169 стран и территорий. Всего в данных ЕМИСС 235 стран и регионов, с которыми осуществлялись миграции в Россию или из России. То есть в изучаемый период 66 из них не осуществляли миграционный обмен с северными регионами. Число ребер сети – 1644. Плотность сети существенно ниже – 0,05. Общее число перемещений – 626,6 тыс., из которых 40,3% – исходящие, а 59,7% – входящие. Среднее число перемещений по одному потоку более низкое, чем в первой сети – 377 человек.

Данные о миграции за 2015–2023 гг. муниципального уровня получены из базы данных показателей муниципальных образований Росстата.

Результаты

Миграционный обмен России с зарубежными странами – традиционный подход. В СССР международные миграции не играли существенной роли в обмене населением и формировании трудового потенциала. Имели место «трудовые вахты» в страны третьего мира для строительства промышленных объектов и гидротехнических сооружений¹⁰, за рубежом располагался незначительный контингент Советской армии и Военно-морского флота, но их сложно отнести к зарубежным мигрантам (хотя большинство носило гражданскую одежду).

¹⁰ Например, высотная Асуанская плотина – крупнейший гидроузел на реке Нил в Египте у города Асуан – была построена в 1961–1971 гг., чтобы решить важные задачи в экономике: регулировать ежегодные разливы Нила, создать эффективную оросительную систему и обеспечить страну электроэнергией.

В новой России международные миграции стали обычным явлением и происходят более чем со 190 странами. Наиболее тесные связи сложились с 17-ю государствами, из которых 14 дают положительный миграционный прирост, 3 – миграционную убыль. За период с 2015 по 2023 год Россия получила миграционный прирост в обмене с зарубежными странами 1 837 412 человек. Чтобы понять масштабы международной миграции, можно отметить, что от численности населения России на начало 2024 года это число составило 1,3% (146 150,8 тыс. человек). Положительный миграционный прирост дали (%): Украина – 27,6, Таджикистан – 24,9, Казахстан – 12,7, Армения – 7,6, Киргизия – 5,8, Азербайджан – 4,9, Молдова – 4,6, Узбекистан – 4,5, Беларусь – 2,5, Туркмения – 1,4, Грузия – 1,0, страны Балтии – 0,3, другие страны – 2,8. Три государства продемонстрировали миграционную убыль (%): Израиль – 0,1, США – 0,1 и Германия – 0,4.

Три страны, на которые приходится 65,2% миграционного прироста, продемонстрировали разный прирост по периодам. Например, на-

блюдалось постоянное снижение миграционного прироста с Украиной. Так, её доля составляла (%): 2015–2017 гг. – 43,5, 2018–2020 гг. – 25,5, 2021–2023 гг. – 10,4; в Казахстане зафиксирована аналогичная ситуация – 14,5, 14,4 и 9,1 соответственно; Таджикистан наоборот демонстрировал постоянный рост своей доли в международных миграциях – 10,2, 23,0 и 44,1 (табл. 1).

Российский Север также вовлечён в международную миграцию, в первую очередь регионы, специализирующиеся на нефтегазовом комплексе. За период 2015–2023 гг. миграционный прирост с зарубежными странами составил 151 579 человек. Положительный миграционный прирост частично компенсировал естественную убыль населения российского Севера, которая с 2015 по 2023 год составила 447 638 человек (33,9%). О масштабе миграции можно судить по численности населения российского Севера на начало 2024 года – 7 441 483 человек. Таким образом, доля международного миграционного прироста здесь за 8 лет составила 2,0%, что на 0,7 п. п. выше, чем в целом по России. Если посмотреть в динамике, то доля россий-

Таблица 1. Миграционный прирост (убыль) населения Российской Федерации в обмене с зарубежными странами, 2015–2023 гг., чел.

Ранг в обмене с Россией	Страна	Ранг в обмене с российским Севером	2015–2017 гг.	2018–2020 гг.	2021–2023 гг.	2015–2023 гг.
	Всего		719 210	516 431	601 771	1 837 412
1	Украина	2	312 641	131 836	62 318	506 795
2	Таджикистан	1	73 289	118 822	265 557	457 668
3	Казахстан	5	104 633	74 119	54 805	233 557
4	Армения	7	46 525	47 623	45 717	139 865
5	Киргизия	3	40 333	25 485	40 681	106 499
6	Азербайджан	4	29 698	36 635	23 463	89 796
7	Республика Молдова	8	41 349	16 566	27 249	85 164
8	Узбекистан	6	21 171	30 858	31 193	83 222
9	Беларусь	9	18 806	12 070	15 002	45 878
10	Туркмения	11	7611	9926	8278	25 815
11	Грузия	10	8189	6140	4413	18 742
12	Латвия	12	1522	763	1562	3847
13	Литва	13	574	514	567	1655
14	Эстония	14	376	-115	76	337
15	Израиль	16	-454	-889	-473	-1816
16	США	15	-1005	-1317	-683	-3005
17	Германия	17	-1764	-5416	264	-6916
	другие страны и территории		15 716	12 811	21 782	50 309

Ранжировано в порядке убывания миграционного прироста за 2015–2023 гг.

Составлено по: 2015–2017 гг. – данные ЕМИСС, 2018–2023 гг. – статистические бюллетени Росстата «Численность и миграция населения РФ».

ского Севера в миграционном приросте России равнялась (%): 2015–2017 гг. – 5,9, 2018–2020 гг. – 8,4, 2021–2023 гг. – 10,9.

Три страны, основные миграционные доноры, дали миграционный прирост – 116 507 человек, или 76,9% от общего прироста. Также можно отметить, что эти страны демонстрировали разный прирост по периодам. С Украиной шло постоянное снижение доли миграционного прироста (%): 2015–2017 гг. – 51,6, 2018–2020 гг. – 8,1, 2021–2023 гг. – 4,4; Таджикистан, наоборот, демонстрировал постоянный рост показателя – 16,0, 35,6 и 62,3% соответственно; Киргизия в первые два периода демонстрировала рост с 11,0 до 24,5, затем её доля снизилась до 14,8% (табл. 2).

Следует отметить, что в подавляющем большинстве муниципальных образований Севера России (186 из 287, по которым имеются данные, или 64,8%) международная миграция является единственным видом миграции с неотрицательным сальдо. На рисунке 1а такие муниципальные образования выделены розовым

цветом. Голубым цветом выделены муниципальные образования, в которых прирост наблюдается по всем видам миграции: внутри региона, межрегиональной и международной. Это всего шесть муниципальных образований, из которых три являются островными (городские округа Новая Земля, Северо-Курильский и Южно-Курильский), а три связаны с добывающей отраслью (городские округа Ханты-Мансийск, Сургут, Эгвекинот). Медианная доля международного миграционного оборота в общей миграции на муниципальном уровне составляет всего 3,3%, но в некоторых территориях превышает треть: городские округа Ногликский (38,4%), Губкинский (36,6%), Петропавловск-Камчатский (36,1%) и Бодайбинский район (33,7%). В десяти муниципальных образованиях международная миграция в изучаемый период не фиксировалась, из них семь расположены в Республике Тыва (рис. 1б). Муниципальная статистика подтверждает высокую важность международной миграции для северных регионов.

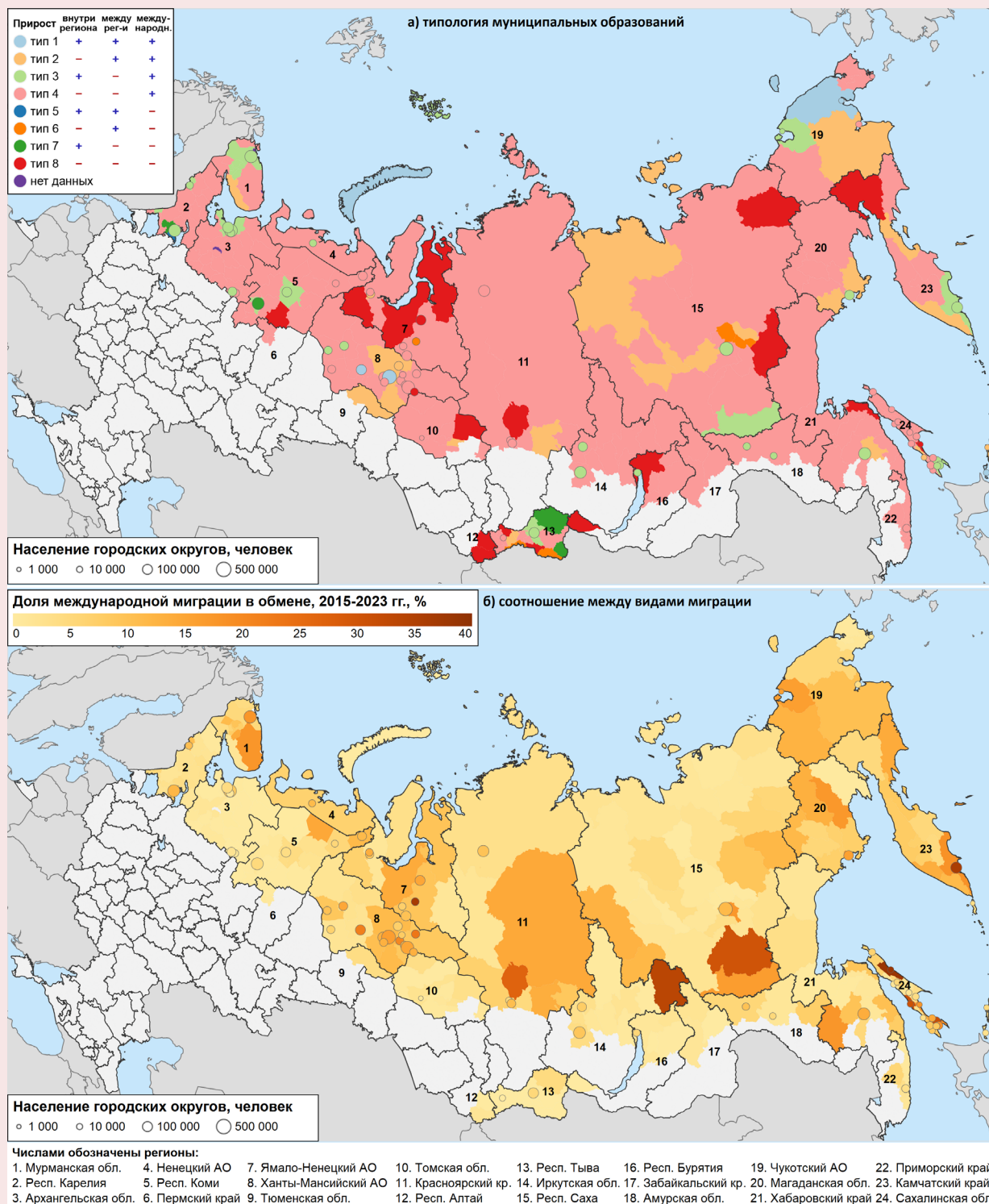
Таблица 2. Миграционный прирост (убыль) населения российского Севера в обмене с зарубежными странами, 2015–2023 гг., чел.

Ранг в обмене с российским Севером	Страна	Ранг в обмене с Россией	2015–2017 гг.	2018–2020 гг.	2021–2023 гг.	2015–2023 гг.
	Всего		42 664	43 455	65 460	151 579
1	Таджикистан	2	6839	15 462	40 768	63 069
2	Украина	1	21 998	3530	2869	28 397
3	Киргизия	5	4708	10 639	9694	25 041
4	Азербайджан	6	2641	4594	3706	10 941
5	Казахстан	3	2214	3079	1595	6888
6	Узбекистан	8	-958	3827	2925	5794
7	Армения	4	892	2475	2272	5639
8	Республика Молдова	7	1870	320	501	2691
9	Беларусь	9	1056	310	411	1777
10	Грузия	11	105	77	213	395
11	Туркмения	10	31	154	71	256
12	Латвия	12	15	8	31	54
13	Литва	13	-2	10	21	29
14	Эстония	14	11	-20	-3	-12
15	США	16	222	-140	-142	-60
16	Израиль	15	-33	-19	-29	-81
17	Германия	17	-137	-107	-29	-273
	другие страны и территории		1192	-744	586	1034

Ранжировано в порядке убывания миграционного прироста за 2015–2023 гг.

Составлено по: 2015–2017 гг. – данные ЕМИСС, 2018–2023 гг. – статистические бюллетени Росстата «Численность и миграция населения РФ».

Рис. 1. Типология муниципальных образований Севера России по знаку сальдо миграции и соотношению между международной и внутренней миграцией, 2015–2023 гг.

Источник: база данных показателей муниципальных образований Росстата.

Миграционный обмен России с зарубежными странами – сетевой подход. Последовательно рассмотрим крупнейшие потоки по данным переписи населения 1989 года и современного текущего учёта 2015–2023 гг.

В советский период крупнейшие входящие потоки северных регионов превышали исходящие, но были ниже, чем потоки с некоторыми регионами РСФСР. За исключением территорий России наибольшую роль в формировании населения российского Севера сыграла Донецкая область Украинской ССР. На неё приходится шесть из десяти потоков. Самые большие потоки – в Ханты-Мансийский АО (28,3 тыс. перемещений), Якутскую АССР (20,6 тыс.) и Ямало-Ненецкий АО (15,6 тыс.). Два крупных потока зафиксированы из Ворошиловградской (ныне – Луганская) области. Ханты-Мансийский АО принимал много людей из Молдавской ССР и Азербайджанской ССР. Среднее расстояние перемещения по десяти крупнейшим потокам составило 3400 км.

Источником четырех крупнейших исходящих потоков по переписи населения 1989 года была Архангельская область (без НАО). Принимали население Крымская, Одесская, Донецкая и Днепропетровская области Украинской ССР. Донецкая область также принимала большое число жителей Магаданской области, Коми АССР, Сахалинской области. Как известно, миграционные потоки порождают контрпотоки. Донецкая область, как крупнейший донор трудовых ресурсов для российского Севера, получала и обратные потоки. Среднее расстояние перемещений (3450 км) немногим превышало среднее расстояние входящих потоков (табл. 3).

Крупнейшими миграционными хабами по советскому набору данных были Ханты-Мансийский АО (PageRank составил 85,8), Мурманская область (63,6), Коми АССР (48,9) и Якутская АССР (45,0). Среди внешних по отношению к РСФСР регионов лидировали Донецкая область (23,6), Крымская область (23,4), Днепропетровская область (16,7) и Харьковская область (15,3).

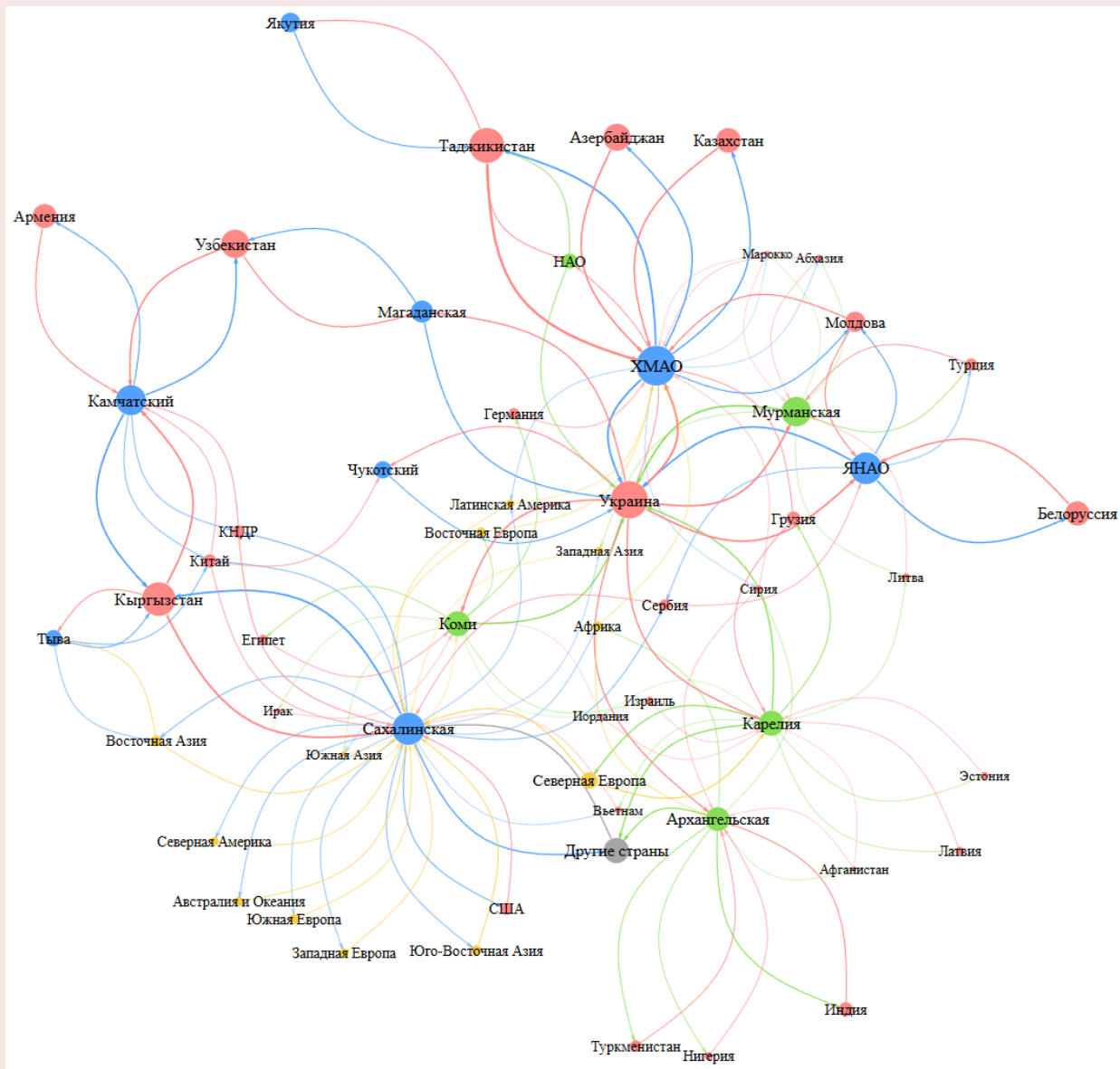
Таблица 3. Крупнейшие миграционные потоки северных регионов за пределами РСФСР, перепись населения 1989 года

Ранг	Регион выбытия	Регион прибытия	Перемещений, ед.	Расстояние, км
Входящие потоки				
1	Донецкая обл.	Ханты-Мансийский АО	28 329	2432,3
2	Донецкая обл.	Якутская АССР	20 636	5379,0
3	Донецкая обл.	Ямало-Ненецкий АО	15 564	2630,3
4	Ворошиловградская обл.	Ханты-Мансийский АО	14 035	2310,6
5	Донецкая обл.	Магаданская обл.	13 720	6337,3
6	Донецкая обл.	Коми АССР	13 562	1722,6
7	Донецкая обл.	Мурманская обл.	12 482	2335,6
8	Молдавская ССР (без Кишинева)	Ханты-Мансийский АО	12 478	2962,6
9	Азербайджанская ССР (без Баку)	Ханты-Мансийский АО	12 158	2623,7
10	Ворошиловградская обл.	Якутская АССР	11 319	5269,3
Исходящие потоки				
1	Архангельская обл.	Крымская обл.	8 953	2207,1
2	Архангельская обл.	Одесская обл.	8 477	2089,1
3	Архангельская обл.	Донецкая обл.	7 884	1842,6
4	Архангельская обл.	Днепропетровская обл.	6 265	1814,9
5	Магаданская обл.	Донецкая обл.	5 442	6337,3
6	Коми АССР	Донецкая обл.	5 174	1722,6
7	Сахалинская обл.	Донецкая обл.	5 103	6849,6
8	Мурманская обл.	Крымская обл.	5 103	2655,6
9	Коми АССР	Днепропетровская обл.	4 256	1766,7
10	Сахалинская обл.	Крымская обл.	4 114	7217,7

Ранжировано в порядке убывания числа перемещений.

Составлено по: Демоскоп Weekly. URL: https://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pob_89.php

Рис. 2. Сеть важнейших международных миграционных потоков регионов российского Севера, 2015–2023 гг.

Составлено по: данные ЕМИСС.

Визуализация современной сети международных миграционных потоков представлена на рисунке 2. На нем отражены крупнейшие потоки из каждого узла, а также все потоки, на которые приходится не менее 5% миграционного обмена. Крупнейшими центрами (хабами) миграции из регионов российского Севера являются Ханты-Мансийский АО (значение индекса центральности положения в сети PageRank составило 95,1), Сахалинская область (73,4), Ямало-Ненецкий АО (47,4) и Камчатский край (42,7), а среди стран – Украина (97,5), Кыргызстан (65,0), Таджикистан (52,5) и Узбекистан (34,9).

Международные миграционные потоки по данным за 2015–2023 гг. рассмотрим в двух направлениях (табл. 4). Крупнейший входящий поток с большим отрывом – из Таджикистана в Ханты-Мансийский АО (64,2 тыс. человек).

Международные миграционные потоки по данным за 2015–2023 гг. рассмотрим в двух направлениях (табл. 4). Крупнейший входящий поток с большим отрывом – из Таджикистана в Ханты-Мансийский АО (64,2 тыс. человек).

На втором месте поток из Украины в Ханты-Мансийский АО (27,1 тыс. человек), на третьем – из Кыргызстана в Сахалинскую область. Закономерно, что среди десяти крупнейших потоков пять направлены в Ханты-Мансийский АО. Во-первых, это крупнейший регион российского Севера. Во-вторых, он имеет большое экономическое влияние. Округ обеспечивает наибольший вклад в валовой продукт и налоговые поступления федерального бюджета. Среди стран в первую десятку входят только Украина (4 раза), Азербайджан и республики Центральной Азии (Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан). Среднее расстояние перемещений – 2857 км. Относительно небольшая величина объясняется близостью центральноазиатских республик к Ханты-Мансийскому АО. Исходящие потоки являются зеркальным отражением входящих, но они меньше по величине. Самый крупные – из Ханты-Мансийского АО в Таджикистан (16,8 тыс.) и Украину (16,6 тыс. человек). Среднее расстояние перемещения по десяти крупнейшим исходящим потокам – 3439 км, что несколько больше, чем по во-

ходящим. Наибольшее расстояние (6181 км) – у потока из Камчатского края в Узбекистан.

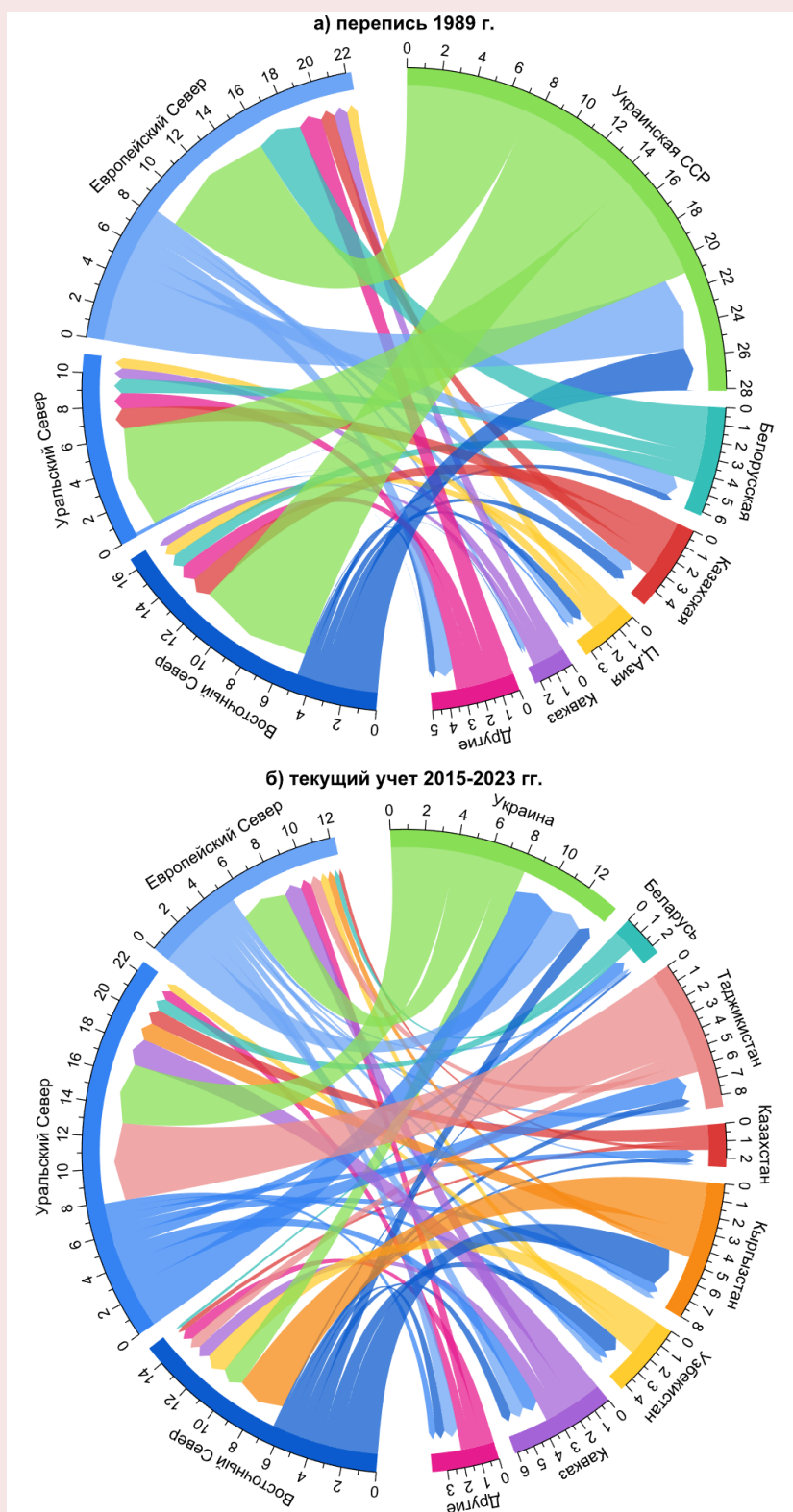
Для удобства дальнейшего анализа регионы российского Севера объединим в кластеры (группы) по территориальному принципу. Выделены три кластера: Европейский (республики Карелия, Коми; Ненецкий АО, Архангельская и Мурманская области), Уральский (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО) и Восточный (республики Тыва, Саха (Якутия); Камчатский край; Магаданская и Сахалинская области; Чукотский АО). Группировка потоков наглядно демонстрирует огромный вклад Украинской ССР в формировании населения российского Севера – он больше, чем у всех остальных союзных республик вместе взятых. Имеются пространственные закономерности. Если из Украинской и Казахской ССР перемещения осуществлялись во все три кластера северных регионов, то из Белорусской ССР и кавказских республик намного больше перемещений было с регионами Европейского Севера. *Рисунок 3* в очередной раз демонстрирует, что входящие потоки превышали исходящие.

Таблица 4. Крупнейшие международные миграционные потоки регионов российского Севера, 2015–2023 гг.

Ранг	Регион/страна выбытия	Регион/страна прибытия	Перемещений, ед.	Расстояние, км
Входящие потоки				
1	Таджикистан	Ханты-Мансийский АО	64 188	2478,5
2	Украина	Ханты-Мансийский АО	27 106	2618,5
3	Кыргызстан	Сахалинская обл.	19 428	5141,8
4	Кыргызстан	Камчатский край	15 977	5880,4
5	Украина	Мурманская обл.	15 000	2058,4
6	Украина	Ямало-Ненецкий АО	14 382	2678,1
7	Азербайджан	Ханты-Мансийский АО	11 604	2623,7
8	Кыргызстан	Ханты-Мансийский АО	10 938	2226,9
9	Казахстан	Ханты-Мансийский АО	9 028	1107,4
10	Украина	Респ. Коми	7 611	1757,5
Исходящие потоки				
1	Ханты-Мансийский АО	Таджикистан	16 809	2478,5
2	Ханты-Мансийский АО	Украина	16 641	2618,5
3	Сахалинская обл.	Кыргызстан	15 884	5141,8
4	Камчатский край	Кыргызстан	13 432	5880,4
5	Ямало-Ненецкий АО	Украина	13 059	2678,1
6	Мурманская обл.	Украина	11 923	2058,4
7	Ямало-Ненецкий АО	Белоруссия	7 110	2501,9
8	Камчатский край	Узбекистан	6 673	6181,3
9	Ханты-Мансийский АО	Азербайджан	5 954	2623,7
10	Ханты-Мансийский АО	Кыргызстан	5 901	2226,8

Ранжировано в порядке убывания числа перемещений.
Составлено по: данные ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513>; <https://www.fedstat.ru/indicator/43514>

Рис. 3. Группировка международных миграционных потоков по кластерам регионов и странам, перепись населения 1989 года и текущий учёт 2015–2023 гг.

Составлено по: Демоскоп Weekly, данные ЕМИСС.

В современной России пространственные закономерности международных миграций стали более выраженными. Потoki из Украины направлены в Уральский Север и в меньшей степени в Европейский Север, из Таджикистана, Казахстана и Беларуси – в Уральский Север,

из Кыргызстана и Узбекистана – в Восточный Север. Сальдо международной миграции положительное. По величине потоков выделяются Украина, Таджикистан и Кыргызстан. Далее рассмотрим закономерности миграции на уровне отдельных стран (табл. 5). Она показывает,

Таблица 5. Распределение миграционного оборота зарубежных стран с регионами российского Севера, 2015–2023 гг.

Страна	Миграционный оборот с российским Севером, человек	Распределение оборота по северным регионам, %												
		Респ. Карелия	Респ. Коми	Архангельская обл.	Ненецкий АО	Мурманская обл.	Респ. Саха (Якутия)	Респ. Тыва	Камчатский край	Магаданская обл.	Сахалинская обл.	Ханты-Мансийский АО	Чукотский АО	Ямало-Ненецкий АО
Все страны	626 603	5	5	4	1	10	2	1	10	3	14	32	1	13
Украина	151 734	6	8	4	1	18	1	0	4	5	5	29	2	18
Таджикистан	118 762	3	2	4	1	2	3	0	1	1	7	68	0	8
Кыргызстан	100 613	1	2	0	0	6	1	2	29	1	35	17	1	5
Узбекистан	51 401	2	4	5	0	9	2	1	28	11	14	14	1	9
Азербайджан	42 733	3	11	4	1	12	2	0	6	1	5	41	0	14
Казахстан	29 065	3	3	1	0	8	1	0	5	5	8	49	2	13
Белоруссия	27 540	4	6	2	1	11	0	3	3	1	4	10	3	52
Армения	25 855	7	6	3	0	13	5	1	18	2	16	14	1	14
Молдова	13 421	6	5	3	1	8	1	0	3	3	3	42	1	25
Финляндия	3 619	94	0	1	0	4	–	–	0	–	–	0	–	0
Индия	3 322	0	2	84	–	1	0	–	–	–	11	0	0	0
Грузия	2 983	42	5	4	0	4	3	1	1	1	4	25	0	8
Китай	2 465	0	1	2	–	1	16	20	23	1	23	1	12	0
КНДР	2 016	–	0	–	–	–	0	–	41	–	59	0	–	–
Турция	1 834	3	3	3	0	43	1	–	4	0	9	7	10	15
США	1 658	5	3	1	–	3	1	0	4	0	78	3	1	1
Германия	1 343	16	22	8	–	9	1	1	3	1	11	22	0	6
Туркменистан	1 317	4	1	62	–	10	1	0	0	–	7	14	–	2
Сербия	1 265	0	4	1	–	4	–	–	0	0	46	5	2	36
Великобритания	1 148	2	1	2	–	2	–	–	0	–	91	1	0	0
Египет	617	5	62	6	0	9	0	–	–	0	8	7	–	2
Норвегия	550	7	1	13	–	62	–	–	1	–	16	1	–	–
Монголия	451	0	–	–	–	0	21	76	–	2	0	0	–	–
Канада	446	7	2	2	–	3	0	1	2	1	70	5	6	1
Латвия	407	26	10	10	1	16	1	1	2	2	7	14	0	9
Филиппины	365	1	0	–	–	1	–	–	–	–	97	1	0	–
Нигерия	358	1	1	87	1	–	–	1	–	–	7	2	–	0
Республика Корея	350	1	1	–	–	1	–	1	2	0	88	6	–	0
Нидерланды	326	4	2	3	–	3	0	0	0	0	85	2	–	–
Израиль	312	24	15	8	–	16	8	–	2	3	7	11	–	6
Другие 140 стран и территорий	38 327	18	6	14	0	9	2	3	5	1	29	8	2	4

Примечание: «0» – значение близко к нулю (менее 0,5%), «–» – значение равно нулю.
 Ранжировано в порядке убывания миграционного оборота.
 Составлено по: данные ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513>; <https://fedstat.ru/indicator/43514>

какой процент миграционного оборота по каждой стране пришёлся на тот или иной северный регион.

Вначале рассмотрим страны ближнего зарубежья. Украина в 2015–2023 гг. была более склонна к миграционному обмену с Ханты-Мансийским АО (28,8%), Ямало-Ненецким АО (18,2%) и Мурманской областью (17,7%). У Беларуси более половины миграционных перемещений (51,7%) были связаны с Ямало-Ненецким АО. У Таджикистана более половины миграционного потока приходилось на Ханты-Мансийский АО (68,2%). Кыргызстан обменивался населением с Сахалинской областью (35,1%), Камчатским краем (29,2%) и Ханты-Мансийским АО (16,7%). В обмене с Узбекистаном лидировали Камчатский край (27,8%), Сахалинская область (13,5%) и ХМАО (13,7%). У Туркменистана более половины перемещений приходились на Архангельскую область (61,7%). У Казахстана почти половина обмена (49,2%) происходила с ХМАО, ЯНАО – 12,6%.

Азербайджан тяготеет к Ханты-Мансийскому АО (41,1%), Ямало-Ненецкому АО (13,8%) и Мурманской области (12,0%). Миграционные перемещения Армении распределены более равномерно: Камчатский край (17,7%), ХМАО (14,3%), ЯНАО (13,9%). У Грузии миграционный обмен выше с Карелией (44,4%) и ХМАО (24,9%). Молдова обменивается населением с нефтегазовыми регионами: ХМАО (41,7%), ЯНАО (24,6%).

Прибалтийские страны, благодаря пространственной близости, тяготеют к Республике Карелии и Мурманской области. На Карелию приходится и 94,1% миграционных перемещений с Финляндией. Республика также лидирует по обмену с Израилем. Норвегия, благодаря общей границе, тяготеет к Мурманской области (62,0%). Индия наиболее активно обменивается населением с Архангельской областью (84,1%), что может объясняться обучением индийских студентов (в основном медицине) и строительством военных кораблей для Индии в г. Северодвинске. У Нигерии 87,2% перемещений также приходится на Архангельскую область.

У Китая миграция высока с Камчатским краем (22,7%), Сахалинской областью (23,2%) и Республикой Тыва (20,1%). У КНДР почти весь обмен приходится на Сахалинскую область (58,9%) и Камчатский край (40,8%). Турция склонна к обмену с Мурманской областью (43,3%), а Египет – с Республикой Коми (61,8% – в основном студенты). Монголия обменивается населением в основном с Республикой Тыва (76,1%) благодаря их пространственной и культурной близости.

Целый ряд стран дальнего зарубежья демонстрирует высокий миграционный обмен с Сахалинской областью, что можно связать с реализацией международных проектов в нефтегазовой сфере. Так, у Канады на Сахалин приходится 69,7% перемещений с российским Севером, Австралии – 71,3%, США – 77,6%, Нидерландов – 84,7%, Японии – 84,9%, Южной Кореи – 88,0%, Великобритании – 90,8%, Филиппин – 97,0%. Из европейских стран можно отметить ещё Сербию и Германию. Сербия обменивается населением с Сахалинской областью (46,2%) и ЯНАО (36,0%), а Германия – с ХМАО (22,0%) и Республикой Коми (21,8%). В Республике Коми со второй половины XX века немцы были одной из крупных национальностей.

Рассмотрим распределение мигрантов по странам мира в разрезе регионов Севера (табл. 6).

Для 7 из 13 северных регионов крупнейшим направлением миграционного обмена является Украина. Исключениями стали Ненецкий АО, Республика Саха и Ханты-Мансийский АО, где лидирует Таджикистан, а также Республика Тыва, Камчатский край и Сахалинская область, которые активнее всего обмениваются населением с Кыргызстаном. Обращает на себя внимание нетипично большой миграционный обмен Карелии с Финляндией (10,7%), Коми с Азербайджаном (15,1%), Архангельской области с Индией (10,6%) и Нигерией (1,2%), Якутии с Арменией (10,8%), Республики Тыва с Беларусью (15,6%), Китаем (8,4%) и Монголией (5,8%), Сахалинской области с США (1,5%) и КНДР (1,4%), Чукотского АО с Турцией (2,7%).

Таблица 6. Распределение миграционного оборота регионов российского Севера с зарубежными странами, 2015–2023 гг., %

Страна	Респ. Карелия	Респ. Коми	Архангельская обл.	Ненецкий АО	Мурманская обл.	Респ. Саха (Якутия)	Респ. Тыва	Камчатский край	Магаданская обл.	Сахалинская обл.	Ханты-Мансийский АО	Чукотский АО	Ямало-Ненецкий АО
Все страны, тыс. человек	32	32	26	4	61	12	6	65	19	87	197	7	80
Украина	29	39	21	28	44	13	1	10	42	8	22	37	34
Таджикистан	10	7	17	35	4	31	2	2	4	10	41	3	11
Кыргызстан	2	6	1	2	11	9	34	45	5	41	9	10	7
Узбекистан	4	7	10	6	8	10	7	22	31	8	4	6	6
Азербайджан	4	15	7	10	8	8	1	4	1	2	9	1	7
Казахстан	3	3	1	1	4	3	2	2	7	3	7	10	5
Белоруссия	3	5	2	9	5	1	16	1	1	1	1	11	18
Армения	5	5	3	3	5	11	5	7	3	5	2	3	4
Молдова	2	2	1	3	2	1	0	1	2	0	3	1	4
Финляндия	11	0	0	0	0	–	–	0	–	–	0	–	0
Индия	0	0	11	–	0	0	–	–	–	0	0	0	0
Грузия	4	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Китай	0	0	0	–	0	3	8	1	0	1	0	4	0
Турция	0	0	0	0	1	0	–	0	0	0	0	3	0
Туркменистан	0	0	3	–	0	0	0	0	–	0	0	–	0
Другие 155 стран и территорий	23	10	22	2	7	8	23	5	2	19	2	12	3

Примечание: «0» – значение близко к нулю (менее 0,5%), «–» – значение равно нулю.
Составлено по: данные ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513>; <https://fedstat.ru/indicator/43514>

Заключение

В XXI веке на фоне депопуляции в большинстве стран мира на первое место выходит проблема привлечения ресурсов труда в национальные экономики. Россия столкнулась с аналогичной проблемой – нехваткой человеческих ресурсов как в старообжитых районах, так и в районах нового хозяйственного освоения российского Севера и Арктики. Привлечение населения из регионов России, испытывающих те же депопуляционные проблемы, проблематично. Вахта частично решает эту проблему,

но и она имеет ряд недостатков для местных сообществ. Одним из резервов привлечения человеческих ресурсов остается международная миграция. Однако ее объёмы не сопоставимы с теми потерями, которые понёс Север России. Изменить сложившуюся ситуацию должна была принятая «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы»¹¹. Однако многие специалисты считают, что новая Концепция ограничит приток мигрантов в страну¹².

¹¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738.

¹² В России уже происходят изменения, направленные на сокращение числа мигрантов, которые проявляются с 2025 года. К ним относятся: ограничение пребывания безвизовых мигрантов 90 днями в году, обязательная регистрация в приложении Госуслуг, усиление биометрического контроля, а также усложнение получения разрешений на проживание и приема на работу. Однако, учитывая предыдущий рекордный въезд в 2024 году, эффект от этих мер может не проявиться мгновенно.

Несмотря на короткий период времени, между северными регионами России и странами Ближнего зарубежья возникли устойчивые миграционные связи, в силу того что они были заложены еще в советский период. Часть миграционных потоков сложилась по территориальному принципу – культурные и социальные связи основываются на близости и простоте перемещения между территориями. Другие связи образованы по отраслевому принципу, например благодаря наличию угле- или нефтедобывающей отрасли как на российском Севере, так и в других постсоветских странах (например, с Азербайджаном). Полученные результаты позволяют лучше понять закономерности пространственной мобильности населения российского Севера, оценить роль международной миграции в формировании трудовых ресурсов северных регионов.

В статье решены все поставленные задачи, как результат – осуществлена оценка международной миграции как источника человеческих ресурсов для экономики Севера и Арктики. Использование двух подходов (традиционного и сетевого) к международной миграции позволило как рассматривать её результативность, так и изучать всю совокупность миграционных потоков, их характеристики.

Проанализированы межрегиональные и международные миграционные потоки северных регионов России в позднесоветский период и за 2015–2023 гг. Учет конфигурации и характеристик сетей миграционных связей позволил ввести дополнительный ракурс в изучение международной миграции населения. Анализ всей совокупности связей между узлами дал возможность выявить группы схожих с точки зрения траекторий миграции территорий. Выделены три миграционных кластера на

российском Севере (Европейский, Уральский и Восточный). При выявлении основных центров притяжения учитывается как абсолютный объем миграции, так и «важность» тех узлов, из которых перемещается население, что делает оценки более комплексными. Определены крупнейшие миграционные хабы (центры) в каждом кластере и важнейшие миграционные потоки.

Сетевые графы и карты-схемы делают миграционные процессы более обозримыми. Они позволяют не только посчитать, сколько и куда перемещается людей, но и увидеть свойства миграционной сети: где она плотная, где разорванная, где имеются мосты между частями сети. Построены визуализации международной миграционной сети регионов российского Севера. Оценено влияние советских республик на формирование населения российского Севера. Детально рассмотрены международные миграционные потоки между странами и северными регионами.

Несмотря на все усилия, принимаемые Правительством России в отношении перехода экономики страны от доминирования в структуре ВВП отраслей ТЭК на альтернативный инновационный путь развития, в Энергетической стратегии до 2030 года отмечается, что ответом на внешние вызовы/угрозы является обеспечение вклада энергетического сектора страны в повышение эффективности ее внешнеэкономической деятельности и усиление позиций России в мировой экономической системе¹³. То есть ставка снова делается на добычу энергоресурсов, расположенных на Севере и в Арктике, для чего потребуются сохранить в северных и арктических регионах России достаточное количество человеческих ресурсов.

Литература

- Блинова М.С. (2009). Современные социологические теории миграции населения: монография; под ред. В.И. Добренькова. Москва: КДУ. 160 с.
- Ивахнюк И.В. (2015). Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. № 1. С. 36–51.

¹³ Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.11.2009 № 1715-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96681>

- Ионцев В.А. (1999). Международная миграция населения: теория и история изучения. Москва: Диалог-МГУ. 370 с.
- Метелев С.Е. (2017). Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в России. Москва: ЮНИТИ-ДАНА. 175 с.
- Мукомель В.И., Григорьева К.С. [и др.] (2022). Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. Москва: ФНИСЦ РАН. 400 с.
- Нетеребский О.В. (2016). Подходы к решению проблем внешней трудовой миграции в России // Миграция и социально-экономическое развитие. Т. 1. № 4. С. 227–238. DOI: 10.18334/migration.1.4.38092
- Пише В. (2015). Взгляд на современные теории миграции через призму фундаментальных работ // Новое в зарубежной демографии: сборник переводных статей / под ред. И.А. Троицкой, А.А. Авдеева. Москва: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 83–108.
- Рыбаковский Л.Л. (2016). История и теория миграции населения. Книга первая. Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. Москва: Экон-Информ. 210 с.
- Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. (2016). Иммиграция трудовых ресурсов, ее негативные последствия для России // Миграция и социально-экономическое развитие. Т. 1. № 4. С. 201–212. DOI: 10.18334/migration.1.4.38090
- Рязанцев С.В. (2001). Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 542 с.
- Рязанцев С.В. (2007). Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. Москва: Формула права. 576 с.
- Смирнов А.В. (2025). Сетевой подход к изучению миграционных потоков в СССР и России // Демографическое обозрение. Т. 12. № 2. С. 35–68. DOI: 10.17323/demreview.v12i2.27491
- Смирнов А.В., Лыткина У.В. (2022). Международная миграция в российской Арктике: масштабы, структура и влияние пандемии // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 2. № 2. С. 90–106. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.7
- Топилин А.В. (2016). Миграция и общий рынок труда ЕАЭС: вызовы и пути интеграции // Миграция и социально-экономическое развитие. Т. 1. № 1. С. 39–62. DOI: 10.18334/migration.1.1.38076
- Фаузер В.В. (2019). Динамика численности и расселение немцев в СССР и новой России // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2 (64). С. 51–60. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.2.2019.64.51-60
- Фаузер В.В. (2025). Коренные народы Севера России. Екатеринбург: УрО РАН. 308 с.
- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Юрков Д.В., Фаузер Г.Н., Лыткина Т.С. (2018). Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России. Москва: Экон-Информ. 215 с.
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. (2017). Миграционный фактор динамики численности и этнических структур населения Российского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 5 (56). С. 32–43. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-5-2017-56-32-43
- Цапенко И.П. (2009). Управление миграцией: опыт развитых стран. М: Academia, 384 с.
- Abel G.J., Cohen J.E. (2019). Bilateral international migration flow estimates for 200 countries. *Scientific Data*, 6, 82. DOI: 10.1038/s41597-019-0089-3
- Amati C., Parlee B., Krogman N. (2015). Experiences of opportunity in the northern resource frontier. *The Northern Review*, 41, 181–206. DOI: 10.22584/nr41.2015.008
- Fruchterman T.M.J., Reingold E.M. (1991). Graph drawing by force-directed placement. *Software: Practice and Experience*, 21(11), 1129–1164. DOI: 10.1002/spe.4380211102
- Haas H., Castles S., Miller M. (2020). *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World*. Sixth Edition. London: Red Globe Press.
- Heleniak T., Jokinen J.C. (2022). Migration. In: *State of the Nordic Region 2022*. Stockholm: Nordregio. DOI: 10.6027/R2022:2.1403-2503
- Jenissen R. (2004). *Macro-Economic Determinants of International Migration in Europe*. Amsterdam.
- Lee E.S. (1966). A theory of migration. *Demography*, 3(1), 47–57.

- Page L., Brin S., Motwani R., Winograd T. (1998). The PageRank citation ranking: Bringing order to the Web. *Stanford Digital Library Technologies Project*. Available at: <https://www.cis.upenn.edu/~mkearns/teaching/NetworkedLife/pagerank.pdf>
- Ravenstein E.G. (1885). The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48(2), 167–235.
- Thomas W., Znaniecki F. (1958). *The Polish Peasant in Europe and America*. New York: Dover.
- Xhardez C., Tanguay D. (2024). The hidden power of provincial and territorial immigration programs in shaping Canada's immigration landscape. *Comparative Migration Studies*, 12(1), Art. 59. DOI: 10.1186/s40878-024-00414-y

Сведения об авторах

Виктор Вильгельмович Фаузер — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Андрей Владимирович Смирнов — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Галина Николаевна Фаузер — научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru)

Fauzer V.V., Smirnov A.V., Fauzer G.N.

International Migration in Russia's Northern Regions: Spatial Patterns and the Role in Provision of Human Resources

Abstract. For most northern and Arctic territories, international migration is the only type of population movement with a positive net migration rate, which underscores the relevance of this research. The study examines international migration flows in the regions of the Russian North during the late Soviet and contemporary periods. The object of the study is 13 regions fully included in the list of Far North territories and areas equated to them. The aim is to reveal the spatial patterns of international migration in the northern regions of Russia and to assess its role in providing them with labor resources for the economy. The methodological framework includes the use of official migration statistics, census data, and scientific network methods to analyze data network structures. A network approach is applied to analyze the largest international migration flows. It is shown how migration trajectories have shifted during the transition from the development of the North in the late Soviet period to the contemporary system of international labor migration, with the Urals North and Central Asian countries playing an increasing role in migration exchange. Migration hubs and territorial clusters within migration networks are identified. The classification of migration flows allowed identifying groups of countries which have social, economic, cultural relations with the regions of the Russian North. The study highlights the special role of the Sakhalin Region and the Republic of Karelia as northern regions with the largest migration exchange with non-CIS countries. The importance of the Arkhangelsk Region in international educational migration is also noted. The study confirms the effectiveness of the network approach in analyzing international migration flows. The findings can contribute to further research on international migration and to the formulation of strategic documents for the development of the North of Russia.

Key words: international migration, migration flows, network analysis, Russian North.

Information about the Authors

Viktor V. Fauzer – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Andrey V. Smirnov – Candidate of Sciences (Economics), head of laboratory, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Galina N. Fauzer – Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 14.11.2025.

DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.8

УДК 314.74, ББК 60.7

© Козлова О.А., Бедрина Е.Б., Неклюдова Н.П.

Интеграция трудовых мигрантов: оценка по данным социологического опроса

Ольга Анатольевна

КОЗЛОВА

Институт экономики Уральского отделения РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: kozlova.oa@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-0448-3519; ResearcherID: M-4659-2016

Елена Борисовна

БЕДРИНА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Институт экономики Уральского отделения РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: bedrina.eb@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-7420-7499; ResearcherID: J-7079-2018

Наталья Павловна

НЕКЛЮДОВА

Институт экономики Уральского отделения РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: neklyudova.np@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-5026-1394; ResearcherID: E-5849-2014

Для цитирования: Козлова О.А., Бедрина Е.Б., Неклюдова Н.П. (2026). Интеграция трудовых мигрантов: оценка по данным социологического опроса // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 19. № 2. С. 161–176. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.8

For citation: Kozlova O.A., Bedrina E.B., Neklyudova N.P. (2026). Integration of labor migrants: Assessment based on sociological survey data. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 161–176. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.8

Аннотация. В статье обосновывается методический подход к оценке результативности процессов адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающем сообществе как ключевых элементов миграционной политики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки инструментария, позволяющего оценивать качественные и количественные параметры адаптационных процессов трудовых мигрантов, что важно для предотвращения негативных социальных последствий миграционных процессов. Цель исследования заключается в разработке и обосновании системы индикаторов оценки результативности адаптации и интеграции трудовых мигрантов с учётом региональных особенностей миграционных потоков. Методология включает систематизацию научных подходов, формулировку принципов и критериев оценки, анализ нормативных документов и результатов социологического опроса трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, проведённого в Свердловской области в марте – мае 2023 года. Основные результаты и их новизна состоят в разработке комплексной системы индикаторов, сгруппированных в три блока (социально-экономический, социокультурный, семейно-правовой), что позволяет оценивать адаптацию и интеграцию как многоаспектный процесс и отличает данный подход от существующих, фокусирующих внимание на отдельных аспектах адаптационных процессов. Исследование подтвердило значимость учёта фактора времени нахождения мигрантов на принимающей территории. Ограничения исследования связаны со спецификой стран исхода, определяющей особенности адаптационных стратегий. Результаты могут быть использованы для совершенствования миграционной политики, разработки региональных программ адаптации и интеграции трудовых мигрантов из стран с безвизовым режимом въезда, а также в практике управления миграционными процессами в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: трудовые мигранты, адаптация, интеграция, результативность, оценка, фактор времени, социологический опрос, миграционная политика.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках госзадания Института экономики УрО РАН «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений» № 0327-2024-0009.

Введение

В научной литературе различают такие формы адаптации, как ассимиляция, интеграция, сегрегация (анклавизация) и маргинализация (Berry, 1997). Выбор трудовыми мигрантами формы адаптации оказывает непосредственное влияние на принимающее сообщество, поскольку адаптация, как правило, носит двусторонний характер (Hellgren, 2016; Demireva, 2019; Safdar et al., 2021). Неудачная адаптация может привести к негативным социально-экономическим последствиям, таким как этнический нигилизм, сепаратизм или национализм,

а также к аддиктивному поведению мигрантов (Константинов и др., 2022).

В России вопрос выбора формы адаптации трудовых мигрантов считается дискуссионным в силу отсутствия единого подхода к формам проявления данного процесса в нормативно-правовых, методических и стратегических документах. Так, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы указывается на неприемлемость таких форм адаптации, как сегрегация и маргинализация¹, в других документах

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412750335/> (дата обращения: 13.11.2025).

акцент делается на интеграцию². Проект Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», предложенный в 2014 году, не был принят. В стране нет единой управленческой структуры, которая была бы уполномочена регулировать данные процессы. Например, вопросы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов закреплены за Федеральным агентством по делам национальностей, вопросы переселения и адаптации бывших соотечественников на новом месте жительства – за Министерством внутренних дел РФ. В то же время рост случаев натурализации в Российской Федерации (Черепанова, Максимова, 2020) подчёркивает актуализацию исследования вопросов адаптации и интеграции мигрантов. В связи с этим мы солидарны с мнением Г.И. Осадчей, В.Ю. Леденевой, Т.Н. Юдиной о том, что интеграционная миграционная политика в Российской Федерации требует активизации (Осадчая и др., 2024).

В нормативно-правовых, методических и стратегических документах Российской Федерации, регламентирующих вопросы пребывания в стране трудовых мигрантов, понятия адаптации и интеграции применяются в связке. В силу этого мы также используем их совместно, отмечая, что в содержательном плане адаптация и интеграция тесно взаимосвязаны, поскольку интеграция как наиболее предпочтительная форма адаптации трудовых мигрантов, прибывающих на длительный срок, предполагает их активное взаимодействие с местным

населением, в ходе которого, сохраняя свою культуру, они проявляют уважение к культуре, традициям, нормам поведения принимающего сообщества (Акрамов, 2021). Данная форма адаптации хорошо подходит для России как страны с многонациональным составом населения и преобладанием «временно-постоянной» миграции (Константинов и др., 2022).

Опыт стран Европейского союза, где миграционная политика формировалась на протяжении длительного периода времени на приоритете интеграционной стратегии, свидетельствует, что вопросы адаптации резко актуализировались после миграционного кризиса 2014–2015 гг., когда в страны Евросоюза хлынул нерегулируемый поток беженцев (Bakhturidze et al., 2023) и в зависимости от принятых в разных странах норм миграционной политики акцент сместился либо на двустороннюю интеграцию, вплоть до участия мигрантов в местном самоуправлении (Цапенко и др., 2018; Bedrina, Lazareva, 2021), либо на ассимиляцию.

В понятие результативности адаптации трудовых мигрантов мы вкладываем качественное содержание приспособления к социальным, культурным, экономическим и нормативно-правовым условиям жизнедеятельности принимающего сообщества, которое характеризует желание и глубину восприятия местных традиций, положительно отражающихся на качестве жизни как самих мигрантов, так и местного сообщества.

Сложность оценки результативности адаптационных процессов трудовых мигрантов заключается в отсутствии системной информационной основы, что не даёт чёткого представления прежде всего о качественных аспектах адаптации трудовых мигрантов и членов их семей. В открытом доступе имеется информация о правовом статусе мигрантов и численности лиц, принявших российское гражданство, но она не отражает качественную составляющую адаптации. В связи с этим в научной литературе для замеров процессов адаптации и интеграции предлагается проводить социологические опросы трудовых мигрантов (Мукомель, 2016), требующие обобщения и систематизации разноразмерной информации, поэтому разработана методическая инструментальная программа для оценки

² Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения: 05.02.2025); Об утверждении Методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»: Приказ ФАДН России от 17.11.2020 № 142 // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.02.2025); Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025). (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025), ст. 44, п. 43 // Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=4040700&req=doc&base=LAW&n=499774&rnd=LjiOCA#gMloM2Vm2nDyAvzd1> (дата обращения: 13.11.2025).

результативности процессов адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество с использованием результатов социологических опросов является актуальной.

Теоретическая часть

Вопросы, связанные с оценкой результативности адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество, до сих пор остаются дискуссионными. В 2010 году в Сарагосской декларации Европейским союзом были предложены направления оценки результативности интеграции трудовых мигрантов: занятость, образование, социальная интеграция и активное гражданство, а также показатели по каждому направлению³. Отметим, что предложенная методика достаточно трудоёмка и большинство зарубежных исследований оценивают не результативность адаптации и интеграции трудовых мигрантов, а меры миграционной политики, связанные с интеграцией, закреплённые в законодательных документах той или иной страны (Goodman, 2019; Alaimo et al., 2023).

В российской научной литературе в контексте нашего исследования интерес представляют несколько методических подходов к решению обозначенной проблемы. Так, систему индикаторов адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающем сообществе в своё время предложили В.С. Малахов и И.С. Иванов (Malakhov, Ivanov, 2014). Несмотря на оригинальность методического подхода, можно отметить некоторые недостатки этой системы. Во-первых, разнородность источников информации, которая хотя и повышает достоверность данных, но усложняет их взаимную увязку и расчёт результативности. Во-вторых, включаемость показателей в систему довольно сложна с точки зрения её верификации, например, таких как «отношение к базовым нормам принимающей страны», «частота контактов с принимающим сообществом и со страной происхождения», информативная недостаточность показателя «количество правонарушений», который напрямую зависит от уровня организации контроля над трудовой миграцией, а также

показателей, изначально заданных, но характеризующих в основном условия адаптации, а не её результат, например, таких как «социальная защищённость» и «уровень образования». В-третьих, отсутствие учёта времени нахождения трудовых мигрантов на принимающей территории (Бондарук и др., 2015; Saryglar, Maximova, 2020; Бедрина и др., 2024; Мокин, 2024; Эндрюшко, 2024).

Ещё один вариант системы индикаторов, полученных на основе социологических опросов, предложен А.А. Эндрюшко. В систему вошли следующие индикаторы: статус мигранта, качество жизни, транснационализм, языковые навыки, межэтнические контакты, идентичность (Эндрюшко, 2024). Эти индикаторы распределены по уровням (низкий, средний, высокий). Расчёт сделан с учётом фактора времени нахождения мигранта на принимающей территории. Несмотря на все достоинства данного подхода, с нашей точки зрения, он также имеет недостатки: информационная ограниченность индикаторов; объединение разнородных индикаторов в одну группу; использование такого показателя, как уровень образования, в большей степени характеризующего условия адаптации, а не её результат.

Вышесказанное обусловило необходимость дальнейшего поиска и обоснования системы индикаторов, позволяющей комплексно оценить результативность процессов адаптации и интеграции, прежде всего для трудовых мигрантов, прибывающих на длительный период времени или планирующих остаться в стране на постоянное место жительства. Для России эту группу мигрантов традиционно составляют выходцы из стран Средней Азии: Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, в отношении которых на территории страны действует безвизовый режим. Они чаще других принимают решение о переезде в Россию вместе с семьями и о натурализации. Особое место в данной группе мигрантов занимают выходцы из Кыргызстана – страны, входящей в ЕАЭС, что даёт её гражданам равные с россиянами условия трудоустройства и облегчает процесс адаптации и интеграции (Осадчая, 2021). Важность оценочных замеров результативности адаптации представителей указанных государств связана с их активным миграционным потоком в Россию,

³ Conclusions of the Council and the Representatives of the Governments of the Member States on Integration as a Driver for Development and Social Cohesion. Council of the European Union. Brussels. 4 May 2010, 9248/10, p. 14–16.

сохранением в странах исхода элементов традиционного общества, что способствует формированию у мигрантов склонности к такой форме адаптации, как сегрегация.

Методология и методика исследования

Авторская разработка системы показателей адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающем сообществе основывается на принципах: социального разнообразия, комплексности оценки и учёта времени нахождения на принимающей территории. Под принципом социального разнообразия в данном контексте понимается учёт различных социальных практик, реализуемых в процессе адаптации во всех сферах жизнедеятельности (Мекка, 2012). Под принципом комплексности подразумеваются полнота и взаимодополняемость показателей, т. е. выстраивание системы показателей таким образом, чтобы в совокупности они характеризовали наличие у мигрантов стремления к взаимодействию с культурой принимающего сообщества при сохранении своей самобытной культуры (Сметанин, 2020). Принцип учёта времени определяет возможность сравнения динамики адаптационных процессов в зависимости от сроков пребывания трудовых мигрантов на принимающей территории.

В контексте нашего исследования оценка результативности адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающем сообществе опирается на теорию социального капитала, состоящего из связующего капитала, под которым подразумеваются сплочённость и взаимопомощь внутриэтнических групп мигрантов (родственники, знакомые), и соединяющего капитала, характеризующего социальные связи между представителями этнических групп мигрантов и местным населением (Татарко, 2018). Социальный капитал мигрантов повышает их информированность, позволяет успешно ориентироваться в новых условиях, создаёт благоприятный психологический настрой.

Методическая разработка системы индикаторов для оценки результативности адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающем сообществе и её апробация осуществлялись на данных, полученных в ходе социологического опроса, проведённого авторами данной статьи в марте – мае 2023 года на примере Свердловской области с применением

многоступенчатой комбинированной выборки ($n = 513$). На первом этапе определены административные районы Свердловской области с наибольшей концентрацией трудовых мигрантов из стран Средней Азии (на основе данных УВМ ГУ МВД). На втором этапе внутри данных районов в качестве мест опроса выявлены точки наибольшего притяжения трудовых мигрантов (рынки, стройки, торговые центры, мечети и центры, оказывающие услуги трудовым мигрантам). На третьем этапе определены квоты (по полу, возрасту и странам происхождения: Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, в соответствии с национальным составом мигрантов в регионе на момент проведения опроса). На четвёртом этапе отбор респондентов осуществлялся стихийным образом с подключением метода «снежного кома» для заполнения квот.

С целью уменьшения смещённости выборки использовались способы повышения доверия через выбор мест проведения опроса, его организацию совместно с представителями национальных диаспор и служителями культа; повышение участия мигрантов в опросе за счёт перевода вопросов анкеты на родной язык респондентов и возможности прохождения опроса в онлайн-формате; контроль распределения респондентов по полу, возрасту, странам происхождения.

Такая комбинация методов в построении выборки является распространённым компромиссным решением в исследованиях труднодоступных групп, позволяя обеспечить необходимое разнообразие респондентов при отсутствии полного списка генеральной совокупности. Вместе с тем применение стихийного отбора на последнем этапе накладывает ограничения на репрезентативность: полученные результаты не могут быть напрямую экстраполированы на всю совокупность трудовых мигрантов без поправок. Тем не менее они дают надёжное представление о структуре адаптационных процессов в изучаемой группе и могут служить основой для сравнения между подвыборками (в частности, между группами с разным сроком пребывания).

Характеристика выборки. В выборке преобладали мужчины (78%), что вполне ожидаемо для мигрантов из стран Средней Азии. Зна-

чительную долю (41%) мигрантов составляла молодежь до 29 лет, 81% респондентов женаты, замужем или имели в прошлом семейный опыт, у более чем 70% респондентов есть дети.

Распределение мигрантов по сферам занятости достаточно традиционно для крупных промышленных регионов: большинство мигрантов (80%) трудоустроены в таких секторах экономики, как строительство (36%), торговля (17%), социальная сфера (16%) и промышленность (11%).

По времени нахождения на принимающей территории было выделено две группы трудовых мигрантов: находящиеся менее одного года и более пяти лет. Основу первой группы составили молодые мигранты, в том числе совмещающие получение образования и трудовую деятельность. Вторую группу сформировали лица, имеющие семью и несовершеннолетних детей как на территории России, так и в странах исхода.

Система индикаторов оценки результативности адаптации и интеграции трудовых мигрантов на принимающей территории, полученная в ходе проведенного социологического опроса, по характеру занимаемого статуса содержит три блока: социально-экономический, социокультурный, правовой и семейный статусы. С нашей точки зрения, каждый из этих блоков характеризует определённую сторону адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество.

Блок социально-экономический включает четыре индикатора: уровень оплаты труда; статус в сфере занятости; условия проживания; место проживания.

Уровень оплаты труда и статус в сфере занятости характеризуют востребованность мигранта на региональном рынке труда, а условия и место проживания дают информацию о его социальном и материальном благополучии. Как свидетельствуют данные опроса, вновь прибывшие трудовые мигранты часто селятся у своих родных, которые уже арендовали или приобрели недвижимость. Здесь речь может идти об использовании «связующего социального капитала» мигрантов, который оказывает значительное влияние на адаптацию, особенно в первое время пребывания на принимающей территории, но одновременно может служить помехой

в интеграционном процессе. По мере роста дохода мигранты, как правило, самостоятельно арендуют или покупают недвижимость, переезжают в более комфортное жильё, покидая места анклавного проживания.

Социокультурный блок включает шесть индикаторов: уровень владения русским языком; межэтнические контакты на работе; контакты с местным населением в местах проживания; частота обращений в учреждения социальной сферы; получение детьми российского образования; обращение за содействием в государственные и общественные организации. Такой подбор индикаторов оценки отражает совокупность связей, отношений и ресурсов, которые мигранты используют для адаптации и интеграции в принимающее сообщество (Bourdieu, 1986; Coleman, 1988; Putnam, 1995; Ананичева, 2024).

Работа в трудовом коллективе или проживание на территории, где численное преимущество имеет местное население, обращение в случае возникновения проблем в юридические организации, территориальные органы управления свидетельствуют о наличии соединяющего социального капитала, т. е. о склонности к интеграции. Владение русским языком уменьшает культурную дистанцию между трудовыми мигрантами и принимающим сообществом (Рязанцев, 2018; Ryazantsev, Ochirova, 2019; Saryglar, Maximova, 2020), плохое знание языка ограничивает коммуникации с местным населением (Грунт, 2019). В то же время интенсивность пользования социальной сферой (медицинские учреждения, детские сады, школы) может свидетельствовать как о наличии связующего капитала (что больше характерно для семейных мигрантов с детьми), так и об уровне владения информацией, необходимой для жизни. Желание дать детям российское образование говорит об установке мигрантов на интеграцию в принимающее сообщество.

Блок правового и семейного статуса включает четыре индикатора оценки: правовой статус (РВП, ВНЖ, гражданство); формализацию трудовой деятельности/бизнеса; нахождение на принимающей территории вместе с семьёй или другими родственниками; гражданство супруга/супруги.

Данные индикаторы демонстрируют «интеграционный путь мигранта». Легальным мигрантам, а также лицам, получившим гражданство принимающей страны, легче трудоустроиться, найти жильё (Грунт, 2019). Наличие официального трудоустройства, с одной стороны, говорит о правовой грамотности трудового мигранта, с другой — защищает его от возможной дискриминации со стороны работодателя. Переезд семьи способствует адаптации и интеграции трудового мигранта (Войнов, Леденева, 2025, с. 164). Наличие брака, заключённого с гражданином (гражданкой) из местного населения, также свидетельствует об активной интеграции трудового мигранта (Акрамов, 2018), а вступление в гражданство принимающей страны является заключительной стадией интеграции (Demireva, 2019).

Продолжительность процесса адаптации и интеграции каждого конкретного мигранта определяется множеством факторов: уровнем квалификации (Kogan et al., 2018; Kogan, Shen, 2019), национальной принадлежностью (Бабаева, Константинов, 2021), знанием языка населения принимающей страны (Письменная и др., 2018) и т. п. Так, лица, прибывающие в Российскую Федерацию в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом⁴, обладают всеми признаками общности языка, исторического и культурного наследия и имеют больше шансов к быстрой интеграции в принимающее сообщество, чем временные или сезонные работники. Высококвалифицированные специалисты могут быть экономически успешными, однако это не означает, что они будут обладать всеми признаками интегрированности в местное сообщество: знанием языка, культуры, традиций и норм поведения (Beaverstock, 2005).

Принципиальное отличие предложенной системы индикаторов от существующих методик (Malakhov, Ivanov, 2014; Эндрюшко, 2024)

⁴ О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/189653/?ysc_lid=m7h66f3ee2379985024 (дата обращения: 05.02.2025).

заклучается в трёх аспектах. Во-первых, в отличие от подходов, ориентированных на фиксацию условий адаптации (уровень образования, социальная защищённость), наша система делает акцент на измеряемых результатах взаимодействия мигранта с принимающим сообществом, операционализируя их через конкретные социальные практики. Во-вторых, предложенная группировка индикаторов в три взаимодополняющих блока (социально-экономический, социокультурный, семейно-правовой) позволяет преодолеть разрозненность анализа, характерную для многих исследований, и представить адаптацию как целостный, многофакторный процесс. В-третьих, в отличие от предшествующих работ, где фактор времени учитывался статично, наш подход позволяет проследить динамику перехода мигранта между этапами (начальный — промежуточный — завершающий) одновременно по всем ключевым сферам жизнедеятельности, что даёт возможность выявить не просто наличие, но и степень зрелости интеграционных процессов.

Предлагаемая система критериев разработана для мигрантов из безвизовых стран, которые обладают большей свободой в перемещениях на принимающей территории и в решении вопроса о ввозе членов семьи. В связи с этим для лиц из стран с визовым режимом данные критерии могут быть использованы лишь частично, что также является ограничением исследования.

Другим ограничением выступает динамичность миграционных процессов, вызванная как внутренними (изменение законодательства, ужесточение миграционной политики, изменение экономической ситуации в стране и т. п.), так и внешними (изменение валютного курса под действием внешних факторов, введение санкций и ограничений, конкуренция на международном рынке труда и пр.) факторами.

Для каждого частного индикатора были определены три качественных состояния, соответствующие этапам адаптации: начальный (низкая степень интеграции, сохранение изолированности), промежуточный (формирование устойчивых связей с принимающим сообществом, использование его ресурсов), завершающий (высокая степень интеграции, правовое и

социальное закрепление). Отнесение конкретных характеристик индикатора к тому или иному этапу осуществлялось на основе:

- теоретического анализа (см., например, Berry, 1997; Malakhov, Ivanov, 2014);
- экспертного обсуждения (в работе участвовали исследователи, специализирующиеся на миграционной тематике);
- пилотного опроса, позволившего выявить эмпирически значимые градации в распределении ответов.

По каждому блоку и этапу процесса рассчитаны индексы средней взвешенной величины:

$$R_i = \frac{\sum_{i=1}^n S_i \times k_i}{\sum_{i=1}^n S_i}, \quad (1)$$

- где R_i – средневзвешенный индекс по блоку;
 S_i – коэффициент значимости i -го частного индикатора;
 k_i – значение i -го частного индикатора;
 n – количество индикаторов в данном блоке.

Для оценки значимости i -го частного индикатора рассчитана частотность его упоминания в научной литературе. Для этого использована платформа российской научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Поиск научных работ осуществлялся по запросу «интеграция трудовых мигрантов». Из перечня наиболее релевантных работ, состоящего из 1000 источников, были отобраны 17. Критерии отбора: статьи или монографии, исследование российской миграции, наличие социологического исследования в форме анкетирования, указание хотя бы двух параметров из трёх: география исследования, год исследования, объём выборки (табл. 1).

На основании проведённого анализа определены следующие критерии оценки результативности: $0\% \leq R \leq 33\%$ – низкая; $34\% \leq R \leq 66\%$ – средняя; $67\% \leq R \leq 100\%$ – высокая. С помощью рассчитанных индексов по каждому блоку проведена оценка результативности процесса интеграции по завершающему этапу.

Таблица 1. Определение значимости показателей адаптации и интеграции трудовых мигрантов на основе библиометрического анализа

Автор(ы), год публикации	География и год исследований, величина выборки	Социально-экономическая адаптация и интеграция				Социокультурная адаптация и интеграция						Правовой и семейный статус						
		1	2	3	4	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4			
Баширова Л.С., Кузнецов В.А. (Баширова, Кузнецов, 2012)	г. Омск, 2010, n = 156	+		+	+										+	+		+
Флоринская Ю.Г. (Флоринская, 2012)	г. Москва, г. Санкт-Петербург, 2010, n = 400; г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская обл., Самарская обл., Ленинградская обл., Краснодарский край, 2010, n = 1169	+	+															
Мукомель В.И. (Мукомель, 2013)	Всероссийский опрос (ВШЭ ЦЭПРИ), 2011	+	+	+	+	+										+	+	+
Бондарук А.Ф., Голянич В.М., Перепелкина В.А. (Бондарук и др., 2015)	Ленинградская обл., 2014, n = 252					+	+	+								+		
Титова Е.В. (Титова, 2015)	Еврейская обл., n = 197	+	+	+	+	+												

Окончание таблицы 1

Автор(ы), год публикации	География и год исследований, величина выборки	Социально-экономическая адаптация и интеграция				Социокультурная адаптация и интеграция						Правовой и семейный статус			
		1	2	3	4	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4
Щитова Н.А., Соловьев И.А., Белозеров В.С. (Щитова и др., 2016)	Ставропольский край, 2012, n = 776	+	+	+		+			+	+		+			
Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Гришин А.С., Смирнов А.В. (Письменная и др., 2018)	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Калужская обл., Московская обл., Ленинградская обл., Свердловская обл., Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО, Ставропольский край, Приморский край, Хабаровский край, n = 1000	+				+						+			
Грунт Е.В. (Грунт, 2019)	г. Екатеринбург, 2018, n = 400	+				+							+	+	+
Saryglar S.A., Maximova S.G. (Saryglar, Maximova, 2020)	Алтайский край, Амурская обл., Астраханская обл., Волгоградская обл., Хабаровский край, Республика Тыва, n = 449	+	+	+	+	+					+			+	
Эндрюшко А.А. (Эндрюшко, 2020)	Всероссийский опрос, 19 регионов (руководитель В.И. Мукомель), 2017, n = 8577	+	+	+		+	+	+	+	+			+	+	
Акопян Е.А., Акопян А.Р. (Акопян, Акопян, 2021)	г. Санкт-Петербург, Ленинградская обл., n = 200	+		+								+	+	+	
Осадчая Г.И. (Осадчая, 2021)	г. Москва, 2019-2020, n = 823	+		+					+	+					+
Титова Т.А., Фролова Е.В. (Титова, Фролова, 2022)	г. Казань, 2018, n = 300					+	+	+							+
Ростовская Т.К., Виноградова М.В., Никипорец-Такигава Г.Ю. (Ростовская и др., 2024)	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Новосибирская обл., Красноярский край, Краснодарский край, Ростовская обл., Самарская обл., Приморский край, Тюменская обл., Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Московская обл., Иркутская обл., Свердловская обл., 2018	+	+			+						+			
Ерёмина Е.В. (Ерёмина, 2024)	Пензенская обл., 2024, n = 200	+	+			+	+	+					+	+	
Эндрюшко А.А. (Эндрюшко, 2024)	Всероссийский опрос, 19 регионов (руководитель В.И. Мукомель), 2017, n = 8577			+		+	+	+				+			
Мокин К.С. (Мокин, 2024)	г. Москва и Московская область, n = 3533	+	+			+	+			+				+	
частотность, s_i		14	9	9	4	13	5	5	5	7	1	6	6	6	4
Источник: составлено авторами.															

Результаты исследования

Итоги опроса, представленные в *таблицах 2–4*, характеризуют результативность адаптации и интеграции трудовых мигрантов.

Данные, приведённые в *таблице 2*, свидетельствуют, что для блока «Социально-экономическая адаптации и интеграции» характерен средний уровень результативности, его имеют 36% трудовых мигрантов, в том числе находящихся в регионе менее одного года – 32%, более пяти лет – 36%.

Оценка результативности по социально-экономическому блоку демонстрирует концентрацию мигрантов на промежуточном этапе адаптации, независимо от времени пребывания на территории региона. В то же время 74% мигрантов, участвовавших в опросе, имеют постоянную работу, что свидетельствует о мотивации их к трудоустройству и получению стабильного заработка. При этом фактор времени незначительно влияет на переход к завершающему этапу адаптации и интеграции: даже после пяти лет проживания в регионе, лишь 36% мигрантов достигают высоких значений по совокупности критериев. Это позволило нам сделать вывод о том, что экономическая адаптация происходит преимущественно в первые годы, но затем

стабилизируется без выхода на завершающий уровень, что объясняется структурными ограничениями регионального рынка труда и сохраняющейся занятостью в сегментах с низкими требованиями к квалификации.

Для социокультурного блока характерен средний уровень результативности: 56% трудовых мигрантов, прибывших в регион из стран Средней Азии, в том числе находящихся в регионе менее одного года – 43%, более пяти лет – 58% (*табл. 3*).

По критериям межэтнического взаимодействия значительная доля трудовых мигрантов оказалась на промежуточном этапе адаптации и интеграции. В то же время для решения проблемных ситуаций мигранты предпочли обращение к друзьям, родственникам, знакомым, относясь с недоверием к правовым институтам.

В *социокультурном блоке* наблюдается неравномерная динамика адаптации и интеграции: знание русского языка и ориентация на образование детей демонстрируют устойчивый прогресс с увеличением срока пребывания. Так, численность мигрантов, свободно владеющих русским языком, за пять лет пребывания в России возросла на 19% (с 54 до 73%). Желание 70% респондентов обучать детей в российских

Таблица 2. Оценка результативности социально-экономической адаптации и интеграции трудовых мигрантов из стран Средней Азии в Свердловской области, %

Критерий	Этап адаптации и интеграции											
	начальный	a	b	c	промежуточный	a	b	c	завершающий	a	b	c
Уровень оплаты труда	ниже средней по отрасли	25	28	28	средняя по отрасли	52	45	48	выше средней по отрасли	23	27	24
Статус в сфере занятости	безработный, временно не работающий	15	13	9	временные работы	13	22	17	постоянная работа	72	65	74
Условия проживания	общежитие, служебное помещение	29	13	10	аренда недвижимости	58	51	66	собственное жильё	13	36	24
Место проживания	район компактного проживания трудовых мигрантов (КПТМ)	23	31	33	район с относительно низкой стоимостью недвижимости, не входящий в зону КПТМ	60	63	44	район с относительно высокой стоимостью недвижимости	17	6	23
R_i		23	21	19		45	43	44		32	36	36

Примечание: а – трудовые мигранты, которые находятся в России менее одного года; б – трудовые мигранты, которые находятся в России более пяти лет; с – все трудовые мигранты вне зависимости от времени нахождения в регионе.

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Оценка результативности социокультурной адаптации и интеграции трудовых мигрантов из стран Средней Азии в Свердловской области, %

Критерий	Этап адаптации и интеграции											
	начальный	a	b	c	промежуточный	a	b	c	Завершающий	a	b	c
Уровень знания русского языка	не владеют	21	5	10	владеют на бытовом уровне	25	22	26	свободно владеют	54	73	64
Межэтнические контакты на работе	преимущественно с соотечественниками	46	17	22	смешанные коллективы (местные и мигранты)	33	49	40	преимущественно с местным населением	21	34	38
Межэтнические контакты в местах проживания	преимущественно с соотечественниками	38	13	19	смешанные коллективы (местные и мигранты)	27	45	45	преимущественно с местным населением	35	42	36
Частота обращений в учреждения социальной сферы	не обращаются	22	14	23	обращаются иногда	28	33	20	обращаются часто	50	53	57
Получение детьми российского образования	нет желания давать детям российское образование	17	5	13	затруднились ответить	43	35	11	есть желание обучать детей	40	66	70
Обращение за содействием	обращение к друзьям, родственникам, знакомым	51	44	47	обращение в консульство, к диаспоре	8	9	21	обращение в юридические конторы, в территориальные органы управления или НКО	41	47	32
R_i		27	10	16		30	33	27		43	58	56

Примечание: а – трудовые мигранты, которые находятся в России менее одного года; б – трудовые мигранты, которые находятся в России более пяти лет; с – все трудовые мигранты вне зависимости от времени нахождения в регионе.
Источник: составлено авторами.

школах свидетельствует как о высокой результативности адаптации и интеграции мигрантов по данному индикатору, так и о престижности российского образования среди опрошенных. В то же время частота обращений в учреждения социальной сферы, межэтнические контакты и обращение к правовым институтам остаются на промежуточном уровне даже у «старожилов», что мы интерпретируем как проявление связующего социального капитала, сформированного в диаспоре, и сохраняющегося недоверия к формальным институтам.

По блоку «Правовой и семейный статус» трудовые мигранты в целом имеют средний уровень результативности адаптации и интеграции – 40%, в том числе находящиеся на территории региона более пяти лет – 46% (табл. 4).

Однако по этому блоку выявлена наиболее выраженная зависимость от времени пребывания: трудовые мигранты, находящиеся на территории региона менее года, имеют низкую результативность адаптации и интеграции – 26%. В данном блоке доля мигрантов, имеющих ВНЖ или гражданство, возрастает с 27 (менее года) до 46% (более пяти лет), а доля проживающих с семьёй – с 28 до 71%, т. е. высокая доля у мигрантов со стажем более пяти лет, проходящих завершающий этап по показателю «нахождение на принимающей территории с семьёй», может рассматриваться не только как индикатор адаптации, но и как фактор, который сам ускоряет адаптационные процессы (через расширение социальных связей, повышение мотивации к правовому оформлению). В целом по

Таблица 4. Оценка результативности адаптации и интеграции трудовых мигрантов из стран Средней Азии в Свердловской области по блоку «Правовой и семейный статус», %

Критерий	Этап интеграции											
	начальный	a	b	c	промежуточный	a	b	c	завершающий	a	b	c
Правовой статус	временное пребывание	54	35	43	РВП	19	19	19	ВНЖ, российское гражданство	27	46	38
Формализация трудовой деятельности/бизнеса	трудовые отношения (бизнес) не оформлены	26	33	31	устный, контракт	35	18	22	письменный договор / оформленный бизнес	39	49	47
Нахождение на принимающей территории вместе с семьёй или другими родственниками	без семьи	33	11	16	вместе с выходцами из страны исхода	39	18	25	с семьёй	28	71	59
Гражданство супруги/супруга	не замужем / не женат	74	11	19	гражданство не принимающей страны	26	83	77	гражданство принимающей страны	0	6	4
R_i		44	24	28		30	30	32		26	46	40

Примечание: а – трудовые мигранты, которые находятся в России менее одного года; б – трудовые мигранты, которые находятся в России более пяти лет; с – все трудовые мигранты вне зависимости от времени нахождения в регионе.
Источник: составлено авторами.

критерию «правовой статус» большинство мигрантов находится на начальной стадии адаптации и интеграции, однако по критериям «формализация трудовой деятельности/бизнеса» и «нахождение на принимающей территории вместе с семьёй или другими родственниками» – на завершающей.

Эти результаты мы соотнесли с теоретической моделью интеграционного пути, показав, что юридическая легитимизация и семейное воссоединение выступают ключевыми маркерами перехода от временного пребывания к долгосрочному укоренению. Предложены дополнительные интерпретации по таким критериям, как «нахождение на принимающей территории вместе с семьёй» и «гражданство супруга/супруги».

Кроме того, полученные данные подтверждают модель Дж. Берри (Berry, 1997): среди мигрантов со стажем более пяти лет преобладает стратегия интеграции (сохранение своей культуры при активном взаимодействии с принимающим сообществом), в то время как у новоприбывших чаще встречаются элементы сегрегации (компактное проживание, опора на земляческие сети). С опорой на концепции социального капитала П. Бурдьё (Bourdieu, 1986) и

Р. Патнэма (Putnam, 1995) мы показали, что на начальном этапе доминирует связывающий капитал (обращение к родственникам, диаспоре), а с увеличением срока пребывания возрастает роль соединяющего капитала (межэтнические контакты на работе, обращение в территориальные органы). Нашло эмпирическое подтверждение значение фактора времени, но с важным уточнением: его действие неравномерно по разным сферам – наиболее сильно оно проявляется в правовой и семейной сферах, наименее – в социально-экономической. Этот вывод дополняет существующие исследования (Эндрюшко, 2024; Бедрина и др., 2024), где временной фактор рассматривался преимущественно как универсальный.

Заключение

Методические подходы к оценке процессов адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающем сообществе, основанные на использовании результатов социологического опроса, позволили дать количественную оценку этим процессам и провести их формализацию. Оценка адаптационных процессов трудовых мигрантов на примере Свердловской области по всем трём блокам критериев: социально-экономическому, социокультурному, право-

вому и семейного статуса — в целом показала средний уровень результативности. При этом по социокультурному блоку оценка результативности адаптации и интеграции трудовых мигрантов выше, чем по другим, что может быть объяснено преобладанием в регионе семейного вида миграции, предполагающего более активное взаимодействие трудовых мигрантов с принимающим сообществом. Низкая результативность по социально-экономическому блоку в первую очередь связана с относительно низким уровнем образования и квалификации трудовых мигрантов, прибывающих в регион.

В ходе исследования подтверждено положение о необходимости учёта времени нахождения трудовых мигрантов на принимающей территории. Полученные результаты подтверждают выводы К.С. Мокина: чем дольше длится состояние миграции, тем больше мигрант ориентирован на то, чтобы остаться жить на принимающей территории (Мокин, 2024). Данная тенденция проявляется по всем блокам, а также этапам адаптации и интеграции. При этом действие фактора времени мало значимо для изменения социально-экономического положения трудовых мигрантов, но имеет большее значение в решении вопросов правового и семейного статуса.

Теоретическая значимость исследования заключается в создании инструментария, позволяющего верифицировать существующие теоретические модели адаптации (ассимиля-

ция, интеграция, сегрегация и т. д.) на количественном уровне, выявляя реальные практики адаптации мигрантов. Практическая значимость состоит в том, что предложенный подход может быть использован органами государственной власти и местного самоуправления для мониторинга эффективности миграционной политики, оценки долгосрочных эффектов адаптационных программ, а также для разработки адресных мер поддержки, дифференцированных в зависимости от этапа интеграции и блока индикаторов, по которым фиксируется отставание. Апробация методики на данных по Свердловской области подтвердила её работоспособность и чувствительность к фактору времени, что позволяет рекомендовать её для других регионов России с учётом специфики локальных миграционных потоков.

Дальнейшие исследования, касающиеся количественной оценки результативности процессов адаптации и интеграции трудовых мигрантов на принимающей территории, могут быть проведены с учётом большего количества критериев и показателей, что позволит распространить данный методический подход на другие этнические группы трудовых мигрантов, а также проводить оценку долгосрочных эффектов адаптации для разработки более эффективных адаптивных стратегий в целях совершенствования российской миграционной политики.

Литература

- Акопян Е.А., Акопян А.Р. (2021). Анализ социально-экономической интеграции трудовых мигрантов в регионе (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области) // Актуальные проблемы военно-научных исследований. № 1. С. 72–85.
- Акрамов Ф.Ш. (2021). Проблемы интеграции трудовых мигрантов в принимающем сообществе // Экономика Таджикистана. № 3. С. 197–203.
- Акрамов Ш.Ю. (2018). Межнациональные браки как фактор адаптации трудовых мигрантов из Таджикистана в России // Мир науки, культуры, образования. № 6 (73). С. 407–408.
- Ананичева С.Р. (2024). Социальная адаптация мигрантов: социологический анализ // Социально-гуманитарные знания. № 1. С. 11–14.
- Бабаева М.В., Константинов В.В. (2021). Адаптационный процесс и социальная дистанция трудовых мигрантов в принимающем сообществе // Человеческий капитал. № 3. С. 81–87. DOI: 10.25629/НС.2021.03.07
- Баширова Л.С., Кузнецов В.А. (2012). Трудовые мигранты: социальная адаптация в принимающем обществе (региональный аспект) // Научный вестник Омской академии МВД России. № 3. С. 72–75.
- Бедрина Е.Б., Неклюдова Н.П., Козлова О.А. (2024). Мигранты из стран Центральной Азии на рынке труда Свердловской области в зеркале социологического исследования // Экономика региона. Т. 20. №. 1. С. 135–149. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-9

- Бондарук А.Ф., Голянич В.М., Перепелкина В.А. (2015). Интеграция мигрантов в социально-экономическое пространство Северо-Западного региона России // *Управленческое консультирование*. № 10 (82). С. 110–125.
- Войнов С.М., Леденева В.Ю. (2025). Механизмы адаптации иностранных трудовых мигрантов в Дальневосточном федеральном округе // *ДЕМИС. Демографические исследования*. Т. 5. № 3. С. 156–176. DOI: 10.19181/demis.2025.5.3.10
- Грунт Е.В. (2019). Факторы, влияющие на социокультурную адаптацию мигрантов из Средней Азии в Уральском мегаполисе // *LogosetPraxis*. № 18 (3). С. 112–123. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.3.12
- Еремина Е.В. (2024). Проблемы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество // *Социально-гуманитарные знания*. № 12. С. 109–113.
- Константинов В.В., Осин Р.В., Бабаева М.В. [и др.] (2022). В чужой стране: социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: монография. Москва: Перо. 185 с.
- Мекка О.А. (2012). Принцип разнообразия в подходе к анализу социальных явлений: к постановке проблемы // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки*. № 1. С. 83–89.
- Мокин К.С. (2024). Траектории социальных лифтов мигрантов в России: пути адаптации и интеграции в принимающие сообщества // *ИНАБ*. № 1. Межэтнические отношения, идентификационные и интеграционные процессы в период социальных трансформаций. С. 72–86. DOI: 10.19181/INAB.2024.1.7
- Мукомель В. (2016). Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // *Россия реформирующаяся*. № 14. С. 411–467.
- Мукомель В. (2013). Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. Москва: Спецкнига. 34 с.
- Осадчая Г.И. (2021). Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 14 (1). С. 186–198. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.13
- Осадчая Г.И., Леденева В.Ю., Юдина Т.Н. (2024). Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспекты // *Вопросы управления*. Т. 18. № 3. С. 69–80. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-3-69-80
- Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Гришин А.С., Смирнов А.В. (2018). Адаптация и интеграция трудовых мигрантов в российских городах: результаты социологического опроса // *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*. № 6. С. 5–20. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-01
- Ростовская Т.К., Виноградова М.В., Никопорец-Такигава Г.Ю. (2024). Особенности процесса интеграции молодых мигрантов и иммигрантов в российское общество и реализации молодежной политики в многонациональных государствах Европы, СНГ, Китая и Индии. Москва: КноРус. 224 с.
- Рязанцев С.В. (2018). Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // *Социологические исследования*. № 1. С. 105–111.
- Сметанин Ф.А. (2020). Мусульманские сообщества и диаспоры как фактор интеграции мигрантов (пример Томска) // *Вестник Томского государственного университета*. № 461. С. 161–165. DOI: 10.17223/15617793/461/19
- Татарко А.Н. (2018). Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе // *Культурно-историческая психология*. № 14 (2). С. 33–43. DOI: 10.17759/CHP.2018140204
- Титова Е.В. (2015). Механизмы регулирования процессов адаптации этнической трудовой миграции в Еврейской автономной области // *Региональные проблемы*. Т. 18. № 3. С. 82–87.
- Титова Т.А., Фролова Е.В. (2022). Женская миграция в Республике Татарстан: идентичность, социальные практики и интеграция в принимающее сообщество // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Т. 42. № 3. С. 27–40. DOI: 10.26907/2312-3400.2022.3.27-40
- Флоринская Ю.Ф. (2012). Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции (по материалам социологических опросов центра миграционных исследований) // *Проблемы прогнозирования*. № 4. С. 118–127.
- Цапенко И.П., Гришин И.В., Преображенская А.А. [и др.] (2018). Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма: монография. Москва: ИМЭМО РАН. 233 с.
- Черепанова М.И., Максимова С.Г. (2020). Национальная безопасность в приграничных регионах России: натурализация мигрантов в принимающих сообществах // *Социодинамика*. № 2. С. 74–92. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.2.31109

- Щитова Н.А., Соловьев И.А., Белозеров В.С. (2016). Проблемы адаптации иностранных трудовых мигрантов на примере Ставропольского края // Наука. Инновации. Технологии. № 4. С. 217–222.
- Эндрюшко А.А. (2020). Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ // Социологические исследования. № 11. С. 84–95. DOI: 10.31857/S013216250009906-9
- Эндрюшко А.А. (2024). Длительность проживания и интеграция мигрантов: (не)очевидные взаимосвязи // Социологическая работа и социальная практика. № 12 (2). С. 147–168. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.7
- Alaimo L.S., Amato F., Maggino F., Piscitelli A., Seri E. (2023). A comparison of migrant integration policies via mixture of matrix-normals. *Social Indicators Research*, 165(2), 473–494. DOI: 10.1007/s11205-022-03024-2
- Beaverstock J.V. (2005). Transnational elites in the city: British highly-skilled inter-company transferees in New York city's financial district. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 31(2), 245–268. DOI: 10.1080/1369183042000339918
- Bakhturidze Z.Z., Pogodin S.N., Smolskaia N.B. (2023). German experience of migrants integration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 39(1), 106–116. DOI: 10.21638/spbu17.2023.109
- Bedrina E.B., Lazareva E.V. (2021). Adaptation and integration of labour migrants from Central Asia in Russia and countries of European Union: Comparative analysis. *Economy of Region*, 17(1), 170–181. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-13
- Berry J.W. (1997). Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46(1), 5–68. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
- Bourdieu P. (1986). The forms of capital. In: Richardson J. (Ed.). *Handbook of Theory and Research for Sociology of Education*. New York: Greenwood Press.
- Coleman J.S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120. DOI: 10.1086/228943
- Goodman S.W. (2019). Indexing immigration and integration policy: Lessons from Europe. *Policy Studies Journal*, 47(3), 572–604.
- Demireva N. (2019). Receiving country investments and acquisitions: How migrants negotiate the adaptation to their destination. *Social Inclusion*, 7(4), 18–27. DOI: 10.17645/si.v7i4.2352
- Hellgren Z. (2016). Immigrant integration as a two-way process? Stakeholder discourses and practices in Stockholm and Barcelona. *Psychosociological Issues in Human Resource Management*, 4(1), 143–167.
- Kogan I., Shen J. (2019). It's the economy! Perceptions of host-countries' institutions and individual life satisfaction of intra-European migrants. *Frontiers in Sociology*, 4(42), 1–16. DOI: 10.3389/fsoc.2019.00042
- Kogan I., Shen J., Siegert M. (2018). What makes a satisfied immigrant? Host-country characteristics and immigrants' life satisfaction in eighteen European countries. *Journal of Happiness Studies*, 19(6), 1783–1809. DOI: 10.1007/s10902-017-9896-4
- Malakhov V.S., Ivanov I.S. (Eds.). (2014). *Migrant Integration: The European Experience and Prospects for Russia (Working Paper)*. Moscow: Spetskniga.
- Putnam R. (1995). Tuning in, tuning out: The strange disappearance of social capital in America. *PS: Political Science and Politics*, 28(4), 664–683. DOI: 10.2307/420517
- Ryazantsev S.V., Ochirova G.N. (2019). The impact of labour migration on the sustainable development of Central Asia. *Ponte*, 75(7), 86–99. DOI: 10.21506/j.ponte.2019.7.9
- Safdar S., Ray-Yol E., Reif J.A., Berger R. (2021). Multidimensional individual difference acculturation (MIDA) model: Syrian refugees' adaptation into Germany. *International Journal of Intercultural Relations*, 85, 156–169.
- Saryglar S.A., Maximova S.G. (2020). Migration behavior: Strategies and practices of social integration, specifics of adaptive behavior of migrants in the Asian borderlands of Russia. *Society and Security Insights*, 3(1), 37–48. DOI: 10.14258/ssi(2020)1-02

Сведения об авторах

Ольга Анатольевна Козлова – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru)

Елена Борисовна Бедрина – кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19); старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: bedrina.eb@uiec.ru)

Наталья Павловна Неклюдова – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru)

Kozlova O.A., Bedrina E.B., Neklyudova N.P.

Integration of Labor Migrants: Assessment Based on Sociological Survey Data

Abstract. The article substantiates a methodological approach to assessing the effectiveness of the adaptation and integration processes of labor migrants in the host community, which is a key element of migration policy. The relevance of the study stems from the need to develop tools for evaluating the qualitative parameters of adaptation processes among labor migrants, a prerequisite for preventing negative social consequences of migration processes. The aim of the study is to develop and substantiate a system of indicators for assessing the effectiveness of adaptation and integration of labor migrants, taking into account the specific characteristics of migration flows to Russia. The research methodology includes systematization of scholarly approaches, formulation of assessment principles and criteria, analysis of normative documents, and the results of a sociological survey of labor migrants from Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan conducted in the Sverdlovsk Region from March to May 2023. The main results and their novelty lie in the development of a comprehensive system of indicators grouped into three blocks (socio-economic, socio-cultural, and family-legal), which makes it possible to assess adaptation and integration as a multidimensional process and distinguishes this approach from existing ones that focus on individual aspects of adaptation processes. The study confirms the importance of accounting for the length of time migrants have spent in the host territory. The limitations of the study are related to the specific countries of origin, which shape the characteristics of adaptation strategies. The results of the study can be used to improve migration policy, develop regional programs for the adaptation and integration of labor migrants from countries with a visa-free entry regime, and in the practice of migration management in the constituent entities of the Russian Federation.

Key words: labor migrants, adaptation and integration, effectiveness, assessment, time factor, sociological survey, migration policy.

Information about the Authors

Olga A. Kozlova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of the Center for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru)

Elena B. Bedrina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation); Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: bedrina.eb@uiec.ru)

Natalya P. Neklyudova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru)

Статья поступила 26.12.2025.

Цифровые платформы на российском рынке труда: парадоксы и противоречия трансформации

Елена Андреевна

КОЛЕСНИК

Тюменский индустриальный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: kolesnikea@tyuiu.ru

ORCID: 0000-0001-5678-2257; ResearcherID: P-2746-2017

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена противоречивой ролью цифровых платформ, которые, став доминирующей инфраструктурой российского рынка труда, не решают, а воспроизводят проблемы неформальной занятости и регионального неравенства. Цель работы – выйти за рамки констатации количественного роста платформ и раскрыть механизмы институционализации данных диспропорций. Научная новизна исследования заключается в синтезе структурного и институционального подходов, позволившем впервые концептуализировать ключевые парадоксы российской модели: технологическую формализацию неформальности, региональное закрепление неравенства и алгоритмическую автономию. Методологическую базу составил комплекс качественных и количественных методов: вторичный анализ данных Росстата и платформ (2020–2025 гг.), авторский контент-анализ текстов вакансий (N = 4500) для идентификации серых практик найма по лексическим маркерам, а также моделирование сроков закрытия вакансий для оценки региональной эффективности (N = 9600). Результаты исследования демонстрируют, что платформы выступают инфраструктурой массовой институционализации неформальных отношений, где доля серых вакансий в массовых сегментах достигает 60–85%. Выявлено, что платформенная инфраструктура не сглаживает, а технологически закрепляет региональную асимметрию, концентрируя высокодоходные цифровые профессии в столицах и консервируя низкоквалифицированную, незащищенную занятость на периферии. Показано, что гибкость платформенной занятости оборачивается либо жестким алгоритмическим контро-

Для цитирования: Колесник Е.А. (2026). Цифровые платформы на российском рынке труда: парадоксы и противоречия трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 177–198. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.9

For citation: Kolesnik E.A. (2026). Digital platforms in the Russian labor market: Paradoxes and contradictions of transformation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 177–198. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.9

лем (в gig-сегменте), либо ростом нестабильности (во фрилансе), что в обоих случаях ведет к перекладыванию социальных рисков на работника. Ограничения исследования связаны с дефицитом открытых официальных данных о неформальной занятости, что определяет перспективу дальнейших исследований в области долгосрочных социальных последствий платформизации и эффективности дифференцированных регуляторных мер.

Ключевые слова: парадоксы трансформации, цифровые платформы, российский рынок труда, институционализация неформальности, региональная асимметрия, алгоритмический контроль, поляризация доходов, социальная уязвимость.

Введение

Стремительная цифровизация экономики привела к становлению цифровых платформ как ключевого элемента новых экономических взаимодействий. В сфере труда они трансформируют традиционные модели найма, формализуя связи между потребителями и поставщиками услуг, минимизируя транзакционные издержки и выступая технологической основой для эволюции рынка труда. В связи с этим особую актуальность приобретает позиция Международной организации труда (МОТ), согласно которой будущее сферы занятости определяется не технологиями самими по себе, а способностью социума извлекать выгоды из цифровой трансформации, одновременно смягчая её негативные последствия. Ключевыми условиями для этого МОТ считает укрепление международного сотрудничества, внедрение инклюзивной политики и развитие новых моделей социального диалога¹.

Глобальный тренд на платформенную и удалённую занятость находит отражение и в России, где эта модель демонстрирует опережающую динамику. Согласно исследованиям НИУ ВШЭ, по итогам 2024 года доля платформенных работников в стране достигла 4,4%, что в абсолютном выражении составляет от 2 до 5 млн человек, использующих цифровые платформы в профессиональных целях². Эта оценка охватывает как занятых на управляемых

gig-платформах (курьеры, таксисты), так и фрилансеров, работающих через специализированные биржи (FL.ru, Profi.ru и др.).

Рынок платформенной занятости страны показывает устойчивую положительную динамику. Совместное исследование «Data Insight» и «Ventra Go!» оценивает рост денежного оборота данного сегмента в 2025 году в 40%, что эквивалентно увеличению на 239 млрд рублей³.

Особого внимания заслуживает сегмент фриланса (профессиональных услуг), который демонстрирует опережающие темпы развития. Эксперты PwC прогнозируют, что к 2025 году объем российского рынка фриланса может достичь 102 млрд долларов⁴, что позволит России войти в десятку мировых лидеров по данному показателю, уступая по скорости его роста только США. Важно подчеркнуть, что эта оценка относится исключительно к сфере интеллектуального труда и не учитывает занятых в сегментах доставки, такси и других видов физической работы на платформах.

Государственная политика, отраженная в национальных проектах, также рассматривает платформы как основу для перевода экономики и социальной сферы на «качественно новые принципы работы»⁵. Однако за декларируемой эффективностью и интеграцией в официальную повестку скрывается двойственная природа их воздействия. Это формирует ключевую

¹ Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда (2019). URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_norm/%40relconf/documents/meetingdocument/wcms_715175.pdf (дата обращения: 14.11.2025).

² Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. (2024). Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых: экспертный доклад. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 64 с.

³ Рынок платформенной занятости в России. URL: https://datainsight.ru/DI_employment_2025 (дата обращения: 26.02.2026).

⁴ Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35?from=copy> (дата обращения: 16.11.2025).

⁵ Национальный проект «Экономика данных». URL: <http://government.ru/news/50469> (дата обращения: 16.11.2025).

научную проблему исследования, которая состоит в следующем противоречии: технологическая экспансия цифровых платформ, призванных оптимизировать и формализовать рынок труда, парадоксальным образом сопровождается сохранением и воспроизводством неустойчивых, неформальных видов занятости и углублением регионального неравенства.

В связи с этим целью данного исследования является комплексный анализ парадоксальной роли цифровых платформ в трансформации российского рынка труда, выходящий за рамки констатации их экспансии. В основе исследования лежит гипотеза, согласно которой цифровые платформы, вопреки ожиданиям, выступают не инструментом формализации, а механизмом институционализации неформальности и закрепления регионального неравенства. Реализация поставленной цели и проверка гипотезы потребовали решения ряда взаимосвязанных задач: во-первых, анализа макроструктурных сдвигов на рынке труда в контексте экспансии платформ; во-вторых, эмпирической оценки масштабов неформальных практик найма; в-третьих, выявления региональной дифференциации эффективности платформ; в-четвертых, концептуализации ключевых парадоксов трансформации занятости в российской модели платформенной экономики.

Научная новизна исследования состоит в интеграции разработанного автором инструментария для эмпирической фиксации неформальных практик найма с теоретическим осмыслением их роли в трансформации российского рынка труда. Во-первых, предложена и апробирована авторская методика количественной идентификации неформальных практик найма на основе контент-анализа текстов вакансий (N = 4500) с применением системы лексических маркеров. Это позволило в разрезе цифровых платформ и профессиональных категорий зафиксировать масштабы серого сектора и выявить его связь с алгоритмическими барьерами.

Во-вторых, на основе синтеза структурного и институционального подходов предложена аналитическая модель, связывающая микроуровневые практики неформальности с макроструктурными сдвигами и институцио-

нальными пробелами. Такая модель не только устраняет фрагментарность существующих исследований, но и впервые концептуализирует ключевые парадоксы российской модели платформенной занятости, обеспечивая переход от констатации разрозненных эффектов к пониманию системных механизмов воспроизводства социальной уязвимости через цифровые платформы.

В целом подход позволяет перейти от перечисления отдельных эффектов к целостному пониманию механизмов воспроизводства неравенства в условиях цифровых платформ.

Актуальность и значимость исследования обусловлены масштабами и противоречивостью трансформации. Российский рынок, демонстрирующий быстрые темпы роста платформенной экономики и входящий в число мировых лидеров по её уровню⁶, представляет собой актуальное и репрезентативное поле для изучения противоречия диалектики технологических возможностей и социальных рисков. Результаты работы могут служить основой для формулирования рекомендаций, направленных на усиление просоциальной составляющей в развитии экосистемы цифровой занятости.

Проблема трансформации рынка труда под воздействием цифровых платформ анализируется в работах российских авторов (Бобков, Черных, 2020; Черных, 2020; Долженко и др., 2024; Капелюшников, Зинченко, 2025; Колесник, 2025) и зарубежных исследователей (Dun et al., 2020; Bieber, 2022; Giustini, 2023; Martindale, Lehdonvirta, 2023), где подчёркивается двойственная природа явления: платформы выступают как драйверы повышения эффективности и гибкости, но также как фактор прекаризации и социальной уязвимости. Современная литература структурируется по нескольким ключевым блокам, анализ которых выявляет как достижения, так и значимые пробелы, задающие направление настоящего исследования.

1. Структурные сдвиги и новая архитектура рынка. Изучение цифровых платформ показывает, что они формируют новую трехстороннюю

⁶ Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. (2024). Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых: экспертный доклад. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 64 с.

структуру отношений: работник – платформа – заказчик. В этой модели платформа выступает как новый институциональный субъект и берёт на себя функции координации и управления. Такая архитектура, как отмечается в научной литературе, способствует децентрализации и индивидуализации труда (Клименко, 2024). Некоторые исследователи (Петровская, 2021; Schmidt, 2017; Sadovaya, 2022; Alauddin et al., 2024) подчеркивают, что такой подход не ограничивается лишь гибкостью, а влечет за собой системную трансформацию трудовых отношений в гражданско-правовую плоскость. Многие признают этот факт, однако мало внимания уделяют тому, каким образом в России эта подмена труда усиливает региональное неравенство. Высокооплачиваемые цифровые профессии концентрируются в столичных агломерациях, оставляя регионам низкоквалифицированные и часто неформальные рабочие места. Цель настоящего исследования – закрыть этот пробел, сфокусировав внимание на территориальном аспекте этого феномена.

2. Диалектика гибкости и алгоритмического контроля. В исследованиях Е.А. Черных отмечается, что гибкость графика и стремление к автономии являются главными побудительными силами, определяющими деятельность пользователей на цифровых платформах (Черных, 2021). Как отмечают Е.С. Садовая и зарубежные исследователи, гибкость и формальная свобода, предоставляемые работодателями, все чаще уступают место жесткому алгоритмическому контролю (Sadovaya, 2022; Laursen et al., 2021; Alauddin et al., 2024). Это явление получило название «парадокса двойной автономии» (Pulignano et al., 2023). Важно подчеркнуть, что существующие исследования, хотя и признают этот парадокс как общую тенденцию, редко анализируют его неравномерное влияние на различные категории работников. Мы исследуем, как архитектура платформ может одновременно служить «каналом эксплуатации» (Черных, 2021) для одних, и пространством, где другие находят возможности для развития, тем самым усиливая внутреннюю стратификацию общества.

3. Социальная стратификация и поляризация. Исследования свидетельствуют, что в низкооплачиваемом сегменте доминируют уязви-

мые группы (молодёжь, женщины, мигранты) (Баймурзина, Черных, 2024; Giustini, 2023; Martindale, Lehdonvirta, 2023). Платформы не только отражают неравенство, но и закрепляют его через алгоритмы, регламенты и правовые пробелы, тем самым институционализируя его. Настоящее исследование сосредоточено на этом механизме.

4. Институциональные разрывы как системная проблема. В современном научном дискурсе подчеркивается, что правовое регулирование не успевает за развитием технологий, создавая правовую неопределенность («институциональный вакуум») (Петровская, 2021). Существуют проблемы с определением правового статуса работников платформ, недостаток регулирования и социальной защиты, что может привести к риску «отложенной бедности» (Черных, 2020; Лешкова, Шимолина, 2025). Однако существующие исследования часто носят общий характер. Данная работа предлагает более конкретный подход, оценивая эти пробелы в регулировании в контексте государственных программ по цифровизации труда. Соответственно, ставится задача выяснить, почему провозглашаемые на государственном уровне цели перехода к управлению на основе данных не приводят к заполнению правовых пробелов, а зачастую существуют параллельно с ними, создавая поле для «платформизации неформальности»⁷.

Проведённый анализ литературы показывает: несмотря на глубокую проработку отдельных аспектов платформенной занятости, сохраняется дефицит комплексных работ, которые бы связали в единую систему структурные сдвиги, региональную дифференциацию, внутреннюю стратификацию платформенного сектора и институциональные провалы именно в российском контексте. Данное исследование призвано преодолеть этот разрыв, предложив целостный анализ парадоксов трансформации российского рынка труда, где технологический инструмент, призванный оптимизировать и сгладить диспропорции, на практике становится фактором их сохранения и воспроизводства.

⁷ Шевчук А.В. (2023). Роль цифровых трудовых платформ в трансформации занятости: экономико-социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук. Москва. С. 25.

Методология исследования

Методологическая основа работы базируется на интеграции структурного и институционального подходов, что позволяет связать макроэкономические тренды, региональную дифференциацию и микроуровень трудовых практик.

Понятийный аппарат исследования. Для корректного анализа необходимо разграничить ключевые понятия, которые часто смешиваются в научном дискурсе о цифровой занятости. В рамках данного исследования автор будет придерживаться следующих определений:

1. Цифровые платформы для трудоустройства — это онлайн-инфраструктура, обеспечивающая коммуникацию между работодателями и соискателями для последующего заключения традиционных трудовых отношений (HH.ru, Superjob, Работа России). Они выступают в роли посредника на этапе поиска, но не участвуют в самом процессе труда и не определяют его условия.

2. Трансакционные (сервисные) платформы или gig-платформы — это платформы, которые не только соединяют заказчика и исполнителя, но и задают правила выполнения работы, осуществляют платежи и часто алгоритмическое управление трудовым процессом (YouDo, Profi.ru, Avito, Яндекс.Такси, курьерские сервисы). Именно здесь формируется платформенная занятость как новый тип отношений.

3. Платформенная занятость — форма трудовых отношений, при которой деятельность работника организуется через цифровую платформу и предполагает выполнение заданий для внешних заказчиков с использованием алгоритмического управления, как правило, без заключения бессрочного трудового договора.

4. Удаленная (дистанционная) работа — форма организации труда, которая может реализовываться как в рамках традиционного трудового договора (глава 49.1 ТК РФ), так и в рамках платформенной занятости. Это понятие описывает место выполнения работы, а не способ организации найма.

5. Фриланс — это вид самозанятости, часто (но не исключительно) реализуемый через цифровые платформы, предполагающий выполнение проектных работ преимущественно интеллектуального характера. Фрилансер обла-

дает большей автономией в выборе заказчика и условий труда по сравнению с работниками управляемых gig-платформ (такси, доставка).

Разведение этих понятий принципиально для понимания парадоксов, описываемых далее: инструмент (цифровые платформы для трудоустройства) не тождественен модели занятости (gig-платформа), а удаленный формат не гарантирует ни автономии, ни социальной защищенности.

Источники данных и период анализа. Эмпирическую базу составили официальная статистика (данные Росстата за 2020–2025 гг.), данные цифровых платформ (открытые данные порталов HH.ru, Работа России, Avito, Superjob, FL.ru, YouDo, Profi.ru за 2020–2025 гг. — аналитические отчеты и результаты авторского сбора) и нормативные документы (национальные проекты, стратегии цифровизации, декларации МОТ).

Методика выявления неформальных практик найма через контент-анализ текстов вакансий (для оценки распространенности серых вакансий).

Выборка составила 4500 вакансий (по 500 на каждую из трех платформ по трем категориям массовых профессий — разнорабочие, курьеры, домашний персонал). Принцип отбора платформ: HH.ru — лидер корпоративного рекрутинга, Avito — крупнейший классифайд, «Работа России» — государственная многофункциональная экосистема рынка труда. FL.ru и Profi.ru исключены из данного этапа анализа, т. к. их бизнес-модель ориентирована на проектную занятость и самозанятость, что делает применение методики поиска серых маркеров в их классическом понимании некорректным.

Исследование опирается на данные, собранные в сентябре — октябре 2025 года. Для формирования массива сведений о сроках закрытия вакансий в региональном разрезе применялся автоматизированный парсинг, что позволило обработать 9,6 тыс. объявлений по восьми субъектам РФ за 2020–2025 гг. включительно. Однако при изучении текстов вакансий (4,5 тыс. единиц) на предмет неформальных формулировок использование парсинга оказалось невозможным из-за технических ограничений и политики безопасности платформ, блокирующих массовый сбор текста. В связи

с этим контент-анализ проводился исключительно вручную.

Инструментарий — словарь лексических маркеров (сформирован по 200 пилотным объявлениям), включающий отсутствие упоминаний оформления («оформление», «ТК РФ», «социальный пакет», «официально»); призывы к неформальному контакту («WhatsApp», «Telegram», «звоните срочно», «наличный расчет», «работа на день», «подработка»).

Методика оценки региональных сроков закрытия вакансий. Применена авторская методика выборочного мониторинга для анализа территориальной дифференциации эффективности найма.

Для анализа были отобраны восемь территорий, разделенных на две группы в соответствии с их административно-территориальным статусом. Первую группу составили субъекты РФ — г. Москва и г. Санкт-Петербург (регионы-лидеры, демонстрирующие минимальные сроки закрытия вакансий), а также Амурская область, представляющая регионы Дальневосточного федерального округа с выраженным кадровым дефицитом и максимальными сроками найма. Во вторую вошли административные центры — крупные города различных федеральных округов (г. Краснодар, г. Новосибирск, г. Екатеринбург, г. Саратов, г. Тюмень), что позволило проанализировать эффективность платформ в городских агломерациях за пределами столиц и выявить лидеров и аутсайдеров уже на этом уровне.

Процедура сбора и расчета:

1) сбор вручную, ежеквартально (январь 2020 — октябрь 2025); по платформам HH.ru и «Работа России» в первый день каждого квартала отбиралось по 50 вакансий в категориях массовых профессий (продавцы, водители, курьеры, разнорабочие) и IT-специалистов;

2) объем выборки 9600 вакансий (8 территорий × 2 платформы × 2 категории × 50 вакансий × 12 кварталов);

3) расчет: фиксировалась дата закрытия вакансии (статус «закрыта» или удалена), вакансии, открытые >365 дней, исключались; медианный срок (выбор медианы обусловлен аномальными выбросами) рассчитывался по каждой категории и платформе, затем усреднялся для каждой территории.

Институциональный и сравнительный анализ.

Проведен сравнительный анализ функциональных возможностей и правил модерации платформ (Работа России, HH.ru, Avito) и нормативных документов РФ для выявления парадоксов и противоречий между технологическим развитием и правовым регулированием.

Операционализация профессиональных категорий. Для обеспечения сопоставимости результатов анализа на разных этапах исследования (макроструктурные сдвиги, неформальные практики, доходы, региональная структура) в работе использована единая система профессиональных групп. За ее основу принята классификация, используемая Росстатом при анализе потребности в работниках. В соответствии с ней выделены следующие укрупненные группы: специалисты высшего уровня квалификации (включая IT, менеджмент, финансы); работники сферы обслуживания и торговли (курьеры, продавцы); квалифицированные рабочие (водители, строители, разнорабочие); неквалифицированные рабочие (домашний персонал, помощники). Выбор конкретных профессий внутри этих групп (например, «курьеры» для группы «работники сферы обслуживания») определялся их репрезентативностью для анализа того или иного аспекта платформенной занятости (неформальность, алгоритмический контроль, доходы) и их присутствием на исследуемых платформах. Такой подход позволяет перейти от разрозненных наблюдений к целостному анализу трансформации рынка труда.

Ограничения исследования.

1. Наличие маркеров (например, «пишите в WhatsApp») не является абсолютным доказательством неформальности, т. к. крупные компании также могут использовать мессенджеры для первичного контакта. Поэтому оценки следует рассматривать как индикатор верхней границы распространения неформальных практик, отражающий стремление сторон минимизировать формальные процедуры на этапе найма. Валидность маркеров подтверждается их низкой частотностью (<5%) в вакансиях крупных публичных компаний в тех же категориях.

2. Ручной сбор данных ограничивает возможности экстраполяции полученных значений на всю генеральную совокупность вакансий. Отсутствие доступа к внутренней статисти-

стике платформ не позволяет верифицировать истинную причину закрытия вакансии (фактический найм или снятие по иным основаниям), а также не исключает эффект неактуальных вакансий, оставленных работодателем открытыми после фактического найма, что может завешивать реальные сроки закрытия.

3. Усреднение показателей по разнородным категориям (массовые профессии и ИТ) нивелирует отраслевую специфику, но позволяет получить обобщенную характеристику региональной эффективности рынка труда. При интерпретации результатов важно учитывать разнородность административно-территориальных единиц в выборке: сопоставление субъектов РФ и городов требует осторожности, поэтому анализ региональных различий проводился преимущественно внутри групп одного территориального уровня, а совместное представление данных призвано продемонстрировать общий разброс значений и динамику. В связи с этим представленные значения следует рассматривать как оценочные, отражающие направление территориальных различий, а не точное статистическое измерение.

4. При формировании эмпирической базы исследования учитывался риск дублирования наблюдений, который мог возникнуть при размещении одной и той же вакансии работодателем на нескольких платформах одновременно (кросс-постинг). В силу ручного сбора данных и отсутствия единых идентификаторов вакансий между платформами прямой контроль за дубликатами был затруднен. Вместе с тем для целей исследования данное ограничение не является критичным. При контент-анализе дублирование вакансии не искажает оценку распространенности серых маркеров, а при мониторинге сроков закрытия вероятность попадания дубликатов в выборку минимизирована ее небольшим объемом и ежеквартальным принципом сбора. Тем не менее невозможность полного исключения дубликатов признается как дополнительное ограничение, характерное для исследований на открытых данных платформ.

Таким образом, совокупность описанных методов, несмотря на ограничения, позволяет провести многоуровневый анализ и связать макротренды с микроуровнем трудовых практик.

Результаты исследования

Цифровые платформы как инфраструктура рынка труда: масштабы, структура и макротренды

Анализ данных цифровых платформ и официальной статистики за 2020–2025 гг. свидетельствует об их превращении в доминирующую инфраструктуру российского рынка труда. Количественные показатели демонстрируют не только массовый охват экономических агентов, но и способность платформ адаптироваться к структурным изменениям экономики, оперативно отражая сдвиги в спросе на труд.

Масштаб и структура платформенной экосистемы. Российский рынок цифровых платформ для трудоустройства представляет собой развитую многоуровневую экосистему. Совокупная аудитория ведущих платформ исчисляется десятками миллионов пользователей. Такие сервисы, как «Работа России» и HeadHunter, формируют общенациональные базы, насчитывающие десятки миллионов резюме и миллионы вакансий, что делает их ключевыми каналами коммуникации между соискателями и работодателями. База резюме на HeadHunter выросла с 30 тыс. в 2002 году до 85 млн к середине 2025 года⁸, а «Работа России» аккумулировала на своем портале около 23 млн пользователей и почти 11 млн вакансий⁹.

Однако за этими совокупными показателями скрывается важная структурная неоднородность. Параллельно с ростом охвата наблюдается глубокая диверсификация платформ по специализации: от классического рекрутинга (HeadHunter, Работа.ру, Superjob) и гигантского горизонтального маркетплейса (Avito.Работа с 50 млн ежемесячных пользователей¹⁰) до нишевых фриланс-платформ (FL.ru) и сервисных платформ (YouDo, Profi.ru). В *таблице 1* представлены ключевые игроки, формирующие цифровую инфраструктуру рынка труда, и их основные характеристики.

⁸ 22 года вместе с hh.ru: вспоминаем, как это было. URL: <https://twotwo.hh.ru/story?from=main> (дата обращения: 20.11.2025).

⁹ Работа России: Статистика портала. URL: <https://trudvsem.ru/analytics/portal-stats/> (дата обращения: 20.11.2025).

¹⁰ Avito: Авито работа – Авито подработка. URL: https://www.cnews.ru/book/Avito_-_Авито_работа_-_Авито_подработка (дата обращения: 20.11.2025).

Таблица 1. Классификация ведущих цифровых платформ для трудоустройства, представленных в России

Год запуска	Название платформ	Тип платформы	Характер трудовых отношений	Охват (пользователи)
1999	Работа.ру (www.rabota.ru)	Инфраструктурная платформа	Преимущественно найм по ТК РФ	Ежедневно на платформе публикуется около 250 тыс. вакансий и 16 млн резюме; ежемесячная аудитория – более 10 млн пользователей
2000	HeadHunter (hh.ru)	Инфраструктурная платформа	Преимущественно найм по ТК РФ	На июнь 2025 года в базе 84 млн резюме, 1,19 млн вакансий, 2,24 млн зарегистрированных компаний
2000	Superjob.ru	Инфраструктурная платформа	Преимущественно найм по ТК РФ	Ежемесячная аудитория составляет около 8 млн человек; ежедневно сайт посещают 1,5 млн пользователей; на платформе опубликовано 31 млн резюме
2005	FL.ru	Трансакционная платформа (фриланс-биржа)	ГПХ, самозанятость	Ежедневно размещается более 1 500 фриланс-заказов; миллионы зарегистрированных фрилансеров и 19 тыс. заказчиков
2009	Работа России (trudvsem.ru)	Инфраструктурная платформа (государственная)	Найм по ТК РФ (через центры занятости)	Содержит около 1,47 млн актуальных вакансий, формируемых на основе данных региональных служб занятости, а также информации от прямых работодателей
2012	YouDo	Трансакционная платформа (краудсорсинг)	ГПХ, самозанятость	Объединяет более 10 млн пользователей, включая свыше 3,5 млн исполнителей; представлены более 6,5 заказчиков
2014	Profi.ru	Трансакционная платформа (маркетплейс услуг)	ГПХ, самозанятость	База включает более 15 млн клиентов и 3 млн специалистов по более чем 900 видам услуг
2014	Авито.Работа	Гибридная, трансакционная платформа	От прямых наймов до разовых ГПХ	Более 50 млн пользователей ежемесячно, а объявления о работе охватывают все регионы России

Составлено по: Фирменный блог Работа.ру. URL: prosto.rabota.ru (дата обращения: 20.11.2025); Hh. Статистика: сервис открытой аналитики рынка труда. URL: <https://stats.hh.ru> (дата обращения: 20.11.2025); О портале Superjob.ru. URL: <https://www.superjob.ru/info> (дата обращения: 20.12.2025); Как работать с площадкой FL. URL: <https://system-itc.ru/biznes/kak-rabotat-s-ploshhadkoj-fl> (дата обращения: 20.11.2025); Доклад «Социально-экономическое положение России» за 2025 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_01-2026.htm (дата обращения: 20.01.2026); За свою жизнь я хочу сделать три больших бизнеса. Один я уже сделал. URL: https://secrets.tbank.ru/lichnyj-opyt/denis-kutergin-you-do/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.perplexity.ai%2F&internal_source=copypaste (дата обращения: 20.11.2025); Кейс «Профи.ру» и Rocket10: как за год привлечь в приложение 85 тыс. пользователей. URL: <https://adindex.ru/case/2025/03/20/331866.phtml> (дата обращения: 25.03.2025); «Авито Работа»: работодатели стали вдвое чаще приглашать студентов на стажировки. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-01-31_avito_rabota_rabotodateli (дата обращения: 20.11.2025).

Эти данные позволяют показать не только масштаб, но и функциональную дифференциацию платформ: одни выступают инфраструктурой для поиска кандидатов, другие сами организуют процесс взаимодействия и становятся регулятором взаиморасчетов (трансакционные). Это различие принципиально для понимания, как именно платформы встраиваются в структуру трудовых отношений – как посредник на этапе найма или как непосредственный организатор трудового процесса.

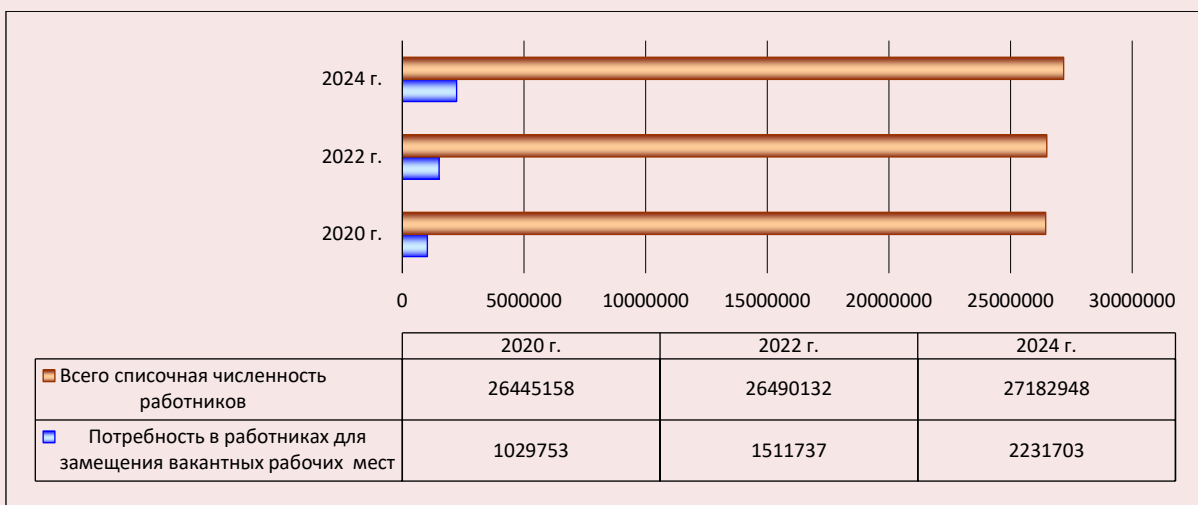
Макроэкономический контекст и трансформация спроса. Масштабирование платформенной инфраструктуры происходит не в вакууме, а в ответ на объективные изменения на рынке труда. Рост платформ напрямую коррелирует с устойчиво растущей потребностью организаций в кадрах. По данным Росстата, абсолютная численность вакансий, заявленных работодателями, значительно увеличивалась на протяжении последних лет: с 1,03 млн в 2020 году до 1,51 млн в 2022 году, достигнув 2,23 млн к 2024

году (рис. 1). Столь стремительный рост создает критическую нагрузку на традиционные методы найма, которую и берут на себя цифровые платформы, становясь основным инструментом закрытия растущего числа вакансий.

В абсолютном выражении потребность в кадрах показывает неуклонный рост, превысив отметку в 2 миллиона открытых вакансий к 2024 году. Тем не менее этот показатель, будучи зависимым от общего экономического масшта-

ба, имеет ограниченную ценность для анализа структурных сдвигов, в связи с чем в таблице 2 представлены более репрезентативные данные, демонстрирующие долю потребности в кадрах в общей численности рабочих мест. Они исключают влияние экстенсивного роста и показывают динамику спроса на труд, который в анализируемом периоде характеризуется положительным ростом – с 3,7% в 2020 году до 7,59% в 2024 году.

Рис. 1. Потребность организаций РФ в работниках для замещения вакантных рабочих мест, чел.

Составлено по: данные Росстата.

Таблица 2. Удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест по ключевым категориям персонала, % от общего количества мест

Категория персонала	2020 г.	2022 г.	2024 г.	Абсолютное изменение, 2024–2020 гг.
Всего специалистов (в целом по экономике)	3,7	5,4	7,59	+3,89
Реальный сектор и импортозамещение				
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта	4,7	7,0	10,56	+5,86
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства	4,8	7,2	13,03	+8,23
Цифровая экономика и технологии				
Специалисты по ИКТ	4,1	5,7	6,60	+2,50
Специалисты-техники в области ИКТ	3,5	4,6	10,73	+7,23
Сфера услуг и массовый найм				
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны	5,3	7,7	7,94	+2,64
Продавцы	6,9	9,2	7,32	+0,42
Квалифицированный персонал				
Специалисты высшего уровня квалификации	3,3	4,3	5,98	+2,68
Руководители	2,1	2,9	4,45	+2,35

Рассчитано по: данные Росстата.

Следует подчеркнуть, что статистика Росстата отражает не только рост общего числа вакансий, но и качественное изменение отраслевой структуры спроса на труд. Если в 2020–2022 гг. кадровый дефицит во многом формировался в сфере услуг (где доля вакансий по ряду профессий, в частности продавцов, достигала 6,9–9,2%), то к 2024 году приоритет сместился в сторону реального сектора и высокотехнологичных направлений.

Данный структурный сдвиг имеет выраженное количественное измерение и позволяет сформулировать несколько ключевых выводов.

1. Опережающий рост дефицита в реальном секторе как индикатор импортозамещения. Наиболее заметное увеличение потребности в персонале демонстрируют виды деятельности, связанные с импортозамещением и укреплением технологического суверенитета. Так, доля вакансий в сельском хозяйстве выросла почти в три раза (с 4,8% в 2020 году до 13,03% в 2024 году), а среди квалифицированных рабочих промышленности и строительства – более чем в два раза (с 4,7 до 10,56%). Эти показатели количественно подтверждают переориентацию экономики на импортозамещение и усиление спроса на рабочие профессии, что повышает нагрузку на платформенные инструменты подбора персонала, которые фактически становятся одним из ключевых каналов закрытия таких вакансий.

2. Поляризация спроса в цифровом секторе. Существенно вырос спрос на специалистов среднего звена в сфере ИКТ (с 3,5 до 10,73%), что указывает на острую потребность не столько в разработке нового, сколько в обслуживании уже существующей цифровой инфраструктуры. Здесь формируется следующее противоречие: в то время как публичный дискурс сфокусирован на дефиците высококвалифицированных разработчиков и архитекторов ПО, данные Росстата фиксируют еще более взрывной рост потребности в исполнителях – технических специалистах среднего звена. Это означает, что внутри технологического кластера формируются разные траектории занятости, и именно цифровые платформы становятся тем инфраструктурным полем, где это противоречие проявляется наиболее остро: для первых они предлагают модель высокодоходной, но

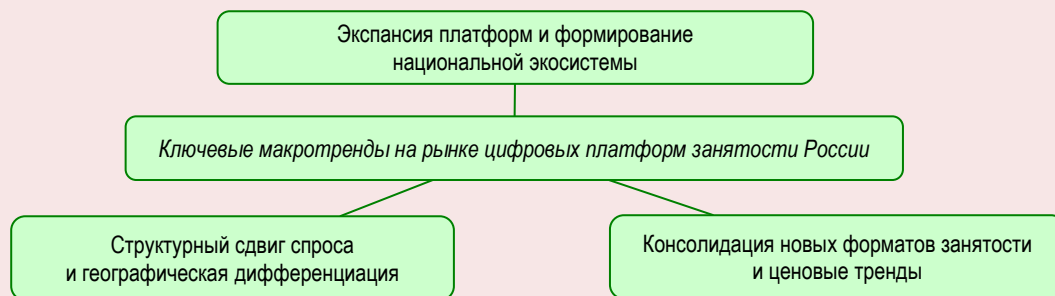
рискованной проектной занятости (фриланс-биржи), тогда как для вторых зачастую работают как канал найма на позиции с формальными трудовыми отношениями либо, напротив, выводят их в серую зону.

3. Парадокс сферы услуг. При этом напряженность на рынке труда в сфере торговли и услуг сохранилась на высоком уровне (7,32–7,94% в 2024 году), однако динамика здесь неоднородна. Если общий спрос на работников обслуживания стабилизировался, то потребность в продавцах, достигнув пика в 2022 году (9,2%), к 2024 году снизилась (до 7,32%). Следовательно, уменьшение числа вакансий продавцов может быть связано либо с падением спроса на эту профессию, либо с ростом неформальной занятости и gig-экономики, которые часто не учитываются в официальной статистике. В последнем случае цифровые платформы играют парадоксальную роль: с одной стороны, они формализуют процесс найма, а с другой – закрепляют неформальные трудовые отношения, выводя значительную часть работы в сфере торговли из-под правовой защиты.

Таким образом, статистика Росстата показывает, что экономика России одновременно продолжает процесс переориентации на импортозамещающие производства и становится более технологически сложной. Цифровые платформы при этом реагируют на изменения, выступая важным инструментом для решения кадровых вопросов как в традиционных отраслях с нехваткой работников (сельское хозяйство, строительство), так и в высокотехнологичных сферах. Все эти процессы вместе формируют устойчивые макроэкономические тенденции, которые обобщены на *рисунке 2*.

Проведенный анализ позволяет выделить три ключевых характеристики текущего этапа трансформации. Во-первых, цифровые платформы стали доминирующей инфраструктурой рынка труда, обеспечивая массовый охват экономических агентов. Во-вторых, платформенная экосистема внутренне дифференцирована: различные типы платформ выполняют разные функции в организации занятости. В-третьих, платформы оперативно адаптируются к структурным изменениям в экономике, отражая сдвиг спроса в сторону реального сектора и высококвалифицированного труда.

Рис. 2. Основные структурные изменения российского рынка труда, опосредованные цифровыми платформами

Источник: составлено автором.

Однако уже на этом этапе рассмотрения масштабов и структуры проявляются первые контуры противоречий. Так, количественный рост платформенной инфраструктуры и ее глубокая дифференциация (от цифровых платформ для трудоустройства до транзакционных платформ) не означают автоматической формализации трудовых отношений. Напротив, разные типы платформ создают разные режимы занятости, часть из которых остается за рамками трудового права. Адаптация платформ к структурному сдвигу спроса в сторону реального сектора и высоких технологий, в свою очередь, обуславливает постановку вопроса о том, насколько равномерно распределяются новые возможности между разными категориями работников и разными территориями. Следовательно, описанное не только характеризует новый облик российского рынка труда, но и задает проблемное поле для анализа его внутренних противоречий.

Региональная дифференциация эффективности цифровых платформ

Цифровые платформы позиционируются как инструмент преодоления пространственных барьеров, обеспечивающий универсальный доступ к вакансиям вне зависимости от места проживания соискателя. Однако эмпирическая проверка этого тезиса на российских данных заставляет усомниться в его универсальности. Анализ сроков закрытия вакансий на платформах «Работа России» и HH.ru в 2020–2025 гг. демонстрирует не столько сглаживание территориальных диспропорций, сколько их закрепление, причем характер этого процес-

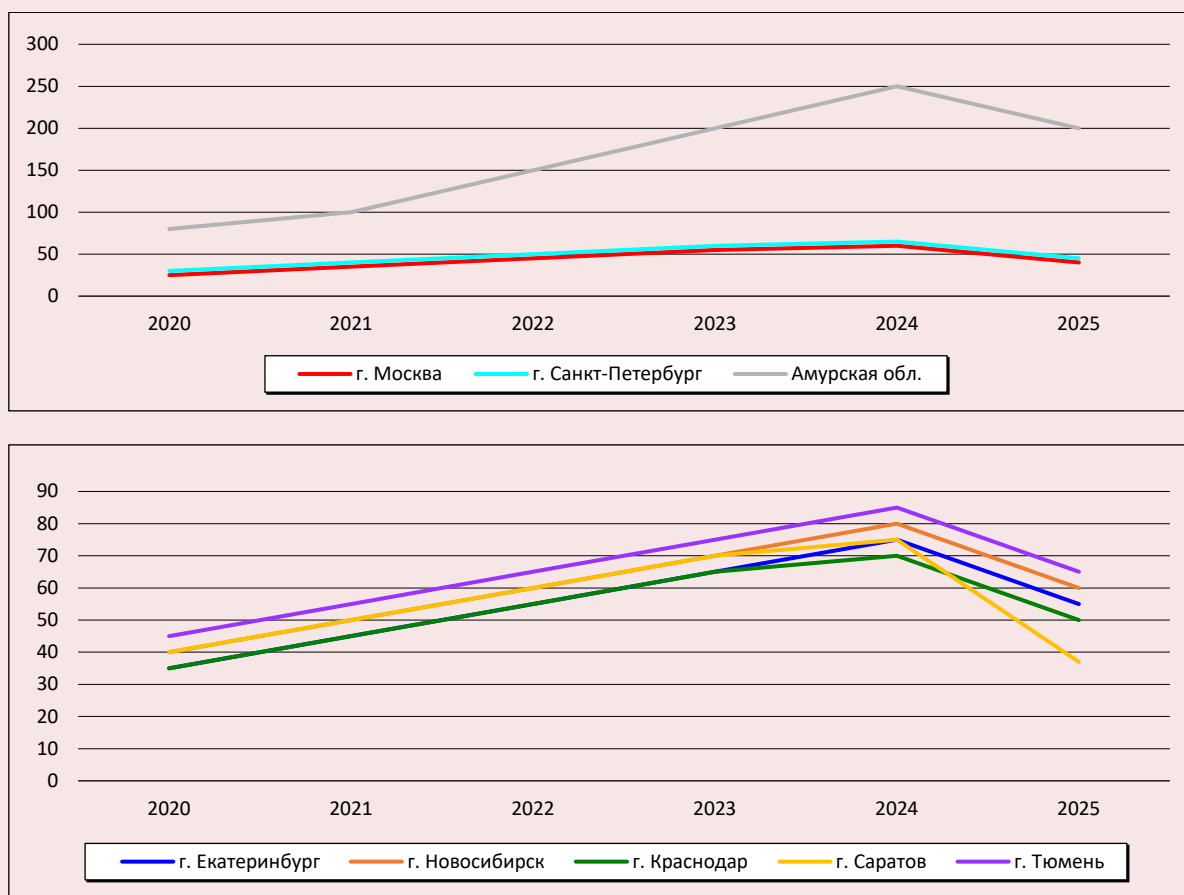
са существенно различается в зависимости от того, идет ли речь о субъектах РФ в целом или об их административных центрах.

Данные на *рисунке 3* свидетельствуют о высокой вариативности сроков закрытия вакансий и позволяют зафиксировать ряд существенных парадоксов.

Парадокс первый – воспроизводство структурных диспропорций. Среди субъектов РФ (группа 1) ожидаемо минимальные сроки найма демонстрируют столичные агломерации-лидеры, где платформы работают как высокоэффективный инструмент подбора. Однако контраст с регионом-аутсайдером обнажает глубокое противоречие: в Амурской области, несмотря на наличие той же цифровой инфраструктуры (Работа России, HH.ru), сроки закрытия вакансий на пике 2024 года достигли 250 дней, что в четыре раза выше, чем в г. Москве. Возникает парадокс воспроизводства неравенства: там, где рынок труда изначально силен (столицы), платформы делают его еще сильнее; там, где он слаб (периферия), они не могут компенсировать структурные проблемы, а зачастую лишь наглядно их табелизируют, закрепляя за территориями статус аутсайдеров.

Парадокс второй – локальное опережение. Анализ административных центров (группа 2) позволяет детализировать картину и выявить внутреннюю неоднородность среди городов, традиционно считающихся успешным. Наблюдается схожий тренд для г. Екатеринбурга, г. Новосибирска, г. Краснодара и г. Тюмени. Пик дефицита в 2024 году (65–85 дней) и коррекция до 50–65 дней в 2025 году. Однако на

Рис. 3. Медиана сроков закрытия вакансий по некоторым субъектам России за 2020–2024 гг. и в 1–3 кварталах 2025 года, дни

Примечание: медианные сроки закрытия вакансий по регионам России за рассматриваемый период публикуются фрагментарно, поэтому представлена оценка на основе выборок по массовым и ИТ-вакансиям.

Источник: данные порталов «Работа России» и HH.ru.

этом фоне резко выделяется г. Саратов. Не обладая явными конкурентными преимуществами перед другими городами выборки, он демонстрирует рекордное сокращение срока найма — с 75 до 37 дней. Возникает парадокс: вопреки логике, согласно которой в лидерах должны быть столицы или города-миллионники с развитой экономикой, г. Саратов показывает лучшую динамику. Выявленная аномалия оставляет выбор между двумя интерпретациями: либо мы наблюдаем редкий случай успешной цифровой трансформации локального рынка труда, либо, что представляется более вероятным, сталкиваемся с эффектом статистического сжатия, когда высокие показатели достигаются ценой утраты репрезентативности и качества найма.

Парадокс третий — иллюзия выравнивания. В общественном и научном дискурсе нередко высказывается мнение, что цифровые платформы будут способствовать сглаживанию региональных диспропорций¹¹ (Гаврилова, 2025). Однако сравнительный анализ динамики сроков найма демонстрирует обратное. Если в 2020 году разрыв между лидером (г. Москва) и аутсайдером (Амурская обл.) составлял 55 дней, то к 2025 году он вырос и стабилизировался на уровне 160 дней. Парадокс состоит в том, что

¹¹ Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. (2024). Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых: экспертный доклад. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 64 с.

цифровые платформы, вместо того чтобы ослаблять структурные барьеры, придают региональному неравенству новую устойчивость. Отставание периферии перестает быть временным и воспроизводится уже на технологической основе.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что цифровые платформы не имеют единого вектора воздействия на региональные рынки труда. Напротив, они встраиваются в сложившуюся территориальную стратификацию, усиливая позиции сильных, высвечивая проблемы слабых и порождая аномалии там, где общенациональные тренды преломляются через локальную специфику. Тем самым платформенная инфраструктура не столько преодолевает, сколько проявляет и закрепляет пространственную неоднородность занятости. Общим итогом выступает не сглаживание, а технологическая фиксация сложившейся структуры рынка труда, в рамках которой платформы становятся средой обострения структурных противоречий, а их эффект принципиально опосредован территориальным контекстом.

Институционализация неформальности и поляризация доходов

Помимо количественных трендов роста данные цифровых платформ позволяют выявить качественные риски, связанные с трансформацией занятости, определяемые в литературе как «цифровая прекаризация» (Янченко, 2022; Манохина, Митяева, 2022). Анализ демонстрирует, что гибкость и доступность, обеспечиваемые платформами, имеют обратную сторону: усиление неустойчивости, неформальности и воспроизводство сегментации рынка труда.

Одним из ключевых противоречий цифровых платформ является расхождение между технологической формализацией процесса найма и фактическим правовым статусом занятости. Данные свидетельствуют о глубоком проникновении неформальных отношений, причем их видимость и масштабы варьируются в зависимости от бизнес-модели и степени модерации на конкретной платформе. Наиболее распространенные российские площадки (HH.ru, Работа России, Avito, SuperJob) в разной степени отражают этот феномен, однако прямые статистические выборки Росстата или самих платформ по доле серых вакансий за 2024–2025 гг. не публикуются, что подтверждает «серую природу» самого явления.

Проведенный автором анализ позволяет дать оценочные значения. Наиболее массовый классифайд Avito демонстрирует наивысшую долю объявлений (до 70–85% в отдельных категориях), которые, минуя формальные процедуры, напрямую призывают к контакту через указания «звоните срочно, наличкой» или «пишите в Telegram, WhatsApp». На HH.ru аналогичный показатель существенно ниже (10–50% в зависимости от профессии), что обусловлено более строгой модерацией и корпоративной аудиторией. Примечательно, что неформальные практики встречаются и на портале «Работа России»: доля серых вакансий оценивается в 20–35% в 2024–2025 гг., что свидетельствует о системном характере ухода от формализации даже при наличии контроля.

Сводные данные об оценочной доле серых вакансий в массовых категориях на российских цифровых платформах представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Доля серых вакансий на цифровых платформах в 2024–2025 гг.

Категория персонала	Профессия	Доля серых вакансий, % (общая оценка)	Распределение по платформам (пиковые значения), %	Характерные маркеры в тексте объявлений
Квалифицированные рабочие	Разнорабочие, строители, грузчики	50–65	Avito – до 55 HH.ru – до 30 «Работа России» – 15–25	«Звоните срочно», «Работа на день», «Наличный расчёт»
Работники сферы обслуживания	Курьеры	30–45	Avito – до 35 «Работа России» – 10–20	«В Telegram-бот», «Без оформления», «Подработка»
Неквалифицированные рабочие	Домашний персонал (сиделки, няни, уборщики)	60–75	Avito – до 40 HH.ru – до 30 «Работа России» – 15–25	«Пишите в WhatsApp», «Пробный день», «По договорённости»
Источник: составлено автором.				

Сопоставление регионов демонстрирует выраженную неравномерность распространения серых практик, коррелирующую с кадровой ситуацией и степенью формализации экономики. Наибольшая доля серых объявлений (вплоть до 50–75% в категориях разнорабочих и домашнего персонала) фиксируется в Дальневосточном и Южном федеральных округах. В столичных агломерациях – Москве и Санкт-Петербурге – значения существенно ниже (порядка 20–35% в сопоставимых категориях), что можно объяснить более строгой модерацией площадок и большей представленностью крупных работодателей. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что открытой статистики по регионам и федеральным округам нет, поэтому приведённые оценки следует трактовать как указание на направление регионального тренда, а не как точное количественное измерение.

В результате цифровые платформы в России формируют принципиальный парадокс: будучи инструментом технологической формализации найма, они одновременно становятся каналом институционализации и нормализации неформальных практик. Особенно отчётливо это проявляется на массовых и локальных площадках, т. к. вместо сглаживания региональных различий они скорее встраивают их в технологическую инфраструктуру и воспроизводят, расширяя зону занятости, которая остаётся малозаметной для государства.

Одновременно прослеживается выраженная поляризация доходов, обусловленная не только уровнем квалификации, но и типом платформенной занятости. В сегменте постоянной занятости (HeadHunter, Работа.ру) наблюдается рост предлагаемых зарплат, прежде всего для IT-специалистов и управленческих позиций. Напротив, во фриланс-сегменте (FL.ru, Profi.ru) заработка, как правило, имеют проектный и нерегулярный характер, тогда как на управляемых gig-платформах (Яндекс.Такси, курьерские сервисы) уровень дохода напрямую зависит от алгоритмического распределения заказов и количества отработанных смен.

Сравнительный анализ (табл. 4) позволяет обнаружить эту неоднородность и выявить ключевой парадокс – в высококвалифицированных цифровых профессиях (IT, веб-дизайн)

потенциальный доход фрилансера даже при 50% загрузке может существенно (на 15–30%) превышать медианную зарплату по традиционным вакансиям. Высокая доходность здесь, однако, сопряжена с рисками неполной занятости и отсутствием социальных гарантий.

В сегментах продаж или массовых услуг наблюдается паритет между платформенной занятостью и традиционным наймом, тогда как в низкоквалифицированном сером сегменте (разнорабочие, домашний персонал на класифайдах) доход полностью зависит от устных договорённостей и лишен каких-либо социальных гарантий.

Эта поляризация означает, что платформы создают два параллельных контура. Один – для высокодоходной, но рискованной проектной работы (фриланс), другой – для низкодоходной, полностью неформальной занятости, к которому примыкает и сегмент управляемых gig-платформ с его алгоритмическим контролем и нестабильностью дохода.

Представленные в *таблице 4* данные позволяют утверждать, что цифровые платформы формируют не единый рынок труда, а два качественно различных сегмента, каждый из которых имеет собственную логику функционирования и региональную проекцию.

Первый сегмент – фриланс, где высококвалифицированные услуги предлагаются через специализированные площадки (FL.ru, Profi.ru и др.). Он даёт возможность эффективно монетизировать узкие профессиональные навыки, причём стоимость проектов растёт более высокими темпами, чем оплата труда в традиционной занятости. Однако повышенный доход сопровождается рисками нерегулярной занятости и отсутствием социальной защиты, ставя работника перед выбором между финансовой автономией и стабильностью, формируя таким образом парадокс выбора. Также этот сегмент отличается выраженной региональной асимметрией: наиболее доходные заказы и заказчики сосредоточены в столичных агломерациях. Фрилансеры из других субъектов РФ вынуждены конкурировать за проекты в условиях более низкой платёжеспособности локальных рынков, что усиливает уже существующие территориальные диспропорции.

Таблица 4. Доходы в различных сегментах цифрового рынка труда: парадоксы формальности, гибкости и прекаризации, 1–3 кварталы 2025 года, руб.

Категория персонала	Профессия	HH.ru	FL.ru и Profi.ru	Яндекс.Такси и Avito	Ключевой парадокс и вывод
		Медиана зарплаты	Медиана за проект	Средний заработок	
Сегмент 1: Фриланс (высокая квалификация, проектная работа)					
Специалист высшего уровня квалификации	IT-специалист, программист	г. Москва – 225 000 руб.; стабильный рост около 5%	150 000 руб. за проект; рост около 25%, но постоянная загрузка не гарантирована	–	Парадокс выбора: между стабильной зарплатой и высоким, но рискованным доходом на фрилансе; вывод: платформы создают иллюзию свободы, перекладывая риски на работника
	Дизайнер	Россия – 160 000 руб. Рост более 14%	80 000 за проект. Рост 33%	–	Парадокс ценности навыка: рост стоимости проекта опережает рост зарплаты, но для его монетизации нужна постоянная загрузка, которую платформа не обеспечивает
Сегмент 2: Управляемые gig-платформы и неформальный найм (низкая квалификация, алгоритмический (прямой) контроль)					
Работник сферы обслуживания	Курьер и водитель	По РФ – 45 000 руб.; Формальный найм в логистике	–	35 000 – 65 000 руб.; сильно зависит от количества смен и заказов	Парадокс технологической архаизации: платформа, предлагая свободный график, де-факто воспроизводит архаичную модель подённого найма, характеризующуюся нестабильностью дохода, отсутствием социальных гарантий и личной зависимостью работника от алгоритмического управления и колебаний спроса
Квалифицированные и неквалифицированные рабочие	Разнорабочий и домашний персонал	Около 40 000 руб.	–	25 000 – 50 000 руб., часто с пометкой «наличные»	Парадокс серой легитимизации: платформа (например, Avito) технологически легализует полностью неформальный найм, выводя его из правового поля, но делая удобным и массовым
Составлено по: агрегированные данные HH.ru, FL.ru, Profi.ru, Avito, отраслевых обзоров и экспертных оценок.					

Второй сегмент объединяет два типа работников: тех, кто трудится на платформах gig-экономики, таких как транспортные, курьерские или сервисы доставки, и тех, кто находит заказы через классифайды, например Avito, в сферах разнорабочих услуг и домашнего персонала. Хотя технологическая основа этих моделей отличается (алгоритмическое управление в gig-платформах и прямые договоренности в классифайдах), их объединяет общая черта: работники в обоих случаях лишены автономии, социальных гарантий и стабильного заработка. Платформа здесь выступает инструментом, технологически легитимизирующим архаичные

модели подённого найма, выводящим трудовые отношения из правового поля. В региональном разрезе этот сегмент доминирует на периферийных территориях, закрепляя за ними роль поставщика низкоквалифицированной рабочей силы и консервируя сложившийся тип занятости.

Из вышеперечисленного следует, что платформенная экономика не способствует выравниванию, а, напротив, усиливает и программно фиксирует раздвоенность рынка труда. С одной стороны, существует высокооплачиваемый, но сопряженный с рисками фриланс, сконцентрированный в крупных городах.

С другой стороны – сегмент нестабильной, зачастую теневой занятости, преобладающий в отдаленных регионах. Эта дихотомия проявляется не только в профессиональном, но и в явно выраженном географическом аспекте, подтверждая то, что цифровые платформы не стирают региональные диспропорции, а интегрируются в них, делая их менее явными, но не менее существенными.

Воспроизводство социальной уязвимости и региональная асимметрия

Опираясь на положения, представленные в научной литературе, следует акцентировать внимание на том, что замена трудовых отношений гражданскими договорами характеризуется не только юридическими, но и ярко выраженными региональными особенностями. Если прежние исследования (Бобков, Черных, 2020; Янченко, 2022) указывали на общую тенденцию к возрастанию социально-экономической нестабильности в условиях развития платформ,

то анализ региональных статистических данных дает возможность детализировать этот аспект применительно к российскому рынку труда.

Платформы, оптимизируя подбор персонала с помощью алгоритмов, неявно создают новые барьеры для наиболее уязвимых категорий соискателей. Ключевым индикатором здесь выступает динамика требований к обязательному отклику через резюме (табл. 5). Наблюдается разнонаправленная тенденция: хотя в целом доля вакансий с такими требованиями сокращается на 10–20% (из-за роста серых практик с прямыми контактами и автоматизации отбора на этапе кандидатур через тесты), в высококонкурентных квалифицированных сегментах спрос на структурированные резюме увеличивается. Например, на платформе «Avito.Работа» доля вакансий, требующих отклика через резюме, выросла на 44%¹², что коррелирует с ростом доли офисных специалистов среди претендентов.

Таблица 5. Парадоксы и противоречия требований к резюме по откликам по категориям персонала, занятого на платформах, 2024–2025 гг.

Категория персонала*	Доля вакансий с требованием резюме, %	Динамика доли, %	Парадокс, противоречие
		2024–2025 гг.	
Информационные технологии	90–95	Рост на 20-30	Противоречие доступности: отрасль, олицетворяющая цифровой прогресс, создаёт максимальный барьер входа через идеальное алгоритмически дружественное резюме, отсекая кандидатов с нестандартным или практическим (но не формализованным) опытом
Финансы и банковское дело	85–90	Рост на 15–25	Противоречие консерватизма: высокая формализация отбора через резюме консервирует кадровую модель, отдавая предпочтение кандидатам с традиционным карьерным треком и профильным образованием и ограничивает доступ для специалистов из смежных или новых цифровых отраслей
Менеджмент (офисные специалисты)	85–90	Рост на 44	Парадокс массовой формализации: значительный рост требований к резюме на массовых платформах (Avito.Работа) указывает на технологическое копирование корпоративных практик найма, что не гарантирует повышения качества отбора, но автоматически отсекает соискателей, не готовых к такой формализации
Массовые профессии (курьеры, разнорабочие)	20–40	Снижение на 10–20	Парадокс цифровой архаики: платформы, предлагающие технологичные инструменты для найма, в этом сегменте легитимизируют и делают массовой архаичную модель найма с прямым контактом, минимизируя формальные процедуры и социальные гарантии

* Представленные категории являются детализацией укрупненных профессиональных групп, используемых в исследовании.
Источник: составлено автором.

¹² Avito: Авито работа – Авито подработка. URL: https://www.cnews.ru/book/Avito_-_Авито_работа_-_Авито_подработка (дата обращения: 20.11.2025).

Этот тренд формирует цифровой разрыв в доступе к качественным позициям. Для молодёжи без опыта, лиц старшего возраста¹³, мигрантов и женщин, возвращающихся из декретного отпуска, требование идеального структурированного и «алгоритмически дружелюбного» резюме становится существенным фильтром. Их профессиональный опыт и компетенции, не укладывающиеся в стандартные шаблоны систематизации, часто остаются невидимыми для автоматизированных систем первичного скрининга. Парадоксальным образом платформы, призванные расширять доступ к рынку труда, воспроизводят традиционные формы исключения, но уже на новом технологическом уровне.

Наиболее противоречивый характер платформизации ярче всего проявляется в региональном разрезе (табл. 6).

Представленные данные позволяют перейти от общих рассуждений о неравенстве к его количественной оценке. Анализ демонстрирует не сглаживание, а углубление структурных различий между регионами-лидерами (группа 1) и административными центрами группы 2.

В столичных агломерациях (г. Москва, г. Санкт-Петербург) доля вакансий в высокодоходных сегментах – IT (24–30%), менеджменте (20–25%), финансах (11–15%) – не только стабильно сохраняет высокие значения, но и продолжает расти. Именно в этих сферах подмена трудовых отношений гражданско-правовыми схемами (фриланс, проектная работа) создает иллюзию гибкости, но при этом сохраняет

высокую монетизацию навыков. Платформенная занятость здесь выступает как альтернативный способ организации труда, не меняя профессионального профиля региона-лидера.

Напротив, в административных центрах (г. Саратов, г. Тюмень) структура спроса качественно иная. Здесь существенно выше доля позиций рабочего персонала (32–48%) и транспорта с логистикой (20–33%), тогда как на долю IT и управления приходится заметно меньше – лишь 8–15% вакансий. Именно в этих профессиональных категориях массового спроса фиксируется максимальная доля серых вакансий (до 60–85%) и неформальных практик найма. Парадоксальным образом в регионах группы 2 платформа (например, Avito) выступает не инструментом формализации, а инфраструктурой, закрепляющей уход от трудовых гарантий, что особенно контрастирует с динамикой, выявленной для г. Саратова, где аномальное сокращение сроков найма может достигаться именно за счет роста такой неформальности.

Это позволяет констатировать следующее: количественный рост платформенной инфраструктуры не приводит к выравниванию возможностей, а технологически закрепляет сложившуюся региональную иерархию. Для столичных агломераций платформы обслуживают высококонкурентный рынок квалифицированного труда, пусть и с элементами прекаризации в сегменте фриланса. Для административных центров и сопоставимых с ними территорий платформенная инфраструктура, напротив, консервирует модель низкоквалифицирован-

Таблица 6. Динамика региональной асимметрии в структуре вакансий по данным HH.ru, 2023–2025 гг., % от общего числа вакансий в регионе

Категория вакансий	Группа 1 г. Москва, г. Санкт-Петербург		Группа 2 г. Саратов, г. Тюмень		Разрыв 2025 г.
	2023 г.	2025 г.	2023 г.	2025 г.	
IT и высокие технологии	18–24	24–30	3–6	5–8	+19–25
Менеджмент и администрирование	16–22	20–25	5–9	7–11	+13–18
Финансы и консалтинг	9–13	11–15	2–4	3–5	+8–12
Рабочий персонал (массовые профессии)	14–19	13–19	45–58	42–55	-29–36
Транспорт и логистика	11–15	11–16	28–40	27–38	-16–22

Источник: рассчитано автором.

¹³ Примечание: доля лиц старшего возраста среди соискателей на Avito увеличилась на 90% за год, что свидетельствует об активности поиска через данный канал.

ной, зачастую неформальной занятости. Парадокс заключается в том, что на территориях с изначально менее развитым рынком труда цифровые платформы преимущественно обслуживают сегменты наименее защищенной занятости и их количественный рост (число вакансий) не сопровождается повышением качества рабочих мест.

Данный дисбаланс выступает значимым драйвером миграции активного и квалифицированного сегмента рабочей силы в столичные агломерации. Платформенные площадки, обеспечивая открытость информации о сотнях тысяч вакансий по регионам (например, Avito.Работа), объективно облегчают миграционные потоки и способствуют концентрации человеческого капитала в центрах роста, что усугубляет кадровый дефицит в иных территориях. Возникновение замкнутого круга состоит в том, что неформальные и низкооплачиваемые условия занятости в административных центрах побуждают к оттоку наиболее активных работников, закрепляя роль данных районов как поставщиков дешевой рабочей силы, в то время как платформы выполняют роль инфраструктуры, легитимизирующей данный процесс. Следовательно, платформенная занятость способствует закреплению и ускорению процессов институционализации региональной и профессиональной сегментации, трансформируя уязвимость в цифровой формат посредством алгоритмических фильтров. Это ведёт к тому, что административные центры и подобные им регионы преимущественно концентрируют низкоквалифицированные и неформальные виды занятости, тогда как столичные агломерации аккумулируют более прибыльные сегменты цифрового рынка труда. Технологическое расширение платформ не приводит к снятию противоречий, напротив, оно нередко усиливает их, формируя иллюзию выбора и доступности при одновременном воспроизводстве структурного неравенства.

Усиление алгоритмического контроля и дефицит социальной защиты

На фоне расширения рынка удалённого труда (42–63% в 2023–2025 гг.) заметно усиливается алгоритмическая регуляция занятости на цифровых платформах. Рейтинговые системы начинают выполнять функцию постоянного контроля и давления, задавая параметры по-

ведения работников. По мнению А.В. Шевчука, алгоритмическое управление структурирует взаимодействия, «поощряя и наказывая определённое поведение пользователей» (Шевчук, 2023), что создаёт «невидимую клетку» (Rahman, 2021) с непрозрачными и изменчивыми критериями успешности. Показатели ранжирования, привязанные к рейтингу и скорости отклика, стимулируют непрерывную доступность в сети, размывают границы рабочего дня и усиливают психологическое напряжение. В условиях платформенной занятости это выражается в необходимости постоянно оставаться онлайн, чтобы не упустить заказ.

Важно отметить, что характер и степень алгоритмического управления заметно варьируют в зависимости от типа платформы, поэтому корректнее говорить не о едином, унифицированном диктате, а о множественности практик и режимов регулирования. При этом ключевое противоречие связано не с самой алгоритмизацией как таковой, а с её выраженной дифференциацией: разные платформы формируют принципиально отличающиеся модели контроля и, как следствие, два разных режима занятости.

Режим первый – управляемые gig-платформы (тотальная алгоритмическая координация). На примере такси и курьерских служб алгоритмическое управление проявляется в наибольшей степени: алгоритм действует как цифровой диспетчер и одновременно как менеджер. Он организует весь цикл выполнения работы – от назначения заказов (по закрытым правилам) до навигации, измерения времени и скорости, а также последующего санкционирования при отклонениях. Уровень дохода работника определяется алгоритмом, а пространство для самостоятельных решений резко сужено – возможности отказаться от задания ограничены, сроки исполнения жёстко заданы. В результате формируется режим постоянного и всеобъемлющего контроля, при котором работник оказывается функционально встроен в цифровую систему.

Режим второй – фриланс-биржи и маркетплейсы услуг (алгоритмически опосредованная конкуренция). На платформах профессиональных услуг (FL.ru, Profi.ru, YouDo) алгоритмическое управление проявляется прежде всего через рейтинговые механизмы, ранжирование

в поисковой выдаче и рекомендательные системы. Хотя исполнитель юридически и организационно не привязан к фиксированному работодателю и может сам распределять время, его реальная свобода ограничивается зависимостью от платформенной инфраструктуры спроса. Чтобы стабильно получать заказы, фрилансер вынужден поддерживать показатели, значимые для алгоритмов: быстро реагировать, повышать конверсию, наращивать отзывы и конкурировать за позиции в выдаче. На начальном этапе это часто предполагает работу по сниженным расценкам. В результате формируется более мягкая, но достаточно эффективная порочная система, основанная на рыночной дисциплине и непрозрачных критериях успешности.

Существенное отличие рассматриваемых режимов заключается в том, каким образом происходит утрата автономии. При алгоритмически управляемой занятости автономия де-факто отчуждается принудительно, при платформенной занятости она ограничивается по соглашению сторон как цена доступа к рынку и заказам. Тем не менее в обоих случаях воспроизводится общий результат: платформа выводит себя из зоны ответственности за работника, перекладывая на него как предпринимательские издержки, так и социальные последствия нестабильности занятости. Тем самым цифровое посредничество модернизирует способы координации, но не гарантирует включение отношений труда в правовое регулирование.

В результате алгоритмическое управление не только сводит спрос и предложение, но и институционально поддерживает нехватку социальных гарантий, оставляя работников в условиях «цифрового феодализма» (Шевчук, 2023). В подобных условиях платформа фактически выступает частным регулятором, определяя правила доступа к работе и распределения вознаграждения, но не несет соответствующих обязательств перед исполнителями. Парадокс российской ситуации заключается в том, что расширение цифровых платформ и их вовлечённость в государственную политику не приводят к последовательной формализации занятости: напротив, платформенная модель часто воспроизводит неустойчивые и неформальные виды труда. Это подтверждается

наблюдениями за фриланс-площадками (FL.ru, YouDo, Profi.ru): при высокой скорости исполнения заказов (в пределах часов или нескольких дней) трудовые отношения часто остаются эпизодическими, проектными и не предполагают ни формального трудоустройства, ни социального и пенсионного обеспечения.

Заключение

Исследование предлагает комплексное рассмотрение изменений российского рынка труда, происходящих под воздействием цифровых платформ. В качестве отправной точки была выдвинута гипотеза, согласно которой платформизация вопреки ожиданиям ведёт не к преобладанию формализации и сокращению структурных дисбалансов, а к институциональному закреплению неформальных практик и усилению региональной дифференциации. Эмпирические результаты подтвердили данное предположение. Результаты показывают, что технологическая экспансия платформ сопряжена с существенными социальными противоречиями: упрощая и формализуя процедуры поиска занятости, они одновременно формируют инфраструктуру, поддерживающую воспроизводство неустойчивой занятости, а их заявленный потенциал в преодолении пространственных барьеров ограничивается способностью технологически фиксировать сложившуюся территориальную стратификацию.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании целостной аналитической модели, в рамках которой платформенная трансформация рынка труда трактуется как сложный социальный феномен, характеризующийся множественностью уровней и внутренней противоречивостью, а не как линейный технологический сдвиг. В работе впервые предложена и апробирована методика количественной фиксации неформальных практик найма на базе контент-анализа вакансий, что позволило эмпирически выявить расхождение между технологической формой платформенного посредничества и его социальным содержанием. Дополнительно исследование развивает понятийный аппарат, типологизируя алгоритмическое управление и демонстрируя его неоднородные эффекты в разных сегментах занятости — от режимов тотального контроля в физическом труде до алгоритмически организу-

емой конкуренции в области интеллектуальных услуг. Тем самым работа вносит вклад в теоретизацию цифровой прекаризации и в объяснение механизмов воспроизводства уязвимости в современных экономических условиях.

Прикладная значимость обусловлена ее фокусом на практических проблемах социально-трудовых отношений. Выводы исследования расширяют доказательную базу для пересмотра подходов государства к регулированию цифровой занятости, акцентируя необходимость смещения приоритетов от поддержки инфраструктурных решений к адресным механизмам защиты прав работников. Полученные результаты показывают, что унифицированные регуляторные меры недостаточно эффективны в условиях выраженной региональной и отраслевой асимметрии, что делает необходимой разработку дифференцированных подходов, учитывающих особенности различных типов платформ и территорий. Для бизнеса и

подразделений по управлению персоналом работа раскрывает двойственную роль платформ как инструмента рекрутинга: неконтролируемое внедрение gig-моделей формирует долгосрочные репутационные и управленческие риски и в перспективе может снижать кадровый потенциал территорий присутствия компаний.

Таким образом, проведенное исследование вносит значимый вклад в развитие экономических и социологических подходов к изучению труда, поскольку предлагаются методические решения и концептуальная модель для критического анализа платформенной занятости. При этом результаты позволяют заключить, что ключевым фактором трансформации занятости выступают не технологии сами по себе, а способность институтов и общества направлять их применение на получение преимуществ при одновременном предотвращении социальных потерь и обеспечении устойчивости и инклюзивности рынка труда.

Литература

- Баймурзина Г.Р., Черных Е.А. (2024). Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 2. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.11
- Бобков В.Н., Черных Е.А. (2020). Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // *Мир новой экономики*. Т. 14. № 2. С. 6–15. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15
- Гаврилова Э.Н. (2025). Платформенная экономика в России: драйверы развития, институциональные барьеры, экономические эффекты и прогнозы развития // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. № 3 (54). С. 19–29. DOI: 10.21777/2587-554X-2025-3-19-29
- Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. (2024). Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Ч. 1 // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 20. № 2. С. 163–171. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_163_171
- Капелюшников Р.И., Зинченко Д.И. (2025). Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1 (185). С. 107–129. DOI: 10.14515/monitoring.2025.1.2782
- Клименко Г.А. (2024). Изменение форм взаимодействия субъектов трудовых отношений в современных условиях // *Экономика труда*. Т. 11. № 8. С. 1215–1226. DOI: 10.18334/et.11.8.121522
- Колесник Е.А. (2025). Российская модель дистанционной (удалённой) работы: характерные черты и противоречия // *Социально-трудовые исследования*. № 61 (4). С. 61–71. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-61-4-61-71
- Лешкова О.В., Шимолина М.В. (2025). Неустойчивая занятость молодёжи в цифровой экономике: когнитивный диссонанс и социальные механизмы // *Russian Studies in Culture and Society*. Т. 9. № 2. С. 40–55. DOI: 10.12731/2576-9782-2025-9-2-280
- Манохина Н.В., Митяева Н.В. (2022). Прекаризация занятости в цифровой экономике // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. Т. 22. Вып. 2. С. 137–144. URL: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-137-144>
- Петровская Н.Е. (2021). Цифровые платформы как доминантный вектор развития глобального рынка труда // *Управление*. Т. 9. № 2. С. 103–113. DOI: 10.26425/2309-3633-2021-9-2-103-113

- Черных Е.А. (2020). Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 16. № 3. С. 82–97. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.3.7
- Черных Е.А. (2021). Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 2. С. 172–187. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11
- Шевчук А.В. (2023). Теоретизируя цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики // *Экономическая социология*. Т. 24. № 5. С. 11–53. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-5-11-53
- Янченко Е.В. (2022). Гиг-экономика: риски прекаризации занятости // *Экономика труда*. Т. 9. № 5. С. 909–930. DOI: 10.18334/et.9.5.114795
- Alauddin F., Aman A., Ghazali M., Daud S. (2024). The influence of digital platforms on gig workers: A systematic literature review. *Heliyon*, 11, Art. e41491. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e41491
- Bieber F. (2022). Labour justice in the platform economy. *Journal of Applied Philosophy*. DOI: 10.1111/japp.12639
- Dun L., Yuan G., Lun-Qu Y. (2020). The age of digitalization: Tendencies of the labor market. *Digital Law Journal*, 1(3), 14–20. DOI: 10.38044/2686-9136-2020-1-3-14-20
- Giustini D. (2023). Digital work across the divide: Japan’s platform economy and labour market dualisation. *Contemporary Japan*, 37(1), 3–29. DOI: 10.1080/18692729.2023.2206339
- Laursen C., Nielsen M., Dyreborg J. (2021). Young workers on digital labor platforms: Uncovering the double autonomy paradox. *Nordic Journal of Working Life Studies*. DOI: 10.18291/njwls.127867
- Martindale N., Lehdonvirta V. (2023). Labour market digitalization and social class: Evidence of mobility and reproduction from a European survey of online platform workers. *Socio-Economic Review*. DOI: 10.1093/ser/mwad049
- Pulignano V., Grimshaw D., Domecka M., Vermeerbergen L. (2023). Why does unpaid labour vary among digital labour platforms? Exploring socio-technical platform regimes of worker autonomy. *Human Relations*, 77(9), 1243–1271. DOI: 10.1177/00187267231179901
- Rahman H. (2021). The invisible cage: Workers’ reactivity to opaque algorithmic evaluations. *Administrative Science Quarterly*, 66(4), 945–988.
- Sadovaya E. (2022). Labor market in the digital economy – prospects for regulation. *World Economy and International Relations*, 66(10), 102–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-102-111
- Schmidt F. (2017). *Digital Labour Markets in the Platform Economy: Mapping the Political Challenges of Crowd Work and Gig Work*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/314719905_Digital_Labour_Markets_in_the_Platform_Economy_Mapping_the_Political_Challenges_of_Crowd_Workand_Gig_Work

Сведения об авторе

Елена Андреевна Колесник – кандидат экономических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38; e-mail: kolesnikea@tyuiu.ru)

Kolesnik E.A.

Digital Platforms in the Russian Labor Market: Paradoxes and Contradictions of Transformation

Abstract. The relevance of the study is substantiated by the contradictory role of digital platforms: being the dominant infrastructure of the Russian labor market, they do not solve but reproduce the problems of informal employment and regional inequality. The aim of the work is to go beyond the observation of the quantitative growth of platforms and to reveal the mechanisms of institutionalization of these disparities. Scientific novelty lies in the synthesis of structural and institutional approaches, which for the first time allows conceptualizing the key paradoxes of the Russian model: technological formalization of informality, reinforcement of regional inequality, and algorithmic autonomy. The methodological framework was

based on a combination of qualitative and quantitative methods: secondary analysis of data from Rosstat and platforms (2020–2025), the author’s content analysis of job descriptions (N = 4500) to identify informal hiring practices via lexical markers, and modeling of vacancy closing time to assess regional efficiency (N = 9600). The findings demonstrate that platforms serve as an infrastructure for the mass institutionalization of informal relations, with the share of informal vacancies in mass segments reaching 60–85%. It has been revealed that platform infrastructure does not smooth regional asymmetries but technologically reinforces them, concentrating high-income digital jobs in the capitals and preserving low-skilled, insecure employment in the periphery. It has been shown that the flexibility of platform employment leads to either strict algorithmic control (in the gig segment) or increased instability (in freelancing), both of which result in the transfer of social risks to the employee. The limitations of the study include the lack of open official data on informal employment, which determines the prospects for further research on the long-term social consequences of platformization and the effectiveness of differentiated regulatory measures.

Key words: transformation paradoxes, digital platforms, Russian labor market, institutionalization of informality, regional asymmetry, algorithmic control, income polarization, social vulnerability.

Information about the Author

Elena A. Kolesnik – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Industrial University of Tyumen (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: kolesnikea@tyuiu.ru)

Статья поступила 18.12.2025.

Новые формы занятости в России: от правовой неопределённости к системному регулированию

Ольга Павловна НЕДОСПАСОВА

Томский государственный университет
Томск, Российская Федерация
e-mail: olgaeconomy@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8272-4616; ResearcherID: R-2126-2016

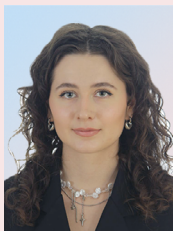
Евгения Владимировна НЕХОДА

Томский государственный университет
Томск, Российская Федерация
e-mail: sheyna1963@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2250-6905; ResearcherID: O-6861-2014

Ольга Игоревна ГЕВОРГЯН

Томский государственный архитектурно-строительный университет
Томский государственный университет
Томск, Российская Федерация
e-mail: Dobrynina_Oly@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4154-9249; ResearcherID: P-2316-2017

Дарья Константиновна ДЕМИДОВА

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Томский государственный университет
Томск, Российская Федерация
e-mail: dasha-demidova.2002@mail.ru
ORCID: 0009-0007-9995-3707

Для цитирования: Недоспасова О.П., Нехода Е.В., Геворгян О.И., Демидова Д.К. (2026). Новые формы занятости в России: от правовой неопределённости к системному регулированию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 199–214. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.10

For citation: Nedospasova O.P., Nekhoda E.V., Gevorgyan O.I., Demidova D.K. (2026). New forms of employment in Russia: From legal uncertainty to systemic regulation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 199–214. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.10

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительным распространением новых форм занятости в условиях цифровизации экономики, опережающим формирование адекватных для данного явления институциональных рамок, что создает системные социально-экономические риски. Цель работы – провести сравнительный анализ экспертных оценок уровня, барьеров и перспектив институционализации новых форм занятости в России на региональном примере. Научная новизна заключается в использовании методологии структурированных научно-экспертных семинаров (фокус-групп) для целенаправленного сопоставления позиций двух ключевых групп стейкхолдеров: профессионалов рынка труда ($n = 23$) и молодёжи, непосредственно состоящей в новых формах занятости ($n = 25$). Основные результаты подтверждают консенсус об относительно низком уровне институционализации. Исследование выявило принципиальный дуализм в восприятии анализируемого явления: эксперты-профессионалы оценивают институционализацию преимущественно как «проект», фокусируясь на макрорегулировании и инвестициях, тогда как молодёжь видит в ней скорее «результат», акцентируя практические гарантии, защиту прав и технологическую оснащенность. Установлено, что ключевыми барьерами обе группы экспертов считают правовую неопределённость и кризис доверия к государству, которое одновременно рассматривается и как главный агент изменений, и как источник системных препятствий. Рекомендации групп различаются: от профессионалов преимущественно исходят предложения по системной модернизации регуляторных и аналитических институтов, от молодёжи – запрос на конкретные цифровые сервисы и инструменты защиты. Ограничением исследования является его региональный фокус. Перспективным направлением дальнейшей работы выступает количественная верификация выявленных критериев и гипотез на более широких данных.

Ключевые слова: цифровизация, новые формы занятости, институционализация, рынок труда, сравнительный анализ, экспертные оценки, молодёжь, профессиональное сообщество.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РНФ, научный проект 25-28-00799 «Институционализация новых форм занятости в условиях цифровой трансформации экономики».

Введение

Стремительная цифровизация экономики, трансформация демографической структуры и пересмотр традиционных моделей социально-трудовых отношений обусловили глубокие изменения на современном рынке труда (Тощенко, 2020). В этих условиях широкое распространение получают новые формы занятости (далее – НФЗ): платформенный труд, удалённая и гибридная работа, проектная и фриланс-занятость (Ильин и др., 2024). Их стихийное развитие опережает формирование адекватных институциональных рамок, что создаёт системные риски (Нехода и др., 2025). Правовой вакуум, неадаптированные системы социального обеспечения и налогообложения, а также механизмы защиты прав работников ведут к усилению социально-экономической нестабильности, росту неравенства и формированию «дикого цифрового капитализма»,

где технологическая динамика доминирует над социальными гарантиями (Синявская и др., 2022).

Международный опыт показывает, что целенаправленная институционализация НФЗ (процесс превращения новых практик в устойчивые, регулируемые структуры) является ключом к минимизации социально-экономических рисков и важным условием реализации потенциала цифровой экономики (Радаев, 2022). Развитые страны применяют комплекс мер для интеграции гибких форматов труда в правовое поле (López et al., 2024). В Нидерландах действует законодательство, гарантирующее право на запрос гибкого графика¹. Германия ввела

¹ Перспективы занятости и социальной защиты в мире (2021). Роль платформ цифрового труда в трансформации сферы труда: доклад МОТ.

специальный социально-правовой статус «работника, подобного наёмному», расширяющий меры социальной защиты для некоторых категорий самозанятых и фрилансеров (Стребков, Шевчук, 2022). Великобритания известна судебными решениями, признающими работников платформ наёмными сотрудниками с полным пакетом трудовых прав (Peters, 2020). Значимым примером является Испания, где введён специальный налоговый и правовой режим для удалённых работников, проводится реформа трудового законодательства, направленная на ограничение злоупотреблений временными контрактами (De Stefano, Aloisi, 2018). Во Франции создана система социального страхования для самозанятых, а в судебном порядке установлена ответственность платформ за несчастные случаи с курьерами². Скандинавские страны заключают коллективные соглашения с платформами в секторах гиг-экономики, устанавливая минимальные ставки оплаты и условия труда (Valente, Graham, 2025). На уровне Европейского союза принята директива, направленная на улучшение условий труда работников платформ³. Эти примеры иллюстрируют общий тренд: от реактивного судебного урегулирования конфликтов государства постепенно переходят к проактивному созданию адаптивных правовых статусов, гибридных систем социальной защиты и механизмов социального диалога, что позволяет легитимизировать новые формы занятости, не подавляя их гибкость (Чжао, Воронов, 2023).

Несмотря на наличие отдельных инициатив (спецрежимы для самозанятых, цифровизация служб занятости), в России уровень институционализации остаётся недостаточным (Томашевский, Чичина, 2024). При этом сохраняется дефицит исследований, фокусирующихся на сравнительном анализе восприятия этой проблемы ключевыми стейкхолдерами, чьи интересы и опыт напрямую определяют успех любых реформ: профессиональным сообществом (HR-специалисты, регуляторы) и непо-

средственными «пользователями» новых форматов труда — молодёжью (Бирюкова, Синявская, 2025).

Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа экспертных оценок уровня, барьеров и перспектив институционализации новых форм занятости в России в условиях цифровизации, полученных от двух групп: профессионалов рынка труда и молодых работников. В рамках достижения цели решались следующие задачи: 1) выявление интуитивных и критериальных оценок уровня институционализации НФЗ; 2) определение ключевых системных препятствий этому процессу; 3) формулирование рекомендаций по развитию институциональной среды от каждой группы экспертов, а также сравнение оценок анализируемого явления данных каждой группой. Статья основана на материалах серии научно-экспертных семинаров, проведённых в институте экономики и менеджмента Томского государственного университета в мае 2025 года в рамках проекта РНФ.

Научная новизна работы заключается в применении качественной методологии структурированных экспертных семинаров (фокус-групп) для сравнительного анализа позиций двух критически важных, но редко сопоставляемых групп стейкхолдеров. Это позволяет не просто констатировать проблемы, но и выявить дуализм в восприятии институционализации как «проекта» (взгляд регуляторов и профессионалов) и как «результата» (взгляд непосредственных участников). Подобный ракурс даёт объёмное, многомерное понимание институциональных разрывов.

Работа вносит вклад в развитие теории институциональных изменений на рынке труда, предлагая операционализацию понятия «институционализация НФЗ» через набор критериев, сгенерированных самими стейкхолдерами. Полученные результаты могут стать основой для разработки сбалансированной государственной политики, синтезирующей макрорегулирование с микроуровневыми гарантиями. Ожидается, что выводы исследования будут полезны для органов законодательной и исполнительной власти, представителей бизнес-ассоциаций и образовательных учреждений, формирующих повестку в сфере будущего труда.

² OECD Digital Economy Outlook 2024 (Volume 2): Strengthening Connectivity, Innovation and Trust, Paris: OECD Publishing, 2024. DOI: 10.1787/3adf705b-en

³ New Forms of Employment, Publications Office of the European Union. Luxembourg: Eurofound, 2015. DOI: 10.2806/937385

Гипотеза исследования: уровень институционализации новых форм занятости в России оценивается ключевыми стейкхолдерами как низкий, при этом профессионалы рынка труда и молодёжь воспринимают данный процесс принципиально по-разному: первые – как макрорегуляторный проект, вторые – как практический результат, что порождает институциональные разрывы, которые могут быть преодолены лишь при комплексном учёте позиций обеих групп.

Методология исследования

Под новыми формами занятости в данном исследовании понимаются возникающие под влиянием цифровизации способы организации труда, выходящие за рамки стандартной модели бессрочного трудового договора с полной занятостью. К ним относятся платформенная занятость, удалённая и гибридная работа, проектная занятость, фриланс и иные гибкие форматы, для которых характерны децентрализация трудового процесса, использование цифровых инструментов управления, а также институциональная неопределённость, выражающаяся в отсутствии чёткого правового статуса и полноценных социально-трудовых гарантий.

Основу исследования составила качественная методология, реализованная в формате структурированных научно-экспертных семинаров (Зайцева и др., 2014; Casati et al., 2020). Такой выбор обусловлен сложностью и относительной новизной феномена институционализации новых форм занятости, для анализа которого ещё не сформированы готовые теоретические модели и недостаточно системных статистических данных (Гелисханов, 2024, Носуленко, 2021). В этих условиях углублённый семинар, базирующийся на групповой дискуссии, выступает адекватным инструментом для выявления скрытых смыслов, субъективных оценок и причинно-следственных связей, лежащих в основе восприятия проблемы ключевыми стейкхолдерами (Гусельцева, 2017). Исследование построено как углублённое кейс-стади, фокусирующееся на анализе ситуации в конкретном российском регионе. Авторы полностью осознают ограничения, связанные с уникальностью локального контекста, однако в условиях недостаточной изученности и фрагментарности данных о НФЗ такой подход пред-

ставляется вполне оправданным и корректным. Он позволяет сгенерировать детализированное, содержательно-насыщенное понимание процессов, сформулировать рабочие гипотезы и концептуальные рамки, которые в дальнейшем могут быть верифицированы в количественных исследованиях на более широких массивах данных⁴. Представленная работа, таким образом, следует устоявшемуся научному подходу, согласно которому качественные методы нацелены на достижение более глубокого уровня интерпретации социальных явлений, выходя за пределы их поверхностного описания (Тамбовцев, 2024).

Участниками семинаров были 48 человек, 23 из них работали в первой группе, 25 – во второй. Работа групп проходила в разные дни. В качестве концептуального фундамента семинаров использовалось рабочее определение ключевого понятия. Модераторы предложили экспертам исходить из понимания институционализации НФЗ как процесса превращения новых, эпизодических социальных практик в устойчивые, долгосрочно действующие нормы, оформляющиеся в виде формальных и неформальных институтов⁵. Предварительное обсуждение и согласование этой дефиниции с участниками семинаров обеспечило необходимое концептуальное единство и создало общее семантическое поле для последующей продуктивной дискуссии.

Работа групп строилась по специально разработанному алгоритму, обеспечивающему логический переход от общей диагностики к конкретным решениям. Работа в рамках семинаров была организована как последовательный аналитический процесс, состоящий из трёх ключевых этапов:

1) интуитивная интегральная оценка: участники на основе личного опыта давали общую оценку степени институционализации НФЗ в России по шкале от «критически низкий» до «высокий (превосходный)»;

⁴ Белановский С.А. (2022). Глубокое интервью и фокус-группы: учебник по качественным методам социологического опроса. Москва: ООО ДиректМедиа.

⁵ Определение сформировано на основе информации, представленной в Большой российской энциклопедии. URL: <https://bigenc.ru/c/institutsionalizatsiia-7753b9> (дата обращения: 02.02.2026).

2) операционализация понятия и разработка критериев: в ходе групповой дискуссии происходило определение количественных признаков (критериев), отражающих уровень институционализации НФЗ, а также формировались проверочные матрицы, характеризующие его в диапазоне от максимального до минимального уровня;

3) диагностика системных барьеров и генерация практических рекомендаций: на этом этапе фокус экспертов смещался на выявление препятствий, тормозящих процесс институционализации и разработку конкретных мер и предложений, направленных на преодоление системных барьеров; полученные результаты ранжировались экспертами по степени значимости.

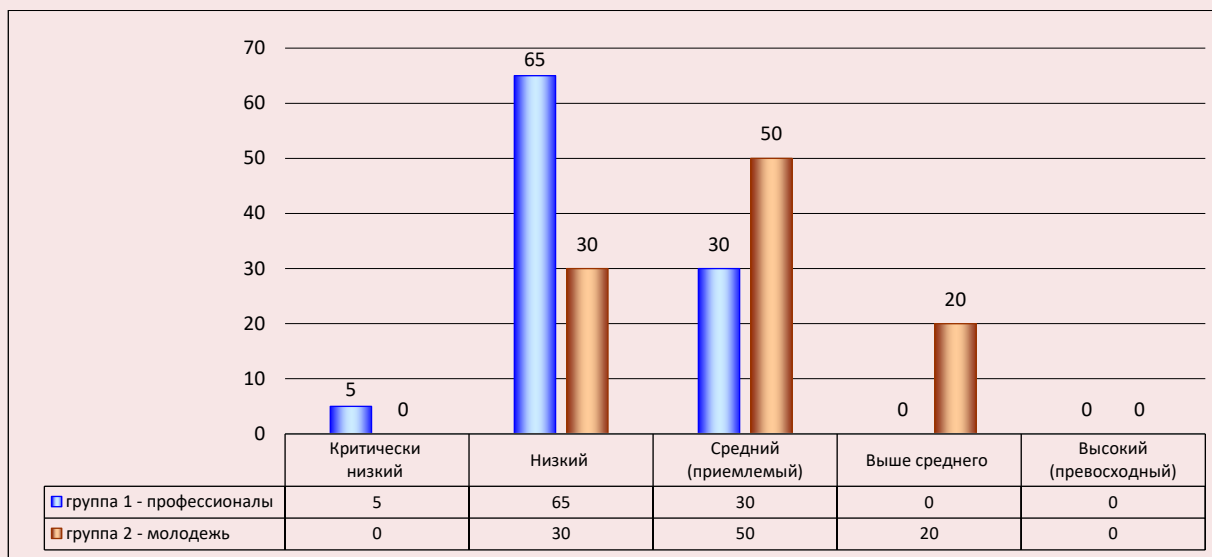
Для повышения надёжности и глубины выводов в исследовании была применена стратегия триангуляции данных, основанная на включении двух контрастных, но релевантных групп стейкхолдеров (Кошарная, Кошарный, 2016). Первую группу составили эксперты-профессионалы: руководители и специалисты кадровых агентств, практикующие HR-менеджеры, представители кадровых служб крупных компаний, специалисты в области трудового права и регулирования занятости. Все они обладают

системным, макроэкономическим взглядом на рынок труда и имеют непосредственный опыт взаимодействия с новыми формами занятости в профессиональной деятельности. Вторую группу экспертов составили студенты и недавние выпускники томских вузов, имеющие личный опыт платформенной занятости (курьерские сервисы, такси, фриланс-биржи), удалённой проектной работы, гибридной занятости с гибким графиком, а также эпизодической самозанятости. Последующее сопоставление и конвергенция оценок, критериев и предложений этих двух групп позволили построить многомерную, объёмную картину изучаемого явления, определить как зоны консенсуса, так и принципиальные различия. Такой подход значительно усиливает валидность исследования и соответствует комплексной природе анализируемого социально-экономического феномена (Мельникова, Хорошилов, 2015). Выбранная методологическая рамка обеспечила сбор релевантного и содержательного эмпирического материала.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе работы эксперты интуитивно оценивали общий уровень институционализации НФЗ. Как видно на *рисунке 1*, участники обеих групп определили его в основном

Рис. 1. Экспертная (интуитивная) оценка уровня институционализации новых форм занятости, %

Источник: составлено авторами.

как низкий или средний (приемлемый). При этом эксперты-профессионалы дали более консервативные оценки (65% из них оценили этот уровень как низкий и 30% — как средний). Молодёжь высказалась более оптимистично: 30% — низкий, 50% — приемлемый и 20% — уровень выше среднего.

Интуитивная оценка уровня институционализации НФЗ участниками семинаров демонстрирует, с одной стороны, их консенсус, а с другой — нюансы восприятия. Во-первых, подтверждён тезис о недостаточной развитости институциональной среды. Подавляющее большинство экспертов в обеих группах не оценивают ситуацию как благополучную («высокий» уровень не был выбран ни одним участником), что эмпирически подтвердило наличие системной проблемы. Во-вторых, обнаружен существенный разрыв в восприятии участниками глубины проблемы. Эксперты-профессионалы, обладающие системным взглядом на регулирование и макроэкономические процессы, дали значительно более консервативные и критичные оценки — две трети (65%) определяют уровень как «низкий». Это может указывать на их осведомлённость о масштабе правовых лакун, административных препятствий и стратегических вызовов, не всегда очевидных для непосредственных участников нового рынка труда. Молодые работники, хотя и констатируют проблему, оценивают ее остроту более умеренно: половина выбирает вариант «средний», а каждый пятый — «выше среднего». Подобный оптимизм может быть обусловлен несколькими факторами: большей адаптивностью и толерантностью к неопределённости, характерными для «цифрового поколения»; оценкой ими ситуации преимущественно через призму личного, возможно еще не столкнувшегося с серьёзными конфликтами, опыта; фокусом на операционных возможностях технологий, которые частично компенсируют в их восприятии институциональные пробелы.

Таким образом, расхождение в интегральных интуитивных оценках не является противоречием, а, напротив, обогащает понимание проблемы, отражает разницу между взглядом

извне — со стороны тех, кто видит системные сбои и несбалансированность регулирования, и взглядом изнутри — со стороны тех, кто, адаптируясь, находит возможности для труда и дохода даже в условиях несовершенных институтов.

На втором этапе семинаров участники сначала работали в малых группах. В формате свободной дискуссии эксперты обсуждали, обосновывали, приходили к общему решению относительно пяти основных признаков (количественных критериев) для оценки текущего уровня институционализации НФЗ и предлагали подходы к количественному измерению степени их выраженности. Далее малые группы объединялись, сравнивали предложения коллег, выбирали наиболее частотные и близкие по смыслу из предложенных количественных характеристик изучаемого явления, объединяли их в окончательные формулировки. Затем участники семинаров формировали проверочные матрицы для количественной оценки уровня институционализации НФЗ. Для этого они определяли пороговые значения для каждого из пяти уровней институционализации (от «критически низкого» до «высокого») по каждому критерию. При этом экспертам было предложено выразить количественные оценки в долях (от 0 до 1) или в процентах, в зависимости от удобства интерпретации конкретного показателя. Выбор процентных (или долевых) показателей в качестве количественных критериев обусловлен самой природой институционализации как процесса распространения и укоренения новых практик. Динамика доли или процента тех или иных объектов анализа (например, трудовых договоров, работников, законов и т. д.) является наглядным показателем того, насколько новая практика стала официально признанной и укоренившейся.

После заполнения матриц участники также дали оценку фактическому состоянию институционализации НФЗ на текущий момент по тем же критериям (эти значения приведены в *табл. 1, 2*). Этот этап семинаров проходил в формате индивидуальной работы и заканчивался усреднением предложений экспертов.

Таблица 1. Количественные критерии для оценки уровня институционализации НФЗ (группа экспертов-профессионалов)

Критерии (в долях от 0 до 1)	Оценка уровня институционализации новых форм занятости				
	критически низкий	низкий	средний	выше среднего	высокий
1. Процент трудовых договоров с новыми формами занятости	0,09	0,24 (0,22)	0,48	0,70	1,00
2. Процент охвата НФЗ законодательством и нормативно-правовыми актами	0,11	0,31 (0,26)	0,55	0,72	1,00
3. Процент трудовых доходов от цифровой занятости в структуре ВВП или ВРП	0,07	0,21 (0,34)	0,42	0,67	1,00
4. Процент государственных инвестиций в развитие новых форм занятости	0,12	0,27 (0,22)	0,48	0,71	1,00
5. Степень удовлетворённости работников условиями труда в рамках новых форм занятости: от 0 (полная неудовлетворенность) до 1 (полная удовлетворенность)	0,13	0,31 (0,44)	0,55	0,76	1,00

Примечание: в скобках приведены средние экспертные оценки фактического уровня институционализации НФЗ по каждому критерию на момент опроса. Оценка «высокий» уровень соответствует полной институционализации (1), «критически низкий» – полному отсутствию институционализации (0). Критерии и пороговые значения сформированы самими участниками семинаров в ходе групповой дискуссии.

Таблица 2. Количественные критерии для оценки уровня институционализации НФЗ (группа экспертов-молодежи)

Критерии (в процентах)	Оценка уровня институционализации новых форм занятости				
	критически низкий	низкий	средний	выше среднего	высокий
1. Процент работников НФЗ в общем числе занятых	4,29	12,00	25,71 (23,00)	39,47	53,24
2. Процент льгот, применяемых в НФЗ	2,41	19,71 (23,40)	44,88	66,18	89,71
3. Процент процессов, выигранных при защите прав работников, вовлечённых в НФЗ	2,12	17,76 (17,50)	40,29	57,35	81,76
4. Процент нормативно-правовых актов о новых формах занятости в трудовом законодательстве	2,37	7,76 (9,70)	16,12	24,09	34,41
5. Процент технологий, имеющих у фирм, которые обеспечивают НФЗ	9,76	20,35 (34,30)	40,00	56,18	75,29

Примечание: в скобках приведены усреднённые экспертные оценки фактического уровня институционализации НФЗ по каждому критерию на момент опроса. Оценка «высокий» уровень соответствует полной институционализации (100%), «критически низкий» – полному отсутствию институционализации (0%). Критерии и пороговые значения сформированы самими участниками семинаров в ходе групповой дискуссии.

Сравнение критериев, предложенных экспертами-профессионалами и молодёжью для количественной оценки институционализации НФЗ, позволяет выявить как общие черты, так и различия в их профессиональном и жизненном опыте, уловить взгляды экспертов на сущность и механизмы анализируемого явления. Отметим, что обе группы экспертов продемонстрировали единое понимание ядра институционализации как процесса, требующего формализации и количественной измеримости новых практик. Это проявляется в двух пересекающихся критериях: 1) профессионалы предложили критерий «процент трудовых договоров с НФЗ», а молодёжь – «процент работников НФЗ в общем числе занятых». Оба эти показателя направлены на измерение распространенности и укорененности новых форм занятости в структуре рынка труда, что является базовым индикатором любого формирующегося института; 2) критерий профессионалов «процент охвата НФЗ законодательством и нормативно-правовыми актами» и критерий молодёжи «процент нормативно-правовых актов о новых формах занятости в трудовом законодательстве» практически синонимичны. Это указывает на консенсус в признании государства как главного легитимирующего актора, чья функция – устанавливать «правила игры». Обе группы сошлись во мнении, что без формально-правового закрепления полноценная институционализация НФЗ невозможна.

Таким образом, общим в мнении экспертов является признание необходимости легализации и статистического учёта НФЗ как первого шага к их институционализации.

Переходя к различиям в мнениях экспертов, отметим, что они, ожидаемо, отражают фокус их внимания. Логика экспертов-профессионалов оказалась преимущественно макроэкономической и ресурсной. Об этом говорят их критерии «процент государственных инвестиций в развитие новых форм занятости» и «процент трудовых доходов от цифровой занятости в структуре ВВП/ВРП». Первый показатель оценивает волю и финансовые усилия государства как драйвера изменений, второй – макроэкономическую значимость и эффективность НФЗ для экономики в целом. Отметим также уникальность критерия «сте-

пень удовлетворенности работников условиями труда в рамках новых форм занятости», предложенного экспертами-профессионалами. Несмотря на его оценочность, он вводит в обсуждение уровня институционализации НФЗ социально-психологическое измерение, показывающее, что устойчивость институтов зависит не только от внешних правил, но и от внутреннего принятия субъектами. Таким образом, институционализация НФЗ воспринимается экспертами-профессионалами преимущественно как вертикальный процесс «сверху вниз», успешность которого определяется объёмом направленных на него ресурсов, степенью формального охвата и экономической отдачей.

Логика молодых экспертов при выборе критериев для количественной оценки институционализации НФЗ скорее микроуровневая. Она также ориентирована на результаты, но основной фокус сделан на конкретных гарантиях и механизмах защиты. Такие критерии, как «процент льгот, применяемых в НФЗ» и «процент процессов, выигранных при защите прав работников, вовлечённых в НФЗ», сдвигают акцент с создания правил на их практическую имплементацию и полезность для работника. Таким образом, для молодёжи институционализация НФЗ ценна не просто фактом своего существования, а реальными, осязаемыми выгодами, а также механизмом восстановления справедливости. Представляет интерес решение молодых экспертов включить в список критериев для количественной оценки уровня институционализации НФЗ инфраструктурную обеспеченность. Критерий «процент технологий, имеющихся у фирм, которые обеспечивают НФЗ» отражает понимание того, что цифровая занятость обусловлена технологической базой, и с этой точки зрения институционализация – это не только правовые нормы, но и инфраструктурная готовность экономики поддерживать новые практики. Таким образом, институционализация НФЗ воспринимается молодыми участниками современного рынка труда скорее как горизонтальный процесс обеспечения конкретных условий, где важна доступность социальных благ, эффективность правоприменения и наличие современных технологий как материального фундамента НФЗ.

Выявленные различия в определении экспертами критериев институционализации НФЗ не случайны. Они могут быть объяснены, например, разницей в занимаемых позициях: профессионалы воспринимают себя преимущественно как «архитекторов» и (или) «оценщиков» системы, а молодёжь анализирует ситуацию скорее с позиций «пользователей», что определило их фокус на практических результатах и инструментах. Ещё одно объяснение различий экспертных позиций можно дать в логике теорий человеческого капитала и трансакционных издержек: подход молодёжи акцентирует важность снижения персональных трансакционных издержек (затрат времени и сил на получение льгот, защиту прав), что прямо повышает ценность их человеческого капитала в условиях НФЗ, а подход профессионалов характеризует трансакционные издержки для экономики в целом. Также различия в экспертных оценках можно объяснить в терминах институциональной экономики. Молодёжь (возможно интуитивно) выделила критерии, связанные с институтами согласования прав работников в современных условиях (суды) и инфраструктурными институтами (технологии), в то время как профессионалы сконцентрировались преимущественно на распределительных (инвестиции) и нормативных (законы) институтах. Это показывает разницу в восприятии экспертами того, какие институты являются наиболее дефицитными и критически важными.

Отметим, что обе группы экспертов, по сути, описали два контура одного и того же процесса. Профессионалы сформулировали критерии для «институционализации как проекта» (принятие решений, выделение ресурсов, нормативное оформление), а молодёжь предложила критерии для «институционализации как результата» (работающие механизмы защиты, доступная инфраструктура, ощути-

мые выгоды). Их сочетание дает комплексное представление о том, что устойчивый институт рождается не тогда, когда о нём написан закон, а тогда, когда он подкреплён ресурсами, технологически воплощён, предоставляет конкретные выгоды и обеспечивает надежную защиту. Таким образом, расхождения в акцентах являются не недостатком исследования, а его важным результатом, указывающим на необходимость комплексной политики, которая бы синтезировала макрорегулирование НФЗ с микроуровневыми гарантиями участникам этого процесса.

Представляют интерес количественные оценки в таблицах 1 и 2, приведённые в скобках. Они отражают экспертное мнение каждой фокус-группы о фактическом уровне институционализации НФЗ на основе тех количественных критериев, которые они предложили для проверочных матриц. В группе 1 (эксперты-профессионалы) все пять оценок относятся к «низкому» уровню. В группе 2 (эксперты-молодёжь) четыре значения предложенных критериев соответствуют «низкому» уровню институционализации НФЗ и только один (процент работников НФЗ в общем числе занятых) — к «среднему». Эти значения хорошо коррелируют с первоначальными экспертными оценками и подтверждают первоначальное суждение экспертов о недостаточной степени институционализации НФЗ.

На третьем этапе участникам научно-экспертных семинаров было предложено определить основные факторы, препятствующие институционализации НФЗ и предложить рекомендации по внедрению улучшающих изменений. Мнения каждой группы экспертов представлены в *таблице 3*. Последовательность препятствий и улучшающих изменений соответствует экспертным оценкам об их значимости (ранжирование соответствует приоритетам участников семинаров).

Таблица 3. Основные факторы, препятствующие институционализации НФЗ, и необходимые изменения

Факторы, препятствующие институционализации НФЗ	Мероприятия, содействующие институционализации НФЗ
Группа 1 (эксперты-профессионалы)	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокая скорость изменений 2. Сложность идентификации всего многообразия НФЗ 3. Коррупция 4. Нет общего видения рынка труда 5. Низкая скорость утверждения законодательных инициатив 6. Низкий уровень доверия к государству 7. Консерватизм институтов 8. Слабая законодательная база 9. Недоверие к власти 10. Бюрократизм 11. Политическая ситуация 12. Разрыв между законами и реальностью 13. Государство не урегулировало механизм налогообложения для участников НФЗ 14. Озабоченность государства возможным снижением доходов 15. Отсутствие достоверных источников информации 16. Высокая социальная неопределенность 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Распространение мер государственной защиты на работников НФЗ (защита от контроля «цифрового следа», утечки персональных данных, превышения полномочий работодателя и др.) 2. Создание системы мониторинга и анализа рынка труда с применением новой методологии, учитывающей НФЗ 3. Разработка механизмов поддержки работодателей, поддерживающих и создающих условия для развития НФЗ 4. Разработка новой системы учёта показателей рынка труда 5. Стабилизация правил налогообложения (фиксированный срок действия) 6. Установление минимальной ставки налогов для новых (впервые возникающих) видов деятельности 7. Разработка группы индикаторов/метрик для оценки НФЗ 8. Повышение лимитов доходов для самозанятых 9. Создание цифровой платформы для генерации трудовых договоров, их регистрации и учёта 10. Создание научно-практического института в области форсайта НФЗ 11. Дестигматизация в обществе НФЗ 12. Перестройка всех уровней системы образования с учётом трансформации рынка труда 13. Введение «налоговых каникул» для НФЗ 14. Создание системы мониторинга мнения стейкхолдеров по НФЗ (по типу краудсорсинга) 15. Тиражирование платформенных решений от бизнеса (совместно государство и бизнес) 16. Внесение в «Права человека» доступа к интернету 17. Исключение «двойных стандартов» в регулировании НФЗ 18. Разработка мер ответственности общественных организаций и бизнеса по НФЗ
Группа 2 (эксперты-молодёжь)	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Низкий уровень доверия между рынком труда и государством 2. Отсутствие адекватных нормативно-правовых актов 3. Отсутствие спроса на институционализацию НФЗ со стороны сотрудников 4. Бюрократия 5. Низкий уровень доверия к государству 6. Ограничения платформ и ПО 7. Неготовность работодателей к рискам, связанным с НФЗ 8. Нет опыта/понимания НФЗ 9. Лоббирование интересов крупными работодателями 10. Страх изменений 11. Недостаточное развитие технологий 12. Низкая цифровая грамотность 13. Стремление работать в «серой зоне» 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание общей платформы для оформления и получения льгот 2. Национальный проект «новые формы занятости» / включение новых форм занятости в нацпроекты 3. Разработка системы льгот для сотрудников и работодателей, применяющих новые формы занятости 4. Доступность для работников и работодателей полной и актуальной информации о НФЗ 5. Проведение регулярной рекламы НФЗ 6. Создание адаптированных под ожидания зумеров форматов нормативно-правовых актов (reels, подкасты) 7. Создание региональных консультационных центров (онлайн) 8. Законодательное закрепление НФЗ 9. Организация мероприятий для работников и органов власти по оценке результативности НФЗ 10. Создание отечественных платформ занятости с функционалом, эквивалентным мировому уровню 11. Разработка и внедрение нормативно-правовых актов на федеральном и региональном уровнях 12. Формирование профсоюзных объединений для участников НФЗ / создание отделов по НФЗ в существующих профсоюзах 13. Разработка проектов по анализу статистики о НФЗ 14. Снижение налоговой нагрузки для компаний, применяющих НФЗ 15. Запуск программ повышения осведомленности о НФЗ для работодателей / льготах и особенностях для работников 16. Разработка новых стандартов образования с учётом подготовки к НФЗ 17. Создание комитета по формированию нормативно-правовой базы по НФЗ в рамках Федеральной службы по труду и занятости (Роструда)
<p>Источник: составлено авторами.</p>	

Анализ факторов, препятствующих институционализации НФЗ, и предлагаемых мер по их преодолению позволил выявить консенсус экспертов о системном характере проблемы (табл. 4). Во-первых, обе группы едины в признании кризиса институционального доверия, рассматривая низкий уровень доверия к государству (или между ним и рынком труда) как ключевой симптом слабости формирующихся институтов, чьи формальные правила не подкреплены социальным капиталом. Во-вторых, эксперты демонстрируют амбива-

лентное восприятие роли государства: его рассматривают как главного агента необходимых изменений, но одновременно – как источник фундаментальных барьеров (бюрократия, правовая медлительность, непоследовательность). В-третьих, единодушно признается неадекватность законодательной базы как критического препятствия. Наконец, в-четвёртых, рекомендации обеих групп сходятся в необходимости внедрения цифровых платформ для решения операционных задач (оформление отношений, получение льгот, организация занятости).

Таблица 4. Обобщение мнений участников семинаров (обе группы) о препятствиях институционализации НФЗ и мерах по их преодолению

Кластер препятствий	Основные барьеры	Рекомендации
1. Правовые и регуляторные институты	<ul style="list-style-type: none"> слабая законодательная база; разрыв между законами и реальностью; низкая скорость утверждения инициатив; отсутствие адекватных нормативных актов; отсутствие общего видения рынка труда 	<ul style="list-style-type: none"> законодательное закрепление НФЗ; разработка и внедрение нормативных актов на всех уровнях; стабилизация правил налогообложения; создание научно-практического института для форсайта
2. Социально-экономические и политические условия	<ul style="list-style-type: none"> коррупция; бюрократия; политическая ситуация; лоббирование интересов крупных работодателей; высокая социальная неопределенность; озабоченность государства доходами 	<ul style="list-style-type: none"> исключение «двойных стандартов»; разработка мер ответственности для бизнеса и общественных организаций; снижение налоговой нагрузки; введение налоговых каникул
3. Технологическая и инфраструктурная база	<ul style="list-style-type: none"> недостаточное развитие технологий; ограничения платформ и ПО; низкая цифровая грамотность 	<ul style="list-style-type: none"> создание отечественных платформ; тиражирование платформенных решений; создание цифровых платформ для оформления отношений и льгот; доступ к интернету как право
4. Институциональное доверие и человеческий капитал	<ul style="list-style-type: none"> низкий уровень доверия к государству/власти; недоверие между рынком труда и государством; консерватизм институтов; страх изменений; отсутствие спроса на институционализацию со стороны сотрудников; стремление работать в «серой зоне» 	<ul style="list-style-type: none"> дестигматизация НФЗ; повышение осведомлённости (реклама, просвещение); перестройка системы образования; создание консультационных центров; формирование профсоюзов для НФЗ
5. Информационная и аналитическая поддержка	<ul style="list-style-type: none"> отсутствие достоверных источников информации; сложность идентификации НФЗ; отсутствие опыта/понимания 	<ul style="list-style-type: none"> создание системы мониторинга рынка труда; разработка новой методологии учета; доступность полной информации; анализ статистики; мониторинг мнения стейкхолдеров и краудсорсинг
Источник: составлено авторами.		

Таблица 5. Различия во мнениях экспертов о препятствиях институционализации новых форм занятости и мерах по их преодолению

Аспект	Эксперты-профессионалы	Эксперты-молодёжь	Возможные объяснения
Природа барьеров	Высокая скорость изменений, коррупция, политическая ситуация, отсутствие общего видения. Фокус на макро-проблемах управления и регулирования	Отсутствие спроса со стороны сотрудников, страх изменений, неготовность работодателей к рискам, низкая цифровая грамотность. Фокус на мотивациях и компетенциях непосредственных участников	Профессионалы видят институциональные сбои системы, молодёжь – практические трудности и риски индивидов внутри неё
Глубина анализа препятствий	Детализированный список, включающий экономические (налоги, инвестиции), политические и социальные аспекты	Перечень, сконцентрированный на отношениях «государство – работник – работодатель» и технологических ограничениях	Профессионалы обладают более широким обзором системных взаимосвязей
Характер рекомендаций	Акцент на создании новых систем (мониторинга, учета), институтов (форсайт), стабильных правил игры (налоги), защиту прав	Акцент на конкретные инструменты (платформы, льготы, реклама), адаптация форматов общения (reels, подкасты), просвещение	Профессионалы стремятся перестроить «архитектуру» рынка труда, молодёжь – получить работающие сервисы и понятные правила по принципу «здесь и сейчас»
Восприятие субъекта изменений	Государство + бизнес (более сложная модель взаимодействия)	Государство как основной исполнитель (Нацпроект, комитет в Роструде) Более прямая апелляция к властным структурам	Профессионалы чаще выступают в роли партнёров государства, молодёжь – потребителей его услуг
Источник: составлено авторами.			

Не менее значимы различия во мнениях экспертов о препятствиях институционализации НФЗ и мерах по их преодолению (табл. 5).

Обобщая результаты завершающего этапа семинаров, можно отметить, что обе группы экспертов сходятся в том, что институционализация НФЗ тормозится комплексом взаимосвязанных барьеров, в центре которых находятся правовая неопределенность и кризис институционального доверия. Однако пути решения данной проблемы видятся экспертам по-разному: профессиональное сообщество призывает к глубокой системной перестройке регуляторных и аналитических механизмов, в то время как молодые участники рынка труда ждут конкретных, технологичных и понятных инструментов защиты и поддержки, а также активных коммуникаций для формирования позитивного отношения к НФЗ.

Анализ результатов, ограничения и перспективы дальнейших исследований

Проведённое исследование, основанное на триангуляции позиций ключевых стейкхолдеров, подтверждает гипотезу о недостаточном

уровне институционализации НФЗ в России. Консенсус экспертов фиксирует отсутствие устойчивых «правил игры», способных согласовать технологическую динамику с социальными гарантиями.

Ключевым результатом стало выявление фундаментального дуализма в восприятии проблемы. Профессиональное сообщество, работая в парадигме «институционализация как проект», акцентирует необходимость макрорегулирования, системных инвестиций и создания комплексных аналитических рамок. Молодёжь как «пользователь» оценивает процесс в парадигме «институционализация как результат», фокусируясь на практической доступности инструментов защиты, технологической оснащённости и субъективном ощущении справедливости.

Это расхождение не является противоречием, а отражает разрыв между институциональным проектированием и повседневными практиками. Оно обосновывает необходимость двухуровневой стратегии, требующей синхронных действий на стратегическом (формирова-

ние стабильного правового поля, систем мониторинга) и операциональном (внедрение цифровых сервисов, обеспечение правоприменения и просвещения) уровнях. Центральным и амбивалентным актором в этом процессе обе группы единогласно видят государство: от него ожидают инициативы по установлению правил, но в нём же идентифицируют ключевой источник барьеров (правовая неопределённость, бюрократия, дефицит доверия).

Таким образом, основным выводом является необходимость комплексного подхода, сочетающего модернизацию формальных институтов с мерами по снижению транзакционных издержек и повышению адаптивности участников рынка труда. Перспективными направлениями для дальнейших исследований выступают разработка конкретных механизмов такой адаптации, сравнительный анализ международных практик и моделирование эффектов предлагаемых институциональных изменений.

Выводы

Исследование показало значимость качественной методологии структурированных экспертных семинаров для анализа формирующихся и слабо формализованных социально-экономических феноменов. Применённый алгоритм (от интуитивной оценки явления через его операционализацию к выявлению барьеров и формулировку рекомендаций) представляет собой воспроизводимую модель для изучения институциональных изменений в цифровой экономике. Эмпирически выявленный дуализм восприятия институционализации как «проекта» (стратегический, ресурсный взгляд) и как «результата» (прагматический, пользовательский взгляд) обогащает теорию институциональных изменений и позволяет концептуализировать процесс институционализации НФЗ не как линейный, а как двухконтурный, требующий синхронной работы и по созданию формальных правил, и по обеспечению их легитимности в повседневных практиках.

Исследование вносит вклад в дискуссию о «провалах институтов», смещая фокус с анализа норм на анализ их восприятия и имплементации различными акторами. Сформированные в ходе диалога с экспертами наборы количественных критериев для оценки уровня институционализации НФЗ представляют основу

для разработки специализированных индексов и метрик. Эти критерии, интегрирующие макроэкономические, правовые, социальные и технологические параметры, преодолевают узость традиционных статистических показателей рынка труда и задают основу новых стандартов его комплексного мониторинга в цифровую эпоху.

Практическая значимость работы состоит в представлении аргументированной карты противоречий между ожиданиями разных акторов. Чёткое разграничение барьеров, выделенных профессионалами (системно-стратегические) и молодёжью (практико-психологические), указывает на необходимость параллельного запуска двух типов мер: первые – масштабные реформы регуляторной и аналитической инфраструктуры; вторые – «точечные» инструменты цифровой поддержки и правовой помощи, коммуникационные кампании, напрямую повышающие адаптивность и защищённость «цифровых работников».

Выявленный запрос на конкретные инструменты защиты и новые форматы социального диалога формирует новые акценты для корпоративных HR-стратегий и инициатив социального партнёрства. Рекомендации по созданию профильных профсоюзных отделов или ассоциаций работников НФЗ задают вектор для развития институтов коллективного представительства в новой цифровой реальности. Результаты исследования также актуализируют новые темы в образовательных программах по управлению человеческими ресурсами, трудовому праву и экономике труда.

Таким образом, исследование выходит за рамки констатации проблем переходного для нового рынка труда периода. Оно предлагает аналитическую рамку и практическую логику для управления процессом институционализации, основанную на принципе комплементарности стратегического проектирования и операционального обеспечения. Дальнейшее игнорирование выявленного дуализма в восприятии институционализации НФЗ и потребностях ключевых стейкхолдеров будет усугублять институциональные ловушки, в то время как его учёт может стать основой для формирования устойчивого и справедливого контура социально-трудовых отношений в цифровой экономике России.

Литература

- Бирюкова С.С., Синявская О.В. (2025). Платформенная занятость как способ заработка: кто считает платформы своей основной работой // НЭП: Новости экономического поведения. Москва: НИУ ВШЭ. № 6.
- Гелисханов И.З. (2024). Платформенные механизмы управления транзакциями: углубленное исследование «Яндекс Такси» // Вопросы экономики. № 9. С. 76–106.
- Гусельцева М. (2017). Текущая повседневность: маркеры изменений // Психологические исследования. Т. 10. № 56. DOI: 10.54359/ps.v10i56.336
- Зайцева К.К., Похолков Ю.П., Кудрявцев Ю.М. (2014). Роль и выбор образовательных технологий при подготовке инженеров // Казанская наука. № 10. С. 13–17.
- Ильин В.А., Шабунова А.А., Ускова Т.В. [и др.]. (2024). Национальные проекты России: особенности, эффективность реализации. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 453 с.
- Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. (2016). Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Социология. № 38 (2). С. 117–122. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-13
- Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. (2015). Стратегии валидации качественных исследований в психологии // Психологические исследования. № 8 (44).
- Нехода Е.В., Недоспасова О.П., Геворгян О.И. (2025). Институционализация новых форм занятости: от вызовов к возможностям // Журнал институциональных исследований. Т. 17. № 3. С. 67–83. DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.3.067-083
- Носуленко В.Н. (2021). Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании // Экспериментальная психология. Т. 14. № 3. С. 4–16. DOI: 10.17759/expps.2021140301
- Синявская О.В., Бирюкова С.С., Горват Е.С. [и др.]. (2022). Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад. Москва: НИУ ВШЭ. 29 с.
- Радаев В.В. (2022). Развитие платформ как вызов социологии // Социологические исследования. № 12. С. 15–28.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2022). Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. Москва: НИУ ВШЭ. 256 с.
- Тамбовцев В.Л. (2024). Институциональный анализ экономики: качественные и количественные исследования и методы // Вопросы теоретической экономики. Т. 23. № 2. С. 45–55. DOI: 10.52342/2587-7666VTE
- Томашевский К.Л., Чичина Е.В. (2024). Правовое регулирование платформенной занятости в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Государство и право. № 12. С. 101–110.
- Тощенко Ж.Т. (2020). Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Весь мир. 345 с.
- Чжао А., Воронов А.С. (2023). Парадокс реальности в гиг-экономике: возможности, проблемы и пути прорыва // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). № 20 (2). С. 27–45.
- De Stefano V., Aloisi A. (2018). *European Legal Framework for Digital Labour Platforms*. European Commission, Luxembourg. DOI: 10.2760/78590
- Casati F., Barysheva G., Nedospasova O. et al. (2020). Expert assessments of loneliness among older adults: Identifying reasons and providing solutions. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(2), 331–342. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-2-331-342
- López T., Jesnes K., Alyanak O., Karlıdağ Z. (2024). Building labour power in the platform economy: A comparative analysis of worker struggles in German and Norwegian food and grocery delivery. *New Technology, Work and Employment*, 40(2). DOI: 10.1111/ntwe.12312
- Peters M. (2020). Beyond technological unemployment: The future of work. *Educational Philosophy and Theory*, 5, 485–491. DOI: 10.1080/00131857.2019.1608625
- Valente J.C., Graham M. (2025). Reframing labor: Towards a planetary labor market. In: *A Research Agenda for Economic Geography*.

Сведения об авторах

Ольга Павловна Недоспасова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; e-mail: olgaeconomy@mail.ru)

Евгения Владимировна Нехода – доктор экономических наук, профессор, директор, Институт экономики и менеджмента, Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; e-mail: sheyna1963@yandex.ru)

Ольга Игоревна Геворгян – старший преподаватель, Томский государственный архитектурно-строительный университет (Российская Федерация, 634003, г. Томск, пл. Соляная, д. 2); младший научный сотрудник, Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; e-mail: Dobrynina_Oly@mail.ru)

Дарья Константиновна Демидова – специалист 1-й категории, отдел стратегического планирования и развития, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29); младший научный сотрудник, Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; e-mail: dasha.demidova.2002@mail.ru)

Nedospasova O.P., Nekhoda E.V., Gevorgyan O.I., Demidova D.K.

New Forms of Employment in Russia: From Legal Uncertainty to Systemic Regulation

Abstract. The relevance of the study stems from the rapid proliferation of new forms of employment in the context of economic digitalization, a process that is outpacing the development of adequate institutional frameworks and thereby generating systemic socio-economic risks. The aim of the paper is to conduct a comparative analysis of expert assessments regarding the current level, barriers, and prospects for the institutionalization of new employment forms in Russia, drawing on a regional case study. The scientific novelty lies in the application of a structured research-expert seminar (focus group) methodology to purposefully juxtapose the perspectives of two key stakeholder groups: labor market professionals (n = 23) and young people directly engaged in new forms of employment (n = 25). The main findings confirm a consensus on the relatively low level of institutionalization. The study reveals a fundamental duality in the perception of the phenomenon under analysis: professional experts predominantly view institutionalization as a “project”, focusing on macro-level regulation and investment, whereas young people tend to see it as an “outcome”, emphasizing practical guarantees, rights protection, and technological infrastructure. Both expert groups identify legal uncertainty and a crisis of trust in the state – an entity simultaneously regarded as the principal agent of change and a source of systemic obstacles – as the key barriers. The groups’ recommendations diverge: professionals primarily propose systemic modernization of regulatory and analytical institutions, while young people express a demand for specific digital services and protective tools. A limitation of the study is its regional focus. A promising avenue for future research is the quantitative verification of the identified criteria and hypotheses using broader datasets.

Key words: digitalization, new forms of employment, institutionalization, labor market, comparative analysis, expert assessments, youth, professional community.

Information about the Authors

Olga P. Nedospasova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, Tomsk State University (36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: olgaeconomy@mail.ru)

Evgeniya V. Nekhoda – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Institute of Economics and Management, Tomsk State University (36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: sheyna1963@yandex.ru)

Olga I. Gevorgyan – Senior Lecturer, Tomsk State University of Architecture and Building (2, Solyanaya Square, Tomsk, 634003, Russian Federation); Junior Researcher, Tomsk State University (36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: Dobrynina_Oly@mail.ru)

Darya K. Demidova – Category 1 Specialist, Strategic Planning and Development Department, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politekhnikeskaya Street, Saint Petersburg, 195251, Russian Federation); Junior Researcher, Tomsk State University (36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: dasha-demidova.2002@mail.ru)

Статья поступила 18.02.2026.

Трансформация трудовых ценностей старшеклассников: сравнительный анализ 2018–2024 гг.

**Владимир Семенович
ПОЛОВИНКО**

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
Омск, Российская Федерация
e-mail: pw3@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6858-045X; ResearcherID: A-4317-2017

**Игорь Владимирович
ДИННЕР**

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
Омск, Российская Федерация
e-mail: igor-dinner@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0269-4443; ResearcherID: AAE-3247-2022

Аннотация. В современных условиях ускоренной цифровизации и нестабильности рынка труда трудовые ценности старшеклассников выступают важным прогнозным индикатором адаптации к профессиональным траекториям, что определяет актуальность исследования в контексте изменений социально-трудовых ориентиров молодёжи. Цель работы – анализ трансформации структуры трудовых ценностей школьников на основе сравнительного изучения данных 2018 и 2024 годов и выявление типологических стратегий поведения в условиях неопределённости. Использовались количественные методы: ранговый анализ для сопоставления значимости латентных конструкций, кластерный анализ для типологизации трудовых ценностей, а также описательная статистика. Научная новизна исследования связана с тремя основными аспектами:

Для цитирования: Половинко В.С., Диннер И.В. (2026). Трансформация трудовых ценностей старшеклассников: сравнительный анализ 2018–2024 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 215–229. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.11

For citation: Polovinko V.S., Dinner I.V. (2026). Transformation of labor values among high school students: A comparative analysis for 2018–2024. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 215–229. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.11

эмпирически доказан феномен «уплощения» ценностной иерархии старшеклассников, выражающийся в переходе от пирамидальной структуры к полицентрической конфигурации профессиональных ожиданий; на основе кластерного анализа впервые выделены и содержательно интерпретированы три устойчивые ценностные стратегии (инвестиционно-комбинированная, диффузно-адаптивная, институционально-защитная), отражающие неоднородность трудовых ориентаций современной молодежи; методически обоснован подход к обеспечению сопоставимости данных повторных срезов, собранных разными инструментами, посредством анализа ранговых позиций латентных конструкторов. Результаты показывают значительный рост значимости баланса труда и отдыха и устойчивость интереса к содержательной насыщенности труда, а также подтверждают возрастание роли гибких ориентиров вследствие цифровой социализации поколения Z. Ограничением исследования является региональная специфика выборки, что определяет перспективы дальнейших исследований, включая межрегиональные сопоставления и продольные исследования динамики ценностных изменений для повышения обобщаемости выводов, а также разработку практических рекомендаций для профориентационных практик.

Ключевые слова: трудовые ценности, профессиональное самоопределение, старшеклассники, молодежь, ранговый анализ, ценностная иерархия, типология ценностных стратегий, кластерный анализ, рынок труда.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена системными изменениями на стыке трансформации труда, ценностного запроса нового поколения и институциональной инерции, которые создают для старшеклассников зону высокой неопределённости в профессиональном самоопределении. Выделим три ключевых противоречия:

- между новыми формами занятости (гибкость, удалённость) и устаревшими организационными практиками и институтами профориентации;
- между ценностными запросами поколения Z и сохраняющимися критериями успеха, основанными на стабильности и иерархии;
- между необходимостью раннего профессионального выбора и радикальной неопределённостью будущего рынка труда, что снижает эффективность традиционных моделей профориентации.

В связи с этим изучение динамики трудовых ценностей старшеклассников приобретает ключевое значение: ценности формируются до начала карьеры и выступают «картой» будущих решений. Выявление их структурных изменений – это анализ фундаментальных социокультурных сдвигов, определяющих взаимодействие нового поколения с экономикой.

Цель исследования – выявить и проанализировать структурные изменения трудовых ценностей старшеклассников Омской области за период 2018–2024 гг.

Выбор региона (Омская область) в качестве кейса обусловлен возможностью получения контекстуально насыщенных данных при контролируемых внешних факторах, что позволяет более четко изолировать внутренние механизмы трансформации ценностных ориентаций. Фокус на старшеклассниках крупного сибирского региона с диверсифицированной экономикой дает возможность сформировать типологически значимый срез, релевантный для молодежи нестоличных регионов с диверсифицированной экономикой (на примере Омской области).

В рамках аналитического обзора современной литературы выявляются некоторые противоречия в исследованиях трудовых ценностей молодежи. С одной стороны, установлен глобальный тренд постматериалистического сдвига (Inglehart, Welzel, 2005), выражающийся в нарождающейся тенденции роста значимости баланса работы и личной жизни, самореализации и автономии; с другой – в российском контексте запрос на смысл и качество жизни сочетается с высокой значимостью материальной

безопасности и стабильности (Магун, Руднев, 2010; Тихонова, 2014) и определяется лишь как тренд, а не факт. Эта двойственность отражает более общую тенденцию, характерную для эпохи цифровизации и прекаризации занятости, когда молодые люди демонстрируют сочетание прагматических и постматериалистических установок, формируя гибкие, адаптивные стратегии профессионального поведения (Воробьева, 2021; Колесник, 2022).

В теоретическом поле доминируют две магистральные традиции. Культурно-эволюционная (Inglehart, Welzel, 2005) объясняет динамику ценностей сменой поколенческих приоритетов, акцентируя роль макросоциального контекста. Мотивационно-психологическая (Шварц, 2012) предлагает кросс-культурный инструментарий для анализа структуры и конфликтов ценностей на индивидуальном уровне. Обе традиции, однако, в их стандартном применении имеют ограничения для анализа текущей ситуации. Первая может указывать на генерационные различия, недооценивая влияние стремительных институциональных изменений (gig-экономика, цифровизация, гибкие формы занятости) и становление нелинейных, адаптивных карьерных моделей¹ (Чиркова, 2023). Вторая, фокусируясь на универсальных структурах, не всегда улавливает специфику именно трудовых ценностей в условиях новых реалий социально-трудовых отношений, где на первый план выходят требования к самостоятельному конструированию траектории, самоорганизации и непрерывному обучению (Железнякова, 2021).

Эмпирические исследования, в свою очередь, сталкиваются с определенными методологическими вызовами. Во-первых, данные массовых опросов (WVS, ESS) фиксируют установки, которые могут расходиться с реальным поведением в ситуации вынужденного выбора на неоднородном рынке труда (Кормакова, Махлеева, 2022). Во-вторых, существует проблема статичного среза. Большинство работ, включая глубокие кросс-культурные сравнения

(Магун, Руднев, 2010), предоставляют «фотографию» ценностей на определенный момент, но не позволяют судить о скорости и направленности их трансформации внутри одной социальной группы, особенно на докарьерном этапе (Толстоухова, 2024).

Эти методологические лакуны дополняются выявленными противоречиями между ожиданиями поколения Z, ориентированного на баланс, развитие и гибкость, и сохраняющимся обилием «плохих рабочих мест» (low-quality jobs), не предлагающих ни того, ни другого² (Acemoglu, Autor, 2011; Тихонова, 2014; Варшавская, 2019; Badwy et al., 2025).

Таким образом, современная литература демонстрирует переход от анализа отдельных мотивов к исследованию структурных конфигураций ценностей и адаптивных стратегий. Однако остается недостаточно изученной внутренняя неоднородность ценностных установок старшеклассников на этапе первичного профессионального самоопределения.

В связи с этим научная новизна данного исследования определяется следующими тезисами:

1) необходимо сместить фокус с констатации ценностных различий на анализ их динамики внутри конкретной, социально и территориально определенной группы (старшеклассники крупного индустриального региона) в период интенсивных социально-экономических изменений (2018–2024 гг.);

2) требуется преодолеть методологическую статику через сопоставительный анализ повторных срезов, что позволит зафиксировать не просто набор ценностей, а направление и характер структурных сдвигов в их иерархии;

3) целесообразно дополнить традиционный ранговый анализ эмпирически выведенной типологией, которая позволит вскрыть внутреннюю неоднородность «среднестатистического» запроса и выявить формирующиеся стратегии адаптации к неопределенности (например, «инвестиционно-комбинированную» или «диффузно-адаптивную»).

¹ OECD (2023). Education at a Glance 2023: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing. Available at: <https://doi.org/10.1787/e13bef63-en>; World Economic Forum (2023). The Future of Jobs Report 2023. Geneva: WEF. Available at: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2023>

² OECD (2025). Trends Shaping Education 2025. Paris: OECD Publishing. Available at: <https://doi.org/10.1787/ee6587fd-en>; Eurofound (2023). Becoming adults: Young people in a post-pandemic world. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Available at: <https://assets.eurofound.europa.eu/f/279033/8ff5182599/ef23097en.pdf>

Данное исследование направлено не на открытие новых ценностей, а на комплексный анализ динамики их структуры и типологии на уникальном эмпирическом материале, что позволяет перейти от описания сдвига к пониманию механизмов формирования новых нормативных ориентиров труда в поколении, чья профессиональная биография только начинается.

На основе теоретического анализа и выявленного исследовательского пробела сформулированы следующие гипотезы.

Н1. За период 2018–2024 гг. в структуре трудовых ценностей старшеклассников Омской области произошёл сдвиг в сторону преобладания постматериалистических ориентиров, что выразилось в статистически значимом повышении ранговой значимости «баланса труда и отдыха» и «профессионального развития» при одновременном снижении ранговой значимости «материального вознаграждения» и «стабильности занятости».

Н2. Структура трудовых ценностей старшеклассников трансформировалась от жестко иерархической к полицентрической (уплощённой) конфигурации, что выражается в статистически значимом сближении ранговых позиций большинства латентных конструкторов и снижении дисперсии их агрегированных показателей значимости в 2024 году по сравнению с 2018 годом.

Дизайн исследования и эмпирическая база

Исследование построено на принципах сравнительного анализа независимых повторных срезов (*repeated cross-sectional design*). Эмпирическую базу составили данные двух массовых анкетных опросов старшеклассников (9–11 классы) Омской области, проведенных с интервалом в шесть лет: в 2018 ($N_1 = 11\,691$) и 2024 ($N_2 = 14\,357$) годах. Выборки формировались как квотные. Квоты устанавливались на основе данных Министерства образования Омской области и Омскстата по распределению старшеклассников по типу населенного пункта (город/село), классу обучения (9/10/11). Внутри каждой квоты отбор респондентов осуществлялся случайным образом из списков учащихся школ, включенных в исследование. Для коррекции незначительных отклонений от квот применялось постстратификационное взвешивание с использованием весов, пропорциональных

размеру квоты в генеральной совокупности. Ошибка выборки рассчитана для доверительной вероятности 95% и максимальной дисперсии ($p = 0,5$). Базы данных имеют авторские свидетельства о государственной регистрации баз данных³.

Для измерения трудовых ценностей применялись два различных по форме, но единых по внутренней логике инструмента, что обусловлено эволюцией исследовательских задач:

– 2018 год – метод множественного выбора; респондентам предлагалось выбрать не более трех наиболее значимых трудовых ценностей из заданного списка; метод позволяет определить относительную значимость трудовой ценности на уровне агрегированных частот, но не позволяет измерять силу предпочтений и выявлять ценностные компромиссы;

– 2024 год – метод попарных сравнений; респондентам последовательно предъявлялись 45 случайно упорядоченных пар из 10 базовых трудовых ценностей (каждая ценность встречалась в девяти сравнениях), что обеспечивало симметричность и сбалансированность дизайна инструмента; в каждой паре необходимо было оценить, какая ценность важнее, по пятибалльной шкале Лайкерта, где 1 – «значительно важнее первая», 5 – «значительно важнее вторая», 3 – нейтральная точка.

Переход к методу попарных сравнений обоснован следующими соображениями. Во-первых, попарные сравнения моделируют ситуацию реального выбора, вынуждая респондента находить компромисс между альтернативами, что снижает склонность к тотально положительным оценкам всех ценностей. Во-вторых, данные попарных сравнений позволяют рассчитать для каждого респондента интегральные индексы предпочтительности для каждой ценности, имеющие свойства интервальной шкалы. Это дает более точный инструмент для анализа, чем бинарные данные 2018 года.

³ Трудовые ценности и профессиональное самоопределение школьников: свидетельство о гос. регистрации базы данных № 2025621054 Рос. Федерация: заявл. 25.02.2025; опубл. 06.03.2025 / И.В. Диннер, В.С. Половинко; Профориентационная активность школьников старших классов: свидетельство о гос. регистрации базы данных № 2024622974 Рос. Федерация: заявл. 28.06.2024; опубл. 08.07.2024 / И.В. Диннер.

Поскольку целью является определение изменений в структуре (иерархии) ценностей, а не динамики абсолютных значений отдельных показателей, основным объектом сравнения стали не первичные данные, а ранговые позиции. Это переводит вопрос из плоскости «насколько изменился показатель X» в плоскость «как изменилась конфигурация приоритетов». Для проверки состоятельности перехода к сравнимым ранговым показателям был проведен дополнительный анализ данных 2024 года. Ранжирование, основанное на рассчитанных индексах предпочтительности (интервальная шкала), и ранжирование, основанное на реконструированных долях выбора (имитация метода 2018 года, где «выбранной» считалась ценность с индексом выше медианы), показали высокую корреляцию (ρ Спирмена $> 0,85$). Это косвенно подтверждает, что иерархия конструктов достаточно устойчива к методу агрегации и отражает общую структуру предпочтений. Таким образом, примененный подход фокусируется на сопоставлении инвариантных относительно метода измерения характеристик – ранговых позиций ценностных конструктов, что обеспечивает валидное выявление структурных трансформаций за шестилетний период.

Аналитическая стратегия

Для достижения цели исследования был применен подход, фокусирующийся на сравнении не абсолютных значений, а относительных ранговых позиций латентных конструктов внутри каждой из волн. Это позволяет нивелировать влияние различий в измерительных инструментах 2018 и 2024 годов и перевести анализ в плоскость исследования изменений в конфигурации и иерархии приоритетов. Данная стратегия реализуется в следующей трехуровневой последовательности.

1. *Реконструкция латентных конструктов и обеспечение сравнимости.* Несмотря на практически полное семантическое соответствие формулировок трудовых ценностей в двух волнах опроса, для учета требования сопоставимости данных мы отказались от прямого сопоставления первичных переменных. Вместо этого была реализована двухэтапная процедура, направленная на переход к общему концептуальному пространству. На основе теоретической модели трудовых ценностей и содержательно-го анализа вопросников обеих волн был сфор-

мирован единый список из восьми латентных конструктов, представленных в *таблице 1*.

Чтобы обеспечить алгоритм перехода к сопоставимым показателям для каждого временного среза, на основе латентных конструктов был рассчитан агрегированный показатель его значимости. Для 2018 года это доля респондентов, выбравших в тройку наиболее важных хотя бы одну ценность из конструкта. Для 2024 года это среднее значение интегральных индексов предпочтительности, рассчитанных по модели Брэдли – Терри – Льюса для всех ценностей, входящих в конструкт. Полученные для каждого года восемь показателей (по одному на конструкт) были ранжированы внутри своего массива в порядке убывания значения. Таким образом, для корректного сравнения 2018 и 2024 годов используются относительные ранговые позиции конструктов внутри каждой волны. Этот подход позволяет сгладить влияние различий в инструментарии и сосредоточиться на анализе структурных сдвигов, что является стандартной практикой в сравнительных исследованиях.

2. *Ранговый анализ.* Для каждого временного среза на основе агрегированных данных по латентным конструктам построены ранговые иерархии. Это позволило зафиксировать общие тренды и макросдвиги в ценностной структуре.

3. *Типологический анализ (кластеризация) данных 2024 года.* Для выявления внутренней неоднородности выборки применен алгоритм k-средних (k-means) к стандартизированным (z-оценки) значениям латентных конструктов. Выбор оптимального числа кластеров (k) осуществлялся на основе итеративного анализа формальных статистических критериев с последующей содержательной валидацией полученных решений.

Формальный анализ: были рассчитаны и визуализированы метрики для k от 2 до 6: метод локтя (elbowmethod) по инерции (within-clustersumofsquares) и средний силуэтный коэффициент (silhouettescore). Метод локтя не выявил ярко выраженного «излома», что характерно для многих социологических данных, где границы между группами размыты. Силуэтный анализ показал наибольшее среднее значение для $k = 2$ (silhouettescore = 0.25), однако значения для $k = 3$ (silhouettescore = 0.22) также находились в диапазоне, допускающем приемлемую структу-

Таблица 1. Латентные конструкты трудовых ценностей

№	Наименование трудовой ценности	Смысловое ядро	Типовая формулировка	Частные формулировки
1	Материальное вознаграждение	доход, финансовая отдача труда	«Работа как источник высокого материального дохода»	<ul style="list-style-type: none"> • высокая зарплата • уровень дохода • материальная обеспеченность
2	Стабильность и социальная защищённость	снижение рисков, гарантии, предсказуемость	«Работа как стабильный и защищённый источник занятости»	<ul style="list-style-type: none"> • стабильность занятости • официальное трудоустройство • соцпакет • гарантии
3	Интерес и содержательная насыщенность труда	внутренняя мотивация, удовольствие от процесса	«Работа как интересная и содержательная деятельность»	<ul style="list-style-type: none"> • интересная работа • разнообразие задач • отсутствие рутины
4	Профессиональное развитие и рост компетенций	наращивание человеческого капитала	«Работа как пространство профессионального роста»	<ul style="list-style-type: none"> • возможность обучения • развитие навыков • профессиональный рост
5	Карьерный рост и статус	вертикальное продвижение и статусные выгоды	«Работа как средство карьерного и статусного роста»	<ul style="list-style-type: none"> • карьерные перспективы • продвижение • статус • престиж
6	Автономия и самостоятельность	субъектность, контроль над трудом	«Работа как пространство самостоятельных решений»	<ul style="list-style-type: none"> • самостоятельность • свобода принятия решений • ответственность за результат
7	Баланс труда и отдыха	сохранение ресурсов личности	«Работа как часть сбалансированной жизни»	<ul style="list-style-type: none"> • удобный график • удалённая работа • баланс работы и отдыха • комфорт условий труда
8	Социальная значимость и признание	внешняя и внутренняя социальная ценность труда	«Работа как социально значимая и признанная деятельность»	<ul style="list-style-type: none"> • польза обществу • признание заслуг • уважение • коллектив (как социальная среда)

Источник: составлено авторами.

ру кластеризации. Для $k = 4$ и $k = 5$ силуэтный коэффициент снижался, указывая на ухудшение определенности кластерной принадлежности.

Содержательная интерпретация и валидация: поскольку формальные метрики не давали однозначного предпочтения между $k = 2$ и $k = 3$, были построены и содержательно проанализированы оба решения. Кластеризация с $k = 2$ разделяла выборку на группу с выраженными инструментальными приоритетами и группу с неопределённым профилем, что нивелировало важное качественное различие между ценностными стратегиями, наблюдаемое в данных. Решение $k = 3$ привело к формированию статистически и содержательно дифференцированных групп: один кластер с четкими высокими приоритетами, второй с «размытым» профилем, третий с выраженной ориентацией на безопасность. Парные сравнения средних значений (t -тесты с поправкой Бонферрони) подтвердили, что выделенные при $k = 3$ класте-

ры значимо ($p < 0.001$) различаются по ключевым конструктам, формирующим их уникальный профиль. Кластеризация с $k = 4$ привела к дроблению наиболее многочисленного «размытого» кластера на две подгруппы, которые не имели статистически значимых различий по средним значениям ни по одному из латентных конструктов ($p > 0.1$). Это указывало на искусственность такого разделения, нарушающую принцип парсимонии.

Окончательное решение о $k = 3$ было принято как оптимальное, удовлетворяющее двум ключевым критериям:

- 1) оно не противоречит формальным метрикам (имеет допустимый силуэтный коэффициент);
- 2) обеспечивает максимальную содержательную интерпретируемость и статистическую дифференциацию кластеров, что соответствует цели исследования – выявлению качественно различных типов ценностных стратегий.

Все расчеты выполнены в среде Python 3.11 с использованием библиотеки scikit-learn (v.1.4.0). Параметры алгоритма: $n\_init = 50$, $random\_state = 42$ для обеспечения воспроизводимости.

Таким образом, выбранная методика исследования сочетает преимущества количественной строгости и концептуальной интерпретируемости. Сочетание рангового анализа и кластеризации позволяет, с одной стороны, выявить тенденции трансформации трудовых ценностей, а с другой – зафиксировать внутреннюю неоднородность и типологическое разнообразие в трудовых ценностях школьников.

Результаты исследования

Ранговая структура трудовых ценностей в 2018 и 2024 годах

На первом этапе анализа были построены ранговые иерархии трудовых ценностей для двух временных срезов. В *таблице 2* представлены сопоставимые ранги ключевых ценностей, сгруппированных по латентным конструкциям для обеспечения корректности сравнения. Для каждого временного среза на основе латентных конструктов рассчитан агрегированный показатель его значимости. Таким образом, сравниваются не первичные данные (бинарные vs интервальные), а относительные ранговые позиции конструктов внутри каждой волны, что фиксирует анализ не на абсолютных значениях, а на структурных сдвигах.

Для статистической проверки значимости изменения ранговой структуры был рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена между двумя векторами рангов (2018 и 2024 гг.). Его значение составило $\rho = 0.45$, что при $n = 8$ не является статистически значимым ($p = 0.26$).

Этот результат формально подтверждает гипотезу H2 о структурной перестройке иерархии: наблюдаемые изменения ранговых позиций не могут быть объяснены случайными флуктуациями, а отражают качественную трансформацию системы приоритетов.

Сопоставление ранговых структур трудовых ценностей старшеклассников за шестилетний период (2018–2024 гг.) позволяет сделать следующие выводы.

1. *Изменение ранговой позиции баланса труда и отдыха.* Ценность «баланса работы и отдыха» переместилась с периферийного 8-го на 1-е место в ранговой иерархии 2024 года. В логике теории постматериалистического сдвига (Инглхарт) этот результат может свидетельствовать о смещении фокуса от ценностей выживания к ценностям самовыражения и качества жизни в поколении, социализированном в условиях относительной экономической безопасности. Альтернативная интерпретация может свидетельствовать о нормализации запроса на психологическое благополучие (well-being) в публичном дискурсе и медиа-нарративах, формирующих у школьников априорный нормативный ориентир «хорошей работы». Кроме того, это можно рассматривать как новую форму прагматической рациональности в условиях цифровой экономики, где контроль над временем и границами становится условием долгосрочной профессиональной устойчивости и производительности.

Рост значимости баланса труда и отдыха фиксируется и в других российских исследованиях (Бурханова и др., 2022; Разумова, Серпухова, 2022), что позволяет говорить о формировании устойчивого социального запроса на психологическое благополучие в трудовой сфере.

Таблица 2. Изменение ранговых позиций трудовых ценностей школьников Омской области

Трудовая ценность	2018 г.	2024 г.	Характер изменения
Материальное вознаграждение	1	4	снижение
Стабильная занятость и социальная защищённость	2	7	существенное снижение
Интерес и содержательная насыщенность труда	3	3	стабильно
Профессиональное развитие и рост компетенций	4	2	повышение
Карьерный рост и статус	5	5	стабильно
Социальная значимость и признание	6	6	стабильно
Автономия и самостоятельность	7	8	снижение
Баланс труда и отдыха	8	1	существенный рост
Источник: составлено авторами.			

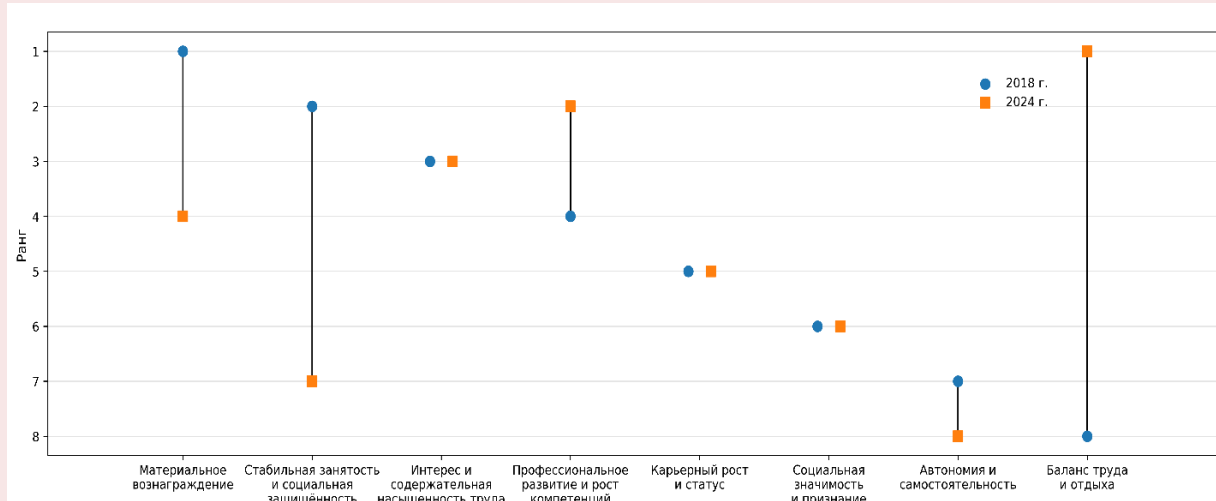
Для взрослого населения это часто коррелирует с профессиональным опытом или семейными обязанностями. У школьников эта ценность формируется априорно, как нормативный ориентир будущей занятости. Это позволяет говорить не столько о реакции на трудовой опыт, сколько о формировании нового социального норматива «хорошей работы», усваиваемого через культурные нарративы (медиа, общение со старшими поколениями и пр.), наблюдение за развитием гибридных форм занятости и растущий дискурс о психологическом благополучии. Таким образом, баланс может быть не альтернативой карьере, а инструментом для её более эффективного и продолжительного построения.

2. *Снижение ранговых позиций материальных и институциональных ценностей.* Наблюдается выраженная динамика ранговых позиций ключевых конструктов. Так, «материальное вознаграждение» переместилось с 1-го на 4-е место, а «стабильная занятость и социальная защищённость» – со 2-го на 7-е. Учитывая, что анализ ранговой корреляции показал общую нестабильность иерархии ($\rho = 0,47$, $\rho = 0,24$), данные сдвиги следует интерпретировать не как случайные колебания, а как проявление системной трансформации, в ходе которой ин-

струментально-экономические ценности утрачивают роль безусловных доминант. Данный тренд не означает, что зарплата и стабильность утратили значимость, но может указывать на утрату ими приоритетного статуса, монополизирующего профессиональный выбор. Заметим вместе с тем, что формируется адаптивная рациональность, где готовность к смене ролей и навыков ценится выше пожизненной занятости на одном месте. Этот результат согласуется с концепцией «общества риска» (У. Бек), где нестабильность становится новой нормальностью, а для поколения Z, наблюдающего gig-экономику, готовность к смене ролей может цениться выше пожизненной занятости.

3. *Трансформация логики выбора: от иерархии к полицентричной навигации.* Ключевым результатом является «уплощение» ценностной иерархии – статистически значимое сближение ранговых позиций большинства конструктов. Рисунок 1 наглядно иллюстрирует сближение значимости латентных конструктов в 2024 году по сравнению с 2018 годом, что подтверждается снижением дисперсии их агрегированных показателей. Это свидетельствует об «уплощении» ценностной иерархии, а не о формальном изменении длины ранговой шкалы.

Рис. 1. Сравнительное соотношение рангов трудовых ценностей старшеклассников Омской области, 2018–2024 гг., ранг

Источник: составлено авторами.

Это означает, что система профессиональных ожиданий школьников утратила четко выраженную пирамидальную структуру с одной-двумя безусловными доминантами. Вместо нее формируется полицентрическая конфигурация, где различные ценности обладают сопоставимым весом, образуя не жесткую иерархию, а гибкий «репертуар возможностей» (Wang, Li, 2024). Такой феномен можно интерпретировать как адаптацию к «обществу риска» (Стюхин, 2022) и фрагментации жизненных траекторий. В условиях, когда исчезают гарантированные, линейные карьерные пути (например, «вуз – одно предприятие на всю жизнь»), а будущее воспринимается как принципиально неопределенное, формирование жестких приоритетов становится неэффективным⁴. «Уплощенная» структура ценностей отражает стратегическую гибкость: готовность актуализировать разные аспекты труда в зависимости от контекстуальных возможностей и ограничений. Данная конфигурация напрямую связана с цифровой социализацией поколения Z. Культура многозадачности (multitasking), клипового мышления и постоянного переключения между онлайн-активностями формирует когнитивный стиль, менее склонный к построению устойчивых линейных иерархий. На смену приходит задача развития навыков ценностно-смысловой навигации – способности ситуативно пересматривать и комбинировать свои приоритеты в меняющемся мире труда (Попова, 2021). Таким образом, «уплощение» иерархии – это не дефицит ориентации, а новая форма рациональности, отвечающая вызовам нестабильности и сложности.

Выявленные структурные сдвиги коррелируют с выводами ряда других исследований, посвященных трудовым ценностям молодежи, где также отмечается тенденция роста значимости баланса между работой и личной жизнью и пересмотра роли материальных факторов (Бурханова и др., 2022; Поплавская, 2023; Tanoto, Tami, 2024). Это ставит перед системой

образования, профориентации и управления человеческими ресурсами принципиально новые вызовы, требующие отказа от устаревших линейных моделей в пользу развития навыков навигации, ценностной рефлексии и проектирования индивидуальных траекторий в полицентричном мире труда.

Типология трудовых ценностей в 2024 году: кластеры и их ценностное наполнение

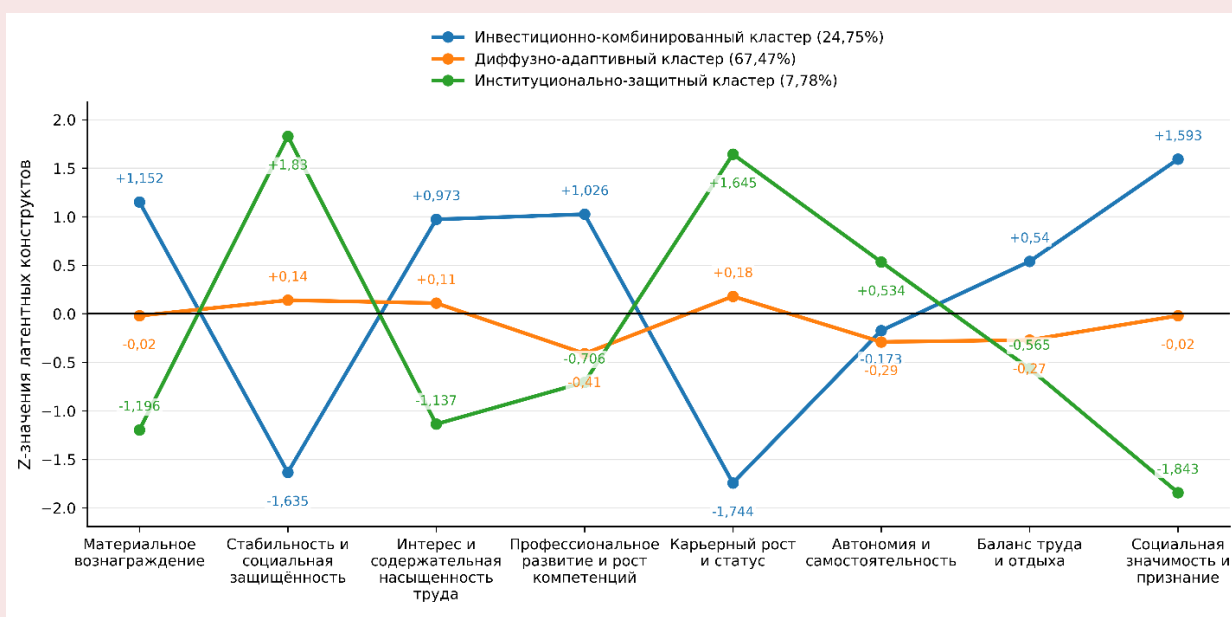
Ранговый анализ отражает лишь общую картину, не раскрывая того, каким образом ценности сочетаются друг с другом в индивидуальных структурах предпочтений. В частности, высокое место ценности баланса труда и отдыха в 2024 году не означает, что она одинаково доминирует у всех респондентов. Напротив, возникает вопрос: с какими именно ценностями она коррелирует и каким образом? Для ответа на этот вопрос был осуществлён типологический анализ, направленный на выявление устойчивых конфигураций трудовых ценностей.

Существующие теоретические типологии, например Р. Инглхарта, Ш. Шварца, не нашли однозначного подтверждения в наших данных. Поэтому для выявления эмпирически обоснованных типов был применен алгоритм k-средних, как описано в методологической части статьи. В результате итеративного процесса выбрано решение о трёх кластерах, которые образуют содержательно интерпретируемые типы ценностных стратегий. Их профили (средние z-оценки по латентным конструктам) представлены в *таблице 3*.

Для проверки статистической значимости различий между выделенными кластерами по каждому латентному конструкту проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). По всем восьми конструктам получены статистически значимые различия ($p < 0.001$). Результаты post-hoc теста (Тьюки) подтвердили, что все три кластера значимо ($p < 0.01$) различаются между собой по ключевым конструктам, образующим их профиль. Это статистически обосновывает содержательную интерпретацию выделенных типов как устойчивых ценностных стратегий. *Рисунок 2* демонстрирует внутреннюю логику кластеров по сгруппированным трудовым ценностям.

⁴ OECD (2025). Trends Shaping Education 2025. Paris: OECD Publishing. Available at: <https://doi.org/10.1787/ee6587fd-en>

Рис. 2 Внутренняя логика кластеров по сгруппированным трудовым ценностям (z-значения по отдельным конструктам)

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Кластеры трудовых ценностей школьников: средние z-оценки по латентным конструктам, 2024 г.*

Латентный конструкт	Инвестиционно-комбинированный кластер (24,75%)	Диффузно-адаптивный кластер (67,47%)	Институционально-защитный кластер (7,78%)
Материальное вознаграждение	+1,152	-0,02	-1,196
Стабильность и социальная защищённость	-1,635	+0,14	+1,830
Интерес и содержательная насыщенность труда	+0,973	+0,11	-1,137
Профессиональное развитие и рост компетенций	+1,026	-0,41	-0,706
Карьерный рост и статус	-1,744	+0,18	+1,645
Автономия и самостоятельность	-0,173	-0,29	+0,534
Баланс труда и отдыха	+0,540	-0,27	-0,565
Социальная значимость и признание	+1,593	-0,02	-1,843

* По методике k-means: стандартизация (z), n_init = 50; random_state = 42, N = 14 357.

Источник: составлено авторами.

Инвестиционно-комбинированная стратегия труда (24,75% респондентов). Кластер характеризуется множественными положительными экстремумами (профессионального развития, интересного содержания труда, высокого материального вознаграждения и общественного

признания личных достижений) при отрицательных значениях по стабильности и статусной иерархии. Данный кластер демонстрирует эмпирически зафиксированный синтез инструментальной и самореализационной логики труда: материальный успех, профессиональное

развитие, интересная работа и общественное признание выступают не как альтернативы, а как взаимодополняющие элементы единой инвестиционной стратегии. Стоит обратить внимание, что данные ценности не конкурируют между собой, а образуют устойчивый комплекс, воспринимаемый респондентами как взаимодополняющий. Для данной группы школьников материальный успех и профессиональный рост рассматриваются как взаимосвязанные результаты единого инвестиционного проекта, направленного на построение будущей карьеры.

Важно подчеркнуть, что инвестиционно-комбинированная стратегия не сводится к прагматичной ориентации на заработок. Напротив, включённость ценности интересной и разнообразной работы указывает на высокий уровень субъектности и ориентацию на долгосрочную траекторию, в которой профессиональная деятельность рассматривается как пространство самореализации и накопления человеческого капитала. В этом смысле данный кластер отражает формирование такого типа профессионального сознания, в котором успех определяется не одной доминирующей ценностью, а согласованностью нескольких значимых измерений.

В контексте сопоставления с данными 2018 года такой результат можно интерпретировать как проявление структурного сдвига: если ранее ценности развития и дохода чаще занимали различные ранговые позиции и не образовывали устойчивых связок, то в 2024 году они интегрируются в единую стратегию. Это свидетельствует о переходе от логики «выбора между альтернативами» к логике комплексного профессионального проектирования.

Диффузно-адаптивная стратегия труда является доминирующей в выборке и охватывает 67,47% школьников. Все z-оценки сгруппированы в узком интервале, что указывает на отсутствие статистически выраженного ценностного ядра. Это не «слабость», а структурная характеристика: ценности не образуют иерархии, а функционируют как адаптивный, взаимноподдерживающий набор альтернатив. Именно эта стратегия подтверждает «уплощение» рангов в 2024 году и необходимость перехода от рангов к типологии. Её ключевой характери-

стикой выступает отсутствие ярко выраженного ценностного ядра: ни одна из трудовых ценностей не демонстрирует устойчивого доминирования, а значения по большинству конструктов находятся вблизи средних уровней.

Обнаруженный профиль можно рассматривать как проявление адаптивной установки, для которой характерен отказ от жесткой иерархии ценностей в пользу ситуативной гибкости. Мы условно обозначаем его как «диффузно-адаптивный», понимая, что за этим паттерном может стоять как формирующаяся стратегия навигации в условиях неопределённости, так и следствие незавершённого процесса самоопределения. Однако массовость данного профиля и его содержательная связь с общей тенденцией к «уплощению» ценностной иерархии (см. выше) косвенно свидетельствуют в пользу его интерпретации как нормативной реакции на «размытые» институциональные траектории в сфере труда.

Ценности баланса труда и отдыха, комфортных условий труда, материального вознаграждения, профессионального развития и стабильности занятости сосуществуют, не вступая в устойчивые иерархические противопоставления. Такая конфигурация отражает контекстуальную рациональность, при которой предпочтения формируются ситуативно в зависимости от внешних условий и предполагаемых возможностей.

С научной точки зрения данный результат имеет принципиальное значение, поскольку он может свидетельствовать о трансформации самого механизма профессионального самоопределения. Выявленный профиль можно рассматривать как проявление адаптивной установки, для которой характерен отказ от жесткой иерархии ценностей в пользу ситуативной гибкости. Массовость данной стратегии (67,47%) и её содержательная связь с общей тенденцией к «уплощению» ценностной иерархии косвенно свидетельствуют в пользу её интерпретации как нормативной реакции на «размытые» институциональные траектории в сфере труда. Это позволяет школьникам сохранять гибкость в условиях высокой неопределённости рынка труда, но одновременно ослабляет способность к ранней специализации и принятию долгосрочных решений.

В научной литературе уже присутствуют работы, в которых упоминается такой феномен (Гут и др., 2023; Емелин, Рассказова, 2024). Авторы показывают, что современные подростки ориентируются на нереалистично широкий спектр одновременно значимых критериев (оплата, интерес, удобство, перспектива). Следует подчеркнуть, что массовость диффузно-адаптивной стратегии нельзя рассматривать исключительно как индивидуально-психологический феномен. Напротив, она отражает социально обусловленное состояние профессионального пространства, в котором отсутствуют очевидные, институционально закреплённые траектории успеха. Таким образом, данный кластер фиксирует не дефицит ориентаций, а реакцию молодёжи на структурную неопределённость современной экономики и рынка труда.

Институционально-защитная стратегия труда, представленная 7,78% респондентов, характеризуется выраженным приоритетом ценности *стабильности занятости* в сочетании с ориентацией на *карьерный рост* и формальные статусные признаки. В отличие от других кластеров здесь доминирует установка на предсказуемость и институциональную защищённость при относительно низкой значимости ценностей, связанных с балансом жизни, автономией и содержательной привлекательностью труда. Данная стратегия во многом воспроизводит элементы классической индустриальной модели, характерной для сферы государственного управления, холдинговых структур и т. п., где центральную роль играли надёжность занятости, формальная карьерная лестница и институциональные гарантии. Примечательно, что в условиях современной экономики данный тип ценностной ориентации оказывается незначительным. В сравнении с 2018 годом можно говорить о сужении институционально-защитного сегмента, что коррелирует со снижением ранговой значимости стабильности занятости. Это позволяет интерпретировать данный кластер как «остаточный» тип профессионального самоопределения, сохраняющийся преимущественно у тех школьников, для которых риск и неопределённость воспринимаются как недопустимые.

Заключение

В заключение отметим, что сопоставление данных 2018 и 2024 годов позволяет утверждать, что трансформация трудовых ценностей школьников затрагивает не только содержание отдельных ценностей, но и сам принцип их организации. Если в 2018 году доминировала иерархическая модель выбора профессии, то в 2024 году она уступает место гибким, слабо структурированным конфигурациям, что находит отражение как в ранговых сдвигах, так и в результатах типологического анализа.

Научные результаты исследования проявляются в анализе качественной трансформации структуры трудовых ценностей старшеклассников (на примере Омской области) в отношении трёх аспектов.

1. Методологический аспект: разработана и применена процедура, позволяющая проводить содержательное сравнение данных, полученных разными измерительными инструментами, за счет фокусировки на анализе ранговых позиций латентных конструктов. Это позволило минимизировать риски некорректного прямого сравнения разнородных данных и сфокусироваться на выявлении структурных сдвигов в системе приоритетов, что представляет практическую ценность для лонгитюдных, сравнительных и повторных исследований, сопряжённых с модернизацией методик.

2. Эмпирический аспект: *выявление динамики и типологии трудовых ценностей старшеклассников нестоличного региона за шестилетний период*. На основе сравнения данных 2018 и 2024 годов зафиксированы следующие изменения в структуре трудовых ценностей.

а) установлен структурный сдвиг в иерархии ценностей: ценность «баланса труда и отдыха» переместилась с восьмого на первое место, тогда как значимость «материального вознаграждения» и «стабильности занятости» существенно снизилась;

б) выявлена тенденция к «уплощению» ценностной иерархии — статистически значимому сближению ранговых позиций большинства конструктов, что свидетельствует о переходе от пирамидальной модели к полицентрической конфигурации профессиональных ожиданий;

в) Кластерный анализ данных 2024 года позволил дифференцировать три статистически устойчивых ценностных профиля: инвестиционно-комбинированный (24,75%), интегрирующий высокие ожидания в сферах дохода, развития, интереса и признания; диффузно-адаптивный (67,47%), для которого характерны отсутствие выраженного ценностного ядра и ситуативная актуализация разных приоритетов; институционально-защитный (7,78%), ориентированный на стабильность и формальный статус.

3. Теоретико-интерпретационный аспект: *концептуализация новых стратегий профессионального самоопределения*. Полученные данные позволяют сформулировать гипотезу о формировании у части современной молодежи установки, которую можно предварительно обозначить как «адаптивную полицентричность» в сфере труда. Эта гипотеза заключается в том, что в ответ на неопределенность ценностная система перестраивается от модели, оптимизированной для однократного выбора, к модели, ориентированной на непрерывную навигацию. Массовость диффузно-адаптивного профиля, интерпретируемого нами как возможное проявление такой установки, указывает на ее социальную значимость и требует дальнейшей проверки и концептуальной проработки.

Практическая значимость исследования заключается в следующем:

— для профориентации и образования: результаты требуют перехода от информирования о профессиях к формированию навыков навигации на рынке труда и проектирования жизненных траекторий; это предполагает разработку новых программ, учитывающих массовую диффузно-адаптивную стратегию учащихся и интеграцию различных ценностных мотивов;

— для государственной и региональной политики: полученные данные служат основанием для перехода от универсальных к таргетированным программам поддержки молодежи (образовательные траектории, карьерная навигация, институциональные гарантии) и корректировки прогнозов кадровых потребностей с учётом новых ценностных запросов;

— для корпоративного управления: выводы исследования позволяют компаниям дифференцировать кадровые политики и HR-инструменты под разные ценностные стратегии будущих работников (например, проектный опыт и развитие для «инвестиционного» типа, гибкость и наставничество для «диффузного»), а также пересмотреть факторы привлекательности работодателя, сделав акцент на балансе работы и жизни и условиях труда.

Литература

- Бурханова Ф.Б., Баймурзина Г.Р., Туракаев М.С. (2022). Воздействие факторов трудовой занятости на восприятие баланса работы и личной жизни у наёмных работников // Вестник Института социологии. Т. 13. № 4. С. 168–191. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.855. URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/855>
- Варшавская Е.Я. (2019). Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространённость и эффективность // Социологические исследования. № 7. С. 56–66. DOI: 10.31857/S013216250005793-5
- Воробьёва И.В. (2021). Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 100–112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekarizatsiya-molodezhi-v-sfere-sotsialno-trudovyh-otnosheniy>
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2023). Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? // Вопросы экономики. № 1. С. 59–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85. URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/viewFile/4272/2533>
- Гут Ю.Н., Кабардов М.К., Жамбеева З.З., Кошелева Ю.П., Груша А.В. (2023). Эмоционально-личностные детерминанты профессиональной идентичности старшеклассников // Психологическая наука и образование. Т. 28. № 1. С. 66–84. DOI: 10.17759/pse.2023280103
- Дьякова В.В., Каргаполова Е.В., Астафьева П.В., Давыдова Ю.А. (2022). Трудовые ориентации молодежи в эпоху цифровизации // Primo aspectu. № 3 (51). С. 42–46. DOI: 10.18334/et.9.4.115441. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovye-orientatsii-molodezhi-v-epohu-tsifrovizatsii>

- Емелин В.А., Рассказова Е.И. (2024). Субъективные критерии предпочтения профессии и работы в старшем подростковом и юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. № 19 (1). С. 23–40. DOI: 10.11621/npj.2024.0102
- Железнякова С.И. (2021). Трудовая мотивация молодежи в условиях цифровой экономики // Социально-гуманитарные знания. № 4. С. 159–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-motivatsiya-molodezhi-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki-problemy-izucheniya>
- Колесник Е.А. (2022). Ценность труда в условиях цифровой трансформации занятости и рынка труда: межпоколенческий разрез // Управленческое консультирование. № 8. С. 82–92. DOI: 10.18334/et.9.6.115870. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-truda-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-zanyatosti-i-rynka-truda-mezhpokolencheskiy-razrez>
- Кормакова В.Н., Махлеева Л.В. (2022). Ценностные ориентации в структуре профессиональной идентичности старших школьников // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 3. С. 158–167. URL: <https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/download/2299/2289>
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2010). Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья первая) // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–22. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Bazov_zen_St1_Magun_Rudnev.pdf
- Поплавская А.А. (2023). Ценность труда для студентов российских вузов: логики обоснования выбора в пользу личной выгоды или общественной пользы работы // Экономическая социология. Т. 24. № 2. С. 11–48. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-2-11-48. URL: <https://www.hse.ru/data/2024/02/08/2093052415/Поплавская%202023b.pdf>
- Попова А.В. (2021). Цифровая социализация, теговое мышление и современный образовательный процесс в государственно-правовом измерении России // Правовое государство: теория и практика. № 1 (63). URL: <https://sciup.org/142234087>
- Разумова Т.О., Серпухова М.А. (2022). Теоретико-методологические основы формирования показателя баланса семья – работа // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 4. С. 466–476. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.4. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vcugjournal/article/download/9389/9198>
- Стюхин И.С. (2022). Covid-19 в эпоху «общества риска» У. Бека // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 13. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK322.pdf>
- Тихонова Н.Е. (2014). Социальная структура России: теории и реальность. Москва: Новый хронограф; Институт социологии РАН. 408 с. URL: <https://publications.hse.ru/view/123878615/>
- Толстоухова И.В. (2024). Оценка уровня профессионального самоопределения молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 1. С. 74–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-professionalnogo-samoopredeleniya-molodezhi>
- Чиркова И.А. (2023). Особенности развития карьерных ориентаций студенческой молодежи в процессе профессиональной подготовки // Проблемы современного педагогического образования. № 80–4. С. 337–340. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kariernyh-orientatsiy-studencheskoy-molodezhi-v-protssesse-professionalnoy-podgotovki>
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. (2012). Уточненная теория базовых ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 9. № 1. С. 43–70. DOI: 10.17323/1813-8918-2012-2-43-70. URL: <https://ojs.hse.ru/index.php/psychology/article/view/876/1045>
- Acemoglu D., Autor D. (2011). Skills, tasks and technologies: Implications for employment and earnings. In: *Handbook of Labor Economics*, 4B. Amsterdam: Elsevier. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0169-7218\(11\)02410-5](https://doi.org/10.1016/S0169-7218(11)02410-5)
- Badwy H.E., Qalati S.A., El-Bardan M.F. (2025). Unlocking happiness: How crafting your career path boosts life satisfaction through forward thinking and adaptability. *Humanities and Social Sciences Communications*, 12. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04655-9>
- Inglehart R., Welzel C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790881>
- Tanoto S.R., Tami E.G. (2024). Understanding Generation Z: Work-life balance and job embeddedness in retention dynamics. *Binus Business Review*, 15(3), 225–238. Available at: <https://doi.org/10.21512/bbr.v15i3.11277>
- Wang D., Li Y. (2024). Career construction theory: Tools, interventions, and future trends. *Frontiers in Psychology*, 15, 1381233. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1381233>

Сведения об авторах

Владимир Семенович Половинко — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского (Российская Федерация, 644021, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, д. 100/1; e-mail: pw3@mail.ru)

Игорь Владимирович Диннер — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского (Российская Федерация, 644021, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, д. 100/1; e-mail: igor-dinner@yandex.ru)

Polovinko V.S., Dinner I.V.

Transformation of Labor Values Among High School Students: A Comparative Analysis for 2018–2024

Abstract. In the context of accelerating digitalization and increasing uncertainty in the labor market, labor values of high school students become a key indicator of adaptation to future professional trajectories, which determines the relevance of this study within the field of social and economic change. The purpose of the research is to analyze the transformation of the structure of labor values among school students based on a comparative assessment of data from 2018 and 2024 and to identify stable typologies of value-based strategies under conditions of uncertainty. The methodological framework includes quantitative research methods: rank analysis to compare the significance of latent value constructs over time, cluster analysis to identify typological groups, and descriptive statistics. Scientific novelty lies in the empirical identification of the “flattening” of the value hierarchy, reflecting a shift from a rigidly hierarchical model to a polycentric configuration of labor expectations. In addition, the study substantiates three distinct value strategies: investment-combinational, diffuse-adaptive, and institutional-protective clusters, which represent different modes of value-based adaptation to structural labor market changes. The results demonstrate a substantial increase in the importance of work–life balance and the stability of interest in meaningful work content, alongside a declining priority of traditional markers such as long-term employment stability. These findings indicate the growing role of flexible and situational value orientations associated with Generation Z digital socialization. The main limitation of the study is the regional specificity of the sample, which restricts the generalization of the results. Future research directions include interregional comparisons and longitudinal studies aimed at deepening the understanding of value transformation processes and enhancing the applicability of the findings for career guidance policies and educational practices.

Key words: labor values, career choice, high school students, youth, rank analysis, value hierarchy, typology of value strategies, cluster analysis, labor market.

Information about the Authors

Vladimir S. Polovinko — Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Dostoevsky Omsk State University (100/1, 50 Let Profsoyuzov Street, Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: pw3@mail.ru)

Igor V. Dinner — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Dostoevsky Omsk State University (100/1, 50 Let Profsoyuzov Street, Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: igor-dinner@yandex.ru)

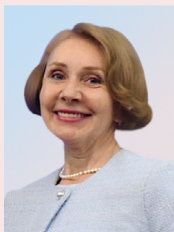
Статья поступила 21.01.2026.

Концептуальные рамки развития регионального интеграционного экономического блока на примере ЕАЭС

Александр Александрович ИШУКОВ

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Институт экономики Уральского отделения РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: a.a.ishukov@urfu.ru
ORCID: 0000-0003-4420-6329; ResearcherID: T-2234-2018

Елена Дмитриевна ФРОЛОВА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
e-mail: e.d.frolova@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-7176-4441; ResearcherID: S-4698-2016

Виола Анатольевна ЛАРИОНОВА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: v.a.larionova@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-2132-5176; ResearcherID: B-3171-2015

Зулпаруза Амирбековна АБДУРАХМАНОВА

Университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева
Шымкент, Республика Казахстан
e-mail: bakbergen_2000@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4375-0904

Для цитирования: Ишуков А.А., Фролова Е.Д., Ларионова В.А., Абдурахманова З.А. (2026). Концептуальные рамки развития регионального интеграционного экономического блока на примере ЕАЭС // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 230–243. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.12

For citation: Ishukov A.A., Frolova E.D., Larionova V.A., Abdurakhmanova Z.A. (2026). Conceptual framework for the development of a regional integration economic block (EAEU case). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 230–243. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.12

Аннотация. Принимая во внимание тенденцию формирования многополярного мира, а также накопившиеся проблемы региональной экономической интеграции, авторы предприняли попытку актуализировать концептуальные рамки развития регионального интеграционного экономического блока. Объект исследования – региональный интеграционный экономический блок ЕАЭС. Предмет исследования – экономическое взаимодействие стран блока в условиях формирующегося многополярного мирового порядка. Выдвинута следующая гипотеза: опираясь на принцип распределённого лидерства, страны регионального интеграционного экономического блока могут выступать лидерами в отдельных отраслях (отраслевых интернационализированных воспроизводственных процессах) и тем самым избежать доминирования в блоке одной страны. В теоретическом плане в статье раскрыта сущность основополагающего принципа многополярного миропорядка, а именно «равноправного справедливого сотрудничества», на базе которого предлагается авторский подход, опирающийся на распределённое лидерство, интернационализированный воспроизводственный процесс и кооперацию. Также в работе раскрывается понятие «технологическая кооперация». В методическом плане для оценки интеграционного взаимодействия стран предложен индекс интеграционного взаимодействия как соотношение значений внутриблоковых взаимодействий с внеблоковыми в разрезе стадий воспроизводственного процесса с учётом их значимости, определяемой экспертным путём на основе их вклада в формирование добавленной стоимости. Полученные результаты свидетельствуют, что, с одной стороны, рассчитанное значение индекса 0,88 указывает на недостаточное интеграционное взаимодействие, необходимость усиления кооперационных связей для повышения экономической мощи блока, но, с другой стороны, выявлена возможность усиления роли каждой страны – участницы регионального интеграционного экономического блока в разрезе отдельных отраслей (распределённое лидерство), что позволяет говорить о начале перехода от модели «центр – периферия» на основе мир-системного подхода к полицентричной структуре внутри ЕАЭС, для развития которой необходимо создание целевых стимулирующих фондов в рамках конкретных отраслевых воспроизводственных цепочек.

Ключевые слова: многополярность, мировой порядок, распределённое лидерство, региональный интеграционный экономический блок, ЕАЭС, отраслевые цепочки стоимости.

Благодарность

Публикация выполнена в рамках проекта № 060510-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов (Российский университет дружбы народов – РУДН).

Введение

Вопросам интеграционного взаимодействия в рамках региональных интеграционных экономических блоков (далее – РИЭБ), в том числе ЕАЭС, посвящены исследования многих авторов. В них основное внимание сконцентрировано на различных аспектах, в т. ч. на институтах управления (Перская, 2015; Перская, Эскиндаров, 2016), на неравномерности интеграции стран РИЭБ (Борко, 2006), выравнивании уровней развития входящих в РИЭБ стран (Чупина, 2015), создании единого внутреннего рынка (Глазьев, Ткачук, 2023; Кондратьева, 2016). При этом среди узловых проблем, препятствующих успешному функционированию интеграционных блоков, доминирует усиление «поляризации» стран региона, «наличие страны-гегемона, которая борется за доминирование с другими странами Евразии» (Чупина, 2015, с. 17). Одной из причин наличия этой проблемы учёные называют неэффективность существующей модели межстрановых экономических отношений. Накопившиеся недостатки РИЭБ, а также активное становление нового многополярного мирового порядка приводят учёных к поиску новой модели интеграционного взаимодействия, наталкивают на пересмотр парадигмы развития региональной экономической интеграции, на необходимость трансформа-

ции самой формы экономической интеграции, предложенной Б. Балассой, в сторону защиты национальных и экономических интересов периферийных стран (Малахова, 2018b, с. 5).

Цель исследования состоит в том, чтобы, исходя из актуальных представлений о многополярном мироустройстве, выявить и раскрыть сущность принципов интеграционного взаимодействия стран в модели нового миропорядка, а также на основе воспроизводственного подхода, учитывающего вклад видов сотрудничества в формирование добавленной стоимости, оценить способность РИЭБ (на примере ЕАЭС) выступить одним из полюсов мира, центром экономического притяжения.

Актуализация концептуальных основ развития РИЭБ в условиях становления многополярного миропорядка

Несмотря на общепринятые устоявшиеся классические теории, в частности изучение развития РИЭБ через призму последовательного прохождения стадий (этапов) усложняющихся взаимоотношений стран – участниц интеграционного блока по Б. Баласса (зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок и т. д.), в отношении международной экономической интеграции сформировалось множество точек зрения. Мы их объединили в несколько групп, которые представлены следующими наиболее распространёнными подходами (помимо вышеотмеченного т. н. «стадиального» подхода), отражающими различные аспекты этого сложного явления:

1) институциональный подход (Делягин, 2003; Ратнер, 2013) исследует институты функционирования блоков, такие как фонды, органы управления, уставные документы, либо новые критерии объединения стран в группы; в основе рассмотрения интеграционных процессов находится взаимосвязь двух компонентов – трансграничного перемещения товаров и факторов производства (внешняя торговля, иностранные инвестиции, миграция, обмен технологиями) и их институционализации (промышленная кооперация, сотрудничество в науке и образовании, экономическая политика);

2) субординационный подход (Baldwin, 1993; Фролова и др., 2011), смысл которого заключается в том, что страны взаимодействуют друг с другом, находясь под давлением более

сильных участников РИЭБ, таким образом в интеграционном блоке происходит превалирование одних стран и ущемление интересов других; отмечается, что из-за риска снижения конкурентоспособности менее развитые страны вынуждены вступать в интеграционный блок;

3) перераспределительный подход (Чупина, 2015; Stiglitz, 2019), предусматривающий формирование финансовых механизмов подтягивания слабых стран к сильным, в частности создание перераспределительных фондов; утверждается, что существующие программы финансовой помощи независимым государствам от международных организаций оказывают прямо противоположный заявленным целям эффект, поэтому для сокращения неравенства и поддержания экономического роста в интеграционном блоке необходимо создание новых механизмов поддержки.

В свою очередь последний из представленных подходов опирается на «мир-системную» парадигму мироустройства И. Валлерстайна (цит. по: Ишуков, 2020). Суть этой парадигмы, как известно, заключается в группировке стран в «центр» («ядро», «авангард»), «полупериферию» и «периферию», где первая группа соответственно удерживает доминирующее положение над последней в рамках устаревающего мирохозяйственного уклада (Глазьев, 2016; Arrighi et al., 1989; Raagmaa, 2003). На наш взгляд, принятие такой парадигмы на безальтернативной основе изначально предусматривает подчинение одной группы стран другой, доминирование сильных стран над менее сильными. Учёные считают, что это является одной из причин невыполнения первоначально заявленных задач и целей формирования РИЭБ (Малахова, 2018b). Также частичное снижение эффективности функционирования РИЭБ, усиление неравенства между странами авангарда и периферии в последние десятилетия можно объяснить тем, что существующие теоретические подходы отталкиваются от классических теорий международной торговли, которые стали основой установления однополярного (американского) либерального мирового порядка, а случай сравнительного преимущества более целесообразно трактовать как теорию арбитража (сделка купли-продажи с целью извлечения прибыли).

Такая модель мира сегодня терпит крах, а среди современных публикаций появляется все больше предложений о необходимости ориентации на «незападные» теории международных отношений. На потребность в переосмыслении концептуальных основ международной экономической интеграции (МЭИ) указывает и теория регионализма, т. к. «старый» регионализм существовал в условиях биполярности¹ (Михайленко, 2014; Cihelkova, Frolova, 2014). В частности, о переосмыслении свидетельствует зарождение геополитического регионализма, направленного на позиционирование в глобальном пространстве с учётом национальных интересов и интересов союзников (Хейфец, 2024), что с каждым годом становится всё более актуальным.

Итак, накопившиеся недостатки РИЭБ, а также активное становление многополярного мира наталкивают на пересмотр парадигмы развития региональной экономической интеграции. Как альтернативный учёными предлагается проектный подход. Например, В.И. Михайленко видит развитие региональной интеграции посредством накладывания интеграционных проектов друг на друга². В частности, наложение ШОС, ЕАЭС и СНГ связано с тем, что Россия является членом каждого из них. Но наибольшего внимания, особенно в контексте становления многополярного мира, заслуживает, на наш взгляд, предложение Т.С. Малаховой о развитии РИЭБ как «геостратегического экономического блока», в основу функционирования которого, опираясь на труды Г. Мюрдаля и Б. Баласса, автор закладывает учёт «интересов периферийных стран, функционирующих в интеграционных группах» (Малахова, 2018b, с. 5).

При обсуждении сути новой (многополярной) модели организации мирового порядка учёные и практики пытаются не столько определить новых лидеров среди стран, сколько сформулировать принципы взаимодействия. Мир переживает самые глобальные за послед-

нее время трансформации, касающиеся организации мирового порядка. Мировой кризис 2020 года «подверг беспощадной критике фундаментальные парадигмы глобализации, которые казались незыблемыми тридцать лет назад»³. Современный мировой порядок находится в нестабильном переходном состоянии, а новая модель мира только формируется, поэтому в терминологии пока нет единства — кто-то использует термин «многополярность», часть учёных говорит о многосторонности. Так, А. Ачария определяет современный мир как «мультиплексный мир», называя его «многосоставным» (Acharia, 2014), Дж. Миршаймер под мировым порядком понимает «глобальное распределение силы»⁴.

В понимании многополярности в исследованиях отечественных и зарубежных учёных пока превалирует политический подход, в рамках которого выделяются два миропорядка: гегемонистский, предполагающий доминирование одной державы (однополярный мир), и порядок баланса сил⁵ (Acharia, 2014). Обобщив имеющиеся актуальные точки зрения, в т. ч. высказанные на XV саммите БРИКС⁶, можно заключить, что доминирующим принципом экономического взаимодействия стран в новой модели мира является принцип равноправного справедливого партнёрства (далее — РСП), суть которого заключается в выстраивании взаимоотношений между странами с разным уровнем развития как равными партнёрами. С одной стороны, международное сотрудничество рассматривается как механизм развития мировой экономики, с другой стороны, оно не всегда является справедливым и взаимовыгодным.

³ Кортунюв А. (2020). Кризис миропорядка и будущее глобализации. Доклад № 60 / Российский совет по международным делам.

⁴ Там же.

⁵ Михайленко В.И. (2019). По ком звонит колокол? Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/po-kom-zvonit-kolokol/> (дата обращения: 15.07.2025); Кортунюв А. (2020). Кризис миропорядка и будущее глобализации. Доклад № 60 / Российский совет по международным делам.

⁶ Видеообращение к участникам Делового форума БРИКС. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72085> (дата обращения: 23.08.2023).

¹ Шкваря Л.В. (2011). Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве: учеб. пособие. Москва: ИНФРА-М.

² Михайленко В.И. (2019). По ком звонит колокол? Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/po-kom-zvonit-kolokol/> (дата обращения: 15.07.2025).

Как следствие, при введении в действие принципа РСР в многополярном мире благополучие, в первую очередь финансовое, переходит от стран т. н. «золотого миллиарда» ко всем странам (в соответствии с ресурсным вкладом в воспроизводственный процесс, оценённым по справедливым рыночным ценам).

Исходя из ключевых слов, раскрывающих смысл новой модели взаимодействия стран, назовём этот подход к функционированию РИЭБ как «партнёрский» в противовес отмеченному выше «субординационному».

Сразу же возникает вопрос, как на практике реализовать этот основополагающий принцип? Учёные сходятся во мнении, что РИЭБ могут выступать центром в многополюсном, полицентричном мире, приводя следующие аргументы. Дж. Найт полагает, что в отсутствие глобального управления безопасность народов, их процветание и благополучие, охрана окружающей среды должны быть взяты на ответственный контроль и регулирование именно интегрированными региональными организациями⁷. При этом выбор порядка зависит прежде всего от (глобального) распределения силы между великими державами. Перенесём этот принцип на РИЭБ, поскольку такой блок тоже представляет собой совокупность стран. Точки зрения о том, что интеграционные блоки могут способствовать формированию нового многополюсного мирового порядка, придерживаются не только политологи, но и экономисты (Малахова, 2018а). В частности, происходящая в глобальном мире геоэкономическая фрагментация способствует укреплению региональных интеграционных экономических блоков и, следовательно, усилению их как полюсов (Черненко и др., 2024, с. 11).

РИЭБ – это система, в которой есть ядро – лидер и совокупность элементов, а значит ей присуща определённая упорядоченность, иерархичность. Для отношений «ядро – элемент» и «элемент – элемент» (например, между развивающимися странами) мы предлагаем укрупнённые концептуальные рамки партнёрского подхода к развитию РИЭБ, отталкиваясь от следующих теоретических основ.

⁷ Кортунюв А. (2020). Кризис миропорядка и будущее глобализации. Доклад № 60 / Российский совет по международным делам.

Первое – распределённое лидерство. Авторитетные представители современных теорий менеджмента доказали, что в условиях происходящих технологических трансформаций, особенно цифровизации, набирает силу концепция распределённого лидерства, т. е. «совокупность самостоятельности и инициативы многих лиц, ... команд» (Гительман, 2021, с. 136). Её суть заключается в том, что «научно-технические знания становятся, с одной стороны, более сложными, с другой – более рассредоточенными (т. е. распределёнными между группами); ... их объём превышает возможности одной организации и ... перестают быть их прерогативой» (Гительман, 2021, с. 136). Кроме того, цифровые технологии позволяют субъектам быстро коммуницировать друг с другом. В преломлении к РИЭБ лидерами могут быть отдельные страны в определённых областях экономики и сферах управления, таким образом можно говорить об «отраслевом лидерстве».

Второе – «интернационализированный воспроизводственный процесс» или глобальные цепочки добавленной стоимости (далее – ГЦС)⁸ (Gereffi, 2016). В последнее время архитектура мира выстраивается вокруг ГЦС – они определяют организацию международного производства. Из множества трактовок в контексте проводимого исследования нам ближе их определение как последовательность стадий обработки ресурсов (промежуточных продуктов) до финального товара, на каждой из которых прирастает добавленная стоимость. Место страны в мировой экономике определяется специализацией в стадии (звене ГЦС), при этом максимальная добавленная стоимость и, соответственно, часть мирового дохода сосредоточена в таких звеньях, как НИОКР, бренд, торговля финальным продуктом. Именно они локализованы на территории развитых стран. Примером данной теоретической основы является цель АСЕАН по созданию производственно-коммерческой экосистемы с особым вниманием на развитие ГЦС внутри ассоциации, что, в свою очередь, призвано стимулировать приток инвестиций со стороны партнёров (Глазатова и др., 2023).

⁸ Кочетов Э.Г. (2006). Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса): сборник стратегических понятий – новелл. Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий».

Третье – кооперация. Нужно вернуться к основам основ производственно-экономических отношений, а именно кооперации. Интеграционный потенциал достигается именно за счёт взаимовыгодной кооперации. Такая позиция подтверждается возрождением в последнее время интереса к совету экономической взаимопомощи (СЭВ), целью создания которого было оказание помощи странам социалистического лагеря именно на основе экономического и научно-технического сотрудничества. Напомним, что кооперация – это процесс реализации совместных программ развития путём создания совместных компаний и проектов стран – участниц интеграционного блока (в рамках совместных цепочек стоимости). Если брать за основу развития взаимодействие внутри отраслевой воспроизводственной цепочки, то речь идёт о сотрудничестве по всем стадиям цепочки добавленной стоимости. Примером данной теоретической основы партнёрского подхода является недостаточная вовлечённость компаний в интеграционные процессы на постсоветском пространстве (Либман, Хейфец, 2011).

Наиболее проблемным исследовательским полем в текущих условиях мирохозяйственного развития выступает технологическая кооперация. Её мы предлагаем трактовать как совместный процесс развития технологий, обмена научно-исследовательскими разработками, мобильности научных кадров между государствами в целях укрепления взаимовыгодного инновационного сотрудничества, результатом которого является технологический суверенитет в отдельных отраслях или национальной экономики в целом стран – членов интеграционного блока. Именно такая кооперация должна стать основой развития стран в РИЭБ.

Таким образом, многосторонний (многополярный) мир мы представляем как систему стран с разным уровнем развития, но добившихся значительных успехов в определённых (одной или нескольких) отраслях экономики и способных выступать в них как лидеры, а также взаимодействующих с участниками воспроизводственного отраслевого процесса на основе справедливого перераспределения мирового дохода. Теоретически члены регионального интеграционного блока могут стать отраслевыми лидерами внутри РИЭБ и тем самым отойти от доминирования одной страны в блоке. Страны

блока, не имеющие передовых позиций хотя бы в одной отрасли, могут входить в интеграционный блок, но смогут выступить полюсом роста в системе многосторонних отношений только по мере «вызревания» лидерства.

Методический аспект исследования

В рамках существующих подходов при анализе РИЭБ учитывается место интеграционного блока в мире по множеству показателей (в мировой торговле, в т. ч. цифровой, в мировой промышленности и т. д.). Несмотря на то, что таких расчётов выполнено немало⁹ (Глазьев, Ткачук, 2023; Чупина, 2015), мы считаем их несколько укрупнёнными. В данной статье оценка выполнена по комплексу показателей, отражающих в совокупности инвестиционные, инновационные, производственные, торговые и другие межстрановые отношения, т. е. в разрезе звеньев ГЦС. За критерий оценки интеграционного взаимодействия нами принята позиция В.В. Перской (Перская, 2015), которая считает, что объёмы внутриблоковой торговли должны опережать аналогичные показатели в сравнении с третьими странами (внеблоковой торговли).

Поясним выбор отдельных показателей. Звено «ресурсы» мы анализируем через показатель «торговля промежуточными товарами». По экономическому назначению товары делятся на потребительские, промежуточные и инвестиционные. Инвестиционные товары направлены на улучшение основных средств, потребительские товары предназначены для личного потребления, промежуточные товары используются для последующего производства товаров и услуг. Таким образом, инвестиционные и потребительские товары являются конечными, а промежуточные служат ресурсами, поэтому темпы роста взаимной и внешней торговли по ним используются в методике для расчёта по звену «ресурсы».

Для достижения поставленных в исследовании целей сначала определим индекс интеграционного взаимодействия (этап 1). Традиционно эффективность взаимодействия стран внутри интеграционного блока учёные оценивают через динамику внешней торговли в целом.

⁹ Шкваря Л.В. (2011). Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве: учеб. пособие. Москва: ИНФРА-М.

Нами предпринята попытка выполнить такую оценку в разрезе звеньев ГЦС, в контексте которой для определения интеграционного взаимодействия стран РИЭБ предложен индекс интеграционного взаимодействия (формула 1). Учитывая, что виды взаимодействий имеют разное значение (научно-технологическое и инвестиционное сотрудничество более важно, чем простые экспортно-импортные операции), то в формулу введена значимость вида взаимодействий α . Её мы предлагаем оценивать на основе уровня добавленной стоимости, создаваемой в соответствующем звене воспроизводственного процесса.

$$I = \frac{\sum_{i=1}^n (\alpha_i GR_{mi})}{\sum_{i=1}^n (\alpha_i GR_{fi})}, \quad (1)$$

где I – индекс интеграционного взаимодействия;

GR_{mi} – рост (темпы роста) (GR) взаимных экономических потоков всех стран-членов внутри РИЭБ (m) по i -тому звену ГЦС;

GR_{fi} – рост (темпы роста) (GR) внешних экономических потоков с третьими странами всех стран – членов РИЭБ (f) по i -тому звену ГЦС;

i – звено ГЦС (1 – НИОКР; 2 – инвестиции; 3 – ресурсы и т. д.);

n – количество звеньев ГЦС;

α – значимость i -того звена ГЦС по методу экспертной оценки.

Значимость звеньев определена в соответствии с кривой распределения добавленной стоимости (метод Стэн Ши), далее уточнена методом экспертной оценки и нормализована к диапазону от 0 до 1. В основе метода Стэна Ши лежит кривая распределения добавленной стоимости («smiling curve»), которая была получе-

на им при анализе своей компании Acer, а также развита другими авторами (Kaplinsky, 2013; Lundquist, 2007).

Критерии, позволяющие интерпретировать интеграционное взаимодействие стран РИЭБ через индекс интеграционного взаимодействия, приведены в *таблице 1*.

Для получения результатов экспертных оценок были подготовлены и разосланы экспертам анкеты. Фокус-группу экспертов составили учёные, специализирующиеся в данной области. Перед ними стояла задача количественно оценить значимость звена в соответствии с конфигурацией распределения добавленной стоимости, то есть с вкладом звена в глобальную цепочку создания добавленной стоимости. Были получены следующие результаты: значимость звеньев «НИОКР» и «торговля» в ГЦС составила 0,93; звеньев «инвестиции» и «маркетинг» – 0,86; звена «ресурсы» – 0,76; звена «производство, сборка» – 0,74; звена «логистика» – 0,79; звена «перераспределение мирового дохода» – 1.

Далее перейдем к выявлению отраслевых лидеров (этап 2). Предпосылками формирования модели РИЭБ с отраслевым лидерством разных стран являются наличие видов деятельности со значимым привлечением инвестиций в основной капитал (шаг 2.1), выраженная продуктовая специализация внутри них (шаг 2.2), присутствие предприятий, в институциональной рамке которых возможно развитие воспроизводственного процесса (2.3), а также инновационных проектов (2.4). Доминирующей отраслью страны – участницы РИЭБ признаётся отрасль, имеющая высокую долю среди других отраслей рассматриваемой страны-участницы или имеющая в рассматриваемой стране наиболее высокую долю среди долей других стран-участниц.

Таблица 1. Критерии для интерпретации расчетных значений индекса интеграционного взаимодействия

Если темпы роста взаимных экономических потоков всех стран-членов внутри РИЭБ		
<1, т. е. ниже темпов роста внешних экономических потоков с третьими странами всех стран-членов	=1, т. е. равны темпам роста внешних экономических потоков с третьими странами всех стран-членов	>1, т. е. выше темпов внешних экономических потоков с третьими странами всех стран-членов
Недостаточное интеграционное взаимодействие	Равнозначное интеграционное взаимодействие	Достаточное интеграционное взаимодействие
Источник: составлено авторами.		

Результаты исследования и обсуждение (на примере ЕАЭС)

Этап 1. Результат расчёта комплексного индекса интеграционного взаимодействия по формуле 1 представлен на примере отдельных показателей (в рамках простой цепочки добавленной стоимости по звеньям «инвестиции», «ресурсы» и «торговля») в *таблице 2*. Период 2016–2019 гг. был рассмотрен намеренно, так как в указанный временной промежуток интеграционные процессы ЕАЭС реализовывались без учёта условий глобальных трансформаций, включающих пандемию и давление санкциями.

В соответствии с методикой оценки потенциала интеграционного взаимодействия в РИЭБ в полученных значениях учтена значимость каждого звена «улыбающейся кривой» согласно экспертной оценке. Расчёты представлены в формуле 2.

$$I = \frac{(0,86 \times 116,67) + (0,76 \times 113,13) + \left(0,93 \times \frac{(113,26 + 113,8)}{2}\right)}{(0,86 \times 164,38) + (0,76 \times 109,95) + \left(0,93 \times \frac{(115,41 + 111,3)}{2}\right)} \quad (2)$$

$$= \frac{100,3 + 86,0 + 105,6}{141,4 + 83,56 + 105,42} = \frac{291,9}{330,38} = 0,88$$

Итак, индекс интеграционного взаимодействия в разрезе основных звеньев интернационализированного воспроизводственного процесса составил 0,88, т. е. меньше 1. В соответствии с принятым критерием успешности РИЭБ, когда темпы роста взаимных экономических потоков всех стран внутри РИЭБ ниже темпов роста внешних экономических потоков с третьими странами всех стран-членов, мы делаем вывод о недостаточном интеграционном взаимодействии в ЕАЭС и необходимости уси-

ления кооперационных связей и повышения экономической мощи РИЭБ. С одной стороны, предложений по укреплению ЕАЭС много, но большинство из них сосредоточено в области усиления управленческих институтов деятельности интеграционного блока, в т. ч. создания различных фондов поддержки (институциональный подход, перераспределительный подход). С другой стороны, можно дать предложения по тем стадиям ГЦС, где в наших расчетах частный индекс интеграционного взаимодействия меньше 1, например по инвестиционному звену. Некоторые авторы так и делают, предлагая для подъёма ЕАЭС на «волне» роста нового технологического уклада либо путь обновления основного капитала с концентрацией имеющихся ресурсов на перспективных направлениях модернизации и развития экономики на основе целевой кредитной эмиссии, либо путь повышения инновационной активности частного сектора (Глазьев, Ткачук, 2023).

Все предложения заслуживают внимания, но мы видим путь развития в направлении формирования конкретного отраслевого лидерства каждой из стран – членов ЕАЭС (распределённое лидерство).

На *этапе 2* (шаг 2.1) определим, какие отрасли в странах ЕАЭС привлекают наибольшие инвестиции в основной капитал и в каких из них страны могут занять лидирующие позиции. Для этого рассчитаем долю каждого вида деятельности в общем объёме инвестиций по каждой категории (*табл. 3*). Например, данные показывают, что Беларусь может стать лидером в обрабатывающей промышленности, а Казахстан – в горнодобывающей.

Таблица 2. Определение индекса интеграционного взаимодействия ЕАЭС по звеньям, 2016–2019 гг. (фрагмент)

Звено	Инвестиции	Ресурсы	Торговля	
			Экспорт, млн долл.	Импорт, млн долл.
На примере одного из показателей	Взаимные инвестиции в общем объёме прямых иностранных инвестиций, млрд долл.	Торговля промежуточными товарами, млн долл.		
$GR_{ин}$, %	116,67	113,13	113,26	113,8
$GR_{пр}$, %	164,38	109,95	115,41	111,3

Рассчитано по: Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 02.09.2025); OECD Data. URL: <https://data.oecd.org> (дата обращения: 25.08.2025); World Bank Open Data from The World Bank: Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 11.09.2025).

Таблица 3. Виды экономической деятельности со значимым привлечением инвестиций в основной капитал ЕАЭС внутри стран-членов за 2015–2021 гг.

Страна	Вид экономической деятельности
Армения	Электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование (19%), услуги по проживанию и питанию (4%)
Беларусь	Сельское, лесное и рыбное хозяйство (12%), обрабатывающая промышленность (23%)
Казахстан	Горнодобывающая промышленность, разработка карьеров (35%)
Кыргызстан	Предоставление прочих услуг, в т. ч. жилищное строительство (32%)
Россия	Профессиональная, научная и техническая деятельность (4%)

Составлено по: Департамент статистики ЕЭК. Инвестиции в основной капитал. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/investments.aspx (дата обращения: 04.09.2025).

Переходя от общих отраслевых данных к конкретным товарным категориям (этап 2, шаг 2.2), анализируем доли товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в контексте взаимной торговли стран – членов РИЭБ (табл. 4). Такой анализ позволяет выявить доминирующие виды продукции в каждой стране, в том числе в контексте лидерства по ее экспорту.

Судя по данным таблицы 4, страны могут стать отраслевыми лидерами, например, Армения и Беларусь – по группе пищевых продуктов.

На этапе 2 (шаги 2.3 и 2.4) на основе статистических данных с сайтов компаний стран ЕАЭС и статистической базы данных ЕАЭС выделены ведущие международные предприятия членов ЕАЭС по приоритетным отраслям, которые экспортируют свою продукцию в третьи страны, имеют зарубежные подразделения или

иностранный инвестор, а также выделены крупнейшие инновационные проекты интеграционного блока (табл. 5).

Одним из показателей силы в контексте баланса сил, рассматриваемого как критерий многополярности, выступает способность страны привлекать и удерживать на своей территории глобальные (региональные) отраслевые цепочки добавленной стоимости (ГЦС). На следующем этапе исследования, опираясь на результаты предыдущих этапов, определим приоритетные отрасли для стран – участниц ЕАЭС (табл. 6).

Согласно выделенным выше приоритетным отраслям стран ЕАЭС, а также постановлению Правительства РФ по направлениям проектов технологического суверенитета, в рамках усиления технологического развития ЕАЭС в первую очередь следует поддерживать следующие подотрасли (табл. 7).

Таблица 4. Виды товарной номенклатуры ВЭД со значимым взаимным торговым оборотом ЕАЭС внутри стран-членов за 2015–2021 гг.

Страна	Вид товарной номенклатуры ВЭД
Армения	Продукты растительного и животного происхождения (15%), готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус; табак и его заменители (40%)
Беларусь	Живые животные; продукты животного происхождения (21%); машины, оборудование и механизмы; электротехническое оборудование; их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности (14%)
Казахстан	Минеральные продукты (37%), продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности (14%), драгоценные металлы и изделия из них (29%)
Кыргызстан	Текстильные материалы и текстильные изделия (20%), изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов; керамические изделия; стекло и изделия из него (6%)
Россия	Минеральные продукты (35%), машины, оборудование и механизмы; электрооборудование и её части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, её части и принадлежности (11%)

Составлено по: Департамент статистики ЕЭК. Взаимная торговля. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/intra/ (дата обращения: 04.03.2024).

Таблица 5. Предприятия и крупнейшие инновационные проекты ЕАЭС (фрагмент по Казахстану и России)

Страна	Приоритетные отрасли		
	Отрасли	Предприятия	Крупнейшие инновационные проекты
Казахстан	Минеральные продукты	ТОО «КазРосГаз», Карачаганак Петролеум Оперейтинг, North Caspian Operating Company	Первый интегрированный газохимический комплекс
	Горная и металлургическая промышленность	АО «ТЭМК», Компания «Сталь Сервис Казахстан», Евразийская Группа	Производство оловянных концентратов и др.
	Химическая продукция	АО «Химфарм», ТОО «Абди Ибрахим Глобал Фарм», АО «Нобел Алматинская фармацевтическая фабрика»	Производство кальцинированной соды, аммиака и карбамида
Россия	Минеральные продукты	Лукойл, Газпром, Роснефть	Строительство газохимического комплекса и др.
	Горная и металлургическая промышленность	УГМК, РУСАЛ, РМК	Создание центра техно-логической компетенции алюминиевого и титанового литья и др.
	Химическая продукция	Biocad, Группа ПОЛИПЛАСТИК	Строительство завода активных фармацевтических субстанций и др.

Составлено по: Открытые данные с сайтов компаний стран – участниц ЕАЭС, Доклад Евразийской экономической комиссии «О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах-членах Евразийского экономического союза». URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ca0/Doklad-o-delovom-klimате-EAES-19-05-2023-g-docx.pdf?ysclid=lr3b2gwq8j658837336> (дата обращения: 29.08.2025); Карта индустриализации ЕАЭС. URL: <https://industry.eaeunion.org/industry/ru/registers/investments/map> (дата обращения: 02.09.2025); Решение Евразийского межправительственного совета от 17 июля 2020 года № 15 «О карте индустриализации Евразийского экономического союза». URL: <https://docs.cntd.ru/document/565338911?ysclid=lr23p4g3m1485816835> (дата обращения: 15.07.2025).

Таблица 6. Приоритетные отрасли стран – членов ЕАЭС для развития отраслевого интернационализированного воспроизводственного процесса

Страна	Отрасль					
	Сельское хозяйство	Текстиль и одежда	Машиностроение	Минеральные продукты	Горная и металлургическая	Химическая
Армения	+	+				
Беларусь	+	+	+			
Казахстан				+	+	+
Кыргызстан	+	+		+		
Россия				+	+	+

Составлено по: данные таблиц 3–5.

Таблица 7. Подотрасли, определяющие технологическое развитие

Страны	Казахстан, Россия	Беларусь	Армения, Беларусь, Кыргызстан
Подотрасли	Медицинская промышленность, нефтегазовое машиностроение, фармацевтическая промышленность, химическая промышленность	Автомобилестроение, специализированное машиностроение, станкоинструментальная промышленность и тяжелое машиностроение	Сельскохозяйственное машиностроение

Составлено по: Департамент статистики ЕЭК. Взаимная торговля. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/intra/ (дата обращения: 04.09.2025).

Таким образом, чтобы перераспределить экономическое доминирование отдельных стран в ЕАЭС (т. н. «центр – периферия» на языке мир-системного подхода), в рамках полицентричной структуры ЕАЭС возможно выделение лидерства отдельных государств в конкретных отраслях. Однако, как правило, такое лидерство принадлежит группе стран.

В рамках концепции распределённого лидерства в разрезе отраслей для укрепления интеграционного блока ЕАЭС рекомендуется России и Казахстану выступить лидерами в следующих отраслях: минеральные продукты, горнодобывающая промышленность, металлургия и химическая продукция с доминированием в звеньях с высоким уровнем добавленной стоимости (НИОКР, торговля, инвестиции, маркетинг, перераспределение мирового дохода); Армении, Белоруссии и Кыргызстану выступить лидерами текстильной промышленности и сельского хозяйства с доминированием в звеньях с высоким уровнем добавленной стоимости.

Заключение

В качестве заключения в рамках заявленной цели обозначим следующее:

– сущность многополярного миропорядка реализуется через основной принцип взаимодействия стран – принцип «равноправного справедливого сотрудничества», смысл которого раскрыт через совокупность компонентов этого понятия, в том числе распространение финансового благополучия между всеми странами – участницами интеграционного процесса;

– в контексте распределённого лидерства и ГЦС страны РИЭБ могут выступать лидерами

по отдельным отраслям, элиминируя тем самым доминирование одной страны;

– рассчитанное значение авторского индекса интеграционного взаимодействия 0,88 указывает на недостаточность интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС;

– несмотря на сохраняющееся доминирование России в ЕАЭС (Чупина, 2015), наблюдается появление отраслевых лидеров. Это свидетельствует о начале перехода ЕАЭС от модели «центр – периферия» мир-системного подхода (Ишуков, 2020) к более полицентричной структуре, что в перспективе укрепит его позиции как одного из полюсов в многополярном мире. Для такого развития, в дополнение к перераспределительным фондам (Чупина, 2015), необходимо создавать целевые стимулирующие фонды, например по технологической интеграции в рамках отдельных отраслевых цепочек, используя перераспределённый мировой доход по конкретным воспроизводственным процессам.

Новизна проведённого исследования заключается, во-первых, в обосновании принципа равноправного справедливого сотрудничества, суть которого состоит в формировании партнёрских отношений между странами независимо от уровня их развития; во-вторых, в апробации методического подхода к оценке силы интеграционного взаимодействия, которая определяется доминированием внутриблочного взаимодействия над взаимодействием с третьими странами; в-третьих, в оценке интеграционного взаимодействия с учётом значимости видов сотрудничества (инвестиционное, ресурсное, торговое) и вклада в конфигурацию распределения добавленной стоимости.

Литература

- Борко Ю.А. (2006). Взаимосвязь процессов расширения и углубления европейской интеграции // *Расширение Европейского союза и Россия* / под ред. О.В. Буториной. Москва: Деловая литература. С. 11–42.
- Гительман Л.Д. (2021). *Профессионалы в конкуренции за будущее. Опережающее обучение для лидерства в цифровой индустрии*. М.: СОЛОН-Пресс. 304 с.
- Глазатова М.К., Аветисян С.С., Алешин Д.А. [и др.]. (2023). *Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 306 с.
- Глазьев С.Ю., Ткачук С.П. (2023). *О параметрах экономического развития в ЕАЭС до 2035 года* // *Международная торговля и торговая политика*. Т. 9. № 1. С. 90–101.
- Глазьев С.Ю. (2016). *О новой парадигме в экономической науке* // *Государственное управление. Электронный вестник*. № 56. С. 5–39.

- Делягин М.Г. (2003). *Мировой кризис: Общая теория глобализации*. Москва: ИНФРА-М. 768 с.
- Ишуков А.А. (2020). Развитие концепции «центр – периферия» на примере интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза // *Журнал экономической теории*. Т. 17. № 3. С. 589–599.
- Кондратьева Н.Б. (2016). Евразийский экономический союз: достижения и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 6. С. 15–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-15-23
- Либман А.М., Хейфец Б.А. (2011). *Модели региональной интеграции*. Москва: Экономика. 333 с.
- Малахова Т.С. (2018a). Преобразование форм внешнеэкономического взаимодействия между странами мирового авангарда и периферии: оценка интеграционных перспектив // *Финансы и кредит*. Т. 24. № 8. С. 1874–1888. DOI: 10.24891/фс.24.8.1874 (дата обращения: 24.08.2025).
- Малахова Т.С. (2018b). Разработка и совершенствование форм экономического взаимодействия между странами (использование опыта ЕС при построении ЕАЭС) // *Гипотеза / Hypothesis*. Т. 3. № 4. С. 62–70.
- Михайленко Е.Б. (2014). «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 24 с.
- Перская В.В. (2015). Глобальные цепочки стоимости и их значение для развития национальных хозяйств ЕАЭС // *Экономические стратегии*. № 5–6 (130–131). С. 22–31.
- Перская В.В., Эскиндаров М.А. (2016). *Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации*. М.: Экономика. 383 с.
- Ратнер А.В. (2013). *Теоретико-методический подход к оценке влияния международной экономической интеграции на социально-экономическое развитие региона страны*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 241 с.
- Фролова Е.Д., Стровский Л.Е., Каннен А. [и др.] (2011). *Феномен БРИК: от глобального объекта к глобальному игроку*. Екатеринбург: Изд-во УрФУ. 160 с.
- Хейфец Б.А. (2024). Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // *Вестник международных организаций*. № 4. С. 7–22. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-04-01
- Черненко И.М., Колясников М.С. [и др.] (2024). *Человеческий капитал в эпоху геоэкономической фрагментации: тенденции, последствия, риски и перспективы развития*. Москва: Первое экономическое издательство. 288 с.
- Чупина Д.А. (2015). Выравнивание уровней экономического развития стран в региональных интеграционных объединениях. Екатеринбург: подразделение оперативной полиграфии УрГЭУ. 182 с.
- Acharia A. (2014). *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press.
- Arrighi G., Hopkins T., Wallerstein I. (1989). *Antisystemic Movements*. New York: Verso.
- Baldwin R. (1993). *A Domino Theory of Regionalism*. Available at: www.nber.org/papers/w4465.pdf (accessed: 01.10.2025)
- Cihelkova E., Frolova E.D. (2014). The impact of regionalism on regional development under the conditions of a globalized economy. *Economy of Region*, 4, 45–57.
- Frolova E., Andreeva E., Abdurahmanova Z. (2017). Assessment of Kazakhstan national pharmaceutical complex development. In: *Proc. of the 10-th EuroMed Conference of the EuroMed Academy of Business*. Rom.
- Gereffi G., Fernandez-Stark K. (2016). *Global Value Chain Analysis: A PRIMER*. 2-nd edition. Durham: Duke University.
- Kaplinsky R. (2013). *Global Value Chains: Where They Came From, Where They Are Going and Why This Is Important*. IKD Working Paper. 68. Available at: <https://www5.open.ac.uk/ikd/sites/www.open.ac.uk/ikd/files/files/working-papers/ikd-working-paper-68.pdf> (accessed: 06.10.2025).
- Lundquist E. (2007). Shihs curve can bring smiles. *eWEEK*. Available at: <https://www.eweek.com/it-management/shihs-curve-can-bring-smiles/> (accessed: 06.10.2025).
- Raagmaa G. (2003). Centre–periphery model explaining the regional development of the informational and transitional society. In: *43rd Congress of the European Regional Science Association (ERSA)*.
- Stiglitz J.E. (2019). *Rewriting the Rules of the European Economy*. *Foundation for European Progressive Studies*. Available at: https://www.feps-europe.eu/attachments/publications/book_stiglitz-rewriting_rules.pdf (accessed: 06.10.2025)

Сведения об авторах

Александр Александрович Ишуков — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19); младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: ishukov.aa@uiee.ru)

Елена Дмитриевна Фролова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19); профессор кафедры, Российский университет дружбы народов (РУДН) имени Патриса Лумумбы (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: e.d.frolova@urfu.ru)

Виола Анатольевна Ларионова — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель директора, заведующий кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: v.a.larionova@urfu.ru)

Зулпаруза Амирбековна Абдурахманова — магистр экономики, старший преподаватель, Университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева (Республика Казахстан, 160012, г. Шымкент, пр-т Кунаева, д. 21; e-mail: bakbergen_2000@mail.ru)

Ishukov A.A., Frolova E.D., Larionova V.A., Abdurahmanova Z.A.

Conceptual Framework for the Development of a Regional Integration Economic Block (EAEU Case)

Abstract. Taking into account the trend toward the formation of a multipolar world, as well as the accumulated problems of regional economic integration, the authors attempted to update the conceptual framework for the development of a regional integration economic block (RIEB). The object of the study is the regional integration economic block of EAEU, the subject of the study is the economic interaction of the block countries in the context of the emerging multipolar world order. A hypothesis has been put forward that, within the framework of distributed leadership, the RIEB countries can act as leaders in certain industries (industry-specific internationalized reproduction processes) and thereby avoid dominance in the block by one country. In theoretical terms, the article reveals the essence of the fundamental principle of a multipolar world order, namely “equal fair cooperation”. According to this, the author’s approach is proposed, based on distributed leadership, an internationalized reproduction process and cooperation. The article also reveals the concept of “technological cooperation”. In terms of methodology, an index of integration interaction is proposed to assess the potential for integration interaction between countries taking into account their weights determined by experts. The results obtained show that, on the one hand, the calculated value of the index 0.88 indicates the insufficient integration interaction, the need to strengthen cooperation ties and increase the economic power of the block. On the other hand, it also indicates the possibility of strengthening the role of all RIEB member countries in the context of specific individual industries (distributed leadership). It allows us to speak about the beginning of the transition from the “center-periphery” model based on a world-system approach to a polycentric structure within the EAEU, the development of which requires the creation of targeted incentive funds within specific industry value chains.

Key words: multipolarity, world order, distributed leadership, regional integration economic block, EAEU, industry value chains.

Information about the Authors

Alexander A. Ishukov – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.a.ishukov@urfu.ru); Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ishukov.aa@uiec.ru)

Elena D. Frolova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of department, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: Frol-ued@yandex.ru); professor of department, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: e.d.frolova@urfu.ru)

Viola A. Larionova – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, deputy vice-rector, head of department, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: v.a.larionova@urfu.ru)

Zulparuza A. Abdurahmanova – Master of Economics, Senior Lecturer, University named after Zhumabek Akhmetuly Tashenev (21, Kunaev Avenue, Shymkent, 160012, Republic of Kazakhstan; e-mail: bakbergen_2000@mail.ru)

Статья поступила 18.10.2025.

DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.13

УДК 338.1, 338.4, ББК 65.051.5, 65.205, 65.7

© Тигранян В.И., Папян З.К., Манукян Л.А.

Динамика структурной трансформации реального сектора экономики Республики Армении в контексте смены промышленных парадигм

Варсик Ишхановна

ТИГРАНЯН

Российско-Армянский (Славянский) университет
Армянский государственный экономический университет
Ереван, Республика Армения

e-mail: varsiktigranyan@gmail.com

ORCID: 0009-0005-8686-5797; ResearcherID: ODK-8419-2025

Зинавард Кареновна

ПАПЯН

Российско-Армянский (Славянский) университет
Ереван, Республика Армения

e-mail: zinavard.papian@rau.am

ORCID: 0009-0008-6038-652X; ResearcherID: JFJ-5155-2023

Левон Арманович

МАНУКЯН

Российско-Армянский (Славянский) университет
Ереван, Республика Армения

e-mail: manleo2002@mail.ru

ORCID: 0009-0007-5831-3543; ResearcherID: ODK-6809-2025

Для цитирования: Тигранян В.И., Папян З.К., Манукян Л.А. (2026). Динамика структурной трансформации реального сектора экономики Республики Армении в контексте смены промышленных парадигм // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 244–261. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.13

For citation: Tigranyan V.I., Papian Z.K., Manukyan L.A. (2026). Dynamics of the structural transformation of the real economy of the Republic of Armenia in the context of shifting industrial paradigms. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 244–261. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.13

Аннотация. В статье исследуется структурная трансформация реального сектора экономики Республики Армения в контексте смены промышленных парадигм. Актуальность работы обусловлена тем, что в малых открытых экономиках структурные сдвиги и цифровизация усиливаются под воздействием внешних шоков, что требует количественной оценки их вклада в динамику выпуска. Цель исследования заключается в определении степени соответствия изменений отраслевой структуры, занятости и производительности труда логике перехода от Индустрии 3.0 к формированию элементов Индустрии 4.0 и предпосылок Индустрии 5.0. Научная новизна состоит в интеграции сравнительного и системно-структурного анализа с эконометрической верификацией на основе ARDL-модели, включая корректировку атипичных шоковых периодов фиктивной переменной и учет изменения внутренней структуры ИКТ-показателя. Эмпирическая база включает данные национальной статистики и международных источников за 2008–2025 гг. Применены статистический и сравнительный анализ, тесты стационарности, ARDL bounds-тест, модель коррекции ошибок, диагностические и стабильностные тесты. Сделан вывод о преобладании адаптационного характера трансформации и наличии ограничений технологического углубления при низких инвестициях в НИОКР и слабых механизмах трансфера технологий. Ограничением исследования является использование агрегированных макроиндикаторов и прокси-показателей, что открывает направление для будущих исследований с более глубокой отраслевой оценкой экономики Армении к требованиям Индустрии 5.0.

Ключевые слова: реальный сектор, промышленная революция, Индустрия 3.0, Индустрия 4.0, Индустрия 5.0, ARDL-модель, производительность труда.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета высшего образования и науки Республики Армения в рамках научного проекта 25RG-5B184 «Политика устойчивого экономического роста в Республике Армения в условиях новой геополитической реальности».

Введение

История развития человеческих обществ характеризуется чередованием эволюционных и революционных изменений. Эволюционный тип трансформаций предполагает постепенные и медленные сдвиги, тогда как революционный связан с резкими и кардинальными изменениями, формирующими новые основы социально-экономического развития. Наиболее яркими проявлениями второго вида являются промышленные революции.

На протяжении последних 40 тысяч лет технологический прогресс демонстрирует устойчивый гиперболический рост с периодическими колебаниями. В рамках сверхдлинных циклов фазы накопления и зарождения инноваций сменяются фазами их быстрого распространения и совершенствования (Гринин и др., 2020). С середины XX века темпы технологического развития приобрели экспоненциальный характер: в пределах одного человеческого поколения может смениться несколько технологических парадигм (Дзюбенко, 2020).

Параллельно с ускорением научно-технического прогресса в последние десятилетия возросла частота кризисов различного генеза — экономических, финансовых, социальных и политических. В условиях кризисов инновации часто выполняют функцию антикризисного механизма, ускоряя адаптацию экономик к новым условиям и стимулируя процессы цифровизации (Brem et al., 2023). Те страны, которые способны оперативно адаптироваться к изменению внешнеэкономической конъюнктуры, не только снижают негативное воздействие шоков, но и получают дополнительные возможности для ускоренного роста.

Республика Армения после обретения независимости в 1991 году столкнулась с необходимостью перехода от централизованной плановой экономики к рыночной системе в условиях глубоких трансформационных кризисов. В то время как в развитых странах активно распространялись персональные компьютеры, интернет и новые программные платформы, Арме-

ния вынуждена была решать задачи институциональных и структурных преобразований. Это объективно привело к временной технологической изоляции и снижению скорости интеграции в глобальные процессы. В настоящее время, чтобы компенсировать отставание, страна вынуждена ускоренными темпами внедрять цифровизацию, которая позволит внедрить и распространить цифровые технологии и инфраструктуру на внутреннем рынке.

Сильной стороной экономики Армении является высокий уровень качества человеческого капитала: значительная доля высококвалифицированных специалистов формирует основу для развития секторов, связанных с информационными технологиями и наукоёмким производством. Однако сохраняющийся разрыв между глобальными технологическими трендами и внутренними возможностями ограничивает уровень технологической конкурентоспособности страны.

Понимание логики смены промышленных революций и соотнесение их с текущим состоянием национальной экономики является ключом к объективной оценке уровня развития стран, а также к формированию стратегий его модернизации и интеграции в мировую экономику. В связи с этим было принято решение о проведении исследования реального сектора экономики Армении в контексте промышленных революций.

В условиях ускоряющейся цифровой трансформации и роста частоты экзогенных шоков особую значимость приобретает анализ структурных изменений реального сектора малых открытых экономик. Для Армении, находящейся на поздней стадии Индустрии 3.0 и адаптирующейся к элементам Индустрии 4.0, ключевым является не только темп экономического роста, но и характер перераспределения добавленной стоимости, занятости и производительности труда между секторами экономики.

Цель настоящего исследования заключается в анализе структурной трансформации реального сектора экономики Республики Армения в контексте смены промышленных парадигм и оценке влияния цифровизации, занятости и производительности труда на динамику выпуска в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Для достижения поставленной цели

в статье используется сочетание структурного анализа и эконометрического моделирования на основе ARDL-подхода.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования послужили общенаучные и специальные методы экономического анализа, включая сравнительный, системно-структурный, статистический и эконометрический подходы. Объектом исследования является реальный сектор экономики, определяемый в соответствии с методологией Статистического комитета Республики Армения. Временной охват исследования – 2008–2025 гг., при этом часть показателей анализируется за период 2012–2025 гг. в связи с переходом к методологии СНС-2008. Эмпирическая база исследования включает официальные статистические данные Статистического комитета Республики Армения (Армстат), Центрального банка Республики Армения (СБА), Группы Всемирного банка (WBG), Международного валютного фонда (IMF), Организации объединенных наций (UN), а также результаты расчётов и апробации построенных моделей, полученные авторами в ходе исследования.

Для количественной оценки влияния структурных факторов на динамику реального сектора экономики Армении был использован метод авторегрессионной модели с распределёнными лагами (ARDL), позволяющий одновременно анализировать краткосрочные и долгосрочные эффекты при наличии переменных различного порядка интеграции.

Путь трансформации от Индустрии 1.0 к Индустрии 6.0

В мировой экономической истории можно выделить несколько этапов технологической трансформации, связанных с промышленными революциями, каждая из которых обеспечивала переход на новую ступень социально-экономического развития.

Первая промышленная революция (Industry 1.0, I.1) происходила во второй половине XVIII – середине XIX века. Её ключевым результатом стал переход от аграрного к индустриальному обществу. Ручной труд был заменён механизированным производством, появились станки, фабрики и мануфактуры, а использование энергии водяного колеса и парового двигателя стало основой для массового производства (Гордничая, 2024).

Вторая промышленная революция (Industry 2.0, I.2) охватывает период с 1870 года до начала Первой мировой войны. Её специфика заключалась в совершенствовании производственных процессов, внедрении конвейерного производства, активной электрификации, а также в бурном развитии транспортной инфраструктуры – железнодорожного, морского и воздушного транспорта (Николаев и др., 2021).

Третья промышленная революция (Industry 3.0, I.3) началась в середине XX века и продолжалась до начала XXI века. Её определяющими характеристиками стали автоматизация и компьютеризация производства, что обеспечило рост производительности, точности и скорости производственных операций за счёт внедрения электронных систем управления и обработки данных (Уринсон, 2018).

Четвёртая промышленная революция (Industry 4.0, I.4) стартовала в 2010-х гг. и продолжается в ряде стран в настоящее время. Её отличительными признаками являются цифровизация, роботизация, использование технологий интернета вещей (IoT) и искусственного интеллекта. Концепция I.4 тесно связана с NBIC-конвергенцией (Nano-Bio-Info-Cognito), объединяющей нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивные науки, что открывает возможности для создания новых материалов, процессов и бизнес-моделей (Heilala, Singh, 2023; Бабкин и др., 2023). Если развитие первых трёх революций происходило с линейным ускорением, то четвёртая характеризуется экспоненциальным воздействием на экономику и общество (Уринсон, 2018).

Пятая промышленная революция (Industry 5.0, I.5) начала формироваться с 2020 года в условиях углубляющейся глобализации. Её концепция связана с SCBIN-конвергенцией (Socio-Cognito-Bio-Info-Nano), объединяющей социальные, когнитивные, биологические, информационные и нанотехнологии (Бабкин и др., 2021). Основная цель I.5 – это интеграция творческого потенциала человека с эффективностью робототехники для персонализации и гибкости производственных процессов, что обеспечивает переход к кастомизированному производству (Городничая, 2024; Chourasia et al., 2022). Предполагается, что этот этап завершится к 2050 году.

Шестая промышленная революция (Industry 6.0, I.6), согласно прогнозам, начнётся около 2050 года. Её основными характеристиками станут клиентоориентированность, гибкие и динамичные цепочки поставок, автоматизированные системы с высокой степенью адаптивности, а также интегрированные сети создания добавленной стоимости, функционирующие как внутри национальных экономик, так и на международном уровне (Бабкин и др., 2025; Chourasia et al., 2025). Поскольку она рассматривается как перспективный сценарий, в настоящем исследовании она используется лишь как контекст, не выступая объектом эмпирической верификации.

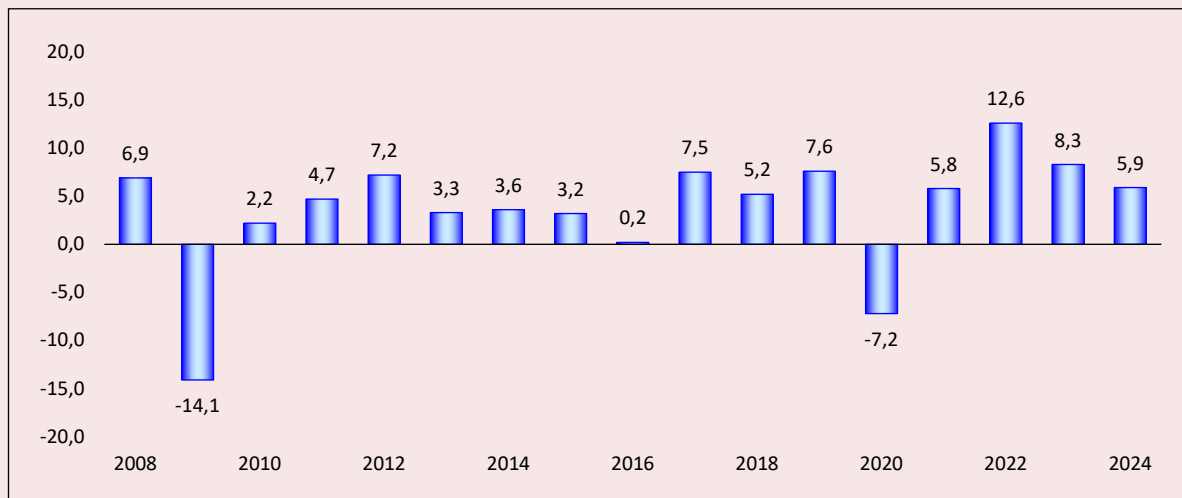
Таким образом, рассмотрение эволюции промышленных революций позволяет зафиксировать ключевые направления трансформации производственных систем в глобальном масштабе. Для оценки возможностей и ограничений адаптации указанных тенденций в национальном контексте была проанализирована динамика развития реального сектора экономики Республики Армения.

Динамика развития реального сектора экономики Армении

На *рисунке 1* представлена динамика реального прироста ВВП в Республике Армения в 2008–2024 гг. Наиболее глубокие спады совокупного ВВП зафиксированы в 2009 году (-14,10 п. п. на фоне глобального финансово-экономического кризиса) и в 2020 году (-7,20 п. п. вследствие пандемии COVID-19). В 2016 году в условиях регионального валютного кризиса прирост составил лишь 0,20 п. п., что свидетельствует о стагнации и сохранении технологической базы, характерной для Индустрии 3.0. Существенный рост произошёл в 2022 году (+12,60 п. п. к 2021 году) за счёт притока капитала, расширения ИКТ-сектора и ускоренной цифровизации, что отражает переходные процессы к Индустрии 4.0. В 2024 году темпы роста замедлились до 5,90 п. п., что указывает на необходимость перехода к более устойчивой и человекоцентричной модели Индустрии 5.0.

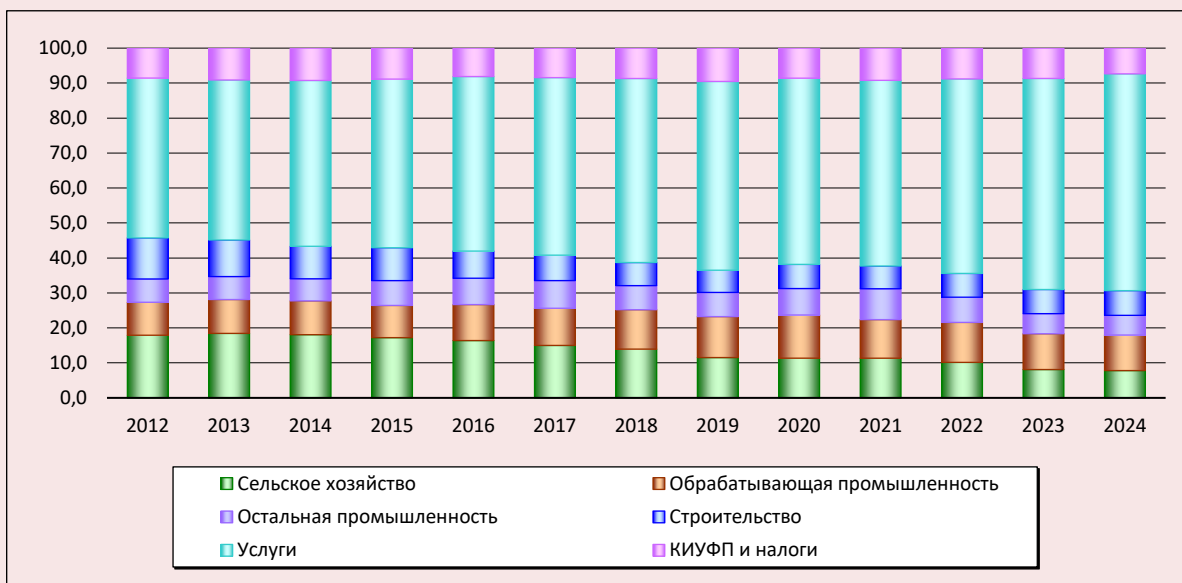
Существенные изменения в рассматриваемый период наблюдались в отраслевой структуре ВВП Армении (*рис. 2*), отражая перераспределение добавленной стоимости между клю-

Рис. 1. Прирост реального ВВП в 2008–2024 гг., % к прошлому году

Источники: Армстат, базы данных, национальные счета.

Рис. 2. Структура ВВП Армении по секторам экономики в 2012–2024 гг., % от ВВП

Источники: Армстат, базы данных, национальные счета.

чевыми секторами экономики. В 2012–2024 гг. доля сельского хозяйства сократилась с 17,91 до 7,81%, тогда как удельный вес сектора услуг увеличился с 45,70 до 61,99%, закрепив его доминирующее положение. При этом доля обрабатывающей промышленности оставалась относительно стабильной (9–12%), составив 10,16% в 2024 году, что указывает на отсутствие

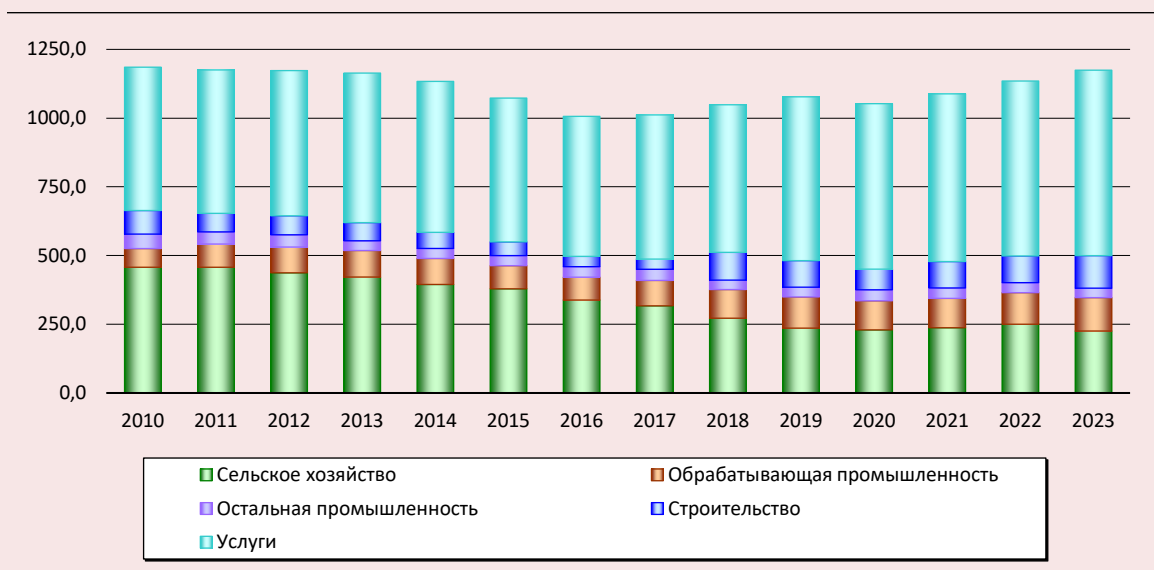
масштабных сдвигов в сторону углубления производственных процессов и технологического обновления. Остальная промышленность (горнодобывающая промышленность, энергетика, водоснабжение и переработка отходов) суммарно формировала 5,63% ВВП в 2024 году, сохраняя преимущественно инфраструктурный и ресурсно ориентированный характер.

Рост роли услуг на фоне сокращения аграрного сектора в целом соответствует переходу к постиндустриальной отраслевой структуре, однако количественные изменения не в полной мере сопровождаются сопоставимыми качественными преобразованиями. Значительная часть услуг развивается на основе ограниченного внедрения современных технологических и цифровых решений, что сдерживает рост производительности труда и не позволяет трактовать наблюдаемые сдвиги как завершённый переход к модели, соответствующей принципам Индустрии 4.0. В результате трансформация носит преимущественно адаптационный характер и отражает перераспределение экономической активности без существенного повышения технологической глубины производства и услуг.

Изменения в структуре занятости в 2010–2023 гг. (рис. 3) усилили тенденцию перераспределения трудовых ресурсов между секторами экономики, отражая процессы структурной адаптации реального сектора. Численность занятых в сельском хозяйстве сократилась с 457,4 тыс. до 225,4 тыс. человек (-50,7%) и перераспределилась в другие сектора. Одновременно занятость в сфере услуг увеличилась с 521,4 тыс. до 674,6 тыс. человек (+29,4%), что

соответствует росту значимости сферы обслуживания в структуре экономики. Наиболее высокий относительный прирост занятости наблюдался в обрабатывающей промышленности – с 68,0 тыс. до 121,5 тыс. человек (+78,7%), вместе с тем его следует интерпретировать преимущественно как результат восстановления и расширения производства и перераспределения рабочей силы. Такая динамика может частично отражать технологическое обновление, однако имеющихся оснований недостаточно для вывода о масштабной модернизации отрасли. Рост занятости в строительстве (с 85,8 тыс. до 118,4 тыс. человек (+38,0%)) носил преимущественно циклический характер и был обусловлен как реализацией инфраструктурных проектов, так и расширением спроса на рынке недвижимости. Существенную роль сыграли повышение зарплатных плат, изменение условий государственной целевой программы «Доступное жильё для молодых семей», а также внедрение механизма возврата подоходного налога в размере процентных платежей, полученных по ипотечному кредиту при покупке недвижимости на первичном рынке. Совокупное действие этих факторов стимулировало спрос на ипотеку и рост цен на жильё, что, в свою

Рис. 3. Занятость населения по секторам экономики в 2010–2023 гг., постоянное население в возрасте 15–74 лет, 1000 чел., среднее за год

Источники: Армстат, базы данных, обследование рабочей силы.

очередь, поддержало увеличение предложения на рынке недвижимости и расширение активности в сфере строительства.

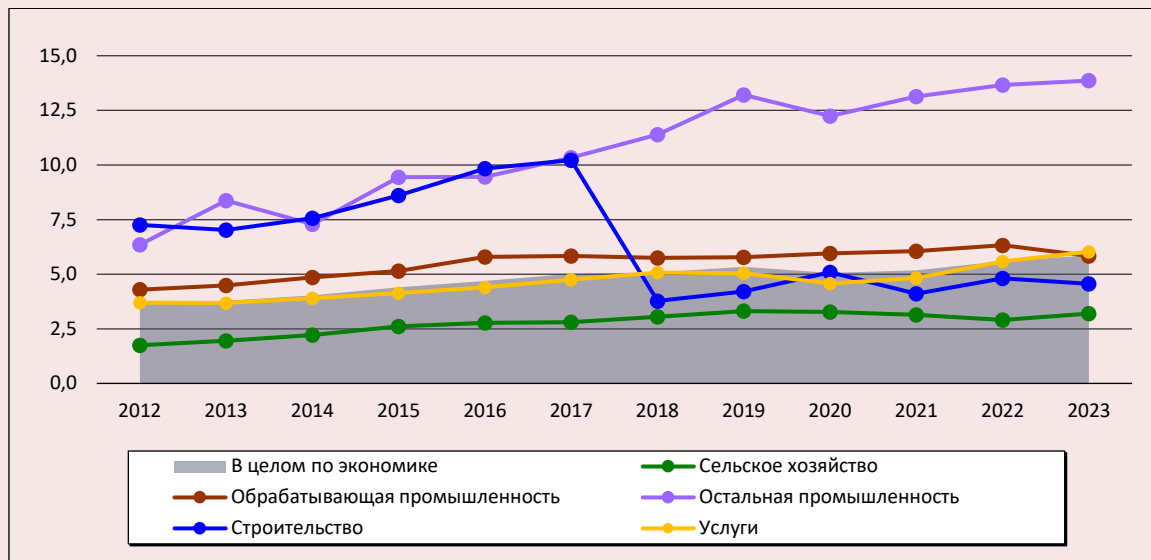
В совокупности выявленные сдвиги указывают на отход от аграрно ориентированной модели и формирование более диверсифицированной структуры занятости при ведущей роли сферы услуг. Вместе с тем качественные характеристики рабочих мест и уровень технологической оснащённости позволяют говорить скорее о переходной фазе структурной адаптации, чем о приближении к завершённой модели Индустрии 4.0: перераспределение занятости не сопровождается сопоставимым ростом технологической глубины и производственной сложности, что ограничивает потенциал устойчивого повышения производительности труда в долгосрочной перспективе.

Положительная динамика производительности труда в 2012–2023 гг. (рис. 4) отражает повышение эффективности использования трудовых ресурсов, однако требует дифференцированной интерпретации по секторам. В целом по экономике выпуск на одного занятого увеличился с 3,64 до 5,86 млн драмов в постоянных ценах 2012 года (+61,0%). Наиболее высокий прирост зафиксирован в промышленности

в целом – с 6,35 до 13,86 млн драмов на одного занятого (+118,2%), однако в обрабатывающей промышленности рост составил лишь 36%, что указывает на сохранение ограниченной технологической глубины перерабатывающих отраслей и значимость экстенсивных факторов (изменение структуры выпуска, загрузка существующих мощностей). В сельском хозяйстве увеличение производительности на 82,9% во многом обусловлено сокращением занятости, перераспределением ресурсов и технологическим прогрессом.

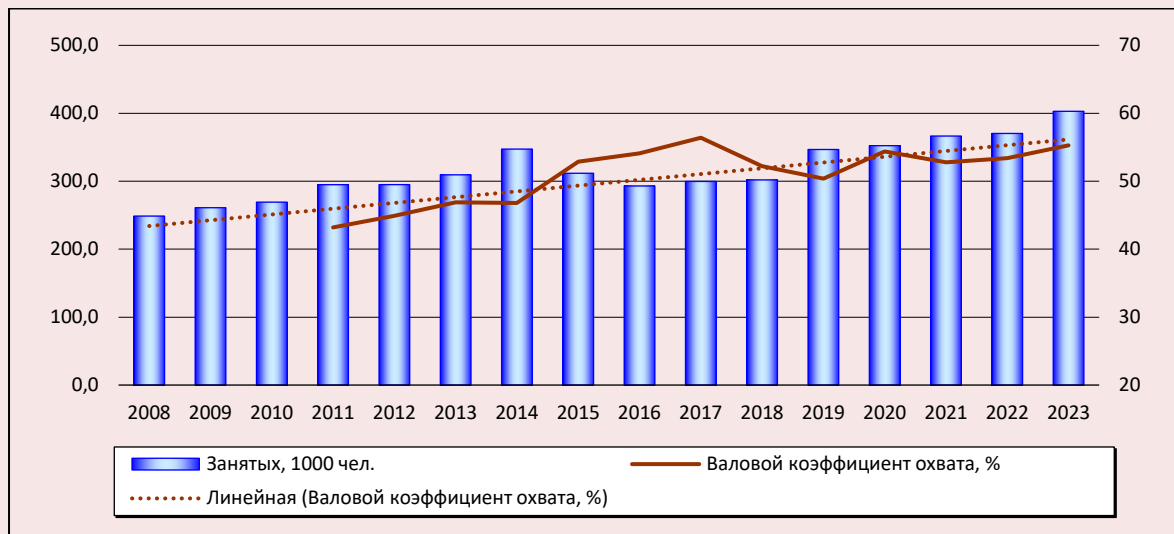
В сфере услуг выпуск на одного занятого вырос на 63,4%, что отражает повышение эффективности отдельных видов деятельности, включая использование цифровых инструментов и организационные изменения, однако неоднородность сектора и различия в технологическом оснащении его составляющих ограничивают трактовку такого роста как системного эффекта цифровизации. В строительстве динамика производительности носила нестабильный характер, что объясняется высокой цикличностью инвестиционной активности, зависимостью отрасли от макроэкономической конъюнктуры, развитием технологий строительства и улучшением качества строительных материалов.

Рис. 4. Объем выпуска на одного занятого по секторам экономики в 2012–2023 гг., в постоянных ценах 2012 года, млн армянских драмов

Источники: Армстат, базы данных, национальные счета и обследование рабочей силы.

Рис. 5. Численность занятого населения с высшим образованием и валовый коэффициент охвата студентов первым уровнем высшего образования в 2008–2023 гг.

Источники: Армстат, базы данных, обследование рабочей силы, образование.

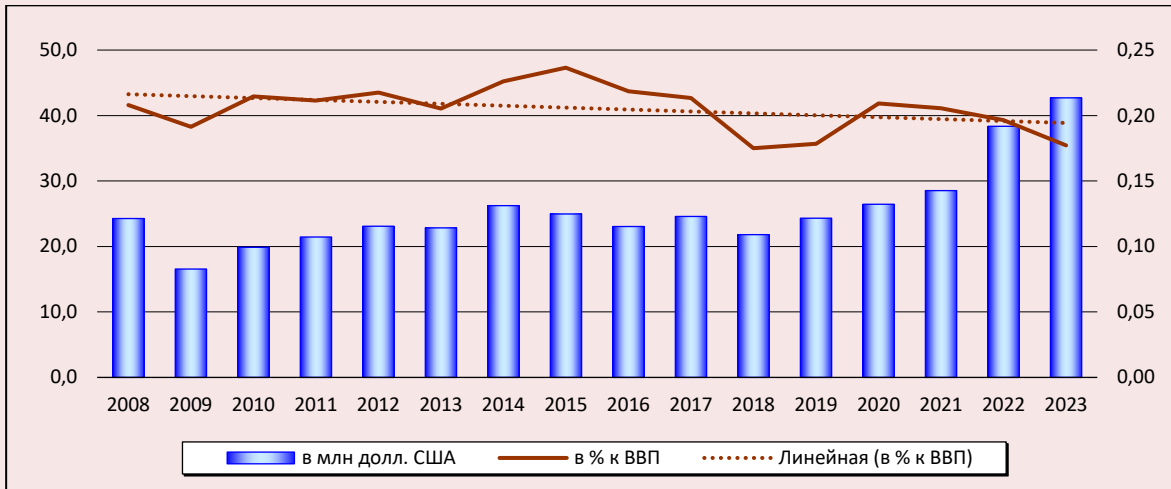
В 2008–2023 гг. численность занятых с высшим образованием в экономике Армении увеличилась на 62,0% — с 248,7 тыс. до 402,9 тыс. человек (рис. 5), при этом валовой коэффициент охвата высшим образованием оставался относительно стабильным (43,2–56,4%). Динамика указывает на рост доли работников с формально подтвержденным уровнем высшего образования, однако сам по себе этот показатель не является надёжным индикатором технологического развития экономики. Международные сопоставления демонстрируют, что высокие значения доли лиц с высшим образованием могут наблюдаться в странах с различным уровнем экономического развития и технологической сложности, что ограничивает аналитическую применимость показателя без учёта качества образования и структуры занятости.

В этом контексте увеличение численности занятых с высшим образованием следует трактовать как формирование потенциального кадрового ресурса для цифровой и технологической адаптации, ассоциируемой с элементами Индустрии 4.0, но не как прямое подтверждение соответствующего перехода. Реализация данного потенциала определяется институциональной средой, технологической оснащён-

ностью рабочих мест и способностью реального сектора трансформировать человеческий капитал в рост производительности труда и инновационную активность. При отсутствии устойчивых механизмов взаимодействия между системой образования, рынком труда и бизнесом возможны недоиспользование квалификаций и ограниченный эффект для структурной модернизации.

Инвестиции в науку и инновационную деятельность в экономике Республики Армении остаются ограниченными и не в полной мере соответствуют задачам технологической модернизации реального сектора. В 2008–2023 гг. государственные расходы на образование колебались в пределах от 1,94 до 3,42% ВВП, отражая поддержку накопления человеческого капитала, тогда как доля внутренних расходов на НИОКР составляла лишь 0,18–0,24% ВВП (рис. 6), заметно уступая значениям как развитых, так и ряда сопоставимых развивающихся экономик. Ускорение роста финансирования НИОКР в 2022–2023 гг. может рассматриваться как формирование начальных предпосылок для расширения исследовательской базы и укрепления связей между наукой и производством, однако без устойчивого наращивания ресурсов и институционализации механизмов

Рис. 6. Объемы внутреннего финансирования научно-исследовательских разработок в 2008–2023 гг.

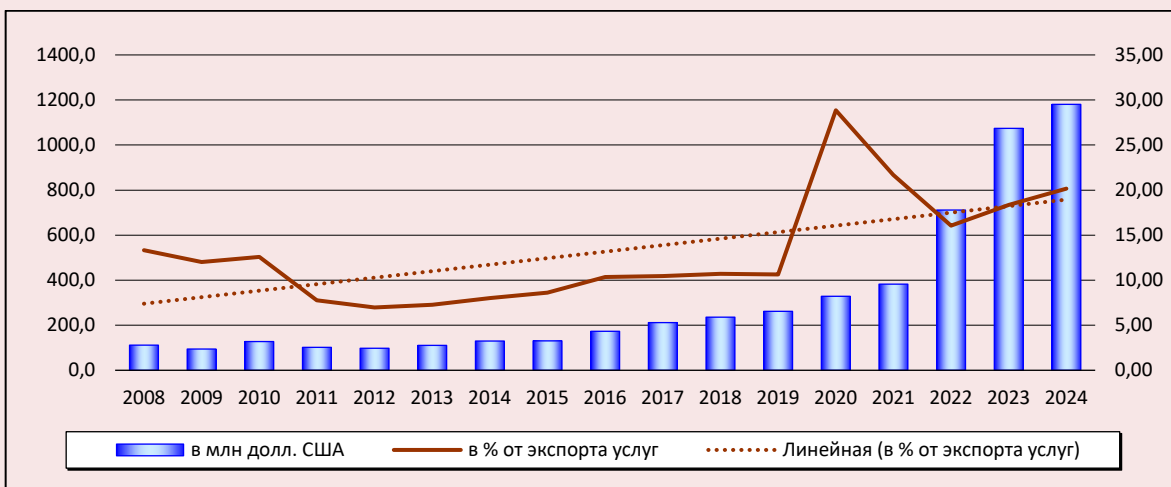
Источники: Армстат, базы данных, образование и наука.

трансфера технологий указанные изменения сохраняют фрагментарный характер и ограничивают возможности системного перехода к инновационно ориентированной модели развития.

Развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ-сектора) в экономике Армении отражает расширение цифровых видов экономической активности и усиление внешней конкурентоспособности

отдельных сегментов сферы услуг. С 2008 по 2024 год экспорт ИКТ-услуг увеличился более чем в десять раз – с 111,61 до 1 180,57 млн долл. США (рис. 7). Доля ИКТ-услуг в общем экспорте услуг достигала 16,07% в 2022 году и 20,16% в 2024 году, что свидетельствует о возрастающей роли сектора во внешнеэкономической специализации страны. Вместе с тем рост доли ИКТ в экспорте услуг не является прямой мерой технологического развития экономики в

Рис. 7. Объемы экспорта ИКТ-услуг в 2008–2023 гг.

Источники: Центральный банк Республики Армении, базы данных, платежный баланс.

целом: технологическая зрелость определяется масштабом внедрения цифровых решений в широкий круг отраслей реального сектора и их вкладом в устойчивый рост производительности труда. Одновременно устойчивое наращивание экспорта ИКТ-услуг косвенно указывает на накопление технологических и кадровых компетенций, которые при наличии каналов диффузии способны поддерживать структурную модернизацию за пределами самого ИКТ-сектора.

Особенно показательной является динамика 2020 года, когда доля ИКТ-услуг в общем экспорте услуг увеличилась в 2,7 раза по сравнению с 2019 годом. На фоне ограничений, вызванных пандемией COVID-19, резкое сокращение предложения услуг, требующих непосредственного взаимодействия, повысило относительную значимость дистанционно предоставляемых сервисов, вследствие чего ИКТ-сектор выступил фактором краткосрочной устойчивости и адаптивности экономики, частично компенсируя спад в традиционных сегментах сферы услуг.

Таким образом, динамика структуры выпуска, занятости, производительности труда и цифровой активности указывает на переходный и неоднородный характер структурной трансформации реального сектора экономики Республики Армения: наряду с формированием отдельных элементов Индустрии 4.0 и появлением в отдельных сегментах признаков, соотносимых с Индустрией 5.0, сохраняются отстающие отрасли с характеристиками поздней Индустрии 3.0. Это приводит к тому, что количественные сдвиги лишь частично сопровождаются сопоставимым качественным углублением технологической базы и не обеспечивают завершённого перехода экономики от Индустрии 3.0 к Индустрии 4.0 на системном уровне. Для проверки устойчивости выявленных взаимосвязей и оценки вклада ключевых факторов в динамику выпуска далее применяется эконометрическое моделирование.

ARDL-моделирование реального сектора

Поскольку переход между промышленными парадигмами на макроэкономическом уровне проявляется не напрямую, а через совокупность индикаторов, анализ структурной трансформации реального сектора экономики Республи-

ки Армении требует количественной оценки факторов, отражающих адаптацию экономики к новым технологическим и организационным условиям. Для формализации взаимосвязи между выявленными структурными сдвигами и динамикой выпуска в исследовании проведён регрессионный анализ с использованием модели авторегрессионного распределённого лага (Autoregressive Distributed Lag, ARDL). Данный тип моделей представляет собой линейные модели временных рядов, в которых зависимые и независимые переменные учитываются не только в текущем периоде, но и в пределах их лаговых значений.

Впервые методология ARDL была предложена Pesaran и Shin (Pesaran, Shin, 1998), а впоследствии доработана совместно с Smith (Pesaran et al., 2001). Общая спецификация ARDL имеет вид:

$$y_t = \beta_0 + \sum_{i=1}^k \beta_i \Delta y_{t-i} + \sum_{i=0}^k \delta_i \Delta x_{t-i} + \varphi_1 y_{t-1} + \varphi_2 x_{t-1} + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где y_t – зависимая переменная;
 x_t – независимая переменная;
 β_0 – свободный член;
 β_i и δ_i – краткосрочные коэффициенты;
 φ_1 и φ_2 – долгосрочные коэффициенты;
 k – максимальный уровень лага в модели;
 ε_t – ошибки (белый шум).

Согласно международным исследованиям, ARDL-модели успешно применяются как для развитых, так и для развивающихся стран, поскольку позволяют учитывать как стационарные, так и нестационарные переменные без строгого требования к их порядку интеграции, а также выявлять краткосрочные и долгосрочные эффекты. Так, Jangid, Val и Debata установили положительную долгосрочную взаимосвязь между цифровизацией и экономическим ростом в странах G-20 и отрицательный краткосрочный эффект (Jangid et al., 2024). При этом развитие цифровых технологий оказалось особенно значимым в банковском и финансовом секторе, где оно повышает производительность и снижает информационную асимметрию, увеличивая доступность финансовых услуг для широких слоёв населения.

В исследовании Ngerah, Saba и Kajewole, напротив, была выявлена статистически значимая отрицательная долгосрочная зависимость между внедрением технологий Индустрии 4.0 и добавленной стоимостью обрабатывающей промышленности ЮАР (Ngerah et al., 2024). Данный эффект авторы объясняют ограниченными ИКТ-возможностями, недостаточной защитой данных, слабым уровнем инвестиций в средне- и высокотехнологичные отрасли, а также институциональными проблемами в системе регулирования.

Эконометрический анализ для Армении был проведён в программе EViews 12. В качестве базы данных использовались квартальные показатели Статистического комитета Республики Армения с первого квартала 2014 года по первый квартал 2025 года (45 наблюдений). Выбор временного интервала обусловлен необходимостью охвата ключевых экзогенных шоков: пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.), Второй Арцахской войны (2020 г.), специальной военной операции (2022–2025 гг.) и переселения жителей из Арцаха (2023 г.).

Учитывая цели исследования, специфику доступной статистической информации и результаты предварительного анализа научной литературы, для эконометрического моделирования были использованы кумулятивные показатели по отношению к соответствующим периодам предыдущего года (*табл. 1*). Такой подход позволяет обеспечить сопоставимость временных рядов и снизить влияние сезонных колебаний при анализе структурных изменений в реальном секторе экономики.

Согласно классификатору видов экономической деятельности Республики Армения № HD-011-2013 от 19 сентября 2013 года¹,

реальный сектор включает 20 разделов, поэтому для агрегированной оценки динамики структурной трансформации в исследовании используется совокупный показатель ВВП как обобщённый индикатор экономической активности и основной идентификатор макроэкономических эффектов. Альтернативные агрегированные показатели, позволяющие в сопоставимой форме оценить совокупное влияние структурных и цифровых факторов на экономику в целом, в рамках доступной статистики отсутствуют либо приводят к смещению оценок. Использование кумулятивных значений обусловлено особенностями публикации данных по ИКТ- и ИТ-сферам, которые в сопоставимых ценах представлены преимущественно в виде индексов к соответствующим периодам предыдущего года, что потребовало приведения остальных индикаторов к единому формату динамики.

При интерпретации показателя ИКТ учитывается его внутренняя структура: до 2019 года преобладала телекоммуникационная деятельность, что ограничивает трактовку ИКТ как прямого индикатора цифровизации, однако с 2020 года вклад ИТ-сегмента существенно возрос и в настоящее время почти втрое превышает долю телекоммуникаций. Вместе с тем телекоммуникации сохраняют самостоятельную значимость как инфраструктурная основа цифровых сервисов и важный элемент модернизации системы связи в постсоветский период. Поскольку ИКТ-сектор по классификации NACE Rev.2 входит в состав ВВП, статистически значимая положительная связь между их динамикой носит во многом проциклический характер и отражает сонаправленное движение ключевых компонентов экономической активности. В условиях ограниченности сопостави-

Таблица 1. Показатели для моделирования и их обозначения

Обозначение	Переменная
<i>GDP</i>	Реальный ВВП (индекс)
<i>ICT</i>	Реальный прирост деятельности в ИКТ-секторе (индекс)
<i>EMP</i>	Прирост занятости (индекс)
<i>PROD</i>	Реальный прирост объема выпуска на одного занятого (индекс)
<i>DUMMY</i>	Фиктивная переменная, принимающая значение 0 и 1

Источник: составлено авторами.

¹ Классификатор видов экономической деятельности // Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://armstat.am/file/doc/99560228.docx>

мых альтернатив выбранный подход позволяет оценить вклад цифровых видов деятельности в структурную трансформацию реального сектора без искажения общей макроэкономической динамики.

Фиктивная переменная (*DUMMY*) была введена в модель для учёта периодов, характеризующихся резкими отклонениями макроэкономической динамики от тренда, обусловленными воздействием экзогенных факторов различной природы. Переменная принимала значение 1 в кварталах 2020Q2–2020Q3 и 2022Q2–2023Q2 и значение 0 во всех остальных случаях. Выбор периода 2020Q2–2020Q3 обусловлен воздействием пандемии COVID-19 и ограничительных мер, приведших к резкому снижению экономической активности, разрыву производственных цепочек и сокращению предложения в ряде отраслей, что соответствует фазе наиболее жёсткого пандемийного шока для реального сектора. Включение периода 2022Q2–2023Q2 связано с совокупным влиянием геополитических и миграционных факторов (последствия релокации населения из РФ, вынужденное переселение населения из Арцаха, перераспределение внешнеэкономических потоков). Несмотря на высокие темпы роста ВВП в этот интервал, динамика характеризовалась асимметрией и структурной неоднородностью, сопровождаясь скачками отдельных показателей, перераспределением спроса

и предложения, а также изменениями структуры занятости и выпуска, что могло исказить оценки устойчивых взаимосвязей без введения корректирующего индикатора.

Стационарность временных рядов была проверена при помощи расширенного теста Дики – Фуллера. Согласно полученным значениям (*табл. 2*), переменные *GDP* и *ICT* являются стационарными на 10% уровне значимости, в то время как переменные *EMP* и *PROD* становятся стационарными после первой разности. В соответствии с допущениями ARDL-модели допускается использование переменных разного порядка интеграции, поэтому в анализ были включены все показатели в форме первой разности.

Выбор оптимальной спецификации осуществлялся на основе критерия Акаике. Минимальному значению критерия соответствовала модель со структурой (1, 0, 0, 0, 0), представленная в *таблице 3*.

Полученное линейное уравнение имеет вид:

$$\Delta GDP_t = 0,219 \cdot \Delta GDP_{t-1} + 0,091 \cdot \Delta ICT_t + 0,174 \cdot \Delta EMP_t + 0,520 \cdot \Delta PROD_t - 1,534 \cdot DUMMY_t \quad (2)$$

Значение R-квадрат модели составило 0,59, а скорректированный R-квадрат – 0,55, что свидетельствует о приемлемом качестве спецификации и объяснительной способности модели.

Таблица 2. Значения расширенного теста Дики – Фуллера

Переменная	р-значение I(0)	р-значение I(1)
<i>GDP</i>	0,0513	0,0009
<i>ICT</i>	0,0534	0,0006
<i>EMP</i>	0,1024	0,0000
<i>PROD</i>	0,2008	0,0000

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. ARDL-модель реального сектора Армении

Переменная	Коэфф.	Ст. ошиб.	t-статистика	р-значение	
<i>DGDP(-1)</i>	0,218606	0,109895	1,989225	0,0539	*
<i>DICT</i>	0,091139	0,032526	2,801995	0,0079	***
<i>DEMP</i>	0,174139	0,045685	3,811690	0,0005	***
<i>DPROD</i>	0,520105	0,098592	5,275327	0,0000	***
<i>DUMMY</i>	-1,533546	0,737753	-2,078672	0,0445	**

Примечание: *** р-значение < 0,01; ** р-значение < 0,05; * р-значение < 0,10.
Источник: составлено авторами.

Поскольку ARDL/ECM-спецификация оценивается методом наименьших квадратов, корректность статистических выводов (t- и F-критериев) зависит от свойств остатков, прежде всего от отсутствия автокорреляции и выраженной условной гетероскедастичности. В связи с этим LM-тест Бреуша – Годфри не выявил серийной корреляции остатков до второго лага (p-value по F-статистике = 0,5435). Проверка на ARCH-эффекты также не показала статистически значимой условной гетероскедастичности (p-value по F-статистике = 0,660), что подтверждает устойчивость оценок стандартных ошибок. Для полноты диагностической проверки дополнительно были рассчитаны альтернативные тесты на гетероскедастичность (Бреуша – Пагана – Годфри, Харви, Глейзера и Уайта); их p-value по F-статистикам составили 0,5842; 0,1159; 0,3647; 0,1610 соответственно, что не свидетельствует о наличии устойчивых нарушений, способных существенно исказить статистические выводы. Оценка мультиколлинеарности с использованием коэффициентов инфляции дисперсии (VIF) показала значения в диапазоне от 1,1257 до 1,3187, что указывает на отсутствие значимой мультиколлинеарности и стабильность параметрических оценок. Нормальность распределения остатков подтверждена тестом Харке – Бера (p-value = 0,4221). Тесты CUSUM и CUSUMQ показывают нахождение соответствующих статистик внутри 5%-ных доверительных границ на всём интервале наблюдений; графики не демонстрируют структурных разрывов или систематических отклонений, что свидетельствует о параметрической стабильности модели (приложение).

Для дополнительной проверки корректности функциональной формы и возможного пропуска значимых объясняющих переменных был

проведён RESET-тест Рамсея с включением квадратов прогнозных (fitted) значений в спецификацию модели. Полученные результаты не позволяют отвергнуть нулевую гипотезу о корректной спецификации: p-value по t-статистике составил 0,3763, p-value по F-статистике – 0,3763, а p-value теста отношения правдоподобия (Likelihood Ratio) – 0,3369). Следовательно, существенных признаков функциональной неверной спецификации, пропущенных нелинейностей или систематического влияния неучтённых факторов в рамках выбранной модели не выявлено, что повышает доверие к полученным оценкам коэффициентов и их интерпретации.

Проверка на наличие долгосрочной связи между переменными с использованием ARDL bounds-теста дала значение F-статистики 16,6589, что превышает критические значения для I(0) и I(1) даже при 10%-ном уровне значимости (1,90 и 3,01 соответственно). Это позволяет сделать вывод о наличии коинтеграционной зависимости и методологически обосновывает переход к оценке модели коррекции ошибок для интерпретации краткосрочных и долгосрочных эффектов.

Интерпретация результатов ARDL-модели

В краткосрочной перспективе выявлено статистически значимое положительное влияние цифровизации, занятости и производительности труда на реальный сектор экономики Армении. Согласно данным таблицы 4, увеличение активности в ИКТ-секторе (ΔICT) на 1% приводит к росту реального ВВП примерно на 0,09%, что подтверждает высокую чувствительность экономики к процессам цифровизации. Аналогично: прирост занятости (ΔEMP) на 1% обеспечивает расширение выпуска на 0,17%, а рост производительности труда ($\Delta PROD$) на 1% влечет за собой ускорение ВВП на 0,52%.

Таблица 4. Краткосрочные эффекты в ARDL-модели

Переменная	Коэфф.	Ст. ошиб.	t-статистика	p-значение	
<i>DGDP(-1)</i>	-0,781394	0,109895	-7,110371	0,0000	***
<i>DICT</i>	0,091139	0,032526	2,801995	0,0079	***
<i>DEMP</i>	0,174139	0,045685	3,811690	0,0005	***
<i>DPROD</i>	0,520105	0,098592	5,275327	0,0000	***
<i>DUMMY</i>	-1,533546	0,737753	-2,078672	0,0445	**

Примечание: *** p-значение < 0,01; ** p-значение < 0,05; * p-значение < 0,10.
Источник: составлено авторами.

Полученные результаты позволяют заключить, что именно повышение эффективности труда выступает главным драйвером краткосрочного расширения реального сектора в условиях активной цифровой трансформации. В то же время зафиксировано отрицательное краткосрочное воздействие кризисов, отражённое фиктивной переменной (*DUMMY*). В периоды пандемии COVID-19, активных миграционных потоков и геополитической нестабильности ВВП сокращался в среднем на 1,53%. Это указывает на высокую уязвимость экономики Армении к экзогенным шокам, что существенно ограничивает возможности для ускоренного и устойчивого перехода к новому индустриальному этапу развития.

В долгосрочном периоде влияние ключевых факторов на динамику реального сектора экономики Республики Армении усиливается, что отражает накопительный характер структурных и институциональных изменений. Долгосрочные эффекты получены на основе оцененной ARDL-модели посредством нормализации коэффициентов при уровнях объясняющих переменных в уравнении коррекции ошибок (ЕСМ), автоматически рассчитанных в среде EViews, что позволяет интерпретировать параметры как устойчивые долгосрочные зависимости при наличии коинтеграции.

Согласно результатам, представленным в таблице 5, рост ИКТ-сектора (ΔICT) на 1% сопровождается увеличением ВВП примерно на 0,12%, расширение занятости (ΔEMP) на 1% приводит к приросту ВВП на 0,22%, а повышение производительности труда ($\Delta PROD$) на 1% обеспечивает прирост выпуска на 0,67%. При этом наибольший вклад в долгосрочную динамику обеспечивает именно производительность, что подчёркивает ключевую роль эффективности использования ресурсов. Вместе с тем

указанные оценки не следует трактовать как однозначное свидетельство глубокой технологической трансформации, поскольку рост производительности может формироваться сочетанием структурных сдвигов, восстановительных процессов и точечного внедрения организационных и цифровых решений.

Одновременно отрицательное влияние экзогенных шоков, отражённое фиктивной переменной, сохраняется в долгосрочной перспективе: снижение ВВП в среднем на 1,94% указывает на наличие устойчивых структурных потерь. Они проявляются в ослаблении инвестиционной активности и модернизационных процессов, ограниченности расширения НИОКР и цифровой инфраструктуры, а также в рисках потери квалифицированной рабочей силы, что в совокупности сдерживает реализацию индустриальных преобразований и замедляет формирование более технологически сложной траектории развития.

С учетом представленных долгосрочных эффектов построенное уравнение коррекции ошибки принимает вид:

$$EC = \Delta GDP - (0,117 \cdot \Delta ICT + 0,223 \cdot \Delta EMP + 0,666 \cdot \Delta PROD - 1,963 \cdot DUMMY). \quad (3)$$

Коэффициент при уравнении равен -0,781 при уровне значимости $p = 0,0000$, что подтверждает наличие устойчивой долгосрочной взаимосвязи между динамикой ВВП и исследуемыми факторами.

Дискуссия

Трансформация реального сектора экономики Армении в 2008–2024 гг. характеризуется как фаза структурной адаптации в контексте смены промышленных парадигм, а не как «постепенное завершение» Индустрии 4.0. Сокращение доли сельского хозяйства, рост сектора услуг, изменения структуры занятости и расши-

Таблица 5. Долгосрочные эффекты в ARDL-модели

Переменная	Козэфф.	Ст. ошиб.	t-статистика	p-значение	
<i>DGDP</i> (-1)	-0,781394	0,109895	-7,110371	0,0000	***
<i>DICT</i>	0,091139	0,032526	2,801995	0,0079	***
<i>DEMP</i>	0,174139	0,045685	3,811690	0,0005	***
<i>DPROD</i>	0,520105	0,098592	5,275327	0,0000	***
<i>DUMMY</i>	-1,533546	0,737753	-2,078672	0,0445	**

Примечание: *** p-значение < 0,01; ** p-значение < 0,05; * p-значение < 0,10.
 Источник: составлено авторами.

рение цифровых видов деятельности, включая увеличение экспорта ИКТ-услуг, согласуются с формированием Индустрии 4.0 и тенденцией к модернизации. Вместе с тем данные сдвиги не обеспечивают автоматического технологического углубления реального сектора: сохраняются ограничения, связанные с низкой долей расходов на НИОКР, ограниченными инвестициями в инновации и недостаточной развитостью механизмов трансфера технологий, что повышает риск закрепления технологической инерции и зависимости от внешней конъюнктуры.

Сопоставление с международными исследованиями показывает, что подобные ограничения типичны для развивающихся экономик и проявляются через институциональные барьеры инноваций, процикличность драйверов роста и уязвимость к экзогенным шокам. В связи с этим приоритеты промышленной и инновационной политики должны быть ориентированы на распространение цифровых решений за пределами ИКТ-сектора, повышение технологической сложности обрабатывающих производств и устойчивое наращивание производительности труда как ключевого канала структурной трансформации. Практическими направлениями выступают стимулирование НИОКР, развитие цифровой инфраструктуры и человеческого капитала, а также поддержка высокотехнологичных производств и формирование механизмов устойчивости к кризисам, что создает предпосылки для перехода к более человекоцентричным и устойчивым траекториям развития, ассоциируемым с принципами Индустрии 5.0.

Заключение

В рамках исследования выявлено, что в формировании реального сектора экономики Республики Армения прослеживается траектория от догоняющего развития начала 2000-х

годов, ориентированного на преодоление технологического разрыва и включение в внешнеэкономические связи, к этапу ускоренной структурной адаптации 2020-х годов, сопровождаемому расширением цифровых видов деятельности и формированием инфраструктуры Индустрии 4.0. Эти процессы способствовали росту производительности труда и возможности диверсификации, в том числе за счёт ИТ-сектора и сервисов с более высокой добавленной стоимостью, однако не устранили институциональные и инвестиционные ограничения технологического углубления реального сектора.

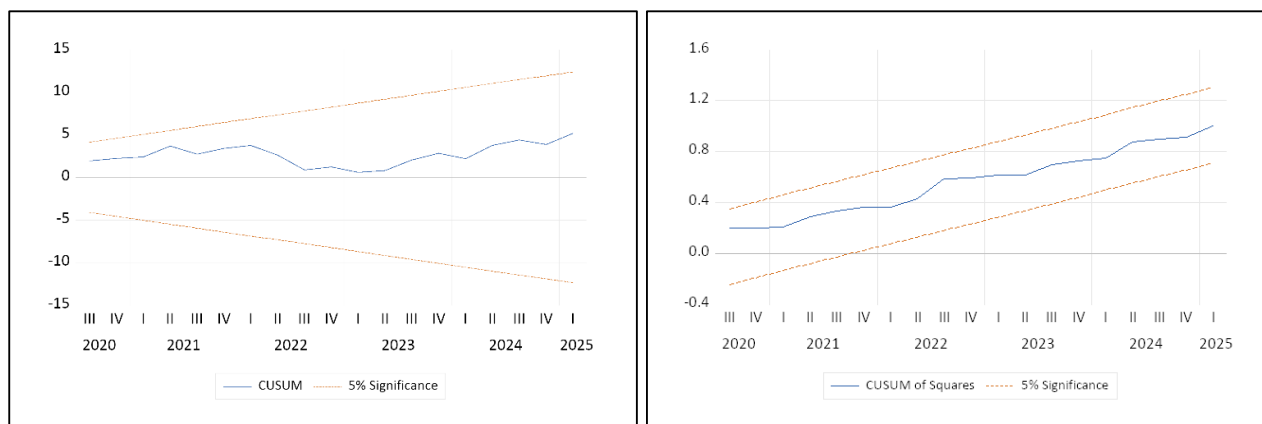
Проведённый анализ показывает, что наблюдаемые структурные изменения, к которым относятся перераспределение добавленной стоимости в пользу услуг, сдвиги в структуре занятости и рост производительности, отражают переходную фазу трансформации в контексте смены промышленных парадигм. Эконометрические результаты подтверждают статистически значимое положительное влияние цифровой активности, занятости и производительности на динамику выпуска при доминирующем вкладе эффективности труда, тогда как экзогенные шоки формируют долгосрочные ограничения через снижение инвестиционной активности и ослабление модернизационных процессов. В связи с этим продвижение к более устойчивым и человекоцентричным траекториям развития, ассоциируемым с принципами Индустрии 5.0, требует комплексной промышленной и инновационной политики: расширения инвестиций в НИОКР, укрепления цифровой инфраструктуры, стимулирования технологического обновления обрабатывающих отраслей и формирования институтов, обеспечивающих трансфер и диффузию технологий, координацию науки, бизнеса и государства, а также устойчивости реального сектора к внешним потрясениям.

Литература

- Бабкин А.В., Федоров А.А., Либерман И.В., Клячек П.М. (2021). Индустрия 5.0: понятие, формирование и развитие // Экономика промышленности. № 4. DOI: 10.17073/2072-1633-2021-4-375-395
- Бабкин А.В., Шкарупета Е.В., Ташенова Л.В. (2023). Методика оценки конвергентности цифровой индустриализации и индустриальной цифровизации в условиях Индустрии 4.0 и 5.0 // π-Economy. № 5. DOI: 10.18721/JE.16507
- Бабкин А.В., Либерман И.В., Клячек П.М., Шкарупета Е.В. (2025). Индустрия 6.0: методология, инструментарий, практика // π-Economy. № 1. DOI: 10.17073/2072-1633-2024-4-1369

- Городничая Е.В. (2024). Развитие промышленной революции: переход от промышленной революции 4.0 к промышленной революции 5.0 // *Universum: экономика и юриспруденция*. № 11(121). DOI: 10.32743/UniLaw.2024.121.11.18519
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. (2020). Эволюция динамики темпов технологического роста в историческом процессе и сингулярность // *Эволюция: Эволюционные грани сингулярности*. Волгоград: Учитель. С. 177–244. URL: https://socionauki.ru/upload/socionauki.ru/book/files/evol_10/009_Grinin_i_dr.pdf
- Дзюбенко И.Б. (2020). Экспоненциальная скорость развития технологий // *Научные междисциплинарные исследования*. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksponentsialnaya-skorost-razvitiya-tehnologiy>
- Клименко А.Д. (2024). Классификация технологических решений Индустрии 4.0 // *Экономика. Социология. Право*. № 4 (36). DOI: 10.22281/2542-1697-2024-03-04-22-26
- Николаев И.С., Воронов В.В., Шиляев С.А. (2021). Роль человека в Индустрии 4.0 и ее перспективы // *Sciences of Europe*. № 62-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-cheloveka-v-industrii-4-0-i-ee-perspektivy>
- Уринсон Я.М. (2018). Промышленная революция и экономический рост. Москва: Либеральная миссия. 40 с. URL: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/7223/Urinson.pdf>
- Brem A., Nylund P.A., Roshani S. (2023). Unpacking the complexities of crisis innovation: A comprehensive review of ecosystem-level responses to exogenous shocks. *Review of Managerial Science*, 18(8), 2441–2464. DOI: 10.1007/s11846-023-00709-x
- Castelo-Branco I. et al. (2022). Assessing the Industry 4.0 European divide through the country/industry dichotomy. *Computers & Industrial Engineering*, 176, 108925. DOI: 10.1016/j.cie.2022.108925
- Chourasia S. et al. (2022). Sustainability of Industry 6.0 in global perspective: Benefits and challenges. *MAPAN*, 37(2), 443–452. DOI: 10.1007/s12647-022-00541-w
- Habáňik J., Grenčíková A., Krajčo K. (2021). The impact of Industry 4.0 on the selected macroeconomic indicators in Slovak Republic, Germany, the USA and Japan. *Journal of International Studies*, 14(2), 26–37. DOI: 10.14254/2071-8330.2021/14-2/2
- Heilala J., Singh K. (2023). Evaluation planning for artificial intelligence-based Industry 6.0 metaverse integration. *Intelligent Human Systems Integration*, 69, 692–703. DOI: 10.54941/ahfe1002892
- Jangid H., Bal D.P., Debata B. (2024). Digitalisation and economic growth in G-20 countries: A panel ARDL analysis. *Journal of Technology Management & Innovation*, 19(4), 18–31. DOI: 10.4067/s0718-27242024000400018
- Madsen D.Ø., Slåtten K., Berg T. (2025). From Industry 4.0 to Industry 6.0: Tracing the evolution of industrial paradigms through the lens of management fashion theory. *Systems*, 13(5), 387. DOI: 10.3390/systems13050387
- Ngepah N., Saba C.S., Kajewole D.O. (2024). The impact of industry 4.0 on South Africa's manufacturing sector. *Journal of Open Innovation Technology Market and Complexity*, 10(1), 100226. DOI: 10.1016/j.joitmc.2024.100226
- Pesaran M.H., Shin Y. (1998). An autoregressive distributed-lag modelling approach to cointegration analysis. *Econometric Society Monographs*, 31, 371–413.
- Pesaran M.H., Shin Y., Smith R.J. (2001). Bounds testing approaches to the analysis of level relationships. *Journal of Applied Econometrics*, 16(3), 289–326.
- Surindra M.D. et al. (2024). Challenges of implementing Industry 4.0 in developed and developing countries: A comparative review. *Mechanical Engineering for Society and Industry*, 4(3), 455–489. DOI: 10.31603/mesi.12177
- Vaidya S., Ambad P., Bhosle S. (2018). Industry 4.0 – a glimpse. *Procedia Manufacturing*, 20, 233–238. DOI: 10.1016/j.promfg.2018.02.034
- Zayniddinov R. et al. (2024). The influence of the digital economy on economic development evidence from Uzbekistan. *8th International Conference on Future Networks & Distributed Systems*, 831–839. DOI: 10.1145/3726122.3726242

Результаты CUSUM- и CUSUMQ-тестов

Сведения об авторах

Варсик Ишхановна Тигранян – кандидат экономических наук, доцент, Российско-Армянский (Славянский) университет (Республика Армения, 0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123); старший преподаватель, Армянский государственный экономический университет (Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Налбандян, д. 128–130; e-mail: varsiktigranyan@gmail.com)

Зинавард Кареновна Папян – старший научный сотрудник, преподаватель, Российско-Армянский (Славянский) университет (Республика Армения, 0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123; e-mail: zinavard.papian@rau.am)

Левон Арманович Манукян – ассистент, Российско-Армянский (Славянский) университет (Республика Армения, 0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123; e-mail: manleo2002@mail.ru)

Tigranyan V.I., Papyan Z.K., Manukyan L.A.

Dynamics of the Structural Transformation of the Real Economy of the Republic of Armenia in the Context of Shifting Industrial Paradigms

Abstract. This article examines the structural transformation of the Republic of Armenia's real economy within the context of shifting industrial paradigms. In small open economies, structural changes and digitalization intensify under the influence of external shocks, necessitating a quantitative assessment of their contribution to output dynamics. This study aims to determine the extent to which changes in the sectoral structure, employment, and labor productivity align with the logic of transitioning from Industry 3.0 to the emerging elements of Industry 4.0 and the prerequisites for Industry 5.0. The research introduces scientific novelty by integrating comparative and systemic-structural analysis with econometric verification using an ARDL model. This approach includes adjusting for atypical shock periods with a dummy variable and accounting for changes in the internal structure of the ICT indicator. The empirical analysis draws on data from national statistics and international sources covering 2008–2025. The methodology employs statistical and comparative analysis, stationarity tests, the ARDL bounds test, an error correction model, and diagnostic and stability tests. The findings reveal that the transformation has been predominantly adaptive in nature, with limited potential for deeper technological advancement due to low R&D investment and weak technology transfer mechanisms. A limitation of this study is its

reliance on aggregated macro-indicators and proxy variables, which opens avenues for future research involving a more detailed sectoral assessment of the Armenian economy's alignment with the demands of Industry 5.0.

Key words: real sector, industrial revolution, Industry 3.0, Industry 4.0, Industry 5.0, ARDL model, labor productivity.

Information about the Authors

Varsik I. Tigranyan – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Russian-Armenian University (123, Hovsep Emin Street, Yerevan, 0051, Republic of Armenia); senior lecturer, Armenian State University of Economics (128–130, Nalbandyan Street, Yerevan, 0025, Republic of Armenia; e-mail: varsiktigranyan@gmail.com)

Zinavard K. Papian – Senior Researcher, lecturer, Russian-Armenian University (123, Hovsep Emin Street, Yerevan, 0051, Republic of Armenia; e-mail: zinavard.papian@rau.am)

Levon A. Manukyan – assistant, Russian-Armenian University (123, Hovsep Emin Street, Yerevan, 0051, Republic of Armenia; e-mail: manleo2002@mail.ru)

Статья поступила 16.09.2025.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (апрель 2026 г.), а также за период с апреля 2025 по апрель 2026 г. (последние 7 опросов, то есть год измерений).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина), 2018 (первый год IV президентского срока), 2023 (последний полный год IV президентского срока) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2007–2025 гг.²

В феврале – апреле 2026 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ остался без изменений и составил 62–64%. Удельный вес негативных суждений также остается стабильным (20–21%)³.

За последние 12 месяцев доля позитивных оценок деятельности главы государства сократилась с 64 до 61%⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных округах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах, рисунках и в тексте **зеленой заливкой** отмечаются **позитивные изменения**, **красной заливкой** – **негативные**, **синей** – **отсутствие изменений**. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в апреле 2026 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в апреле 2025 г.

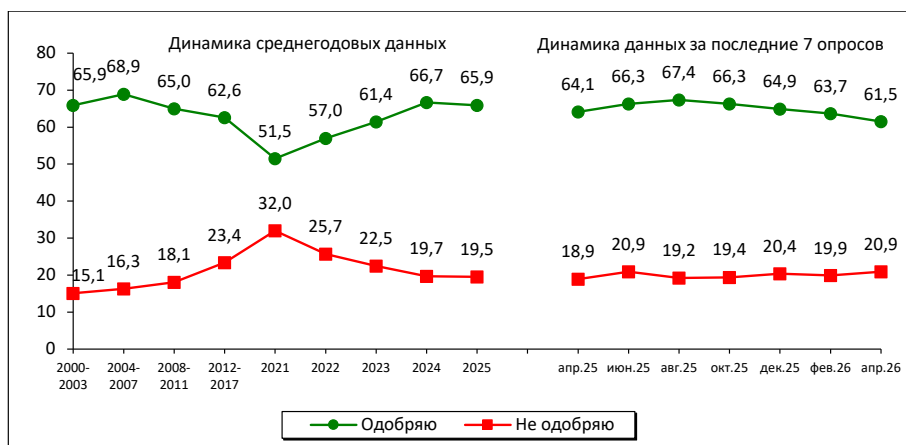
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	2000	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025		Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	Апр. 2026	апр. 2025	фев. 2026
Президент РФ																			
Одобрю	66,0	75,3	51,7	66,4	51,5	57,0	61,4	66,7	65,9	64,1	66,3	67,4	66,3	64,9	63,7	61,5	-3	-2	
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	21,7	32,0	25,7	22,5	19,7	19,5	18,9	20,9	19,2	19,4	20,4	19,9	20,9	+2	+1	
Председатель Правительства РФ																			
Одобрю	–	–	49,6	48,0	39,9	45,4	50,1	54,1	54,4	53,9	53,0	55,1	55,7	54,0	51,1	48,9	-5	-2	
Не одобряю	–	–	33,3	31,6	37,6	32,0	27,6	24,8	22,5	22,3	22,9	20,6	23,1	22,2	21,3	22,8	+1	+2	
Губернатор области*																			
Одобрю	56,1	55,8	41,9	38,4	36,7	40,9	48,1	51,7	42,5	42,9	39,9	41,0	41,8	42,8	40,2	38,2	-5	-2	
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	37,6	40,5	35,8	30,9	28,4	37,2	34,6	37,2	39,1	41,3	39,3	39,0	41,2	+7	+2	

Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом. Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?». Далее респондентам предлагался список органов власти различных уровней для оценки их работы с вариантами ответов: «полностью одобряю», «в основном одобряю», «в основном не одобряю», «полностью не одобряю», «с деятельностью не знаком», «затрудняюсь ответить».

* 31 октября 2023 г. Указом Президента РФ временно исполняющим обязанности Губернатора Вологодской области был назначен Георгий Юрьевич Филимонов. По итогам региональных выборов, состоявшихся 6–8 сентября 2024 г., Г.Ю. Филимонов набрал 62,3% голосов и стал избранным Губернатором Вологодской области.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Одобрю	-3	-2
Не одобряю	+2	+1

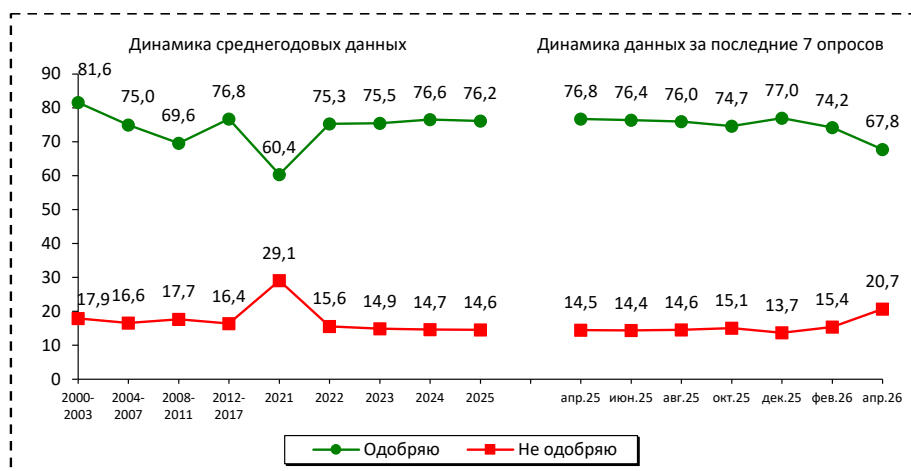
* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за февраль – апрель 2026 г. снизился с 74 до 68% (на 6 п. п.). Удельный вес негативных отзывов увеличился с 15 до 21%.

Уровень поддержки деятельности Президента РФ в период с апреля 2025 г. по апрель 2026 г. снизился с 77 до 68% (на 9 п. п.)

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

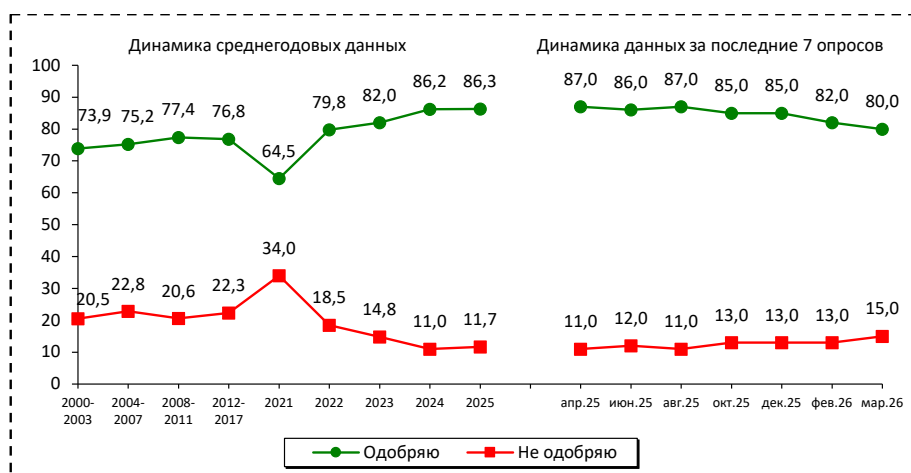
Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Одобр.ю	-9	-6
Не одобряю	+6	+5

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».
Данные за апрель – за один опрос от 05.04.2026.
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным общероссийских опросов Левада-Центра*, за последние два месяца (февраль – март 2026 г.) доля позитивных оценок деятельности Президента РФ составляет 80–82%, негативных – 13–15%.

Уровень одобрения деятельности главы государства в период с апреля 2025 г. по март 2026 г. уменьшился с 87 до 80% (на 7 п. п.). Доля отрицательных оценок выросла на 4 п. п.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-), март 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Одобр.ю	-7	-2
Не одобряю	+4	+2

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?».
Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

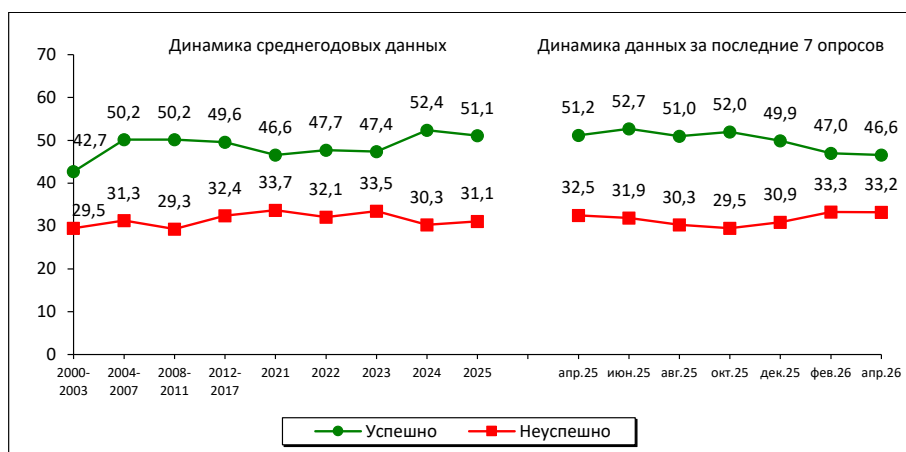
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Доля жителей области, считающих успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России, за последние два месяца осталась на прежнем уровне и составила 47%. Удельный вес людей, которые придерживаются противоположной точки зрения, также не изменился (33%).

В апреле 2026 г. по сравнению с апрелем 2025 г. доля положительных оценок деятельности главы РФ по укреплению международных позиций страны сократилась с 51 до 46% (на 5 п. п.).

Укрепление международных позиций России

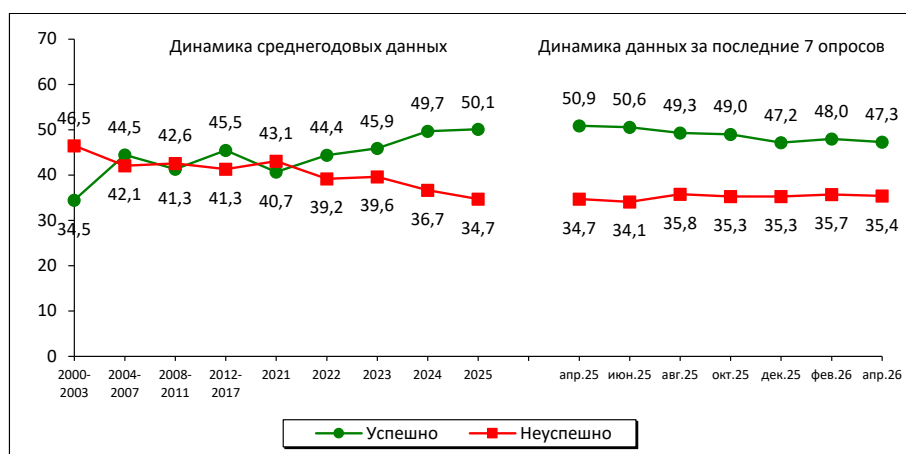

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Успешно	-5	0
Неудачно	+1	0

С февраля по апрель 2026 г. доля положительных суждений населения региона о действиях Президента РФ по наведению порядка в стране не изменилась и составила 47–48%. Доля негативных суждений осталась на прежнем уровне (35%).

За последние 12 месяцев удельный вес положительных оценок снизился с 51 до 47% (на 4 п. п.).

Наведение порядка в стране

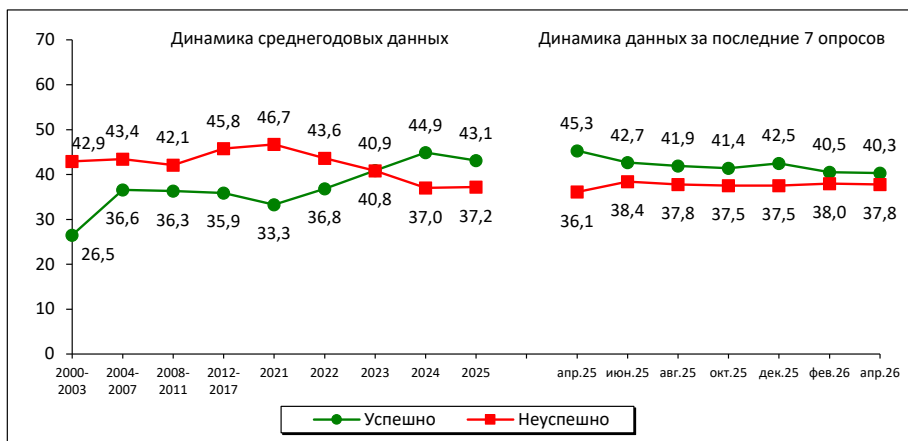

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Успешно	-4	-1
Неудачно	+1	0

В апреле по сравнению с февралем 2026 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, не изменилась, как и удельный вес негативных отзывов.

За год измерений доля одобряющих работу главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан сократилась с 45 до 40%.

Защита демократии и укрепление свобод граждан

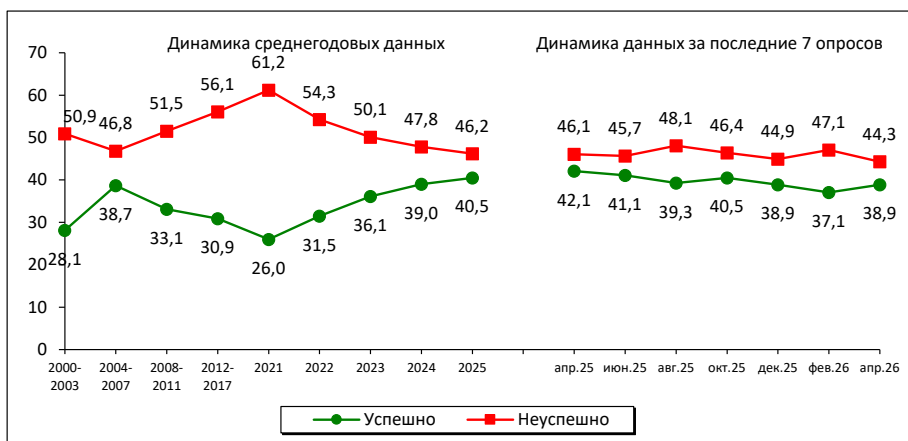

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Успешно	-5	0
Неудачно	+2	0

Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблем подъема экономики и роста благосостояния граждан за февраль – апрель 2026 г. существенно не изменилась.

С апреля 2025 по апрель 2026 г. незначительно снизился удельный вес положительных суждений относительно деятельности главы государства по решению экономических вопросов: на 3 п. п., с 42 до 39%.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Успешно	-3	+2
Неудачно	-2	-3

Сохраняется структура партийно-политических предпочтений жителей. Доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 36%, КПРФ и ЛДПР – по 8–9%, «Справедливая Россия» – 3–4%, «Новые люди» – 2%.

За последние 12 месяцев уровень поддержки «Единой России» сократился с 41 до 36%. При этом доля респондентов, считающих, что их интересы не представляет ни одна из партий, выросла на 4 п. п. – с 28 до 32%.

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных													Динамика данных за последние 7 опросов						Изменение (+/-), апр. 2026 к		
	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	Апр. 2026	апр. 2025	фев. 2026
Единая Россия	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	40,3	40,5	41,6	41,2	40,5	38,1	36,1	35,7	-5	0
КПРФ	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	9,6	8,0	9,1	11,5	10,5	9,7	9,2	8,1	0	-1
ЛДПР	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	8,2	7,1	9,4	8,7	7,8	8,6	8,9	7,9	+1	-1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	3,5	2,9	3,9	4,2	3,4	4,1	3,1	4,3	+1	+1
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	2,5	3,0	2,5	1,8	2,2	2,5	2,4	2,3	-1	0
Другая	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0	0
Никакая	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	25,2	25,8	27,7	24,9	23,3	24,3	26,1	29,1	31,5	+4	+2
Затрудняюсь ответить	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	10,3	10,0	10,8	8,5	9,2	11,3	10,7	11,0	9,8	-1	-1

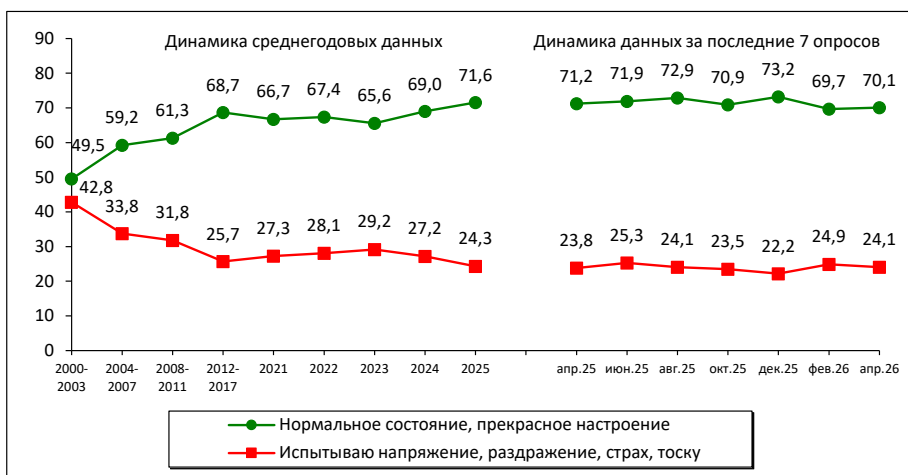
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

В феврале – апреле 2026 г. удельный вес положительных оценок социального настроения составил 70%; доля негативных характеристик – 24–25%.

В период с апреля 2025 по апрель 2026 г. доля людей с положительными и нейтральными ощущениями («нормальное состояние, прекрасное настроение») практически не изменилась, составив 71–70%. Доля тех, кто испытывает негативные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску»), осталась на уровне 24%.

Социальное настроение

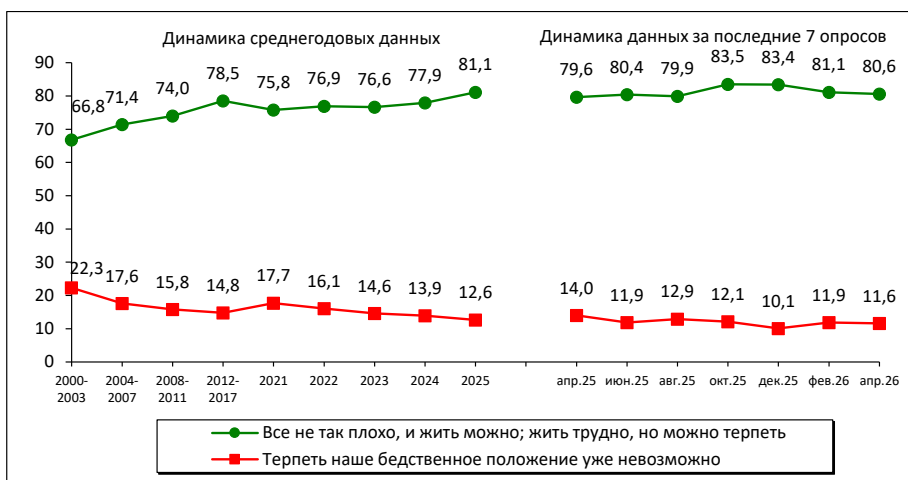

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-1	0
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	0	-1

Запас терпения сохраняется на стабильно высоком уровне: 81% жителей области в феврале – апреле 2026 г. отметили, что «все не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», составила 12%.

В апреле 2026 г. по сравнению с апрелем 2025 г. по показателю запаса терпения значимых изменений не наблюдается.

Запас терпения

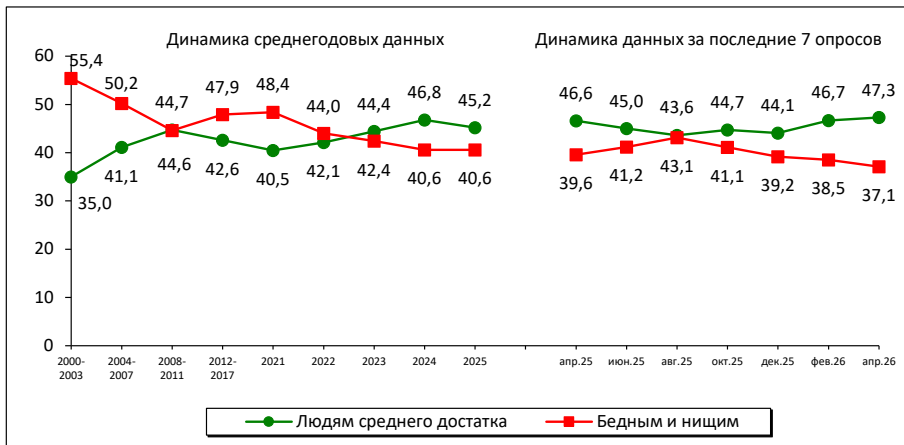

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+1	-1
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-2	0

Как и в феврале, в апреле 2026 г. доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составила 47%. Удельный вес идентифицирующих себя как «бедных и нищих» также не изменился (37–38%).

В апреле 2026 г. по сравнению с апрелем 2025 г. на 3 п. п. снизилась доля считающих себя «бедными и нищими» (с 40 до 37%).

Социальная самоидентификация

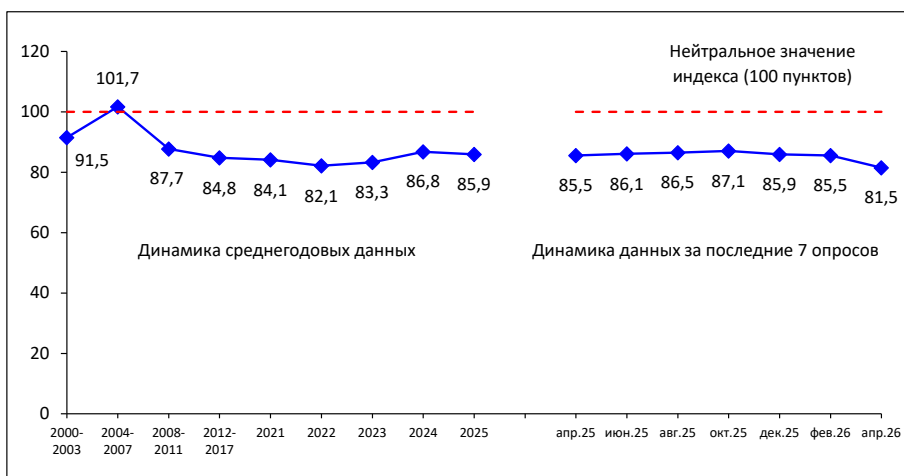
Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+1	+1
Доля считающих себя бедными и нищими	-3	-1

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

В период с февраля по апрель 2026 г. значение индекса потребительских настроений (ИПН) снизилось с 86 до 82 пунктов.

Годовая динамика также демонстрирует ухудшение: показатель ИПН уменьшился с 86 до 82 пунктов.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

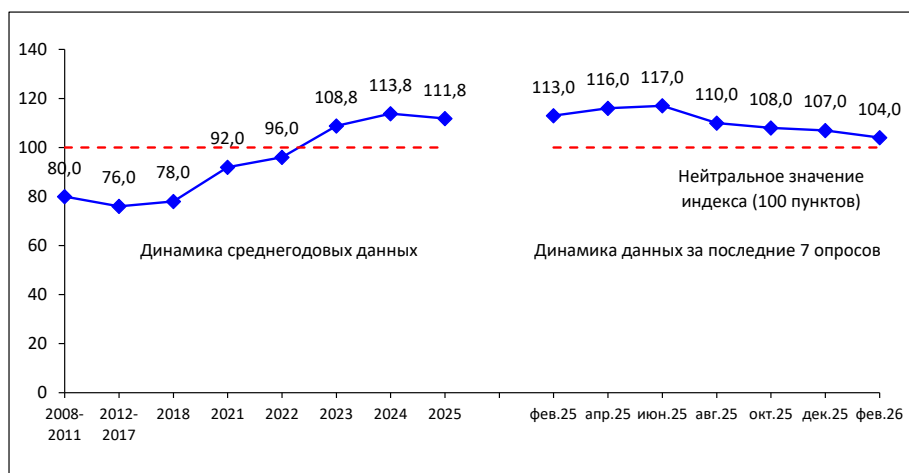
Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Значение индекса, в пунктах	-4	-4

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с декабря 2025 г. по февраль 2026 г.), индекс потребительских настроений снизился на 3 пункта, со 107 до 104 п.

В годовом выражении (февраль 2026 г. к февралю 2025 г.) ИПН сократился на 9 пунктов, со 113 до 104 п.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России⁵)

Вариант ответа	Изменение (+/-), фев. 2026 к	
	фев. 2025	дек. 2025
Значение индекса, в пунктах	-9	-3

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за февраль 2026 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

За период с февраля по апрель 2026 г. в большинстве социально-демографических групп населения существенных изменений в динамике доли позитивных оценок социального настроения не наблюдается, за исключением 20%-й группы наиболее обеспеченных, где доля позитивных оценок сократилась на 4 п. п.

За год (с апреля 2025 по апрель 2026 г.) доля позитивных оценок социального настроения снизилась в 5 из 14 социально-демографических групп. Наибольшее уменьшение наблюдается среди молодёжи до 30 лет (на 9 п. п.), 20% наименее обеспеченных (на 6 п. п.), а также лиц со средним и неполным средним образованием (на 5 п. п.). При этом в большинстве групп (9 из 14) доля положительных оценок осталась без изменений.

⁵ С марта 2025 года Левада-Центр* обновил данные по ИПН. ИПН в России рассчитывается с 1993 года на основе пяти вопросов, аналогично индексу, разработанному в 1940-х гг. Институтом социальных исследований при университете Мичигана. Индивидуальные индексы по каждому вопросу рассчитываются как разность долей положительных и отрицательных ответов плюс 100. Совокупный ИПН – среднее арифметическое индивидуальных индексов (диапазон 0–200, где >100 – преобладание позитивных оценок). В 2009 году была введена привязка ИПН к значениям марта 2008 года (база 100%), что было связано с изменением методологии опросов и экономическим кризисом. Однако это привело к тому, что индекс стал отражать изменения только относительно 2008 года. С марта 2025 года принято решение вернуться к оригинальной методике расчета ИПН, отказавшись от привязки к 2008 году, т. к. в 2023 году многие показатели превысили максимумы 2008 года, и старая версия индекса перестала адекватно отражать текущую ситуацию. Возврат к исходной методике призван решить эту проблему. Источник: Обновленный индекс потребительских настроений: показатели февраля 2025 года. URL: <https://www.levada.ru/2025/03/26/obnovlennyyj-indeks-potrebitelskihnastroenij-rokazateli-fevralya-2025-goda/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах
(вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»,
в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Апр. 2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	Апр. 2026	апр. 2025	фев. 2026
Пол																	
Мужской	65,9	69,1	72,8	65,7	66,8	65,5	66,5	70,7	68,8	71,6	72,1	68,2	73,3	69,1	71,9	+3	+3
Женский	61,7	65,8	69,8	67,4	67,9	65,7	70,9	72,3	73,1	72,2	73,5	73,1	73,1	70,1	68,7	-4	-1
Возраст																	
До 30 лет	71,3	72,3	79,9	73,5	77,6	75,0	76,6	76,8	76,7	76,7	78,1	75,2	74,3	69,5	67,6	-9	-2
30–55 лет	64,8	67,9	72,6	69,5	69,4	68,8	71,3	74,3	74,1	74,1	74,9	73,9	78,4	73,6	73,1	-1	-1
Старше 55 лет	54,8	62,1	65,2	60,5	61,1	58,2	63,3	66,5	65,8	67,6	68,6	65,9	66,6	64,9	67,5	+2	+3
Образование																	
Среднее и н/среднее	58,4	57,2	64,8	62,1	64,6	62,0	64,6	67,2	65,6	68,4	70,3	68,4	66,1	60,6	60,4	-5	0
Среднее специальное	64,6	66,7	72,1	66,7	68,3	66,1	70,3	73,6	74,8	74,1	73,6	71,4	75,6	71,6	74,7	0	+3
Высшее и н/высшее	68,6	77,0	76,7	71,5	69,5	68,8	72,3	73,9	73,4	73,0	74,7	73,1	77,6	74,7	74,0	+1	-1
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	51,6	51,5	57,2	54,6	57,0	50,1	53,5	55,2	56,9	56,1	58,3	53,3	50,7	48,2	51,3	-6	+3
60% средне-обеспеченных	62,9	68,7	72,1	67,3	68,1	67,4	70,7	73,2	72,6	74,4	73,1	73,1	75,2	72,2	72,7	0	+1
20% наиболее обеспеченных	74,9	81,1	82,4	79,9	78,3	73,9	77,6	83,6	81,3	84,1	83,8	84,8	89,4	87,7	83,4	+2	-4
Территории																	
Вологда	63,1	73,6	71,0	60,3	59,8	59,6	66,0	70,2	68,6	69,5	72,9	71,4	71,9	68,1	68,8	0	+1
Череповец	68,1	76,2	75,7	71,0	71,2	68,1	69,8	73,1	71,5	72,5	75,0	73,2	76,3	73,0	73,5	+2	+1
Районы	61,6	59,8	68,6	67,8	69,5	67,7	70,2	71,6	72,7	73,1	71,6	69,3	72,2	68,7	69,0	-4	0
Область	63,6	67,3	71,2	66,6	67,4	65,6	69,0	71,6	71,2	71,9	72,9	70,9	73,2	69,7	70,1	-1	0
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения															14: 0 / 9 / 5	14: 0 / 13 / 1	

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения проходила в феврале – апреле 2026 года. В целом за два месяца значимых изменений по большинству показателей не наблюдается. Однако при сопоставлении с данными годичной давности (апрель 2025 г. к апрелю 2026 г.) фиксируется накопление умеренно негативной динамики по ряду ключевых индикаторов социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона.

За год (с апреля 2025 по апрель 2026 г.) уровень одобрения деятельности Президента РФ снизился незначительно: с 64 до 61%. В то же время ухудшение оценок затронуло все ключевые направления его деятельности: укрепление международных позиций (снижение на 5 п. п.), наведение порядка в стране (на 4 п. п.), защиту демократии и свобод граждан (на 5 п. п.), а также решение экономических вопросов и укрепление благосостояния населения (на 3 п. п.).

Впрочем, следует подчеркнуть, что динамика отношения жителей Вологодской области к деятельности главы государства отражает тенденции, происходящие в целом по стране. Так, по данным ВЦИОМ, за год одобрение главы государства сократилось с 77 до 68%, по данным Левада-Центра* – с 87 до 80%. В этом смысле динамика общественного мнения в регионе выглядит относительно более благоприятной по сравнению с общероссийскими трендами.

Структура партийных симпатий жителей области за год также претерпела изменения. Уровень поддержки партии «Единая Россия» сократился с 41 до 36%. Одновременно на 4 п. п. (с 28 до 32%) выросла доля респондентов, заявляющих, что их интересы не выражает ни одна из партий.

В целом по области доля положительных и нейтральных оценок настроения («нормальное, прекрасное») за год практически не изменилась, составив 71–70%. Однако за усредненными цифрами скрывается разнонаправленная динамика в социально-демографических группах. Наибольшее снижение доли позитивных оценок зафиксировано среди молодежи до 30 лет (-9 п. п.), 20% наименее обеспеченных граждан (-6 п. п.), а также лиц со средним и неполным средним образованием (-5 п. п.).

Самооценки уровня жизни демонстрируют противоречивую динамику. Доля считающих себя людьми «среднего достатка» осталась на уровне 47%, тогда как доля относящих себя к «бедным и нищим» за год снизилась на 3 п. п. (с 40 до 37%). Однако наиболее тревожным сигналом выступает динамика индекса потребительских настроений (ИПН). За год измерений показатель сократился с 86 до 82 пунктов, а за последние два месяца (февраль – апрель 2026 г.) снижение составило 4 пункта. Эта тенденция подтверждается общероссийскими данными (Левада-Центр*: годовое снижение ИПН со 113 до 104 пунктов). Ухудшение потребительских ожиданий на фоне стабильных или слабо снижающихся оценок текущего социального самочувствия может указывать на формирование отложенного негативного фона в восприятии будущего – население всё более скептически оценивает перспективы роста благосостояния.

Таким образом, в апреле 2026 г. фиксируется переход от фазы стабильно высоких показателей (характерной для 2023–2024 гг. и первой половины 2025 г.) к фазе накопления негативных изменений. Это говорит о том, что при сохранении внешнего фона социальной стабильности (высокий запас терпения, преобладание позитивного и нейтрального настроения) в обществе растёт запрос на изменения в динамике уровня и качества жизни, что вполне естественно на фоне усталости и привыкания граждан к жизни в условиях СВО, о чем эксперты говорят с конца 2025 года⁶.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

* Внесен в реестр иностранных агентов.

⁶ См., например: Обухов С.П., Михальчук А.М., Богачев А.М., Стрелков Д.А., Хамадиева Т.В., Червонцев А.В. Итоги 2025 года от В.В. Путина. Экспресс-анализ послания российскому обществу и зарубежным оппонентам / Центр исследований политической культуры России. 19.12.2025 // Официальный сайт КППФ. URL: <https://kprf.ru/politindx/239901.html?ysclid=mlhmrkgaprk916136109>; Алфимов В. От зарплаты до победы: как за год изменилось российское общество (интервью с руководителем ВЦИОМ В. Федоровым) // Комсомольская правда. 02.01.2026. URL: <https://www.kp.ru/daily/27763.3/5191948/?ysclid=mkgituc55z530676123>

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректоры

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
О.В. Лебедева,
О.Я. Байрамов

Подписано в печать 28.04.2026.
Дата выхода в свет 30.04.2026.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,08. Тираж 500 экз. Заказ № 30.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru